

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Иркутский государственный университет»

Институт социальных наук

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Материалы
IV Международной
научно-практической конференции
Иркутск, 26 сентября 2022 г.

ISBN 978-5-9624-2070-7

УДК 316.342

ББК 67.55

Иркутский государственный университет
Исследовательская мастерская https://vk.com/diy_research

Под общей редакцией

канд. филос. наук, доц. *О. А. Полюшкевич*

DIY
research

Социальная реальность виртуального пространства : материалы IV Международной научной конференции. Иркутск, 26 сентября 2022 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полюшкевич. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2022. – 1 электронный оптический диск. – Заглавие с этикетки диска.

ISBN 978-5-9624-2070-7

Доклады посвящены социальной реальности виртуального общества. В сборнике включены работы зарубежных и отечественных ученых, интересующихся изменением социальной реальности под влиянием виртуальности. Предназначено для ученых и практиков в области общественных и гуманитарных наук, преподавателей, аспирантов и студентов и всех интересующихся вопросами внедрения виртуального пространства в повседневную жизнь.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Иркутский государственный университет»

664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; тел. +7(3952) 52-19-00
Издательство ИГУ, 664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124
тел. +7(3952) 52-18-53; e-mail: izdat@law.i.su.ru

Подписано к использованию 21.09.2022. Тираж 15 экз. Объем 10,3 Мб.

Тип компьютера, процессор, частота:	32-разрядный процессор, 1 ГГц или выше
Оперативная память (RAM):	256 МБ
Необходимо на винчестере:	320 МБ
Операционные системы:	ОС Microsoft® Windows® XP, 7, 8 или 8.1. ОС Mac OS X
Видеосистема:	Разрешение экрана 1024x768
Акустическая система:	Не требуется
Дополнительное оборудование:	Не требуется
Дополнительные программные средства:	Adobe Reader 6 или выше

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2022

Министерство науки
и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Институт социальных наук

СОЦИАЛЬНАЯ
РЕАЛЬНОСТЬ
ВИРТУАЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА

Материалы
IV Международной
научно-практической конференции
Иркутск, 26 сентября 2022 г.

ISBN 978-5-9624-2070-7

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Институт социальных наук

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Материалы
IV Международной
научно-практической конференции
Иркутск, 26 сентября 2022 г.

ISBN 978-5-9624-2070-7

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
СЕКЦИЯ «ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ»	
Абдулаева Э. С. Влияние виртуальной реальности на бытие и сознание человека	8
Ансов И. В., Штумпф С. П. Новые времена – новые средства: виртуальное пространство в процессе профессионального самоопределения	13
Бобков А. А. Модели критики власти в контексте типов политической культуры.....	19
Бобков А. И., Агеев А. В. Как виртуальный национализм создает подлинные нации.....	25
Бовыкин К. А. Техническая виртуальность как продолжение субъективной	32
Иванов Р. В. Виртуальная социализация молодежи: социально-философский анализ	36
Косиченко А. Г. Виртуальная реальность: возможности и вызовы для человека	41
Шмонин Г. Ю. Социальная реальность в условиях столкновения с парадигмой виртуализации.....	48
СЕКЦИЯ «ОБЩЕСТВЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ВИРТУАЛИЗАЦИИ»	
Баев П. А. Виртуальная религиозность современности	55
Белинская Е. П. Образ психолога и психологических услуг в виртуальном пространстве: представления молодежи	59
Ермоченко К. П. Феномен «цифровых прав» и «цифровой свободы» личности: нравственно-правовые аспекты	64
Заварзина Ю. В. Виртуальный имидж Иркутской области.....	69
Надточаева Н. В. Социологические исследования в виртуальном пространстве как способ конструирования социальной реальности.....	76
Попова В. В., Попов А. В. Трансформация деловых взаимодействий в современной интернет-среде	79
Пряжникова О. Н. Рост цифровизации в странах Африки: проблемы и перспективы.....	85
Сафонов С. А. Некоторые подходы к оценке цифровизации социальной сферы	91
Силिवеев И. М. Медийный образ антикризисного управления	95
Фальковская Т. Ю. Мы в BAN! где выход? (Гуманитарные практики, культурное проектирование как средства против хаоса).....	100

СЕКЦИЯ «ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ В ЦИФРОВОМ МИРЕ»

Завьялов А. В. Виртуальные экспертные коммуникации по вопросам миграции	104
Лавыгина М. А., Гуринович Л. А. Влияние деятельности благотворительных организаций в виртуальном пространстве на становление представлений о социальном благополучии жителей Иркутской области	108
Маркова Е. А. Виртуальное пространство как сфера реализации креативного потенциала сотрудников социальной организации	112
Поджидаева А. Ю. Гражданско-цифровое просвещение как одно из ведущих направлений реализации социальных и гражданских инициатив НКО в развитии гражданского общества.....	115
Попов М. Ю. Анализ интернет-площадок как новых пространств взаимодействия общества и власти	120
Трескин П. А. Виртуализация работы некоммерческих организаций: стратегические возможности и общественная оценка.....	126
Катрашова Ю. В. Искусственный интеллект в госуслугах: отношение граждан к цифровизации сферы услуг государственного сектора	132

СЕКЦИЯ «СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ В ЭПОХУ ВИРТУАЛЬНОСТИ»

Батянова Л. Н. Новые жизненные смыслы россиян под влиянием виртуальности.....	137
Быльева Д. С. Псевдоидентификация в виртуальной коммуникации	141
Грошева Л. И. Значение виртуального пространства в формировании социальной нормы в сознании молодежи	145
Зацепин А. Л. Виртуальное пространство как фактор развития социального самоопределения.....	150
Иванович Р. В. Виртуальность, патриотизм и конспирологические теории	153
Кузьмина Г. А. Современные угрозы психологической безопасности личности в глобальной сети Интернет.....	157
Попова М. В. Особенности виртуализации социальных коммуникаций жителей сел и городов	164
Скуденков В. А. Экономические и социальные притязания в условиях виртуализации образа жизни молодежи	168
Соловьева Л. Н. Проблема идентичности в условиях цифровой трансформации	174
Тасимова Н. В. Об организации работы по развитию самопонимания младшего подростка в виртуальном пространстве	177
Трофимова Е. Л., Терехова Т. А., Галченкова Д. П. Психологические характеристики гейминга у взрослых людей	183
Хазиев В. Б., Ляскович А. В. Характеристики морально-нравственных суждений подростков-геймеров как диагностический показатель их личностного развития	189

СЕКЦИЯ «КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В ЭПОХУ ВИРТУАЛЬНОСТИ»

Ардашев Р. Г. Кино как источник формирования иррационального сознания россиян.....	197
Жиндеева Е. А. Художественный текст как виртуальный аналог реальной действительности: специфика аналитической работы.....	202
Куличкова Ю. С. Морфология визуального языка у персонажей японской манги.....	206
Махаринская Е. В. Иконография виртуальных кладбищ в современных онлайн-пространствах.....	212
Полюшкевич А. В. Роль патриотического кинематографа в противодействии экстремизму и терроризму.....	220
Полюшкевич О. А. Социальное моделирование: поствиртуальность городского пространства.....	227
Рудакова Н. В. Портал «Культура38» как единый информационный региональный веб-ресурс сферы культуры Иркутской области.....	233

СЕКЦИЯ «ЭКОЛОГИЯ В ВИРТУАЛЬНОМ МИРЕ»

Васильев Н. Г., Терещенко А. Г. Цифровая экология как методологическая основа концепции устойчивого развития экономики.....	237
Гаврусева Д. В. Влияние СМИ и интернета на общественное мнение об обращении с безнадзорными животными.....	242
Гордеева М. Н. Экологические проблемы в России: реальные условия и виртуальное отражение.....	247
Карнышев А. Д. Информационные технологии и тенденции их влияния на психологическое здоровье и отношение человека к природе.....	256
Монок Оды Д. Ю. Медиаэкология в современном мире.....	263
Полуянова М. В. Ментальная безопасность: экологическая оценка городских и сельских поселений в виртуальном пространстве.....	267
Полянина А. К. Риски потребления медиапродукции в фоновом режиме.....	271
Шевчук В. А. Виртуальное отражение государственной экологической политики.....	278

СЕКЦИЯ «ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ»

Бухарова Е. А., Gladkova Т. В. Использование цифровых инструментов в сфере образования и в рамках организации форсайт-сессий.....	285
Gladkova Т. В., Гуринович Л. А., Копылова А. В., Решин Е. А., Ануфриев А. С. Социальное образование как фактор эффективности управления профориентацией студентов на пути их подготовки к сфере социального служения.....	288
Гуринович Н. С. Виртуализация процесса вовлечения в олимпиадное движение на примере Иркутской области.....	294

Деренко Н. В., Максимова В. М. Комбинация неформального и информального видов – рецепт успешности онлайн-обучения	299
Ермоченко К. П. Инновационная цифровая платформа S24 как пример современного сетевого взаимодействия субъектов социального института образования.....	304
Журавлева И. А. Виртуальные образовательные технологии в оценках преподавателей	307
Кузнецов М. И. Цифровые платформы в современном высшем образовании и науке.....	315
Малых С. В. Виртуальные перспективы образовательного потенциала россиян	319
Огородников В. И., Трихина Н. Н. Роль социальных образовательных сообществ в цифровой среде.....	323
Пружинин А. Н. Корпоративное обучение в условиях виртуализации	327
Пугачев М. А. Медиаобразовательный опыт Оренбургского региона	333
Репникова В. И., Голуб В. А., Гуринович Л. А. Семейное образование как вариативная форма обучения детей в аспекте влияния виртуального пространства на социальное научение молодежи	338
Чунихина Т. Н., Ходякова М. С. Новые подходы к содержанию и формам наставничества в образовательных учреждениях в условиях цифровизации образования	343
Шишкина А. Д., Чунихина Т. Н. Корпоративные ценности участников образовательных правоотношений в виртуальном пространстве.....	347
СЕКЦИЯ «ВОПРОСЫ ВИРТУАЛИЗАЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ И УПРАВЛЕНИИ»	
Карпенко О. А. Проблемы правового регулирования и охраны современных инновационных технологий на примере больших данных.....	353
Котляров И. Д. Накопление нематериального капитала: новая эра в развитии капитализма	363
Митяшин Г. Ю. Межличностные сетевые контакты как способ совместного потребления продуктов питания	367
Москвитина Н. В. Значение цифровизации в реализации функций управления персоналом.....	372
Пружинин А. Н. Применение информационных систем в организации корпоративного обучения	376
Симашенков П. Д., Рогалева А. А. Виртуализация креативной экономики.....	379
Удалых С. К. Виртуальное управление и регулирование в экономике и социальной сфере российского лесопромышленного комплекса.....	383
Хойна М. Н., Доможилкина Ж. В. Управление проектами в условиях современного VUCA-мира.....	392
Чебунин В. П. Экономическая безопасность в условиях информационного вакуума виртуального мира.....	396
Авторская справка	400

Предисловие

26 сентября 2022 г. состоялась IV Международная научно-практическая конференция «Социальная реальность виртуального пространства», в ходе которой были апробированы разнообразные трактовки изменения социальной реальности под влиянием виртуализации мира. Доклады разнообразны по методологии и методам, подходам и смыслам, контекстам и символам исследований и авторских позиций ученых. Это указывает на множество аспектов, которые еще только ждут своего рассмотрения и осмысления. Новые условия требуют от нас нестандартных решений в построении логики исследования мира в новых условиях. Это и подтвердили участники конференции своими работами.

В конференции приняли участие более ста человек с семидесятью докладами из России, Белоруссии, Канады, Казахстана, Монголии. Российские участники – представители разных городов нашей страны (Ангарск, Владивосток, Грозный, Иркутск, Краснодар, Красноярск, Москва, Нижний Новгород, Оренбург, Рязань, Санкт-Петербург, Симферополь, Самара, Саратов, Серпухов, Смоленск, Тюмень, Ульяновск, Шелехов, Ярославль и др.).

Научная представленность участников также обширна: 11 докторов и 30 кандидатов наук, 14 преподавателей и 11 магистрантов, 14 студентов и 3 аспиранта. Конференция является междисциплинарной, в ней представлены доклады социологов и философов, экономистов и политологов, филологов и юристов, педагогов и психологов, государственных и муниципальных служащих и социальных работников и мн. др.

В работе конференции было представлено восемь секций, которые касались теоретического осмысления виртуальной реальности, общественных трансформаций и различных форм гражданской активности в цифровом мире, социального самочувствия и новых культурных кодов в эпоху виртуальности, экологии и образовательных технологий в условиях цифровизации, а также вопросов виртуализации в экономическом развитии и управлении.

Всем участникам желаем дальнейшего научного поиска, креативных исследовательских идей и проектов, интересных фокусов и срезов научных подходов и нетривиальных интерпретаций полученных данных. До встречи на конференции в следующем году!

Оргкомитет конференции

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

УДК 316.7

Э. С. Абдулаева, Грозный

Влияние виртуальной реальности на бытие и сознание человека

Приведены результаты теоретического анализа виртуальной реальности как социокультурного феномена. Охарактеризовано влияние виртуальности на бытие и сознание человека. Выделены ключевые черты интернета как виртуальной среды. Выявлены специфические особенности виртуального сознания: гипертекстуальность, коллажность, полифонизм, распределенность и смысловой резонанс.

Ключевые слова: виртуальная реальность, виртуальное сознание, информационные технологии, Интернет, человек.

E. S. Abdulayeva, Grozny

The influence of virtual reality on human existence and consciousness

The article presents the results of the theoretical analysis of virtual reality as a socio-cultural phenomenon. The influence of virtuality on human existence and consciousness is characterized. The key features of the Internet as a virtual environment are highlighted. The specific features of virtual consciousness are revealed: hypertextuality, collage, polyphonism, distribution and semantic resonance.

Keywords: virtual reality, virtual consciousness, information technology, Internet, human.

Информационные технологии сегодня настолько глубоко проникли в бытие и сознание человека, что поменяли не только характер, но и саму сущность социальных процессов. И одним из маркеров данной трансформации является феномен виртуальной реальности (далее – ВР). ВР представляет собой альтернативную сферу бытия, отображение реального мира, созданное с помощью компьютера [13]. Человек и раньше мог попасть в виртуальность – во время просмотра кино, чтения книги или созерцания картины, однако при этом он оставался пассивным зрителем (читателем). Интернет же, как главная виртуальная среда современности, позволяет пользователям быть активными участниками действия (с точки зрения восприятия), открывая человеку доступ к бесконечному потоку информации и безграничным возможностям для самореализации.

Стремительное распространение информационных технологий, популяризация VR предопределили интерес к изучению данного феномена с позиции различных наук. В чем сущность виртуальности? Как она влияет на бытие человека? В каких процессах участвует и как проявляется? Осмысление данных вопросов и определяет актуальность рассмотрения VR в контексте настоящего исследования.

Концепт виртуальной реальности теоретически оформился в конце 1970-х гг. По мнению Фр. Хэмита, термин «виртуальная реальность» был придуман в Массачусетском технологическом институте для обозначения создаваемой компьютерами проекции реального мира [12]. Однако большинство авторов считают «отцом виртуальной реальности» американского ученого и программиста Дж. Ланье, предложившего в 1989 г. сразу 35 определений VR, чем окончательно закрепил данный термин в научной среде [15].

Концептуальные основы изучения феномена VR в постнеклассической философии разрабатывались В. В. Афанасьевым, Ж. Бодрийяром, Д. В. Ивановым, А. Крокером, Н. А. Носовым, Е. Е. Таратутой, П. Тиллихом, С. С. Хоружим и др. [5]. В контексте данной работы наибольший интерес представляет подход Д. В. Иванова, развившего идеи Ж. Бодрийера о симулякрах.

По Д. В. Иванову, виртуальная реальность как симуляция реальных вещей и поступков обладает следующими особенностями:

- *нематериальностью* (виртуальное создает эффект присутствия, характерный для бытия материального);
- *условностью* (виртуальная среда создана человеком, а ее параметры непостоянны и изменяемы)
- *эфемерностью* (человек может в любой момент покинуть и вернуться в VR, и тем самым прервать (продолжить) взаимодействие) [3].

И. И. Булычев отмечает еще один важный признак виртуальности – ее вторичность, опосредованность от физического мира: виртуальными становятся те сферы жизнедеятельности, которые изначально, конститутивно виртуальны – например, сфера социальных коммуникаций [2, с. 33]. Подвергаясь виртуализации, общение приобретает глобальный и интерактивный характер, в котором участвует неограниченное количество человек со всего мира.

В современном мире проблема самоопределения и самореализации занимают ведущее значение в жизни человека. На эти процессы также накладывает свой отпечаток виртуальность, в первую очередь Всемирная сеть. С одной стороны, интернет ослабляет механизмы рефлексии, ограничивая способность человека к критическому мышлению, тем самым стандартизируя модели поведения, мировоззрение, идентичность. Чем большей виртуализации подвергается сознание человека, тем больше его

духовность подменяется духовностью виртуальной, синтетической. С другой стороны, информация сегодня является ключевым фактором, обуславливающим развитие общества в целом и отдельного человека – в частности. Развитие информационных технологий способствует ускорению глобализации, объединению человечества в рамках единой социокультурной реальности, основанной на признании высшими ценностями человеческую жизнь, личностное саморазвитие и «космополитическую солидарность» (по Ю. Хабермасу) [11].

В целом влияние интернета на виртуализацию повседневности можно выразить следующим образом:

- интернет способствует формированию эгалитарных социальных отношений;
- доступ к интернету открыт для всех желающих, а информация не навязывается, а предлагается к свободному использованию;
- Всемирная сеть способствует объединению людей, созданию локальных сообществ, являющихся альтернативой традиционным социальным слоям (группам);
- интернет способствует виртуализации социальных отношений, возникновению новых видов взаимодействия [9, с. 88].

По мнению О. А. Полюшкевич, с дальнейшим погружением человечества в киберпространство большой проблемой станет определение границ допустимой свободы: безнаказанность действий в интернете приводит к формированию деструктивного поведения, связанного с отсутствием страха за совершение какого-либо действия в силу отсутствия наказания за это [7]. Однако гораздо большую угрозу таит в себе интернетомания, которая до сих пор не включена в МКБ как отдельный вид психического расстройства, при этом обладая рядом характерных признаков [9]. Принципиальная разница между интернет-пользователем и интернет-зависимым заключается в том, что для первого Всемирная сеть – средство налаживания социальных контактов, а для второго – средство ухода от реальности, аналогичное «бегству от свободы» Э. Фромма – т. е. игнорирование личных и общественных проблем, избегание ответственности и т. п. [10].

«Бегство от свободы реальности, – пишет Г. И. Тронина, – обусловлено безграничностью самой свободы в Сети. Личность, все больше погружаясь в киберпространство, незаметно для себя оказывается в «оковах виртуальности», ограничивающих ее реальную свободу и устанавливающей нулевую ответственность за что-либо...» [8]. С одной стороны, человек в Интернете обретает новые способности, будь то анонимность или разнообразие способов самовыражения и самопрезентации. Однако, с другой стороны, все эти качества условны и эфемерны и никоим образом не влияют на развитие реальной личности пользователя.

Создав виртуальную среду по образу и подобию реального социума, человек превратил ее в новую сферу социокультурной активности. В структуре человеческого сознания произошли изменения, связанные с необходимостью адаптации к условиям виртуальности. Так, одной из особенностей личности эпохи интернета является *«распределенное сознание»*: почти каждый пользователь Сети в ходе сеанса одновременно взаимодействует с несколькими информационными каналами, будь то различные социальные сети, мессенджеры или вкладки в браузере [4].

Интересно и то, что со временем мозг учится различать полезную и бесполезную информацию. Тем самым, формируется один из ключевых навыков современного пользователя – способность и готовность к самостоятельному поиску информации (решений). Данный тезис полностью противоречит убеждению, что компьютер и Сеть – такие же манипуляторы общественным сознанием, как телевизор и СМИ [14]. В некоторых случаях распределенность, по мнению В. И. Игнатьева, «может граничить с шизофренией», однако в целом умение работать в режиме многозадачности является не только полезным, но и необходимым для большинства современных профессий навыком [4].

Распределенность сознания обуславливает другую особенность виртуального сознания – *полифоничность*: общение в Сети воспринимается не как диалог, но как полилог – продукт взаимодействия всех пользователей. Всемирная Паутина построена на принципе гипертекстуальности, при котором каждый новый текст, помещенный в ВР является продолжением другого через систему гиперссылок или интертекстуальных ассоциаций [9]. Поэтому любой объект, помещенный в ВР, автоматически становится участником полилога, продуктом коллективного разума – происходит, по определению Р. Барта, «смерть автора» [1].

Данный алгоритм (принцип), по которому строится взаимодействие и коммуникация в ВР, получил название смыслового резонанса: находясь в ВР, итоговый результат или ответ зависит не от конкретного пользователя, а является продуктом восприятия одним пользователем всех смыслов и мнений, существующих в данной виртуальности [4].

Еще одним характерным признаком виртуального сознания является *коллажность*. Это понятие в определенном контексте является синонимом термина «клиповое мышление» и обозначает информацию в виде простейших форм – коллажей («клипов»), которые просты в восприятии и удобны для передачи [2]. Формирование коллажности восприятия стало следствием переизбытка информации в Сети. С одной стороны, подобный механизм позволяет упростить процесс познания, сделать его быстрым и приятным. С другой стороны, чем сильнее дробление, тем меньшую ценность как источник информации несет в себе клип, что, в конечном счете приводит к утрате целостности восприятия.

Коллажность, или клиповость стала образом жизни и атрибутом сознания еще до появления интернета, который лишь ускорил тенденции к «одномерности сознания» (по Г. Маркузе) [6]. Прагматизм и примитивизм XXI в. привели человека, с одной стороны, к необходимости выделять из общего информационного потока только самое главное, с другой стороны – к упрощению способов представления информации и вместе с тем к ее быстрому обесцениванию. Человек новой информационной эпохи – это *homo virtualis*, субъект ВР, в первую очередь интернета – новой социокультурной среды, познание которой осуществляется посредством виртуального сознания, являющегося продуктом медиаккультуры и интернет-коммуникаций. Ключевыми признаками виртуального сознания являются: гипертекстуальность (представление информации как системы перекрестных ссылок), коллажность (фрагментированное восприятие информации), полифонизм (отсутствие автора), распределенность (многозадачность).

Допустимо, что в обозримом будущем виртуальная реальность станет самостоятельным культурным явлением (киберкультурой), либо полностью поглотит человеческий разум, построив его мир по своим законам. Одно мы можем утверждать точно: виртуальность более индетерминирована, нежели объективная реальность, и главными ее свойствами будут оставаться непредсказуемость и неопределенность.

Литература

1. Барт Р. Смерть автора // Ролан Барт. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989. С. 232–235.
2. Бульчев И. И. Виртуальная реальность: от общенаучного образа к философскому // Носферные исследования. 2022. Вып. 1. С. 30–40.
3. Иванов Д. В. Виртуализация общества. СПб. : Петерб. востоковедение, 2000. 96 с.
4. Игнатьев В. И., Степанова А. Н. Виртуальность и виртуальная реальность: интерпретация понятий и онтологический смысл // Информационный резонанс в социальных структурах. Избранные труды. Новосибирск, 2018. С. 53–66.
5. Майкова В. П., Молчан Э. М. Предначала философии виртуальной реальности : монография. М. : Спутник+, 2020. 67 с.
6. Маркузе Г. Одномерный человек. М. : REFL-Book, 1994. 368 с.
7. Полошкевич О. А. Иррациональные основы формирования социальной идентичности под влиянием виртуальности // Социология. 2020. № 5. С. 163–176.
8. Тронина Г. И. Сущность виртуальности. От конструкта к онтологическому статусу : монография. ЛитРес: Самиздат, 2021. 334 с.
9. Ухина Т. В., Межевникова О. П. Процесс познания и трансформация сознания в эпоху интернета // Сервис Plus. 2022. № 16 (1). С. 84–92.
10. Фромм Э. Бегство от свободы. М. : АСТ, 2017. 288 с.
11. Хабермас Ю. Расколотый Запад. М. : Весь мир, 2008. 192 с.
12. Хэммит Ф. Виртуальная реальность // Исследования по философии современного понимания мира. 1995. Вып. 1. С. 71–97.
13. Шагалин О. Ю. VR-технологии // Материалы XII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум-2020». URL: <https://scienceforum.ru/2020/article/2018019729> (дата обращения: 28.08.2022).
14. Яковлева М. Г. Проблема виртуализации реальности в постмодернистской культуре // Манускрипт. 2021. Т. 14, вып. 6. С. 1185–1189.
15. Lanier J. You Are Not a Gadget: A Manifesto. New York : Alfred A. Knopf, 2010. 209 p.

УДК 316.4

И. В. Ансов, С. П. Штумпф, *Красноярск*

Новые времена – новые средства: виртуальное пространство в процессе профессионального самоопределения

Раскрываются вопросы профессионального самоопределения в виртуальном пространстве. На основе общемирового развития анализируются общие цифровые инструменты, помогающие самоопределяться.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, виртуальное пространство, технологии, техника, интернет, постиндустриальное общество, личность.

I. V. Ansov, S. P. Shtumpf, *Krasnoyarsk***New times – new means:****Virtual space in the process of professional self-determination**

The article reveals the issues of professional self-determination in the virtual space. Based on global development, general digital tools are analyzed to help self-determine.

Keywords: professional self-determination, virtual space, technology, technique, Internet, post-industrial society, personality.

Одним из важнейших событий в жизни едва ли не каждого человека является выбор профессии, «дела жизни». Этому выбору предшествуют несколько процессов, одним из которых является профессиональное самоопределение. Этот процесс и его результат затрагивают самые разные аспекты бытия личности, во многом формируют ее. Профессиональное самоопределение является многокомпонентным, сложным личностным феноменом, множественный контекст которого диктуется тесным сопряжением социального и личностного бытия. Суть этого явления, как правило, заключается в необходимом совершении выбора вектора своего профессионального и жизненного пути в подвижных социально-экономических условиях с учетом синергии личностных компонентов [4; 15]. В данной работе мы проанализируем сущность этого процесса и обозначим роль виртуального пространства в нем.

Прежде всего выделим самоопределение в целом как категорию, являющуюся базовой для профессионального самоопределения. Этот термин имеет множество аспектов, каждый из которых интерпретирует его по-своему. В самых разных науках ему уделяется довольно много внимания, а зарубежные и отечественные исследователи отмечают нетривиальность и широту проблемного поля этого процесса [2]. В целом его значение тесно связано с оценением внутренних и внешних критериев, их соотношением с личностными доминантами, что позволяет демонстрировать ту или иную поведенческую модель или реакцию. Иными словами, субъект самоопределения имеет внутреннюю обусловленность, через которую преломляются внешние и внутренние факторы воздействия, что,

как правило, выражается в реальном действии, активности, которое влияет на дальнейшее формирование внутреннего состояния и ход самоопределения в целом.

Поскольку определение профессии занимает важнейшее место в жизни личности, вопрос о профессиональном самоопределении занимал умы мыслителей на протяжении не одного столетия [14]. Можно сказать, что этот вопрос непосредственно коррелирует с пониманием и определением места и роли человека в мире, которому свойственен дуализм – в одних философских направлениях человек мыслится как пассивный носитель предписанной сверху судьбы, в других ему предписывают активность в этом вопросе.

В Древнем мире, а точнее в Древней Греции, выбор профессии был тесно связан с положением человека в социальной иерархии. Мнения философов сводились к тому, что занятое человеком место в структуре общества обусловлено врожденными, генетически заданными особенностями. Иными словами, в реализации своего потенциала на первом месте был биологический компонент. В этом выборе исключалась всякая свобода, поскольку в виду серьезно ограниченной социальной мобильности, человек не мог заниматься каким-либо другим трудом кроме того, который был ему предписан [3; 13].

В Новое время задачи профессионального самоопределения находятся под влиянием идей о индивидуальной и исторической конкретизации человеческого существования и понятия жизни. На первый план выступает вопрос самореализации. Мыслителей интересовали мотивы человека в его желании реализовать свой потенциал. В этом ключе невероятно интересны философские работы Г. В. Ф. Гегеля. Выдающийся философ считал, что труд, а следовательно, и такой его компонент как профессиональная деятельность, является важнейшим видом деятельности для человека, поскольку «человеческий пот и человеческий труд добывают для человека средства удовлетворения его потребностей» [5]. Наряду с этим человек должен следовать целям, которые диктует профессия и при этом получать удовольствие, что возможно при условии их совпадения или пролегания в близкой плоскости от личностных целей. Идея о самореализации также получила свое продолжение в работах Л. Фейербаха. Вопрос о назначении человека красной линией проходит через отдельные его работы [20]. Философ считал необходимым с умом использовать данный «жизненный» капитал и расходовать его для достижения самостоятельно поставленных задач и целей.

Также подробно рассматривал проблему развития личности в контексте труда Л. Н. Коган. Он отмечал, что труд, а также профессиональная деятельность, непосредственно связан с процессом самореализации. Согласно Когану [9, с. 112], самореализация личности заключается не

только в самопознании и самооценке. Для этого процесса также важна и практическая деятельность, поскольку именно в ней человек проявляет свои способности, дарования, потребности. Наиболее полно идею самореализации личности осветил американский психолог А. Маслоу. Он отмечал, что человеку следует «быть тем, кем он есть» [17, с. 494] и быть верным своей природе.

Таким образом, процесс профессионального самоопределения во многом является производным от присущих личности внутренних психологических качеств. Он тесно связан с поиском смысла в профессиональной деятельности, которую субъект планирует осваивать, осваивает, выбирает или уже выбрал. Несмотря на то что вопрос профессионального самоопределения возникает на различных этапах жизни, в своей основе научный интерес был сосредоточен на юности, на начальных этапах становления специалиста. Исследования, ориентированные на профессиональное развитие личности в зрелом возрасте, активизировались лишь в последние двадцать лет [6]. В свою очередь, этот процесс охватывает весь жизненный и трудовой путь человека, в котором проявляются его адаптивные свойства к происходящим как внутренним, так и внешним изменениям. В каждом возрасте этот процесс имеет свои особенности и отличительные черты, связанные с качественным изменением личности: образование новых психологических структур, смена жизненных целей, фактор переосмысления, кризисные явления и др.

Помимо внутренних факторов воздействия в процессе профессиональной самоидентификации, внешние представляются не менее влиятельными. Социальные, экономические, политические, культурные трансформации социума на сегодняшний день носят радикальный характер. Они оказывают широкий спектр влияния на субъект рынка труда, затрагивая качество его жизни, финансовое благосостояние, стабильность и безопасность, что в конечном итоге отражается на движении процесса профессионального самоопределения, его конъюнктуре. Экономика в постиндустриальном обществе является инновационной, быстроразвивающейся отраслью, в которой главное место отводится высокопроизводительным, наукоемким технологиям, социальному и человеческому капиталу, ключевыми позициями в котором выступают профессиональная мотивация, квалификация и знания работников [16].

Среди всех источников влияния, обуславливающих современный подход к самоидентификации себя в профессиональном поле, занимают одно из главенствующих мест IT-технологии. Они невосвратно изменили и продолжают менять уровень функционирования социально-экономических процессов, сделав их сложно прогнозируемыми и управляемыми. Информационные технологии прочно вошли в жизнь людей, происходит

общемировой переход к постиндустриальному, информационному обществу, который в разных точках мира происходит с разной скоростью и это движение имеет соревновательный характер [7]. Процесс перехода к новому типу общества на данный момент еще не окончен, человечество только вступает в новую эру.

Следствием такого серьезного проникновения технологий в жизнь общества является появление особой формы социального бытия – виртуального пространства. Значение этого термина является сложным и не до конца решенным вопросом ввиду его объективной новизны [21]. Под виртуальным пространством мы будем понимать событийно-предметное пространство сети Интернет, в котором визуализируются массивы информации посредством программного кода и алгоритмов [8].

Виртуальное пространство, также как и профессиональное самоопределение, является сложным, комплексным феноменом. Его исследование проходит в междисциплинарной плоскости, на стыке таких наук как информатика, физика, психология, философия. Говоря об этом феномене, актуальным представляется раскрытие сути его первоисточника – технологий. Далее мы раскроем сущность техники через призму такого направления как философия техники.

Эта отрасль философской науки получила серьезное развитие во второй половине XIX в. Одними из основоположников этой дисциплины были Э. Капп, Ф. Бон, П. Энгельмейер. Идеи классиков новой предметной области базировались на осмыслении техники как средства, способного ослабить воздействие природной среды на человека, а ее основу видели в органопроекции – создании по живому, органическому образцу [1; 23]. По мнению философов того времени, в техническом творчестве антропный фактор играет ведущую роль и через создание искусственных объектов (технических устройств) человек познает себя, интуитивно воспроизводя свои органы [10]. Первые технические «артефакты» – нож, молоток, топор и др. были призваны усилить человеческие конечности, дополнить несовершенный организм. Фридрих Дессауэр утверждал, что техника является угодным Богу помощником в процессе творческого совершенствования данного нам мира [18].

С последующим развитием технологий и созданием все менее антропоморфной и сложной техники (танков, самолетов, компьютеров и др.) появляется вопрос о духовном, мировоззренческом аспектах технического мира. Более плотно начинает рассматриваться проблема встраивания техники в бытие человека и его влияния на него. Немецкий философ Мартин Хайдеггер [19] одним из первых поднял вопрос о том, как техника меняет культуру человека. Он рассматривает технику как «вид раскрытия потаенности» [19, с. 225], осуществления истины и один из важнейших способов распознавания глубинных свойств бытия. Сущность

техники философ обозначает понятием «Gestell» («Постав»), что означает «способ раскрытия потаенности, который правит существом техники, не являясь ничем техническим» [19, с. 229]. Кроме того, философ возвращается к греческому слову «технэ», которое означает не просто мастерство, а способ создания искусственных объектов, объектов человеческой культуры, которые по своей сути не свойственны природе.

Анализируя труды других философов XX в., можно отметить несколько пессимистичные выводы и прогнозы о сущности техники, о ее влияние на общество. Жак Эллюль утверждал [22], что техника имеет амбивалентный характер. Она может стать как фактором порабощения (замещение индивидуальной свободы и духовных ценностей приносимыми наукой и техникой материальными благами), так и освобождения человека (расцвет культуры и творчества, всестороннее развитие способностей и знаний при помощи автоматизации и цифровизации). Крайне негативная программа представлена в работах Льюиса Мамфорда [11]. Философ отмечает, что наша цивилизация на данный момент является «мегамашиной», полностью пронизанной зависимостью от техники, что техника создает человека по своему образу и подобию. В системе Мамфорда человек становится легко заменяемым элементом, стандартизированным компонентом механизма.

Все вышеописанные свойства техники наследует и виртуальное пространство, являясь производным от информационно-коммуникационных технологий. Абстрагируясь от алармистских настроений в его отношении, от глубокой философской проблематики понятий времени и места в киберпространстве, поскольку это выходит за рамки данной работы, в качестве вывода обозначим те его особенности и позиции, которые оказывают или могут оказать влияние на самоидентификацию человека в профессиональном поле.

1. Развитие компьютерных технологий открыло новые горизонты перед человечеством. Сеть Интернет в целом является свободным пространством, в котором курсируют самые разнообразные идеи и информация. Этому пространству свойственна и высокая самоорганизация. Об этом пишет С. И. Орехов, применяя к интернету идею русских мыслителей о «принципе соборности»: «Internet-соборность – это форма единения свободных личностей в виртуальной реальности, в киберпространстве» [12, с. 168].

2. Благодаря этому серьезно расширяется спектр возможностей в самостоятельном поиске и получении материала для обеспечения процесса самоидентификации, личностного и профессионального развития и определения. Это особенно актуально в постиндустриальном обществе, когда имеет место быть непрерывность, мобильность в таких процессах как образование, выбор и смена профессии.

3. В современном мире выбор профессии перед началом обучения в вузе уже не мыслится конечным, как было в индустриальном обществе. Такие явления как переобучение, смена места работы или сферы деятельности возникают все чаще. Широкое проникновение онлайн-среды в образование также благотворно влияет на эти процессы. Облегчается доступ как к культурному наследию, так и к интеллектуальным ресурсам ведущих образовательных центров страны и мира.

Русский философ Николай Александрович Бердяев отмечал неудержимый характер технического прогресса, признавал его неумолимое развитие, которое серьезно изменяет бытие человека. Интернет, по нашему мнению, является той категорией, которая в силах помочь личности адаптироваться к постоянно меняющимся условиям постиндустриального общества.

Литература

1. Kapp E. Elements of a Philosophy of Technology. 3rd ed. Univ of Minnesota Press, 2018. 336 p.
2. Антонова Н. В., Белоусова В. В. Самоопределение как механизм развития идентичности // Педагогика и психология образования. 2011. № 2. С. 79–92.
3. Аристотель. Политика. Сочинения. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 376–644.
4. Байгажанова Г. К. Факторы, влияющие на профессиональное самоопределение в юношеском возрасте // Наука и образование сегодня. 2019. С. 114–116.
5. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Соцэкгиз, 1934. 380 с.
6. Горбунова Г. А. Анализ причин смены профессионального профиля взрослыми людьми // Сибирский психологический журнал. 2009. № 13. С. 46–50.
7. Емельяненко В. Д., Яненко Е. М. Человек и Интернет: диалектика знаний и информации // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2021. № 2. С. 4–21.
8. Кирик Т. А. Виртуальная реальность и ее онтологические прототипы: монография. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2007. 134 с.
9. Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. М.: Мысль, 1984. Ч. 1. 256 с.
10. Малькова Т. П. Философия техники: проблемы и перспективы развития дисциплины // Гуманитарный вестник. 2017. № 2. С. 1–12.
11. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / пер. с англ.: Т. Азаркович, Б. Скуратов. М.: Логос, 2001. 408 с.
12. Орехов С. И. Поиск виртуальной реальности: монография. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. 183 с.
13. Платон. Государство: соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1971.
14. Пономаренко И. В. Профессиональное самоопределение личности: исторический обзор // Вестник ТГПИ. 2014. № 4. С. 268–272.
15. Пьянкова Л. А. Междисциплинарный анализ научной категории профессиональное определение // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2022. Т. 7, № 1. С. 75–88.
16. Сергеев И. С., Родичев Н. Ф., Сикорская-Дежанова М. А. Профессиональное самоопределение и его сопровождение в постиндустриальном мире: попытка прогноза // Профессиональное образование и рынок труда. 2018. № 4. С. 39–50.
17. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1984. 1632 с.
18. Филатов Т. В. Фридрих Дессауэр и неомистская интерпертация философии техники // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. 2019. № 1. С. 108–119.
19. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.

20. Шаповалов В. Ф. Основы философии. От классики к современности. М. : ФАИР-ПРЕСС, 1999. 576 с.
21. Щеров В. И. Виртуальное пространство и понятие «места» в современной философии // Манускрипт. 2020. № 1. С. 104–107.
22. Эллюль Ж. Другая революция / пер. В. В. Бибихина // Новая технократическая волна на Западе. М. : Прогресс, 1986. С. 147–152.
23. Энгельмейер П. К. Философия техники. Вып. 1–4. М. : Тип. К. А. Казначеева, 1912. 370 с.

УДК 304.9

А. А. Бобков, *Иркутск*

Модели критики власти в контексте типов политической культуры

В статье доказывается, что повседневная критика власти, навязываемая в виртуальной реальности, полагает ориентацию последней на высокую степень гражданской политической культуры у субъекта критики. Показывается, что универсализм активистской политической культуры, тотально представленной в западных обществах, предусматривает наличие самой продуктивной модели критики власти. Автор приходит к выводу, что эта модель виртуализирована. Также рассматриваются два других типа политической культуры подданническая и приходская (патриархальная), выделенные Г. Алмондом и С. Вербой, имеют свое видение критики власти и могут быть рассмотрены как основание иных ее моделей. Делается вывод, что значение этих моделей необходимо ставить на один уровень с активистской моделью, иначе понять сущность критики власти как полисубъектного, константного социального явления невозможно.

Ключевые слова: политическая культура, власть, подданническая критика власти, активистская критика власти, приходская критика власти, субъект власти, объект власти.

А. А. Bobkov, *Irkutsk*

Models of Criticism of Power in the Context of Types of Political Culture

The article proves that the everyday criticism of power, imposed in virtual reality, suggests that the latter is oriented towards a high degree of civic political culture in the subject of criticism. It is shown that the universalism of the activist political culture, totally represented in Western societies, provides for the most productive model of criticism of the authorities. The author comes to the conclusion that this model is virtualized. The paper also considers two other types of political culture – tributary and parish (patriarchal), identified by G. Almond and S. Verba, which have their own vision of criticism of power and can be considered as the basis of its other models. It is concluded that the significance of these models must be put on the same level with the activist model, otherwise it is impossible to understand the essence of criticism of power as a polysubjective, constant social phenomenon.

Keywords: political culture, power, subject criticism of power, activist criticism of power, parish criticism of power, subject of power, object of power

«Критика власти» – концепт, дословное значение коего на русский язык переводится как «искусство судить о власти». Следовательно, суждения бывают обыденные, философские и научные. Различия в них происходят от того, какой из точек зрения субъект, производящий суждения придерживается. Поэтому необходимо методологически обозначить критики власти, ведущие к участию во власти, или наоборот ведущие прочь от нее.

Начнем с обыденной критики власти. Методологически обыденная критика власти есть встреча, испытавшего некий дискомфорт от неправильного управленческого решения со стороны субъекта власти, с агентом социализации объясняющим смысл этого действия и его источники. Конструкт такой критики во многом зависит от традиций политической культуры данного сообщества. Если мы возьмем за точку отсчета типологию политических культур Г. Алмонда и С. Вербы, то с одной стороны мы увидим обыденное представление о власти агентов социализации, а с другой их критические конструкты.

Г. Алмонд и С. Верба выделили патриархальную (приходскую), подданническую и активистскую политические культуры. Можно ли данные типы культур применить к критике власти. Алмонд и Верба полагают, что их генезис шел как раз от критического рассмотрения власти. Иными словами политическая культура имманентно содержит модель критики власти. Если мы уберем концепт «политическая культура» или «политическая субкультура», и заменим их на «обыденные конструкты критики власти», то мы как раз получим то, что современные обыденные критики власти во многом развернуты именно в полях данных конструктов.

Итак, мы имеем приходской конструкт критики власти, подданнический тип критики власти и активистский тип критики власти. Эти типы предполагают интересное действие объекта власти по отношению к субъекту.

Первый агент социализации в своей критике власти стремится к ускользанию из поля власти. Он полагает, что суждение о власти лишь тогда мастерское, когда причастности к управлению не происходит в силу того, что объект не участвует ни в разработке управленческих решений, ни в их выполнении. Отдаленность объекта от субъекта дает возможность откладывания исполнений воли субъекта с одной стороны, а с другой стороны упование на то, что действие субъекта предполагает следование объекта традиционным императивам в его оценке. Здесь власть не критикуется, она чужда вообще и причастным к управлению, в мире власти объект быть не может вообще. Он не хочет быть причастным к изгоям, от коих исходят управленческие решения. Здесь может быть критика только исходящая от отцов или святых. Иной критики власти быть не может. Пушкинский юридивый в «Борисе Годунове» или святой Сергей Радонежский выступают как образцы ускользания от светской власти при помощи духовной власти. Именно в духовной власти происходит совпадение «власти как она есть» с «властью как она должна быть». Этот идеал всегда оскорблен действительностью и поэтому его ключевая роль в порождении критики власти на уровне обыденного сознания очевидна.

В контексте обыденного уровня критики власти нам необходимо прибегнуть к трехмерному анализу каждого типа критики власти на основании культуры власти. Трех мерный анализ культуры власти, как основы ее критики включает в себя:

1) когнитивную ориентацию, т. е. знания и убеждения относительно системы власти, ее ролей и тех лиц, на которых возложено исполнение этих ролей, а также о том, что у нее на «входе» и что на «выходе»;

2) эмоциональную ориентацию, иными словами чувства и ощущения по отношению к системе власти, ее ролям, персоналу и качеству функционирования;

3) оценочную ориентацию – суждения и мнения о субъектах власти, которые в типичных случаях представляют собой сочетание ценностных стандартов и критериев с информацией и чувствами.

Обыденная «патриархальная» критика власти в ее когнитивном измерении состоит из знаний и убеждений о власти мифологического или опытного характера. Она оторвана от конкретной социальной ситуации. Более того отдаленность от власти здесь сказывается на том, что субъект власти не рассматривается в качестве системы, объекты на входе в систему власти не рассматриваются также, объекты на выходе из властной системы, кроме того утверждается категорически непричастность конкретного Я к властным и управленческим отношениям. Носитель данного типа критики власти не интернализирует никакие нормы, которые бы регулировали его отношения с системой власти. В ней норм отношения между властью и обществом не прописано вообще, ибо власть находится вне центра мира. Механизмы социального признания у него от властных отношений независимы в силу отдаленности от политической власти. Экономическая власть также для него неведома, ибо он за натуральный обмен. Система власти закрыта в силу того, что к ней приближаться, а тем более входить в нее нельзя, соответственно вышедший из нее субъект или решение оцениваются негативно или неопределенно.

Таким образом, сущностная характеристика повседневной или патриархальной критики власти либо неопределенна, либо негативна. Стремление к независимости от властных решений ярко выражено. Носители власти вызывают в целом либо негативные, либо нейтральные эмоции. Положительных оценок и суждений нет. Власть как ценность не рассматривается. Чаще всего опыт предков задействуется, как носитель социальной истины по отношению к власти. Отсюда следует, что мастеров оценочных суждений о власти, а значит, затоком правильных управленческих решений был предок или предки.

Если рассмотреть вторую позицию обыденной критики власти, то второй моделью выступит модель подданнической критики власти. Данная модель означает то, что в ней уже присутствуют иные суждения о власти и о причастности к управленческим решениям. Здесь уже причастность к суждению о системе власти в целом на лицо. При этом оно уже не нейтральное, а положительное. Более того причастность к управленческим решениям властной системы ярко выражена. Носители ролей, принимающих управленческие решения, воспринимаются положительно, оппозиционные привратники властной системы не признаются таковыми

вообще, т. е. их критика остается без внимания, а вот убеждение в том, что субъекты власти правы, наиболее распространено. Кроме этого каждый субъект данной модели подданической критики власти полагает себя лично причастным к управленческим решениям в качестве их ревностного исполнителя. Механизмы социального признания здесь вертятся в пользу тех, кто исполняет управленческие решения без обсуждения и с рвением. Хотя не исключена и неприязнь к власти, если заслуги в исполнении ее решений не признаны.

Как отмечают Г. Алмонд и С. Верба «В такой системе подданный осознает наличие специализированной правящей (в том числе правительственной) власти; он эмоционально ориентирован на нее и при этом, возможно, гордится ею или, быть может, относится к ней неприязненно; и он оценивает ее либо как легитимную, либо как нелегитимную» [1, с. 35].

Если говорить об императивах критики власти подданической модели, то здесь упование идет на то, что субъект власти более компетентен, чем я или равный мне по статусу объект власти. Я должен исполнять его действия умеренно, в срок и аккуратно, авось когда-нибудь я стану сам неким субъектом власти. Я не конфликтую с властью, а все оппозиционные институты и настроения я игнорирую и стараюсь держаться от них подальше. Я не воспринимаю их агентов как способных к продуктивной критике власти, тем более как субъектов власти. Здесь больше уместна критика оппозиционной критики власти. К ней прибегают сообщества либо стоящие у власти и поэтому являющиеся субъектами власти, либо объекты власти, полагающие свой переход в сообщество субъектов власти реально осуществимым. Это лидеры формальных пассивных групп влияющих пассивно на процесс принятия решений. Они хорошо адаптированы и управляемы, но перевести ресурсы малозначимые в ресурсы власти не могут. Они хотят войти в систему власти лишь через ее поддержку. Они остаются в поле власти и приспособляются к структуре властных отношений, не различая отношения власти и господства, а если и различая, то ценят господскую волю выше ее управленческих способностей. «Упал он больно, встал здорово» (А. С. Грибоедов).

В повседневной критике власти такая форма критики играет не менее значимую роль, чем патриархальная. Она приемлема для тех, кто не хочет быть объективированным и обезличенным для власти в «общем Мы», непричастным к власти светской вообще. Их идеал власть реальная. Для них «власть как она есть» тождественна «власти как она должна быть». Неучастие в принятии управленческих решений и в построении структуры властной системы для ее носителей, скорее временная трудность, чем принципиальная позиция. Попадая во властные структуры и процессы принятия управленческих решений, они ведут себя по принципу: «Начальник всегда прав. Если начальник не прав смотри пункт первый». При этом они вступают в конфликт, как с патриархальной моделью критики власти, так и с активистской моделью критики власти. С первой они

конфликтуют в силу ее морального осуждения их приспособленчества и услужения власти, ибо не ускользают от нее. Со второй же в силу того, что активисты мешают сохранению привычных процедур поведения во власти и при принятии управленческих решений. Они мешают подданнической адаптации в силу склонности к смене правил игры. Эти субъекты политики не стремятся войти во власть за счет социальных движений, они стремятся попасть в нее не с входа, а с выхода через поддержку управленческих решений.

В политической идеологии, как правило, носители подданнической критики власти выступают также за отмену коммуникации между субъектом власти и объектом, полагая, последнего некомпетентным для такого диалога. Их идеология в основном консервативна, только возвышается в ней не общество, как народ для носителей патриархальной критики власти и не гражданское общество как гражданская нация для носителей активистской модели критики власти, а сама власть, как единственный субъект общества.

Наиболее широко распространенной моделью критики власти на уровне повседневности, безусловно, является активистская модель критики власти. Если первые две критики не имеют столь актуального значения сегодня, то рассматриваемая активистская критика власти актуальна и в контексте ее необходимости власти, и в контексте ее преодоления. Здесь уже черты суждений о власти более конкретны и участие в управлении очевидна.

Начнем с того, что рассмотрим характеристики данной модели критики. Итак, активистская модель критики власти отслеживает систему власти в целом. Для нее несовпадение систем власти «должной» и «сущей» может быть не в том, что она совершенна как сущее изначально, как для подданнической модели, и не в том, что сущее власти категорически не совпадает ее должным в силу бездуховности последней. Это несовпадение заключается в том, что конструкты социальной реальности многообразны и плюралистичны. Поэтому система власти совершенная для одной конструкции социальной реальности совершенно неприемлема для другой конструкции социальной реальности. Она уже более настаивает на полисубъектной системе власти, поли институциональной и поли нормативной. Для них социальность субъектна и полисубъектна. Власть это меж субъектное взаимодействие и она концентрируется во многих социальных сферах. Активистская модель критики власти полагает отсутствие некой кумулятивной модели власти. Активистская модель критики власти полагает элитизм власти не моно субъектным. Элит на самом деле много, а их восприятие в качестве элиты ситуативно. Скажем, интеллектуальная элита играет ключевую роль в ситуациях неопределенного выбора развития самоорганизующейся системы власти. Задача такой критики есть выработка порядка из хаоса, как синергического соединения тех

сфер социальной системы, которые вообще не рассматриваются в качестве способных к интеграции. Понимая, что научиться эффективному использованию власти можно, лишь войдя в ее систему, и при этом добиться участия в выработке управленческих решений. Поэтому системность власти в активистской критике власти не есть некое превосходящее сообщество и индивида мертвое объективное явление. Она рассматривается либо как неуязвимая система разрушение коей должно происходить изнутри и его необходимо предотвратить, либо как система искусственно закрытая и ее необходимо открыть для ответа на вызовы со стороны социальной системы в целом. Организация системы власти в данной критике производится, либо насильственно, либо за счет учета закономерностей самоорганизации и самоуправления системой. Патология системы власти может быть преодолена либо терапевтически, либо хирургически.

Активистская система власти выстраивается в любом социальном взаимодействии, а значит, обрыва коммуникации между властью и обществом вообще быть не может, кроме искусственного запрета. Для активистов гражданское общество скажем, не может быть создано не властью и вне власти, оно есть часть власти, необходимая часть власти.

Ориентация на властные объекты (субъекты) в данной критике представлена как максимально. Она ни одного властного объекта критики или проявления субъекта власти не оставляет без внимания. Можно сказать о том, что это критика власти во всей ее полноте, но не без недостатков.

Субъект, производящий критику власти в рамках активистской модели не может допустить того, чтобы борьба за власть как право входа во властную систему не может быть игнорируема в контексте ее критики. Войти в систему власти без критики субъектов власти невозможно. В связи с этим необходимо заметить то, что есть продуктивная критика субъектов политики и деструктивная критика этих субъектов. Поэтому следует различать эти два вида критики. Но игнорировать критику как тактику борьбы за вход в систему власти активистская модель не рассматривает.

Анализ управленческих решений активистской критикой осуществляется не с позиции недоверия или с позиции саботажа, а с позиции степени влияния на управленческие решения с позиции той социальной субъектности власти, с которой он себя идентифицирует. Кроме того носитель активистской критики власти смотрит на участие в управленческих процессах не с позиции вознаграждения как подданнический субъект или с позиции осуждения как патриархальный носитель критики власти. Он смотрит на власть с позиции самоактуализации самости во власти.

Литература

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М. : Мысль, 2014. 500 с.

УДК 172.15

А. И. Бобков, А. В. Агеев, *Иркутск*

Как виртуальный национализм создает подлинные нации

Показывается, что сегодняшнее возрождение расового национализма в Европе наряду с этноархаическим квазиэтноцентризмом на Украине кажется выражением его сущности. Доказывается, что национализм как путь в современность имеет иную конструктивную сущность – единственной идеологией, спасающей массу от самой себя. Обсуждается, что «конец социального» в виртуальном пространстве еще не означает его конца в рамках социального бытия; в националистическом дискурсе неудобство с идентичностью возрождает мышление, а не ретранслирует информации. Утверждается, что масса, десубъективирующая социальное, на самом деле объективирует то, что биолгизирует общество, варваризируя его. Делается вывод о том, что этой варваризации противостоит высокая консолидирующая культура мышления, отстаиваемая подлинным национализмом.

Ключевые слова: национализм, масса, нация, высокая культура, конец социального, интеллектуалы, власть, этноархаика.

А. I. Bobkov, A. V. Ageev, *Irkutsk*

How Virtual Nationalism Creates Genuine Nations

The article shows that today's revival of racial nationalism in Europe, along with ethnoarchaic quasi-ethnocentrism in Ukraine, seems to be an expression of its essence. The authors prove that nationalism as a path to modernity has a different constructive essence – the only ideology that saves the masses from itself. The paper shows that the «end of the social» in the virtual space does not yet mean its end within the framework of social life. It is shown that in the nationalist discourse, the inconvenience with identity revives thinking, rather than relaying information. It is proved that the mass, which desubjectifies the social, actually objectifies what bioligises society, barbarizing it. It is concluded that this barbarization is opposed by a high consolidating culture of thinking, defended by genuine nationalism.

Keywords: nationalism, mass, nation, high culture, the end of the social, intellectuals, power, ethnoarchaics.

Национализм технологичен. Согласно теореме Э. Гелнера «Не нации создают национализм, а национализм создает нации». Значит, кто-то создает национализм, как технологию сконструированной социальной реальности. Слово технология это искусственное подражание природе основанное на рациональном насилии над ней. В связи с этим насилие над социальным есть политика, и значит, технология этого насилия есть идеология. Идеология также есть процесс возвышения объекта через десубъективацию социального. Десубъективация социального это возможность познающей индивидуальности не интегрироваться в любое сообщество. Это наблюдение за обществом со стороны из космоса или через микроскоп. И проведение границ. Границ сохраняющих подчиненное положение объекта постигающему субъекту, свободному от идентичности.

Здесь самобытность одна. Она только у создающей нацию индивидуальности. У нее особое мировоззрение. Она видит массу, возвышение которой направляет на подавление этнической субъектности. Почему бы не обозначить национализм, как подавление не массы массой. Однако для этого необходимо, чтобы массы восстали. Восстать же они могут тогда,

когда сакральное пространство обозначающее наличие этноса субъекта сокращено до минимума. Он просто превращен в субстанцию, не поглощающую познающий разум и позволяющую конструировать из себя то, что тот полагает необходимым. Его же сопротивление уничтожается путем обозначения его присутствия даже там, где до этого он отсутствовал. Главное остановить процесс самопознания в этносе. Главное объективировать этническое «мы» до предела, т. е. изъять практики его сотворения субъектом в рамках его саморефлексии. Прошлое не должно повторяться. Оно должно быть преодолено. Как? Путем отмены практик восстановления самодостаточной этнокультурной самобытности или этноцентра. Для этого другой, до этого являвшийся объектом, не выделяемым из природы и подвергающийся только наблюдению и отрицанию способности к мышлению, становится субъектом, превзошедшим меня и угрожающим мне объективацией. Мне должны быть продемонстрированы ситуации, где практики социотворения или практики построения этнического космоса уже не действуют. Мышления изобретателя в этноцентре больше нет. Но есть национализм способный преодолеть эту ситуацию. Он ставит на место этноцентризма универсализм и выделяет в нем часть, где наше национальное мы может постигнуть смысл бытия, как самобытия и этого не может сделать никто другой. Другой нужен временно, как демонстрирующий способность выдать свой партикуляризм за универсализм. Так и происходит. Этноцентричный универсализм нужно забыть. Демонтировать, чтобы потом смонтировать в рамках иной картины мира. Нация как субъект выходит из отрицания этнической субъектности, но не с целью ее подавления, а с целью преобразования в рамках иной картины мира.

Что же это за картина? Что в ней такого, чего нет в этнической картине мира? Во – первых в ней уже нет желания интегрироваться с этносом. Во – вторых мудрость уже не народная и святая, а интеллектуальная и мирская. Мир сакрального обитания этноса в этнической картине мира преобразуется вместе с «мы».

В национальной картине мира границы мира приобретают границы политического суверенитета расширяющиеся за счет экспорта национального партикуляризма выдаваемого за универсализм. Нации в отличие от этноса известны законы истории, которые ставят именно ее во главу мира, а остальные нации должны ей подражать. Почему подражать, потому что она изобрела универсалистский национализм и создала при помощи него себя. При этом, не потеряв индивидуальности. Только вот это сохранение индивидуальности вело нацию в лоно подавления культуры цивилизацией, ведь массу необходимо было натравливать начала на культуросозидающую «не массу», а затем на инокультурные «не нации». Национализм, изобретая высокую культуру, тут же закладывал ее как ци-

визацию, чтобы этого не было заметно, он окружал островок цивилизации варварством как «вне», так и «внутри», а дальше все просто, цивилизация возвышалась, и это возвышение превращало ее в культуру.

Создавая картины мира по националистическому стандарту, у человека появляется желание либо исключить из нации внутренних противников, либо исключить себя из не национального государства. Государства созданного не той нацией, которая согласилась на конструирование себя за счет подражания другому, а той, которая путем борьбы с ним отстояло свой суверенитет как право на свой партикуляризм. В любом случае национализму нужны жертвы чужой самобытностью или своей.

Отсюда возникают два сценария национализма, они синхронны или диахронны, но это не столь важно. Можно предположить даже реализацию одного из сценариев. Вместе с тем навязывание его как единственного соответствующего социальной истине не предотвратит желания воплощения противоположного развития национализма.

Итак, рассмотрим первый сценарий. Вначале возникает иллюзия отсутствия сакрального знания, консолидирующего сообщества в народ. Почему иллюзия, потому что данное иррациональное знание даже после его дискредитации не исчезает, а продолжает свое консолидирующее действие, но теперь уже тайно. Толпу или массу в данном случае и отличает от народа вера в то, что трение ума о безумие не дает ничего, а тотальное наличие ума и дает возможность быть нацией. Преступность толпы сглаживается ее масштабом. Ритуалы самобытности сменяются ритуалами самомнения. В них отражается расправа массы над народом, выдаваемую за расправу над элитой. При этом возглавляют эти ритуальные действия либо дельцы, либо носители бюрократического квазизнания. Тот факт, что даже эти секуляризированные ритуалы сакральны, никто не замечает. Забыто то, что сакральное бывает как человеческим, так и ужасным. Главное отличие секулярного ритуала национализма в том, что он учреждает закон вместо благодати и знание вместо мышления. Народ создает Сократ, а нацию его судьбы. Судьи, вооруженные законом против мышления. Судьи, пришедшие в результате неправильной работы механизмов социального признания. Нам скажут на это, какая нация в Греции, но если полагать нацию как самоопределение, то афиняне такие же националисты, как спартанцы не националисты. Просто мы в данном случае покушаемся на демократию, совмещенную с национализмом аттическим. Но речь здесь не об этом, а о том, что механизмы социального признания при замене социального бытия его конструктом начинают срабатывать не в пользу народа, а в пользу элиты вытолкнутой массами, точнее спровоцировавшей это выталкивание. Заметим, что у Платона демократия выродается как раз в охлократию. Как же данный сбой происходит? Сна-

чала происходит дискредитация мудрости перед разумом. Мудрец должен быть мертв, а если он жив, то он не святой. К нему можно применить все законы, как к обычному человеку. Таков плутократический переворот. Тот факт, что коллективные представления жаждут мудреца, не учитывается. В результате манипулируемая толпа вводит во власть амбициозную посредственность, умеющую найти «врага среди нас», и пусть это будет самый честный хранитель народной субъектности. Богатство начинает быть тем, чем быть не может, а именно выражением справедливости. Так начинается национализм. И создается нация, полагающая богатство признаком мудрости.

«Отрицательный тип государства выступает в. четырех формах: как тимократия, олигархия, демократия и тирания»[Асмус Асмус В. Ф. Античная философия, Учеб, пособие. Изд. 2-е, доп. М., «Высш. школа», 1973. 543 с., с. 236].

Примечательно, что в контексте презрительного отношения к богатству нация не создается, как не создается и национализм. Причина такого отсутствия в том, что за богатством сразу таится плутовство. Поэтому предпочтение справедливости сохраняет народ. Народ, отвергающий неорганическое соединение законом и предпочитающий органическое соединение обычаем или идеей. При этом здесь религия создает религиозную философию, выявляющую иррациональное начало отождествления субъекта личности с субъектом народом.

Наряду с этим следует отметить, что предельное выражение субъектности восставшей массы, коим является национализм и убежденность только в таком состоянии наличия народа, коим является нация, постоянно должна искать тех, кто виновен в ее неудачах. Нация должна расширять свой национальный интерес в сторону других государств, упрекая их в нарушении законов, им неведомых. Полагая свои права человека универсальными, нация полагает и право на господство над другими, желательно неевропейскими нациями. Национализм смыкает преступления толпы тем, что после разрушения традиционных ценностей он их возрождает, акцентируя в них внимание на национальном оттенке. Оттенке, полагающемся как преодоление сопротивления внешнего или внутреннего врага, скрывавшего этот смысл. Ксенократия национализма прячется за ксенократию донационалистического периода. Но если у ксенократии донационалистического периода есть представление о чести и доблести, желание заниматься политикой на поле боя или в поместье, то у новой ксенократии политикой хочется заниматься либо на рыночной площади, либо на стадионе, либо в парламенте. Война здесь желательна на чужой территории с целью захвата, как выражения национального интереса. При этом желательна информационная или торговая война, а горячая война

ведется только с целью слома суверенитета противника и введение в состав нации людей второго сорта лишенных универсального мировоззрения и поэтому не входящих в гражданскую нацию.

Положительное влияние национализма кончается тогда, когда преодоление социального неравенства уже не предполагает создание социального государства. Когда ксенократия с одной стороны культивирует объективацию социального неравенства только тем, что низы нации не обладают достаточной образованностью, а с другой стороны добиваются покорности от национальных низов раздуванием ксенофобии. Ксенофобия до национализма существовавшей, но устранимой путем восстановления сакральной полноты самобытности. В условиях секуляризации ксенофобия преодолевается, только упованием на государственную мощь. Этатизм национализма положителен до тех пор, пока государство не делит свои учебные заведения по рейтингам или по другим неравенствам.

Необходимо также определить места, где создается нация. Нация создается в парламенте, на рынке, в школе и в храме. При этом до тех пор, пока рынок не подавил те нации, которые создавались в других местах, прелесть национализма сохраняется, но когда рынок стал диктатором, законодателем и учителем национализм превращается в квазинационализм. Национальный интерес уже не тот, что раньше. Уже не нужен свой бог, свое великое царство, своя культура. Нужен лишь впечатляющий денежный ресурс.

Рынок разрушителен для нации тогда, когда она не может увидеть на рынке того, что возвышает ее труд. Когда она видит, что результат ее труда находится в нижней части ценового диапазона или вообще отсутствует в нем. Тогда достается не тем, кто наверху, а тем, кто сам вышел на рынок с результатами своего труда. Он обманщик до коего можно дотянуться рукой, а значит унижить возвысившись. Поэтому осваивающий эту новую жизнь мигрант трется на рынке, он только проникает сюда. Поэтому он и получает унижение, как чужой и как символ обмана. Он чужой, потому обманщик, он обманщик, потому что чужой. Он доступная часть социальной мегамашины, которую можно сломать.

На рынке испытанное унижение своего труда заставляет искать то, что возвысит мой труд. Первыми, кто испытывает унижение, выступают интеллектуалы, они на рынке вообще не встречают покупателя своего товара в силу того, что приносят вещи, которых «еще нет». Именно интеллектуальное сообщество распадается на тех, кто немедленно продает свой труд чужаку и продает себя ему же в силу умения того убедить в том, что покупатель он и есть. И он дорого платит только тем, кто понимает, что он вытолкнут на рынок с целью репрезентации своих достижений для

него, вытолкнут чиновником стремящимся внедрить тотальные, заимствованные модели социальной справедливости для тех, кто не подходит этому покупателю.

Другое сообщество осознает, что в результате такой продажи происходит остановить ограбление будущего своей нации. Поэтому оно актуализирует этническую субъектность. Точнее если оно относится к социальному бытию онтологически добросовестно, то оно начинает видеть то, как народ субъект сопротивляется рыночной симуляции через игнорирование связи между экономикой и политикой. Он видит, как в жертву приносятся экономические и политические ценности теми, кто не желает выражать национальные интересы в рамках экономического или политического дискурса. Национализм создает нацию из восставшей массы. Массы игнорирующей преобразование субъекта в рамках народной субъектности.

Заметим, что рынка как такового в национализме нет. Точнее он есть, но занимает подчиненное положение со своим обманом. «Конец социального» (Ж. Бодрийар) национализм откладывает или уничтожает полностью. Вот этот вопрос нам сегодня кажется наиболее важным. Отложил ли национализм «конец социального» или совсем уничтожил? Тогда если национализм столь могущественен, то является ли он самостоятельной идеологией?

Справедливости ради надо отметить, что политический национализм постоянно говорит о народе как о субъекте. Однако он народ субъект провозглашает тогда, когда в его расколдованном мире этническая субъектность выведена за скобки исторического процесса. До этого аристократия сохранявшая народ в качестве соборного субъекта, считавшаяся с ним в его сакрализации государственности, полагала, что политика и хозяйство не имеют возможности сочетаться без метафизической повторяемости. Сакральная история не дает национализму создавать нацию в силу того, нация и создается, когда констатация отсутствия этнической субъектности в дореволюционной истории становится священным постулатом понимания истории.

Потребности в национализме проявляется тогда, когда ожидание прихода Бога заканчивается и наступает понимание того, что Бог это возвышенное до состояния субъекта общество. Оно может быть возвышено как народ в силе со своим Богом, а может быть сконструировано за счет прохождения через секуляризацию и возвышение тройного единства. Это тройное единство по Э. Гелнеру заключается в соединении доброй воли высокой культуры и государства. Аномическое состояние до этого господствующее сменяется тем, что нарушать норму сочетания доброй воли, культуры и государства не хочется совсем. Как отмечал Э. Гелнер ее

нарушить нелегко, а поэтому она нарушается нечасто. В стране появляется честь, забытая честь. Состояние воюющих индивидуальностей заканчивается тем, что униженный народ, наконец – то возвысился и возвысился за счет идеологии, которая, наконец, обрела границы самобытности, хотя до этого утверждала себя как универсалистская категория вселенского масштаба. Получается, что любая идеология, доходя до границ самобытности, утверждает наличие национализма, и это утверждение наличия создает нации. Испуг перед национализмом испытывают только те политические силы, которые понимают, что ситуации проявления единства доброй воли, культуры и государства показывают бессилие массовой культуры, как практики сохранения «посредственности» наверху управленческой пирамиды. Эти силы и есть посредственная квазиэлита, выдвинутая посредственной массой. Поэтому бессильное государство, как символ революционного прорыва масс есть неправильное усиление государства, мешающее жизни, но вызывающее две возможности.

Первая возможность утверждение отмирания государства и всевластия политики социальной дезинтеграции, как условия господства политической посредственности.

Вторая возможность дискредитации той нации, которая дошла до осознания иной роли государства, а именно утверждения доброй воли, высокой культуры и самое главное в утверждении национального гения равного другим национальным гениям.

Гонясь за известностью вместо опыта, за манипуляционной зомбированностью вместо единомыслия, за фобией вместо доброй воли, за массовой культурой подражания вместо высокой культуры изобретения, государство ослабляет себя. Вместе с ним слабеет нация, ищущая виноватых и допускающая сепаратистские претензии на исключительное право на насилие теми, кто до этого и не мечтал об этом. При этом их варварское состояние устраивает тех, кто за счет интересов ослабевшей нации начинает удовлетворять собственные интересы.

Только культурный национализм порождает стратегическое мышление, расизм же занят поиском внутреннего врага. Стратегическое мышление ставит национальный интерес таким образом, что избавление от иноплеменников не является его целью, но и допущение возвышения сообществ сепаратистского толка не может быть проигнорировано. Национализм лишь тогда эффективен, когда общество возвышено до состояния субъекта. Когда общество объективировано национализм деградирует вместе с ним. Восставшие массы либо остывают под воздействием осознания сакрального смысла государства на основе социоцентричной религии, либо стремятся подчинить государство, диктатуре посредственности расширяя его недоверие и тем самым сокращая возможности для добровольной солидарности.

Субъектное состояние общества можно описать как отход социальных противоречий на второй план, как иллюзию наличия осмысленного неравенства, не угнетающего, а сочетания «заботы о себе с заботой, о других» (М. Фуко). На место размежеванию в таком состоянии приходит консолидация. Нация создана лишь в таком состоянии. Скорее всего, найдено лекарство от биологизации, экономизации и политизации социального бытия. Возможно, социоцентричная религия сакрализовала принципы социотворения, сделав причастными к нему каждого. Национализм высокой культуры ведет к тому, что общество следует творить каждому на основе доброй воли. Власть в условиях такого национализма выступает не как власть избранных масс, а власть призванных наций.

Методологически важно задаться вопросом о том, почему национализм высокой культуры и доброй воли, а, следовательно, с осознанными государством национальными интересами смешивается с симулякрим национализма или расизмом. Почему в повседневности этот вид национализма встречается чаще, чем идеальный тип национализма? Получается, что исторический идеальный тип и социологический идеальный тип требует мышления и воображения. Расизм же биологичен, эмоционально подавлен и никакого мышления. Стереотипы примитивного порядка выдаются за истину. Можно говорить о пошлом и идеальном национализме. Пошлый национализм унижает других и унижает себя, а идеальный национализм наоборот. Возвышение других есть возвышение себя. Пошлость идет к экзотизации национализма, убирая из консолидирующих событий реконструкцию мышления.

УДК 130.2

К. А. Бовыкин, *Ярославль*

Техническая виртуальность как продолжение субъективной

Исследуются подходы к восприятию виртуальности. Раскрывается идея виртуальности как субъективности. Показывается, как развитие вычислительных технологий повлияло на понятие виртуальности. Утверждается, что технологическая виртуальность является техническим протезом-продолжением классической субъективной виртуальности. Говорится о возможности существования этих двух категорий в методологическим непротиворечии.

Ключевые слова: виртуальность, реальность, субъективный, технический, пространство, образ.

К. А. Bovykin, *Yaroslavl*

Technical virtuality as an extension of subjective virtuality

The paper describes what approaches to the perception of virtuality existed. The idea of virtuality as subjectivity is revealed. It shows how the development of computational technology has influenced the concept of virtuality. It is argued that technological virtuality is a technical prosthetic extension of the classical subjective virtuality. The paper speaks of the possibility of the existence of these two categories in a methodologically consistent manner.

Keywords: virtuality, reality, subjective, technical, space, image.

Виртуальность можно оценивать по-разному. У нее есть как трактования, отсылающие к физическим процессам, так и говорящие о субъективном, психологическом восприятии. [1] В наше время о виртуальности принято говорить в большей мере как о той реальности, что порождается благодаря работе разного рода технических устройств, создающих «вымышленные» миры, отличающиеся симуляцией части реальных свойств той повседневности, что мы наблюдаем в «реальной жизни». К тому же часто говорится о некоем общественном характере этой виртуальности, поскольку она генерируется на средства общества [1]. Также отмечается ее самовоспроизводящийся характер, вытесняющий оригинал своим количественным давлением на индивида [2]. Поэтому нельзя не отмечать взаимообусловленность технических и психологических подходов к восприятию виртуальности [3].

С одной стороны, этот подход имеет место быть, но само понимание виртуального зародилось гораздо позже. Можно сказать, раньше о виртуальном говорили в первую очередь как о реальности, порожденной другой реальностью, но отличающейся от прародительницы своими законами. Иными словами, речь идет в большей степени о причине и следствии, о порождении и порождающем. При этом уже Фома Аквинский сделал выводы о том, что душа и тело едины «виртуально», т. е. скорее взаимосвязаны как несколько реальностей, но не как несколько объектов [6]. С учетом признания существования объективной и субъективной реальностей, это утверждение имеет место быть. В других философских системах, вроде субъективного идеализма, виртуальность носит всеобъемлющий характер, распространяясь на все аспекты бытия как такового.

Таким образом, можно утверждать, что понятие виртуальности само по себе гораздо шире непосредственно технического подхода. Виртуальность многомерна, являясь как минимум неотъемлемым свойством сознания как такового и как максимум свойством реальности в целом, в зависимости от выбранной методологико-философской базы.

К тому же, виртуальность вполне можно считать неотъемлемой чертой практически всех социальных взаимодействий, поскольку они происходят не столько в физическом пространстве, сколько в некоторой субъективной реальности контактирующих индивидов [7].

При этом стоит отметить, что технологии как таковые часто выступают «протезами» человека, расширяя его возможности. Автомобили являются «протезами» ног, позволяя перемещаться на значительно большие расстояния значительно быстрее. Многочисленные камеры являются «глазами», бытовые инструменты – руками и т. д. Можно говорить о том,

что технологии являются некоторой облегченной версией трансгуманизма, которые влияют на человека и становятся его частью, не изменяя его капитально.

Применяя этот подход к технологической виртуальности, можно отметить, что она является достаточно интересным аналогом сознания как субъективной виртуальности. Это вызывает отдельный интерес, учитывая тот факт, что компьютеры во многом напоминают человеческий мозг, «имитируя» когнитивные функции. И также как он «производит» сознание (хотя это лишь предположение, поскольку настоящая причина появления сознания еще точно не установлена и исследования мозга продолжаются), так и компьютерные технологии в состоянии производить виртуальную реальность. Единственное отличие на данный момент заключается в том, что компьютеры, в отличие от человека, не в состоянии обрести самосознание, воспринять создаваемые ими миры и повлиять на них по своей воле (хотя однозначный ответ на вопрос о природе воли пока тоже не найден).

Также можно отметить, что создание коллективной технической виртуальности, например сети Интернет, возможно считать продолжением некоторой субъективной общности, коллективной памяти. Он позволяет, стирая границы материальности, хранить знания, образы и звуки в некотором идеальном пространстве, многие части которого представлены символически и нужны лишь для взаимодействия с ним. Возможность людей вступать в коммуникацию в этом пространстве также является неким трансматериальным способом процесса общения, который можно очистить от всего, кроме непосредственно доносимой информации и символически отображаемых эмоций.

Таким образом, можно говорить о создании новых форм объединения человечества в этом символически-цифровом пространстве. [5] Эти формы вполне способны преодолеть существовавшие до них социальные и природные условности [8]. Но, несмотря на их новизну, в глубине своей они в чем-то похожи на смесь из публичных собраний, библиотек и коллективной архетипической памяти, которые являются уже знакомым и описанным человечеством опытом.

Это также порождает эффект появления нового ощущения божественного, связанного с пониманием всеобъемности виртуальных пространств и их потенциала для создания новых миров и искусственного интеллекта. [4] Если классический Бог умер во время Просвещения, то новый Абсолют вполне может возникнуть в виде образа программиста всех реальностей, относительно которого они есть лишь иллюзия. Надо сказать, эти идеи, итак, имели определенное место в исламе и буддизме, сейчас же они могут быть раскручены с новой силой.

Также стоит отметить, что в широком смысле техническая виртуальность – это не только интернет. Все средства массовой информации можно считать таковыми. Например, письменность тоже является технической виртуальностью, поскольку создана благодаря технологиям и позволяет человеку расширять свое восприятие нематериальных по своей природе идей.

Таким образом, можно установить, что техническая виртуальность по своей природе является техногенным продолжением субъективной виртуальности. Она позволяет человеку расширять восприятие, выходящее за рамки чисто физического мира и вступать в контакт с идеальным пространством.

Литература

1. Гаврилов А. А. Осмысление феномена виртуальной реальности в философском дискурсе // ОНВ. 2014. № 2 (126). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osmyslenie-fenomena-virtualnoy-realnosti-v-filosofskom-diskurse> (дата обращения: 23.08.2022).
2. Закирова Т. В., Кашин В. В. Концепция виртуальной реальности Жана Бодрийера // Вестник ОГУ. 2012. № 7 (143). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-virtualnoy-realnosti-zhana-bodriyera> (дата обращения: 27.08.2022).
3. Кирюшин А. Н. Виртуальная реальность: методологические традиции и инновации исследования // Армия и общество. 2009. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-realnost-metodologicheskie-traditsii-i-innovatsii-issledovaniya> (дата обращения: 21.08.2022).
4. Козлов С. Blindsight: технотеология против цифрового кода // Философско-литературный журнал «Логос». 2016. № 6 (115). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blindsight-tehnoteologiya-protiv-tsifrovogo-koda> (дата обращения: 02.09.2022).
5. Куйбарь В. И. Понятие «Информационно-виртуальная реальность» как фактор развития концепции основного вопроса философии // Вестник ЗабГУ. 2009. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-informatsionno-virtualnaya-realnost-kak-faktor-razvitiya-kontseptsii-osnovnogo-voprosa-filosofii> (дата обращения: 23.08.2022).
6. Лефанова И. В. Феномен виртуальной реальности в эколого-информационном обществе // Труды БГУ. Серия 6: История, философия. 2017. № 1 (197). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-virtualnoy-realnosti-v-ekologo-informatsionnom-obschestve> (дата обращения: 30.08.2022).
7. Лобанков И. Д. Современные концепции виртуальной реальности // Вестник ПАГС. 2015. № 1 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-kontseptsii-virtualnoy-realnosti> (дата обращения: 23.08.2022).
8. Смолиговец О. С. Субъектные основы виртуализации социальной реальности в информационном обществе // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subektnye-osnovy-virtualizatsii-sotsialnoy-realnosti-v-informatsionnom-obschestve> (дата обращения: 28.08.2022).

УДК 316.45.5

Р. В. Иванов, *Иркутск*

Виртуальная социализация молодежи: социально-философский анализ

Анализируется процесс виртуальной самоидентификации молодых людей с помощью современных технологий электронной связи различными научными методами. Обозначается, что современные технологии не только работают, но и меняют человека изнутри, без его ценностей, когнитивных программ и функциональных структур.

Ключевые слова: социализация, смешанная реальность, виртуальность, коммуникация, идентичность, молодежь, социальная среда.

R. V. Ivanov, *Irkutsk*

Virtual socialization of youth: socio-philosophical analysis

The author analyzes the process of virtual self-identification of young people using modern electronic communication technologies using various scientific methods. Modern technologies not only work, but also change a person from the inside, without his values, cognitive programs and functional structures.

Keywords: socialization, mixed reality, virtuality, communication, identity, youth, social environment.

Это исследование посвящено выявлению и изучению механизмов обучения виртуальному самоопределению у подростков в смешанной реальности. Исходя из цели, определяются следующие задачи:

- 1) анализ влияния смешанной реальности на изменения ее социальной роли и концепции принадлежности);
- 2) изучение процессов общения (расширение круга общения, развитие навыков общения, изменение пространственных и временных характеристик);
- 3) изучение симбиотического влияния виртуальных и объективных образов на процесс самосознания подростков.

Новизна этого исследования заключается в сложности создания качественного нового инструмента для изучения черт личности в смешанной реальности и использования психологических и лингвистических методов для изучения виртуальных характеристик молодых людей. «Развитие рефлексии происходит за счет возможности планирования, продумывания текста в процессе киберкоммуникации» [5].

Актуальность выбранной темы связана с изменениями в среде социальных сетей. Информационная среда способна создать виртуальный мир, позволяющий человеку перенести известную реальность из физического мира в виртуальный.

Обращаясь к проблеме социализации, следует сказать, что степень виртуальной и реальной социализации для каждого индивида имеет разные значения, как отмечает Кудрявцева М. В. : «...социализация индивида в реальном мире и социализация в киберпространстве могут диссонировать, проходить рассогласованно или вовсе противоречить друг другу» [11].

Проблема виртуальной идентичности подростков в смешанной реальности связана с отсутствием механизмов регулирования и контроля над растущей степенью виртуализации. «Информационный стиль идентичности отражает отношение человека к информационному потоку, его умение и готовность ориентироваться во множестве информации» [8]. Первоначальный поиск знаний ориентирован на виртуализацию: виртуальные способы оплаты, удаленные сети при общении, расширение сети. В связи с этим возникла виртуальная ценовая категория, и молодые люди попадают в информационную среду на основе их желания освоить последние модели смартфонов и планшетов. «Появился такой термин как *homo virtualis* – человек, ориентированный на виртуальность» [9].

В современности уровень дохода человека часто не отвечает требованиям к новому оборудованию и программному обеспечению. Это создает связь и взаимозависимость концепций клиента. Отсутствие или наличие системы технических устройств в сети – показатель развития современного человека, независимо от его личности и творчества. Потребительская идеология требует от всех участия в поиске большего развития информационной индустрии [17].

В системе классификации ценностей человеческого сознания есть все единицы образования, профессиональные навыки, деньги, виртуальная работа и т. д. В большинстве случаев эти аналоги не имеют материала или материала. Оценка виртуальных и сетевых эффектов в человеческом мозге позволяет контролировать уровень виртуализации. Трансформация идентичности под влиянием сети привлекает внимание исследователей «...у современного человека возникает ряд новых установок, интересов, мотивов и целей и потребностей» [18].

Что касается общих причин быстрого отступления от добродетели, мы можем упомянуть:

- отсутствие социальной идеологии в обществе и молодежных организациях;
- социальная неопределенность;
- продвижение имиджа западной демократии по отношению к себе и другим;
- необходимость увеличения потребления преобладает.

В этом состоянии личность молодого человека формируется в совершенно новом виртуальном пространстве нашего мира. В условиях полного участия в информационных технологиях происходят значительные внутренние изменения (когнитивные, эмоциональные, активные, коммуникативные и другие). Как отмечают современные отечественные исследователи А. А. Русаков, И. П. Бунькова и А. Л. Разомазова: «Первые этапы социализации – адаптация и индивидуализация – проходят ускоренными темпами. В результате, несколько замедляется темп третьего

этапа социализации – интеграция» [15]. Ускорение первых двух этапов социализации способствует более ранней социализации в целом, что в свою очередь сокращает затраты эмоциональных, психологических и материальных ресурсов личности.

Важно понимать механизмы, условия и особенности формирования виртуальной идентичности, чтобы управление молодежью и помощь молодым людям в их социализации. Ведущими характеристиками современной молодежи являются:

- стремление к впечатлениям;
- разнообразию направлений деятельности;
- стремление достичь успеха в разных сферах;
- разнообразию профессиональной самореализации;
- большое значение сообществ друзей (причем виртуальные – более расширенные и не менее ценные);
- стремление успеть многое с необходимостью быстрого результата;
- политическая активность [14].

В этой работе виртуальная идентичность рассматривается как неотъемлемая часть личности современной молодежи. Термин «идентичность» как семантическое значение самоидентификации более ста лет изучался различными науками с учетом онтологических и эпистемологических особенностей этого явления. «Взаимодействие в сети Интернет привело к появлению множества “виртуальных миров”» [13].

Важной составляющей процесса последовательного формирования и трансформации личности подростка в виртуальном пространстве являются след управления и забота о собственном имидже, формирование образа другого и деловое самовыражение.

Виртуальное пространство становится новым типом культурного пространства, сформированным современной цивилизацией. Виртуальная реальность относится к образу реальности, который каким-то образом формируется в сознании. Философия виртуальной реальности выходит за рамки дискурса сущности, поскольку сама виртуальная реальность является недостаточно воплощенной и недостаточно сформированной сущностью.

Виртуальная реальность использует и постоянно трансформирует принципиально иной тип человека – *homo virtualis*. Это привязывает виртуального человека к машине, превращает в протез, меняет парадигму его чувствительности. Весь спектр человеческих чувств подчиняется виртуальным требованиям, отрицаются не нужные и устаревшие слова, понятия, а также чувства и желания. При таком подходе следует выделить основные виртуальные преимущества:

- 1) установление и поддержание контактов с людьми на больших расстояниях;
- 2) расширение круга знакомств (легко найти референтную группу);

- 3) возможность свободно выражать эмоции, переживания (анонимность);
- 4) возможность создать новую личность, существующую только в сети и отличающуюся от реальной;
- 5) апробация себя в разных ролях [3].

Ключевой внешней чертой виртуального человека становится эффективность. Конечно, это делает человеческий разум свободным от присущей ему двусмысленности, условности и т. д. В итоге, человеческий разум становится максимально приближенным к содержанию искусственного интеллекта. Отвечая на вопрос об основной проблеме социальной идентификации в виртуальной реальности в период пандемии в 2020 г., исследователь М. В. Кривенькая пишет, что «основной проблемой самоидентификации личности в целом является угроза конфликтной самоидентификации» [5].

В системе классификации ценностей человеческого сознания есть все единицы образования, профессиональные навыки, деньги, виртуальная работа и т. д. В большинстве случаев эти аналоги не имеют материала или материала. Оценка виртуальных и сетевых эффектов в человеческом мозге позволяет контролировать уровень виртуализации. Виртуальная реальность зависит от различных пространственных, временных и причинно-следственных связей. Все это в сочетании с динамизмом и нестабильностью размывает свойства предмета.

По мнению представителей российской школы виртуализма, принято различать основных свойства виртуальной реальности: время; пространство и правила существования; интерактивность (виртуальная реальность может взаимодействовать со всеми другими реалиями, включая реальность, созданную независимо друг от друга); автономия [1–4; 7; 8; 13; 14 ;16].

Информационная компания создала открытую систему образования, которая позволяет учащимся получать необходимые знания сразу в нескольких учебных заведениях по личным программам. То есть для современной молодежи практическая профессиональная деятельность определяется только современными компьютерами, без которых их профессиональная социализация неприемлема.

Обращаясь к такой сложной теме, следует отметить, что в России растет разрыв между корпоративной частью интернета и доминирующей сетевой культурой. Это также относится к моделям, создающим черты состояния. Электронная среда дает отличную возможность для развития наблюдения благодаря комментариям на страницах блогов, дневниках авторов и онлайн-сообществах в социальных сетях. Однако, говоря о современных реалиях России, следует отметить, что растет социальная недо-

влетворенность, стресс и распад. Регулярные опросы ведущих социологических центров указывают на значительное ослабление доверия к будущему россиян.

В итоге виртуальное пространство не требует от человека разработки высокой, сложной и многогранной психической структуры, связанной с эмоциями, которые противоречат основным требованиям нахождения в виртуальной реальности.

В результате выбора социальной среды, соответствующей уровню идентификации субъекта (взаимодействия с людьми подобного статуса), создается сама виртуальная природа.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Виртуализация в новых смысложизненных ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 130–134.
2. Ардашев Р. Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 152–156.
3. Ардашев Р. Г. Особенности сознания и психологического здоровья в условиях виртуализации // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием : темат. сб. ст. Иркутск, 2021. С. 141–144.
4. Ардашев Р. Г. Трансформация сознания молодежи в эпоху виртуальности // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2021. № 5. С. 31–34.
5. Бельский А. М. Интернет-пространство как фактор социализации молодежи: конфликты реального и виртуального // Молодежь и научно-технический прогресс : сб. докл. XII Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых : в 3 т. Белгород : БГТУ, 2019. С. 148–149.
6. Голубева Н. А. Роль цифрового пространства в процессе социализации современной молодежи // Психология стресса и совпадающего поведения: вызовы, ресурсы, благополучие : материалы V Междунар. науч. конф. : в 2 т. Кострома : КГУ, 2019. С. 47–51.
7. Голубева Н. А. Феноменология межличностного и межгруппового общения современной молодежи в реальном и виртуальном пространстве // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2018. № 2 (12). С. 45–59.
8. Жданова Т. А., Черноярова Н. С. Влияние виртуальной среды на социализацию современной молодежи // Ученые заметки ТОГУ. 2015. Т. 6. № 2. С. 121–127.
9. Иванов Р. В. Трансформация идентичности в процессе социализации молодежи // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2022. № 8. С. 38–42.
10. Кривенькая М. А. «Ок, Гугл, кто я?»: молодежь о множественности идентичности в виртуальности и реальности // Современное образование: векторы развития. Роль социально-гуманитарного знания в подготовке педагога : материалы V Междунар. конф. / под общ. ред. М. М. Мусарского, Е. А. Омельченко, А. А. Шевцовой. 2020. С. 493–500.
11. Кудрявцева М. В. Проблемы и риски киберсоциализации современной молодежи // Заметки ученого. 2022. № 1. С. 230–232.
12. Полошкевич О. А. Виртуальная самопрезентация в период пандемии COVID-19 и после ее // Гуманитарное знание и духовная безопасность : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. Грозный ; Махачкала : ГГУ, 2020. С. 303–307.
13. Полошкевич О. А. Виртуальная составляющая социальной идентичности // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 10–25.

14. Полюшкевич О. А. Иррациональные основы формирования социальной идентичности под влиянием виртуальности // Социология. 2020. № 5. С. 163–176.
15. Русаков А. А., Бунькова И. П., Разомазова А. Л. Проблемы киберсоциализации молодежи // Национальная безопасность и молодежная политика: киберсоциализация и трансформация ценностей в VUCA-мире : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, ЧГУ, 2021. С. 481–485.
16. Сангилбаева А. О., Кулымбаева А. К. К вопросу влияние сети Интернет на социализацию молодежи // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2021. № 1 (41). С. 531–538.
17. Тимочкина Ю. Д. Влияние интернета и социальных сетей на социализацию молодежи // Матрица научного познания. 2020. № 4. С. 238–243.
18. Яковлева О. В. Влияние виртуальной среды на социализацию современной молодежи: анализ основных рисков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2013. № 162. С. 183–188.

УДК 17.022.1

А. Г. Косиченко, Республика Казахстан, Алматы

Виртуальная реальность: возможности и вызовы для человека¹

Проводится критический анализ выводов для человека виртуального мира. Анализируются мировоззренческие трансформации на основе психологических и социальных трансформаций развития цифрового пространства. Делаются выводы о необходимости выживания в новых виртуальных условиях.

Ключевые слова: человек, виртуальное пространство, реальность, цифровизация, возможности, риски, высшие ценности.

A. G. Kosichenko, Republic of Kazakhstan, Almaty

Virtual reality: opportunities and challenges for human

The article provides a critical analysis of the removals for the person of the virtual world. Worldview transformations are analyzed on the basis of psychological and social transformations in the development of the digital space. Conclusions are drawn about the need for survival in new virtual conditions.

Keywords: human, virtual space, reality, digitalization, opportunities, risks, higher values.

Отрицать виртуальное пространство нелепо – оно существует и возрастает. Оно захватывает все больше сфер деятельности человека и все большее время его жизни. Приведем некоторые данные объема сети на сегодня: «67 % мирового населения пользуются мобильными устройствами, 60 % населения пользуется интернетом. В России 85 % населения пользуются интернетом, мобильных устройств в России приходится по 1,5 на человека. В среднем россияне проводят по 8 часов в интернете» [1]. Возможности виртуального пространства необозримы. Вот, что говорит Марк Цукерберг, один из творцов этой новейшей реальности. «Видение

¹ Статья подготовлена в рамках финансирования КН МНВО РК (Грант № AP09260036 «Светские и религиозные ценности в современном Казахстане: взаимодействие и влияние на политику РК в сфере религии»).

метавселенной охватывает всю индустрию, вы можете считать это преемником мобильного интернета, «воплощенном в интернете», где вместо того, чтобы просматривать контент, вы находитесь в нем. Многие люди считают, что метавселенная – это виртуальная реальность, которая, как мне кажется, будет важной ее частью. И это та часть, куда мы инвестируем больше всего – VR-технология обеспечивает самую емкую форму присутствия человека. Но метавселенная – не только виртуальная реальность. Она будет доступна на всех наших AR- и VR-платформах, а также ПК, мобильных устройствах и игровых консолях. Я представляю себе метавселенную как постоянную и синхронизированную среду, где мы можем быть вместе – это некий гибрид между социальными платформами, но вы сможете быть внутри среды» [5].

Создание метавселенной – ни больше, ни меньше. Можно сказать: успех кружит голову, и создатели «метавселенной» несколько преувеличивают, прибегают к метафорам. Но нет – они делают все это всерьез. Они в самом деле «порождают» вселенную, превосходящую для человека физическую вселенную, в которой он живет в обыденной жизни. Создатели виртуальной реальности считают себя полезными человечеству, людьми, творящими будущее, и отчасти так оно и есть – ведь человек все время расширяет реальность, в которой он существует. Собственно, историю человечества можно понимать как процесс расширения реальности человека и общества, и в таком понимании не будет большой ошибки.

Однако есть некая грань, за которой расширение реальности человека приводит к утрате им своей человеческой сущности. Хотя, как известно (к примеру, из марксизма), сущность человека состоит в том, что он не имеет предзаданной сущности, и потому, казалось бы, человек может развиваться во все стороны и как угодно – все это и будет, якобы, реализацией концепции открытой сущности человека, но все же есть пределы, перейдя которые, человек перестает быть человеком.

Виртуальное пространство стало возможным при сочетании в нем высокоразвитой технологической мощи и предельно ослабшего в духовном отношении общества. Только сочетание первого и второго позволило виртуальному пространству стать столь значимым. Высокие технологии, если бы они наткнулись на неприятие их развитыми во нравственном отношении обществ, не смогли бы увлечь в сетевую реальность человечество. И духовно развитые общества направили бы технологическое могущество не на создание сомнительной реальности, а на нечто иное, имеющее более выраженное «человеческое лицо». Но дизайнерам нового мирового порядка удалось построить виртуальную реальность, сконструировав ее из этих двух блоков, предварительно задав содержание самим блокам.

И еще: им удалось представить дело так, что виртуальное пространство явилось следствием естественного процесса технического и общественного развития, и никакие заранее разработанные планы здесь ни при чем. А то, что появилось естественным образом не вызывает сомнения и протеста, оно принимается как должное, как результат развития человечества. Таким статусом и наделяется виртуальное пространство. И вместо его неприятия, человек стал рассматривать сетевое пространство как новую возможность и результат прогресса. Так что истинный смысл виртуального пространства зашифрован очень мощно и глубоко. Его опасность для человека становится явной лишь с позиции духовной сущности человека, но, подавив предварительно духовность, стратеги виртуального пространства избавили его от возможной рациональной критики, высмеив эту критику как необоснованные домыслы конспирологов.

Виртуальное пространство превращается в реальность, сопоставимую, а в чем-то и превосходящую ту реальность, которая существовала до возникновения сети. Потенциальная возможность расширения реальности человека лежит в предметной воплощенности идеальных измерений бытия – виртуальная реальность поэтому не менее реальна, чем реальность привычных нам форм существования природы и человека. «Всякой действительности, всему, что мы включаем в состав мирового бытия, мы вынуждены противопоставить более широкое понятие реальности, в состав которой входит, кроме действительности, еще сверхвременное, «идеальное» бытие» [4].

Наряду с возможностями, виртуальное пространство содержит в себе скрытые вызовы для человека, заключающиеся в отдаленных последствиях его воздействия. Встает вопрос: можно ли снизить уровень угроз, исходящих от этой новой реальности, каким-то образом придать виртуальному пространству человечность в ее прежнем понимании? Или иначе, возможно ли одухотворение виртуальности, ее нравственное насыщение? Мы считаем, что это необходимо сделать, если мы не хотим потерять человека, ибо виртуальное пространство является искушением для человечества – его возможности столь увлекательны, что потеря человеческих качеств, которая неизбежна в нем, не рассматривается как чересчур высокая плата за могущество, обретаемое в этом пространстве.

Виртуальная реальность развивается, и захватывает все большее пространство социальной жизни и жизни личности. Каково его будущее? Как нам видится, оно станет более общим, психологически приемлемым и привычным, использует возможности ширящейся цифровизации, приспособится под различные группы людей, его включают в процессы построения нового мира (хотя уже и сейчас оно нацелено на решение многих задач выстраивания этого нового мира, но в будущем оно станет од-

ним из основных средств этого выстраивания). Глобалисты хотели бы перевести человека и общество в виртуальное пространство целиком. В сети человеком легче управлять: можно провоцировать почти любую реакцию, задавать любую цель. Если в обыденной реальности человек все же видит, как общество или отдельные люди реагируют на его поведение, то в виртуальном пространстве нет критериев истины, можно сделать значимыми любые критерии.

Условность виртуального пространства, в которой привыкают жить пользователи, переносится и на обычную жизнь, что делает и ее условной. В обычной жизни все ответственно и судьбоносно – можно потерять будущее, смысл жизни и саму жизнь. «Перенятая» из виртуального пространства условность реальности и возможность многократного дублирования вариантов проживания жизни, делает жизнь человека зыбкой и лишённой стратегических целей. Существенно ослабляется ответственность за поступки и действия в привычной реальности.

Многие характеристики человека смазаны и перенормированы в виртуальном пространстве. В том числе и идентичность человека, которая искажена; не расширена, а именно искажена. В этом пространстве сущность человека подвергается агрессивному влиянию, результатом чего является ее деформация. Что это за агрессивное влияние? В виртуальном пространстве насаждаются такие ценности, каких не было в содержании человеческой жизни в течении всей предшествующей истории. Ну и что, спросят нас, мало ли каких ценностей не было, а затем они зародились, развились, и стали органичными человеку. Да, таков обычный путь возникновения новых ценностей и их укоренения в личности человека. Но ценности виртуального пространства, соотносимые с человеком, принципиально иные, нежели возникающие ранее в историческом процессе.

На примере такой существенной для человека характеристики, как свобода, можно показать, как перенормируются важнейшие для человека измерения его бытия. Вопреки существующему мнению о том, что виртуальное пространство предоставляет человеку небывалую прежде свободу, как раз свободу человек и утрачивает в сети – настолько формализованы и жестки правила работы в ней. Произвол да, произвол поощряется, но произвол отстоит от свободы как небо от земли. Итак, человек теряет свободу в виртуальном пространстве. А свобода составляет сущность человека. Идентичность человека в ее основных измерениях, тем самым, подрывается. Выход в виртуальное пространство мог бы расширять идентичность человека, но в реальности деформирует ее.

Виртуальное пространство отличается от обыденных измерений бытия человека. Как бы серьезно не воспринимали люди реальность виртуального пространства, они знают, что эта реальность не «взаправду», что она связана с компьютером и интернетом, что она зависит от наличия

электричества и батареи, что она выстроена где-то вне человека и с какой-то целью. Как не примитивен пользователь, но свою обыденную реальность он всегда отличает от виртуальной реальности, хотя может быть предан последней более, нежели своей обыденной. В интернете человек может узнать о лекарственных средствах лечения своей болезни, уточнить симптомы, но лечится человек вынужден отнюдь не в виртуальной реальности, а в той, в которой родился и живет. Хирург может координировать операцию on-line, но другой хирург должен ее реально проводить на пациенте.

Виртуальная реальность вторгается буквально во все сферы жизни, но есть граница между виртуальной реальностью и реальностью по эту сторону экрана. Удастся ее стереть или нет – вопрос открытый. Мы считаем, что не удастся. Человек многомерное существо, в нем есть измерения, которые никогда и ни при каких обстоятельствах не могут быть схематизированы, алгоритмизированы и переданы искусственному устройству какой-угодно сложности и совершенства. То есть виртуальная реальность нуждается в легитимизации. Все еще имеется разрыв в восприятии реальности в ее привычном смысле и виртуальной реальности. Простой здравый смысл не дает уравнивать эти две реальности. Впрочем, «здравый» смысл сдает свои позиции, работа по устранению остатков этого смысла активно ведется, и, возможно, недалеко то время, когда здравый смысл исчезнет вовсе. Вот тогда все возможно; и виртуальная реальность сможет подменить собой все грани жизни человека.

Что же получается? С одной стороны, мы не можем уже не пользоваться виртуальным пространством, потому что оно стало нашей реальностью, во многих отношениях полезным. С другой стороны, эта новая реальность весьма сомнительна, и по существу, и по ее влиянию на человека и общество. Все новое радует открывающимися возможностями, но и настораживает одновременно. Это вполне понятно. Но каким-то образом с новым смиряются и включают его в содержание своей жизни. Здесь, впрочем, возникает проблема, которую нельзя игнорировать. Всякая новая реальность человека потому и нова, что еще не освоена человеком. Она таит в себе и возможности и опасности. В чем опасность? В первом приближении опасность заключается в следующем. «Когда человек начинает пользоваться тем, сущности чего он не знает, он помещает себя в сомнительное пространство своего существования, которым не способен по-человечески управлять. Человек создал пространство сети, но не освоил его; это пространство не нормировано человеком, не обжито и не одухотворено им, а, значит, оно опасно в мировоззренческом и духовном отношении, так как неосвоенная человеком, но уже включенная в практическую деятельность новая реальность, может содержать неожиданные для человека разрушающие его «мины замедленного действия» [3].

Виртуальное пространство, как показано выше, крайне неоднозначно в его влиянии на человека. Оно формализует как содержание человеческой деятельности, так и его самого, причем в самых высших измерениях его бытия. Эта особенность виртуального пространства заложена при его создании, и трудно устранима. Разве можно радоваться расширению реальности человека, если при этом человек теряет самые ценные качества, связанные с глубинными измерениями его личности? Можно ли очеловечить виртуальное пространство? Можно, если человек входит в него, не теряя своих человеческих качеств, причем в их высших проявлениях. А как это сделать, если виртуальное пространство требует отказа как раз от высших измерений человека и духовности в первую очередь? И к тому же, работа в сетевом пространстве, в интернете, со всякого рода мобильными устройствами, особым образом формирует их пользователя, приводит к еще большей утрате им духовных ценностей. Более того, с какого-то уровня вживания в виртуальное пространство избавление от этих ценностей становится обязательным для пользователя, иначе он отторгается этим пространством, и теряет возможность преуспевания в своей деятельности.

Выход из этой непростой ситуации, однако есть, и состоит он в осознанном сохранении глубинных ценностей человека и при его нахождении в виртуальном пространстве. Это пространство нивелирует, устраняет глубинные ценности человека, но человек «контрабандой» привносит эти ценности в виртуальный мир и удерживает их в себе при работе в сети. Как можно видеть, это требует от человека осознанной жизни, что сейчас затруднительно, но другого выхода нет.

Человеку надо быть развитым, и тогда можно использовать виртуальное пространство, не опасаясь деформации личностного содержания. То есть виртуальное пространство надо использовать, но не принадлежать ему, ему надо отводить подчиненную роль. Надо все время помнить, что виртуальное пространство – подсобное средство, а не главенствующая реальность. Принято считать, что виртуальное пространство расширяет возможности человека; и это так, если эти возможности соотносить только с самим виртуальным пространством. Вместе с тем при этом с очевидностью сужается присутствие человека в мире прежней реальности. Когда человек проявляет активность в виртуальном пространстве, погружен в него, в своей обывденной жизни он являет нарастающую пассивность. Человеку нельзя уходить в виртуальное пространство, в нем человек лишается духовных – самых важных – измерений своего бытия. Духовного, в его сущности, в виртуальном пространстве нет. В сети можно много говорить о духовном, что и делается, хотя и с искажениями, однако осуществлять плоды духа можно только в реальной в прежнем понимании, настоящей жизни. Духовность – религия, художественное творчество, углубленное общение людей, хотя и присутствуют в интернете, но

находятся на периферии, и не пользуются массовым спросом пользователей. Некоторое духовное содержание в сети есть: много проповедей, духовных историй, работ по богословию, интерактивных экскурсий по музеям и выставкам, представлены достижения науки, искусства, но возникает ощущение, что допускаются эти материалы с какой-то не вполне благой целью. Это как при конкуренции на «культурном поприще»: чтобы «замылить» истинную духовность или высокохудожественные произведения, наряду с ними и в количестве, намного превосходящем ценные произведения, собраны чуждые духовности, нравственности и культуре тексты и видео, на фоне которых истинная духовность и высокохудожественные произведения теряются.

Вызовы, исходящие от виртуального пространства в аспекте его бездуховности и формализации, агрессивной цифровизации и перевода личности человека в «цифру» стали осознаваться в ряде стран уже на государственном уровне. Так, в России после ежегодной встречи с главой государства в конце 2020 г. Совету по правам человека было поручено разработать базовый документ в сфере обеспечения прав граждан в цифровом пространстве. Этот документ в настоящее время разработан и проходит серию обсуждений. Вот его основные тезисы. «Человек может добровольно отказаться от вовлечения в цифровое взаимодействие с государством и потребовать забвения в киберпространстве. Искусственный интеллект не допустят до принятия важных решений, а на основе персональных данных запретят формировать социальные рейтинги граждан», – говорится в данном документе. «Целью документа является нахождение разумного баланса между стремительным развитием информационных технологий, цифровой трансформацией экономики и государственного управления и сохранением прав и свобод человека и гражданина.... Цифровой суверенитет подразумевает право человека полностью или частично отказаться от вовлечения в цифровое взаимодействие, иметь возможность осуществлять свои права с государством и обществом вне цифрового пространства.... Нужно ввести запрет на создание систем социального рейтингования – никакие ограничения прав на основе рейтингов, идентификации и так далее не должны будут допускаться.... Глобальный уход в «цифру» расширяет возможности манипулирования общественным сознанием...он грозит возникновением новых, потенциально опасных социальных явлений и массовым распространением в киберпространстве деструктивного контента» [2].

Итак, виртуальное пространство – реальность нашего времени. Оно предоставляет значительные возможности и одновременно несет ощутимые вызовы. Для актуализации позитивных возможностей и снижения уровня угроз, исходящих от этой новой реальности, необходимо осознанное и здоровое отношение к ней. Все, что создал человек, может использоваться как с пользой для развития человека и общества, так и во вред им;

сетевая реальность открыта различным ее интерпретациям и практическим воплощениям. Следует помнить, что человек является высшей ценностью не только для него самого, но и для бытия в целом. Если удерживать это понимание в качестве критерия отношения буквально ко всему, то у нас возникает методологическая основа выстраивания отношений к любой реальности, столь бы нова и сложна она ни была, в том числе и к виртуальной реальности, которая, как можно думать, будет усложняться и обретать все большее значение для человека.

Литература

1. Digital 2021: главная статистика по России и всему миру. URL: <https://spark.ru/user/115680/blog/74085/digital-2021-glavnaya-statistika-po-rossii-i-vsemu-miru> (дата обращения: 23.08.2022).
2. В России может появиться Цифровой кодекс. Россиян хотят защитить от опасностей цифрового мира. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2022/08/23/v_rossii_mozhet_poyavitsya_cifrovoi_kodeks (дата обращения: 24.08.2022).
3. Косиченко А. Г. Человек и его ценности в виртуальном пространстве // Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 20 сент. 2021 г / под общ. ред. О. А. Полюшкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. 436 с.
4. Франк С. Л. Реальность и человек / сост. П. В. Алексеев ; прим. Р. К. Медведевой. М. : Республика, 1997. 479 с.
5. Что такое «метавселенная», которую строят Марк Цукерберг, Сатя Наделла и Тим Суини – и зачем это нужно. URL: <https://vc.ru/future/281044-chto-takoe-metavselennaya-kotoryuyustroyat-mark-cukerberg-satya-nadella-i-tim-suini-i-zachem-eto-nuzhno> (дата обращения: 01.08.2022).

УДК 101

Г. Ю. Шмонин, *Иркутск*

Социальная реальность в условиях столкновения с парадигмой виртуализации

Раскрывается актуализированная тенденция развития виртуальной реальности порождает проблематику самоотречения личности и парадоксальность синтеза разных крайностей. Доказывается, что социальная потребность человека в технологической оснащенности собственной жизни породила парадигму виртуализации. Рассматривается взаимоотношение понятий «технологии», «виртуальное» и «информация».

Ключевые слова: социальная реальность, информация, технологии, манипулирование, самоотречение личности.

G. Y. Shmonin, *Irkutsk*

Social reality in a collision with the virtualization paradigm

The article reveals the actualized trend in the development of virtual reality, which gives rise to the problem of self-denial of the individual and the paradoxical synthesis of different extremes. It is proved that the social need of a person for the technological equipment of his own life has given rise to the paradigm of virtualization. The relationship between the concepts of «technology», «virtual» and «information» is considered.

Keywords: social reality, information, technology, manipulation, self-denial of personality.

*Я боюсь, что обязательно наступит день,
когда технологии превзойдут простое человеческое общение.
И мир получит поколение идиотов.*
А. Эйнштейн

Современная тенденция развития технологичной оснащенности человеческой деятельности порождает вопросы взаимоотношений, синтеза разных крайностей. С одной стороны мы имеем дело с усовершенствованием и упрощенностью социального быта, с другой сторону тенденцию самоотречения личности от социализации и духовно-нравственных категорий состояния личного блага. Такое противоречие не ограничивается единичным представлением, оно устремлено в будущее, имеет опережающее (превентивное) значение. Так, с ростом более всеохватной роли влияния технологий на человека возникают новые институты межличностных отношений. Таким институтом является целенаправленная, общая система: с популяризированной активностью человека в среде технологий развивается сфера потребления, развивается сфера обращения готового товара (продукта). Спектр и ассортимент товаров технологической деятельности достаточно разнообразен, отвечая требованиям маркетинга, от продукта питания, продукта творчества до информации.

Действительно, инновационная деятельность, неотъемлемо связанная с механизацией человеческого труда, опосредует научное развитие, появление новых знаний. В данном отношении известен опыт изобретения паровой машины и механического ткацкого станка, с появлением которых прошла всемирная промышленная революция, а также, изобретение которых привело к окончательному разделению имущих и неимущих, появлению пролетарского общественного класса.

Помимо факта объективно существующей реальности психологической зависимости человека от технологичной базы, и невозможностью существования вопреки тому, выкроено время для опережающего и поступательного процесса вовлеченности в виртуализацию человеческой жизнедеятельности. Другими словами, с доступностью рынка информации, как продукта технической жизни, созданы возможности для метаморфозы идеи антропоцентризма, играющей роль маски, над главной целью. Подмечая тенденцию вовлеченности человека в технологии, американский предприниматель, основатель компании Apple, Стив Джобс, играя роль технологичного инквизитора (главные черты – жестокость и расчетливость), выразил сущность: «Технологии – ничто. Что действительно изначально важно и очень правильно – это вера в людей. Дайте им инструменты, и с помощью них они смогут сотворить нечто прекрасное». Технологии существенны для человека, и существуют для него, направлены на его благо, т. е. человек есть высшая цель тенденции развития технологий.

Активная вовлеченность человека в жизнь технологической деятельности накладывает определенные обязательства, которые необходимо понимать. Технологии достигли того уровня, что образ технологичного цезаризма не скрываема. Этот аспект является одной из унифицированной методологии замещения, изменения структуры личности. На современном этапе мы говорим о виртуализации человека. Думается, что существует целая парадигма, направленная на эволюцию природы человека. Как и любая научная установка, данная парадигма обладает спектром методологии, начиная от пропаганды частной виртуализации (популяризация виртуальных социальных сетей, сужение источников информации (их замена) до интернета) до всеобщего виртуального пространства, даже в системе образования (дистанционное обучение). Первый этап парадигмы достигнут, человек, являясь одновременно и новатором технологий, и объектом их влияния, породил дополнительную социальную потребность, как возможное сочетание с потребностью в принадлежности по А. Маслоу. В данном контексте, рассмотрим технологическую потребность по трем возрастающим группам: для себя, для других, вместе с другими. В первом случае проводим грань самоопределения и самоутверждения, к примеру, посредством лучших инновационных разработок (новое поколение Apple). Во втором случае намечается синтез виртуального, с одной стороны, дружбы и любви, с другой; дружба в социальных сетях (объединение) и любовь на расстоянии (к примеру, виртуальные интим услуги). Третий аспект потребности сводится к всеобщему, к примеру, равноправному статусу всех участников виртуального пространства (сетевые компьютерные игры).

Наблюдается тенденция подмены способов реализации человеческих взаимоотношений, помимо этого, сами общечеловеческие принципы заменяются на менее высокие морально-нравственные категории. Превентивное развитие виртуализации привело к обесцениванию всечеловеческого достоинства. Соотношение машинизации социального быта, виртуализации, порожденной ей, и человеком, как «духом человеческим» приводит к парадоксальному заключению. На сегодняшний день это походит на виртуальный фетиш, вынуждающий существовать в постоянной выборке социально значимого. Мы имеем лучшее образование, но не имеем разума; увеличили потребности, но сократили ценности. Пастор Б. Мурхед заметил: «Парадоксом нашего времени является то, что мы имеем высокие строения, но низкую терпимость, широкие магистрали, но узкие взгляды».

С прямой потребностью принадлежности к виртуализации жизни человека, рассеивается представление о самом человеке, опосредующем его эволюционность. Чем вызвана такая зависимость от технологичной деятельности? Вызвана такая зависимость широкой пропагандой и эффек-

тивностью сферы обращения готовых товаров (продуктов). Скажем информация, как готовый продукт для потребления, ориентирована на широкий спрос (широкая группа людей), что и имеет. Человек сознательно вовлекает себя в систему информационно-коммуникационных сетей, становится узким потребителем. Экономические законы К. Маркса сохраняют свою актуальность, несмотря на переходную сущность самих законов экономики. В данном аспекте порождается одна из важнейших проблем современного потенциала человеческой личности, замены природы человека, человека-творца на человека-потребителя. Принимая во внимание соблюдение диалектического подхода (потребление – зеркало производства) мы наблюдаем основной закон товарного производства. Актуализация марксистской концепции прибыли в данном контексте обладает важностью за счет стройности и не противоречивости экономической теории. В целом научное достояние выступает двигателем прогресса человечества, составляет накопленный научный базис, необходимый для опыта предстоящего. Марксистский взгляд важен тем, что подтверждается реальностью общества. Русский мыслитель Н. А. Бердяев, являясь критиком марксизма, участвуя в Международных встречах в Женеве 1947 г., подметил сущность теории: «Читая доклад <...> я не мог слишком ударять по марксизму, так как все время чувствовал мир, в отношении которого марксизм был прав» [1, с. 670].

Равно с процессом самоотречения личности в процессе повсеместной виртуализации человеческого общества происходит рост значения информационной пропаганды, как методологии манипуляции. Медийный контент, предоставленный в сфере потребления сводится к процессу манипуляции. Дело в том, что признавая изобилие информации, никто не гарантирует ее достоверность. Медийный поток информации замещает живое общение и удовлетворяет человека наличием новой информации, готового продукта. Так, по мнению С. Г. Кара-Мурзы, в связи с тем, что «СМИ практически полностью вытеснили личное общение как источник сообщений, несущих новую информацию... из процесса получения информации исключается диалог, который создает важнейшую защиту против манипуляции сознанием. Получатели сообщений превращаются в толпу в том смысле, что они могут лишь пассивно воспринимать сигналы от “коммуникатора-суггестора”» [2, с. 301].

Проблема состоит в том, что за последнее время количество массмедиа только увеличиваются, накапливают превентивный характер подчинения сознания, известной манипуляции человеком. Постулирование информации, как источника манипуляции сознанием объективен. Сама информация неотъемлема от нарастания перспектив виртуализации социума, готового жить виртуальной жизнью, живущего в эпоху научно-техни-

ческих открытий. Последствием технических революций выступает измененная природа человека, более замещающего духовно-нравственные категории, высокие принципы механизацией. Прогресс машин породил проблематику человека, как социального существа, личностное развитие которого напрямую зависит от технологичной базы, с замещением или умалением морально-нравственных категорий, высших ценностей.

В данном контексте мы говорим о соотношении таких понятий, как технологии (механизация человеческой деятельности), информация (продукт потребления) и виртуальное (замещение социальной реальности). Определяя роль современно значимых категорий, выстраивается унифицированная парадигма с целевым (сущностным) назначением – самоотречение человека от высоких нравственных категорий, главным образом позволяющая ответить на вопросы: «Что есть человек?», «Кто я?». Посредством развития технологичной оснащенности порождается потребность их применимости, информация, посредством тех же технологий, завладевает сознанием человека; указанные процессы создают почву вовлеченности в виртуальное, как упрощения человеческого существования – таков скелет современной парадигмы. И действительно, сравнивая различные пути осмысления и способов реализации человеческого, мир движется либо по пути всестороннего упрощения (к элементарному), либо по пути новизны человеческого потенциала (абсолютно инновационный подход к самому человеку). Подвержен ли человек влиянию виртуализации, и каковы главные характеристики такой актуализированной проблематики?

Вопрос элементарного понятен; человек, посредством имеющихся возможностей использует технологическую оснащенность в пользу своей деятельности, тем самым ограничивая возможность использования физического и умственного труда. Вопрос же инновационного подхода к самому человеку требует дополнительных разъяснений. Новизна попыток осмысления человека ограничивает сферу воздействия мысли в определенных дозволенных (современно корректных) границах. Другими словами, мысленный образ претерпевает метаморфозу за счет актуальных проблем. Сегодня такой перелом в человеческом представлении, связанный с виртуализацией, можно выразить как выход из злободневной социальной реальности, поиск нового пути совершенствования личности, и отвечая идеям постмодернизма, в вопросе индивидуализации общества, их сведения к законам развития капиталистических тенденций (рыночным отношениям), накоплению личных благ.

В целом поиск нового пути развития личности имеет философский окрас. Известен опыт доведения фашизмом до логического завершения либеральной идеи конкуренции. Вот что взял фашизм у О. Шпенглера: «Человеку как типу придает высший ранг то обстоятельство, что он –

хищное животное» [3, с. 552]. Переломным моментом в истории западной цивилизации явилось общественное сомнение в фундаментальности ценностей европейской культуры, в связи с чем и появилась необходимость социальных инноваций. Помимо положения культурологического аспекта в обществе западной цивилизации и появлением мысли философии другого начала М. Хайдеггера, большое значение оказала именно информация. Сила информации, подтверждается практикой. Внушаемость разобщенному немецкому народу их биологической органичности с националистической примесью породили всемирно чудовищное состояние общества, сознание которого прошло качественную информационную обработку, т. е. через манипуляцию. Принципиально интересен взгляд немецкого пропагандиста Й. Геббельса на подсознательную роль СМИ: «Дайте мне средства массовой информации и я из любого народа сделаю стадо свиней», или в другом месте, рассуждая о пропаганде: «Худший враг пропаганды – интеллектуализм». Американский социолог Р. Линд подошел к этому вопросу с другой стороны: «Знание – сила, только если человек знает, на какие факты ему не надо тратить время» [4, с. 5].

Жизнедеятельность технологичной оснащенности зависима от запросов научной парадигмы самоотречения человека, т. е. от самого человека. Информация служит неким катализатором изменения структуры личности. Примечателен научный факт не израсходования катализатора в процессе реакции (!), т. е. информация играет накопительную угодную роль. Конечно, самой неустойчивой социальной стратой является молодое поколение, рожденное уже в процессе технологического цезаризма, однако поколения, этому предшествующие сохраняют нигилистский феномен. Поднимается проблема борьбы поколений и опережающих их научно-технических достижений. Такие поколения вкладывают интеллектуализм в генофонд человечества, который служит превенцией. Генофонд употребляется не только в смысле чистой биологизации общества, а в смысле переходных феноменов человека, в том числе и интеллектуальных способностей (от поколения к поколению), хранящихся в нейронных сетях головного мозга человека; учитывая и культуру. Если виртуализации удастся замещать структуры личности нового поколения, подвергать его психоэмоциональному давлению и манипуляции, то эволюционно общественный генофонд сохраняет превентивную функцию недопущения полного самоотречения личности, посредством генетического кода.

В целом на современном этапе, разрешая вопрос о возможной или невозможной самостоятельности виртуального, к самому пространству следует причислить главную семантическую сущность, как потенциального пространства. Другими словами, научная парадигма самоотречения личности является актуализированным аспектом, учитывая факторы тех-

нологичного цезаризма, расширяющейся сферы потребления информации и сопротивления человеческого генофонда, виртуальное пространство не может обладать полной самостоятельностью. Однако, принимая во внимание унифицированный скелет методологии замещения человеческой природы, претендует на это и имеет потенциальный характер.

С тенденцией вовлечения человека в виртуальное порождается главная проблема самоотречения личности и изменения природы человека, в связи с чем необходимы методы противодействия тенденции такого характера, с формулированием целой системы. Интеллектуализм является фундаментальным направлением такой системы. На сегодняшний день популярным направлением всесторонней образованности человека является экология природы, с целью сохранения и улучшения состояния окружающей среды, однако не изучается не менее важное направление, как экология культуры, играющей значимую роль в вопросах сохранения и улучшения состояния социальной реальности. Противодействие и предупреждение виртуализации общества состоит в организации и пропаганде интеллектуализации человека, пропаганды в духе мужества повседневного умственного труда, а также личной самоорганизации личности в эпоху научно-технических достижений.

Литература

1. Бердяев Н. А. Малое собрание сочинений. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 672 с.
2. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. Век XXI. М. : Алгоритм, 2015. 464 с.
3. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. От начала до Великой Победы. М. : Эксмо : Алгоритм, 2005. 640 с.
4. Эйдельман Т. Н. Как работает пропаганда. М. : Индивидуум, 2018. 216 с.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ВИРТУАЛИЗАЦИИ

УДК 316.84

П. А. Баев, *Краснодар*

Виртуальная религиозность современности

Проводится анализ цифровизации религии, рассматриваются различные направления виртуализации религиозного дискурса, религии и веры на просторах интернета. В связи с этим рассматриваются возможные варианты изменения религиозной идентичности, религиозной самости и солидарности религиозных сообществ.

Ключевые слова: виртуальность, цифровизация, виртуальная религиозность, виртуализация веры, цифровизация религии, онлайн-религия, религия онлайн

P. A. Baev, *Krasnodar*

Virtual religiosity of our time

The article analyzes the digitalization of religion, considers various areas of virtualization of religious discourse, religion and faith on the Internet. In this regard, possible options for changing religious identity, religious identity and solidarity of religious communities are considered.

Keywords: virtuality, digitalization, virtual religiosity, virtualization of faith, digitalization of religion, online religion, online religion

Виртуализация коснулась и религиозных организаций. Если до появления цифрового мира – деятельность официальных конфессий, как не канонических развивалась только в формате личной работы, индивидуального и группового взаимодействия, то с появлением сети Интернет – деятельность религиозных организаций разных конфессий стала распространяться и в виртуальном мире.

Интернет-пространство стало полем конструирования религиозной идентичности, передачи религиозных норм и традиций, опыта и установок социальных коммуникаций. Более того, стала появляться новая религиозная детальность и виртуальный религиозный дискурс.

Если проанализировать содержательную и формальную сторону интернет-религиозности, то можно выделить несколько ключевых тем развития данной сферы цифрового мира.

1. Социология религии, которая имеет множество разновидностей и тематик исследования: от массовых цифровых опросах пользователей сети о религии в целом, об их личной религиозности и вере, до отцифровки и последующего анализа религиозных текстов, позволяющих в последующем при помощи программных средств анализировать смысловые, символические, лингвистические, семантические и иные смыслы разных религиозных доктрин или одной, но в интерпретации разных авторов или разных изданий одного и того же произведения. Более того, смысловое и содержательное развитие сайтов и социальных групп, принадлежащих той или иной конфессии, также становится предметом качественного исследования. Это дает понимание основных контекстов медиазмерений цифровой религиозности. В рамках этого направления можно выделить исследования Р. Г. Ардашева [1–5], Р. В. Иванова [8] и др.).

2. Киберрелигиозность. Появление новой цифровой религии, консолидирующей символику, форму и методику работы с адептами у классических религиозных течений, но применяющих ее в фокусе цифровых религиозных коммуникаций по распространению киберрелигиозной системы. Тут могут возникать и исследоваться вновь возникшие виртуальные религиозные сообщества или появляться культовые религиозные виртуальные лидеры (гуру). Новые религиозные сообщества и отдельные лидеры способны объединить в цифровом пространстве людей из разных стран, говорящих на разных языках, имеющих разный пол, возраст и расу. Цифровой мир объединяет многих и убирает различия. Это направление можно назвать «онлайн-религия» (информирование пользователей о религии и ее цифровом формате). В рамках этого направления выделяются исследования П. А. Баева [6], Г. А. Буваевой [7], П. А. Трескина [12; 13] и др.).

3. «Медиатизация религии» (термин ввел Стиг Хьярвард). Это направление предполагает анализ воздействия медиа на религиозные практики. Многие религиозные организации расширяют свое взаимодействие в сети Интернет, что приводит к новым информационно-коммуникативным практикам (взаимодействие верующих в веб-чатах и официальное общение с адептами руководства религиозных организаций или течений в онлайн-формате). Появление сайтов, социальных групп, групп в мессенджерах позволяет говорить о том, что у людей появляется потребность в формировании религиозной идентичности и солидарности внутри сообществ. На основании этого формируется религиозная онлайн-идентичность. Следствием этого становится онлайн-молитва, религиозные виртуальные паломничества, онлайн-медитации, онлайн-богослужения, кибер-ритуалы и проч. Это направление можно назвать «религия онлайн» (обеспечение религиозного онлайн-взаимодействия в сети). В рамках этого направления можно выделить исследования Р. Г. Ардашева и О. А. Кармадонова [9], А. Ю. Поджидаевой [10], О. А. Полюшкевич [11] и др.).

Мы проанализировали количество запросов в поисковике www.google.com по ряду словосочетаний за пять последних лет (с 2017 по 2021 г.). И полученные данные (табл.) указывают на качественный рост интереса к различным сторонам цифровой религиозности, начиная от изучения религии через цифровое пространство, заканчивая онлайн-религией и религией онлайн.

Таблица

Количество обращений в поисковой сети www.google.com
на тему религиозности (с 2017 по 2021 г.) (в %)

Анализируемые обращения	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Вера	14,3	19,3	25,3	28,1	33,3
Религия	18,5	24,6	32,5	39,3	45,2
Христианство	22,3	25,6	29,9	38,9	48,6
Христианские организации	18,7	26,7	32,3	42,1	47,9
Буддизм	12,2	18,9	23,4	25,6	28,7
Буддистские центры	10,9	14,3	17,8	21,2	24,5
Ислам	21,2	27,8	34,4	39,9	46,5
Мусульманские организации	25,4	27,8	36,7	43,4	49,9
Иудаизм	16,3	21,2	25,6	27,8	30,1
Еврейские общины	19,5	22,3	26,5	29,6	35,6
Шаманизм	8,4	12,6	17,9	29,2	36,9
Шаманские центры	12,3	15,6	18,9	28,1	36,5

Данные таблицы отражают не только количественный рост интереса к виртуализации религиозности, но и качественное смещение смыслов и интереса к виртуальной религиозности современников. За анализируемый период интерес к «вере» вырос в два раза (от 14,3 % в 2017 г. до 33,3 % в 2021 г.); религия как отрасль также повысила количество обращений (от 18,5 % в 2017 г. до 45,2 % в 2021 г.). Количество обращений в религиозные организации и конкретные конфессии (христианство и христианские организации; буддизм и буддистские центры; ислам и мусульманские организации; иудаизм и еврейские организации) также увеличилось в два раза (более подробно представлено в таблице). Только интерес к шаманизму вырос в четыре раза (от 8,4 % в 2017 г. до 36,9 % в 2021 г.) и шаманским центрам (от 12,3 % в 2017 г. до 36,5 % в 2021 г.).

Это означает, что происходит формирование новых моделей социальной и религиозной идентичности, восприятия самих себя и своих ценностей, мировоззрения и жизненных приоритетов, меняющихся под воздействием виртуализации религии и религиозности.

Виртуальная религиозность современников только зарождается как направление для исследований, раскрывающих внешние и внутренние процессы религиозной трансформации. А если меняется вера и религия

современников, то меняется и сама жизнь. Поэтому, дальнейший мониторинг данной тематики позволит выявить ключевые векторы изменения виртуальной религиозности граждан.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Иррациональность современных условий религиозной идентичности // Религиозная идентичность и межкультурные коммуникации : материалы Всерос. науч. семинара / под общ. ред. А. П. Романовой, Д. А. Черничкина. Астрахань : Изд-во АГУ, 2020. С. 121–125.
2. Ардашев Р. Г. Религиозность виртуального пространства в пандемическом обществе: особенности сознания // Социология. 2021. № 4. С. 20–26.
3. Ардашев Р. Г. Субъективное восприятие свободы воли и религиозного самоопределения в общественном сознании // Социология. 2020. № 6. С. 5–15.
4. Ардашев Р. Г. Аффект через призму общественных настроений // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2021. № 12. С. 85–90.
5. Ардашев Р. Г. Институционально-правовые формы религиозности: от объективных реалий к субъективным оценкам // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 160–174.
6. Баев П. А. Трансформация института религии и процессы интеграции в российском обществе // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе : материалы IV Всерос. науч. интернет-конф. с междунар. участием. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. С. 178–187.
7. Буваева Г. А. Интернет-пространство религии и «цифровизация буддизма» // Вестник Калмыцкого университета. 2020. № 2 (46). С. 86–91.
8. Иванов Р. В. Новая религиозность и религиозная идентичность среди молодежи // Религиозная идентичность и межкультурные коммуникации : материалы Всерос. науч. семинара / под общ. ред. А. П. Романовой, Д. А. Черничкина. Астрахань : Изд-во АГУ, 2020. С. 137–143.
9. Кармадонов О. А., Ардашев Р. Г. Социальное бессознательное как условие и фактор социальной конъюнкции // *Nomothetika*: Философия. Социология. Право. 2021. Т. 46, № 3. С. 605–609.
10. Поджидаева А. Ю. Роль и место религии в современном обществе // Религиозная идентичность и межкультурные коммуникации : материалы Всерос. науч. семинара / под общ. ред. А. П. Романовой, Д. А. Черничкина. Астрахань : Изд-во АГУ, 2020. С. 63–68.
11. Полошкевич О. А. Идентичность и солидарность: религиозность виртуального пространства // Религиозная идентичность и межкультурные коммуникации : материалы Всерос. науч. семинара / под общ. ред. А. П. Романовой, Д. А. Черничкина. Астрахань : Изд-во АГУ, 2020. С. 165–171.
12. Трескин П. А. Взрыв «новой религиозности» среди молодежи: причины и следствия // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе : материалы всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2009. С. 139–144.
13. Трескин П. А. Иррационализация духовности: ресурсы региональных религиозных организаций // В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 263–269.

УДК 159.923

Е. П. Белинская, *Москва*

Образ психолога и психологических услуг в виртуальном пространстве: представления молодежи²

Представлены основные результаты эмпирического исследования образов психологических услуг и специалиста-психолога в виртуальном пространстве; в качестве респондентов исследования выступали активные пользователи социальных сетей в возрасте от 18 до 25 лет, получающие психологическое и иное высшее образование. С помощью совокупности количественных и качественных методов показано, что образ психологических услуг в социальных сетях интернета неотделим от образа человека, их оказывающего. Обозначено, что ядро этих представлений составляет интеграция образов «типичного» и «некомпетентного» психолога, при этом итоговый результат становится максимально обезличенным, особенно в сравнении с образом психолога, не реализующим профессиональную деятельность в виртуальном пространстве. Сделан вывод, что для современной молодежи в целом вне зависимости от характера получаемого образования практически отсутствуют четкие маркеры профессионализма психолога-практика в социальных сетях.

Ключевые слова: цифровизация, виртуальное пространство, социальные сети, образ психолога, психологические услуги

Е. P. Belinskaya, *Moscow*

The image of a psychologist and psychological services in the virtual space: Representations of youth

The main results of an empirical study of images of psychological services and a specialist psychologist in the virtual space are presented; the respondents of the study were active users of social networks aged 18 to 25 years, receiving psychological and other higher education. Using a combination of quantitative and qualitative methods, it was shown that the image of psychological services in Internet social networks is inseparable from the image of the person providing them. The core of these ideas is the integration of images of a «typical» and «incompetent» psychologist, while the final result becomes as impersonal as possible, especially in comparison with the image of a psychologist who does not realize professional activity in virtual space. In other words, for modern youth, in general, regardless of the nature of the education received, there are practically no clear markers of the professionalism of a psychologist-practice in social networks.

Keywords: digitalization, virtual space, social networks, the image of a psychologist, psychological services

Процесс цифровизации практически всех областей жизнедеятельности человека закономерно отражается на мире профессий, и профессия психолога не является исключением. В течение последнего десятилетия все большую популярность приобретают не только различные дистанционные формы оказания психологической помощи и поддержки, но и общее расширение психологического контента в виртуальном пространстве, который представлен в множественных текстовых и визуальных

² Работа выполнена в рамках гранта РНФ «Предикторы психологической адаптации личности в ситуации глобальных рисков цифрового мира: межпоколенный и гендерный анализ», № проекта 22-18-00230

формах той или иной степени научной достоверности. Оставляя за рамками рассмотрения возможные причины подобной массовой «психологизации» пространства социальных сетей, отметим, что она имеет, как минимум, два социально-психологических следствия: во-первых, расширение психологического контента в виртуальном пространстве ставит перед специалистом-психологом отдельную задачу позиционирования в нем себя и своих услуг; во-вторых, очевидно оказывает влияние на развитие представлений активных пользователей не только о «мире психологии», но и об его «обитателях».

В итоге это влияет на то, какие психологические услуги предоставляются в виртуальном пространстве, в каком виде и качестве, ведь множественная и анонимная потребительская аудитория более выражено ставит задачу заинтересовать потенциального клиента, что, как правило, требует наличия отдельных навыков (так, психолог, который хочет добиться успеха в социальных сетях, должен сегодня быть одновременно и блогером, и маркетологом, и оратором, и фотографом, и т. д.). Также немаловажным фактором модификации психологических услуг в цифровой среде являются технологические особенности каждой конкретной социальной сети: например, сегодня все чаще становится популярен контент в виде коротких видеороликов (TikTok, Instagram), а на вторые роли уходят «текстовые» социальные сети («ВКонтакте», Facebook), которые при этом все чаще перенимают роль мессенджеров. Добавим к этому, что имеющиеся в психологии представления о тех профессиональных качествах, которыми должен обладать специалист-психолог для плодотворной работы, опираются на теоретические и эмпирические данные нецифрового мира и не учитывают цифровой разрыв поколений: представляется, что на особенностях образа психолога сегодня сказываются общие закономерности информационной социализации молодежи. Определенный вклад в распространение психологического контента и разного рода психологических услуг в виртуальной среде внесла и пандемия как акцентированная ситуация глобального риска: вынужденная самоизоляция не только сопровождалась усилением негативных переживаний (прежде всего – тревожными и депрессивными расстройствами), но и более выраженным массовым информационным поиском психологической помощи и поддержки.

Данные обстоятельства делают изучение представлений об особенностях образа психолога и предоставляемых им услугах в виртуальном пространстве более чем актуальным.

Основной гипотезой проведенного нами эмпирического исследования выступало общее предположение о том, что представления молодежи о содержании психологических услуг в социальных сетях взаимосвязаны

с представлениями о специалисте, их оказывающим. Также мы предполагали, что эти представления будут иметь специфику в зависимости от опыта реального взаимодействия с «миром психологии» (наличия/отсутствия опыта обращения за психологической помощью, характера получаемого образования, частотой обращения к сетевым информационным психологическим ресурсам).

В исследовании приняло участие 103 человека (выборка сбалансирована по полу), обучающиеся в высших учебных заведениях по психологической специальности и по другим направлениям (в равных долях); медиана возраста респондентов – 21,7.

Методики исследования включали в себя: 1) авторскую анкету, направленную на выяснение предпочтений респондентов в использовании теми или иными социальными сетями, частоте и характере их пользовательской активности, специфике отношения к психологическим информационным ресурсам виртуального пространства; 2) специально разработанную для целей исследования методику незаконченных предложений, направленную на выяснение представлений респондентов и психологических услугах и специалисте психологе – как реализующем свою профессиональную деятельность в «традиционном» формате, так и исключительно в виртуальном пространстве; 3) методика личностного дифференциала, где объектами оценивания выступали образы «типичного», «сетевого», «компетентного» и «некомпетентного» психолога-практика; 4) методика свободных ассоциаций с использованием тех же образов. Для сбора данных использовались Google-формы. Первичные данные, полученные при помощи открытых ответов, были обработаны контент-анализом. Для обработки данных, полученных с помощью свободных ассоциаций, использовалась методика П. Вержеса. Для обработки количественных данных использовался статистический пакет IBM SPSS 25. Сбор данных осуществлялся в период с марта по апрель 2022 г.

Остановимся на основных результатах исследования.

Наиболее популярной среди наших респондентов (вне зависимости от пола, характера получаемого образования и опыта обращения за психологической информацией и/или психологическими услугами) является Telegram. В определенной степени это связано с тем, что данное приложение гибко совмещает в себе как функции мессенджера, дающие возможность общения, так и функции соцсети – чтение и ведение текстовых/видеоблогов, подкастов, онлайн-трансляций и т. д. Подобные сетевые предпочтения (которые, согласно анкете, возникли у респондентов значительно ранее момента проведения исследования) были подкреплены и актуальной ситуацией, когда большое количество интернет-приложений приостановило работу на территории России, и многим блогерам, интернет-ресурсам и т. д. пришлось перенести свою деятельность в

Telegram. Подавляющее большинство респондентов также отмечали, что никогда не пользовались Facebook, что может быть связано с большей популярностью у молодежи визуального контента по сравнению с текстовым (и, соответственно, с предпочтениями Instagram) и с конкурирующей ролью отечественной «ВКонтакте». Гендерные различия проявлялись в наборе доминирующих действий в виртуальном пространстве: в то время как мужчины, в основном использовали социальные сети для активной коммуникации («переписываюсь»), то женщины чаще проявляли поисковую активность («скроллю ленту») и пассивно просматривали контент других пользователей («смотрю истории»). Это позволяет предположить, что в целом вероятность увидеть контент, связанный с психологией, для женщин выше, чем для мужчин.

Вопросы относительно поиска психологической информации в социальных сетях касались рефлекслируемой частоты информационного запроса, тех или иных действий с интересным психологическим контентом, характеристик непривлекательного психологического контента и предпочитаемых особенностей специалиста, оказывающего психологические услуги.

Прежде всего отметим, что для наших респондентов (вне зависимости от пола и характера получаемого образования) оказалось характерным обращение внимания на персонифицированный психологический контент: обращение к психологической информации, представляемой конкретным человеком, позиционирующим себя как психолога/консультанта/психотерапевта, встречалось значимо чаще, нежели к информации, представленной иначе (например, через сайты психологических сообществ и специализированных факультетов, не говоря уже о научных публикациях). При этом доминирующей характеристикой при восприятии психологического контента как неинтересного являлось отсутствие доверия к источнику информации, а не его содержательные особенности (например, информационная насыщенность, соответствие научным критериям и т. п.). Иными словами, для наших респондентов вне зависимости от степени знакомства с психологической информацией (будущие психологи и не-психологи) ведущей характеристикой сетевого психологического контента выступало только позиционирование конкретным человеком себя как авторитетного источника. Несколько удивительным для нас оказалось при этом, что несмотря на растущую популярность в молодежных когортах идеи обращения за психологической помощью, подавляющее большинство опрошенных отмечали, что в трудной/проблемной для себя жизненной ситуации они обратятся за поддержкой и помощью к друзьям и родным.

Каковы же конкретные характеристики такого авторитетного источника? Для подавляющего большинства респондентов – это человек noticeably старше их по возрасту (от 30 до 39 лет), как мужчина, так и женщина. Но при этом в случае необходимости реального обращения за психологической помощью большинство респондентов, вне зависимости от пола, значимо чаще предпочли бы специалиста-женщину, нежели мужчину. Интересно, что подтвержденная формальными характеристиками квалификация специалиста (образование, научная степень, стаж работы и т. п.) не имеет значения для наших респондентов, впрочем, как и принятые в неформальных сообществах специалистов-практиков содержательные характеристики профессиональной квалификации (сертификация, прохождение личной терапии, пребывание под супервизией и/или интервизией). Большинство респондентов отмечают, что при реализации психологических услуг им наиболее важно взаимопонимание клиента и психолога. Иными словами, в сознании респондентов успешность психологического процесса закрепляется на эмпатийности консультанта, его способностях понимать и сопереживать клиенту.

Тем не менее наблюдались и некоторые отличия в образе психолога в зависимости от характера получаемого образования (и, отметим, вне зависимости от опыта реального обращения за психологической помощью, что представляется удивительным).

Так, обработка полученных результатов по методике П. Вержеса показывает, что в ядро представлений о «типичном» психологе для респондентов-будущих психологов включаются такие личностные качества как *эмпатичный, спокойный, тактичный, сдержанный*, а для респондентов-непсихологов – *эмпатичный, добрый, рассудительный, мудрый*; периферия представлений респондентов-психологов включает в себя *положительную вербалику (умение говорить и расположить клиента к вербальному контакту), профессиональные знания*, а у не-психологов – *умение вызвать позитивные эмоции у клиента, успокоить и т. п.* Иными словами, ядро представлений у психологов и не-психологов частично совпадают, но наблюдаются различия в периферии, а именно эта зона представлений, напомним, является основным источником их потенциальной динамики. Отметим также, что наблюдались гендерные различия в характере представлений о «типичном» психологе, а именно в целом структура представлений у женщин оказалась менее дифференцирована, чем у мужчин. Представления о «некомпетентном» психологе ожидаемо оказались, по сути, «зеркальным отражением» образа «типичного» психолога: их ядро в случае респондентов-психологов и респондентов-непсихологов образовывали негативные личностные характеристики, а соответствующие периферии – отсутствие профессиональных знаний и неумение поддерживать эмоциональный контакт с клиентом.

Наиболее противоречивым оказался образ «сетевых» психологов в обеих подвыборках. Так, ядро представлений о специалисте, оказывающем психологические услуги в виртуальном пространстве, было менее содержательно насыщено и содержало только нейтральные личностные характеристики (например, *положительная вербалика*) или же было настолько размыто, что позволяет утверждать о наличии деперсонализации этого образа (особенно в подвыборке не-психологов); периферическая же часть представлений в основном содержала указания на отсутствие способности вызвать эмоциональный отклик у клиента. Гендерные различия в представлениях о «сетевом» психологе практически отсутствовали.

Иными словами, наиболее парадоксальным из полученных результатов выступает тот факт, что специалист, оказывающий психологическую помощь в виртуальном пространстве (психолог/консультант/психотерапевт), предстает для молодых активных пользователей социальных сетей в большей степени не как реально существующий человек, а, скорее, как далекий и деперсонифицированный интегральный образ, несмотря на то что психологические услуги значимо взаимосвязаны именно с конкретным специалистом. Тем самым «сетевой» психолог не наделяется какими-то личностными качествами, а представления о психологических услугах складываются из конкретных и нередко случайных визуальных образов (изображений, видео).

УДК 34.01

К. П. Ермоченко, Смоленск

Феномен «цифровых прав» и «цифровой свободы» личности: нравственно-правовые аспекты

Рассматривается противоречивый, до конца не изученный феномен «цифровых прав» и «цифровой свободы» личности как результат работы современных механизмов действительно-неоднозначного влияния цифровой эпохи на процесс развития социальных институтов, и в частности, на отдельную самостоятельную отрасль права. Делается попытка изучить последовательную динамику внедрения данных понятий, их структурных, содержательных и смысловых составляющих в жизнь человека, в систему правовых отношений в условиях цифровой эпохи и доказать неготовность в полной мере эффективно использовать данные «цифровые категории» в условиях современного состояния законодательства.

Ключевые слова: виртуальное пространство, информационное общество, цифровые права, «цифровая свобода».

К. P. Ermochenko, Smolensk

The phenomenon of «digital rights» and «digital freedom» of the individual: Moral and legal aspects

The article examines the contradictory phenomenon of «digital rights» and «digital freedom» of the individual, which has not been fully studied, as a result of the work of modern mechanisms of the

effectively ambiguous influence of the digital era on the development of social institutions, and in particular, on a separate independent branch of law. In the study, the author tries to study the consistent dynamics of the introduction of these concepts, their structural, substantive and semantic components into human life, into the system of legal relations in the digital age and to prove the unwillingness to fully effectively use these “digital categories” in the current state of legislation.

Keywords: virtual space, information society, digital rights, “digital freedom”.

Сегодня в условиях стремительно меняющегося мира и всех его социально-экономических, политических и культурных процессов, которые находятся под незримо объективно сильным давлением информационного общества, вопрос личности, понятие свободы этой личности приобретает усовершенствованный и дополненный вид и обновленное понимание.

Правильное его формирование в современных цифровых реалиях возможно только на основе требований «мира цифры и информации» и конъюнктуры «рынка цифры». В цифровую эпоху вопрос свободы личности для полного и объективно точного его изучения необходимо рассматривать одновременно и параллельно исходя из нравственной составляющей данной проблемы и правовой.

Нужно уметь видеть и определять необходимое наличие, противоречивое отсутствие тождественных свойств и характеристик при изучении как правового аспекта свободы личности, так и нравственного.

Современная наука располагает достаточно большим количеством полных и точных трактовок, определений понятия «свобода личности», рассмотренных с позиций различных сфер человеческой жизни.

Так, в частности, энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона с философской точки зрения под свободой понимает «возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества» [2]. Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля, свобода – это «возможность действовать по-своему; отсутствие стеснения, неволи, рабства, подчинения чужой воле» [Там же].

Согласно авторской трактовке В. И. Коваленко, «личная свобода – это правоохраняемое благо, которое включает в себя внутреннее свободное, осознаваемое, ощущаемое желание, побуждение человека (субъективно-интеллектуальный критерий) и фактическую возможность реализации в действительности свободы выбора поведения, передвижения, вида деятельности (физический критерий), т. е. свободу материализации (объективизации) своего субъективного волеизъявления в рамках всего, что не ограничено законом» [4, с. 15].

Эти представленные определения понятия «свобода личности» и еще множество других, которые нашли свое отражение в словарях, учебных пособиях, научных трудах, должны в информационную эпоху не просто

найти свое отражение и реальное применение, а показать, что современные реалии сегодняшнего дня, в том числе и «эпоха цифры» в целом, никаким образом не влияют ни на характер структурных характеристик этого понятия, ни на способ их реальной реализации.

Этому можно дать вполне логическое объяснение. Сегодня как-бы не развивалось общество, все его структуры, главное первостепенное место занимала и будет занимать личность человека, ее безопасность, ее свобода. Все не ради человека, а для него.

Право человека на жизнь, свободу, труд и образование является неотъемлемым достоянием всех людей, без какого бы то ни было различия на основании расы, цвета кожи, пола, языка, религии, которым должны обладать все люди, без какой-либо дискриминации. Но в современном мире случаи нарушения прав человека и гражданина встречаются повсеместно. В связи с этим можно выявить ряд причин, которые лежат в основе нарушения прав и свобод.

Так, политический режим является первым препятствием на пути к соблюдению прав и свобод человека. Если в условиях демократии отдельный член развитого общества имеет равные с другими людьми права, то сложившиеся сейчас антидемократические режимы в некоторых отдельных странах активно этому препятствуют. Так, например, в Северной Корее частная жизнь граждан находится под полным контролем государства. Жители населенных пунктов обязаны отчитываться о своих передвижениях, соблюдать определенные правила относительно семейной жизни, избегать откровенного общения с иностранцами. Законодательство страны не предусматривает возможности путешествовать в другие страны и тем более эмигрировать.

Серьезное влияние на жизнь общества и человека часто оказывает религия, а также радикальные течения, которые часто притесняют, например, права женщин. Так, в Афганистане средняя продолжительность женщин невысока, примерно 45 лет, миллионы вдов попрошайничают, чтобы выжить. Бедность, военные конфликты, раннее замужество и насилие со стороны своих мужей и родственников – вот чем живут местные женщины. Здесь один из самых высоких показателей смертности во время родов. А в Демократической Республике Конго ни один юридический документ не может быть подписан женщиной без разрешения мужа.

Еще одной проблемой на пути к соблюдению прав и свобод человека и гражданина являются экономические трудности государства, которые часто приводят к заметному снижению уровня жизни населения. В условиях нарастания проблем в обществе соблюдать права каждого отдельного гражданина (например, право на достойную оплату труда) становится сложнее.

Сегодня проблема защиты прав и свобод человека и гражданина относится к ведению международного права в области прав человека, которое определяет правовые обязанности государств, в соответствии с которыми они обязаны действовать определенным образом или воздерживаться от определенных действий с целью поощрения и защиты прав человека и основных свобод отдельных лиц или групп людей.

Цифровая эпоха не просто предлагает, а навязывает свои требования к процессу функционирования общества, его отраслей, структур, систем и подсистем. Это своего рода вирус, который постепенно проникает во все, что создавал и продолжает создавать человек, причем очень стремительно наращивая темпы этого проникновения. Приведем пример.

Юридическая наука еще недавно не была знакома с феноменом цифровых прав. Сегодня это не просто феномен, это законодательная новелла, которая уже нашла способ частичной реализации.

Советский и российский судья, юрист, в прошлом председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин под цифровыми правами понимает «права людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности к сети Интернет. А также право свободно общаться и выражать мнения в Сети и право на неприкосновенность частной информационной сферы...».

По мнению Р. Б. Головкина и О. С. Амосовой, «цифровые права – это не самостоятельные меры возможного, возможное поведение субъектов правоотношений, это скорее форма выражения субъективных прав, отраженных в гражданском законодательстве...»[3].

Это далеко не все толкования данного проблемного понятия, которые предлагает нам юридическая наука и научное знание в целом. Мы можем быть согласны или против данных интерпретаций, но все они имеют права на существование и в совокупности в последующем способны внести ясность и дать достаточно полное объяснение данному феномену, которое найдет свое место в системе гражданского законодательства.

А пока юридическая мысль, рассматривая феномен «информационных прав», может руководствоваться Гражданским кодексом РФ, который претерпел в текущем году важные изменения, в частности в вопросе определения объектов гражданских прав.

Так, ст. 128 Гражданского кодекса РФ гласит [1]: «К объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним сред-

ства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага». То есть, иными словами, «цифровые права» стали новым объектом гражданских прав.

В юридической науке сегодня в связи с этим ведутся «громкие» дискуссии. Так, например, заведующая кафедрой гражданского и семейного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) Л. Ю. Василевская считает, что «нельзя рассматривать цифровые права в одной плоскости с известными нам и различными по своей юридической природе имущественными правами. Цифровизация прав приводит не к возникновению нового вида имущественных прав, существующему наряду с обязательственными, корпоративными, исключительными правами, а к их цифровому способу фиксации» ...» [5].

Это все относится к сегодняшнему феномену цифровых прав. Но, сравнивая с проблемой понятия свободы личности в информационную эпоху, мы уверены, что никаких споров, а тем более «переписывания» имеющейся сегодня научной, философской, законодательной базы, относящейся к рассматриваемому вопросу, быть не может.

Таким образом, мы считаем, что в отличие от «цифровых прав», которые стали заложником системы цифровой эпохи, понятие «свобода личности», его обновленная трактовка в информационном мире останется непоколебимой и лишь учтет те способы и механизмы реализации, которые предлагает цифровая эпоха.

В современном мире охрана и защита прав человека и гражданина является главной задачей государства, эффективность решения которой будет возможна только при наличии целостной системы правовых механизмов, которые должны носить исключительно обязательный и всеобъемлющий характер для любого современного государства.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/f7871578ce9b026c450f64790704bd48c7d94bcb/
2. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. В. Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Современная версия. М. : Эксмо, 2009. 288 с.
3. Ермоченко К. П. Цифровая трансформация отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления российских регионов: итоги 2020 г. и перспективы развития // Пространственное развитие территорий : сб. науч. тр. IV Междунар. науч.-практ. конф. Белгород, 25 ноября 2021 г. / под общ. ред. Е. А. Стрябковой, А. М. Кулик. Белгород : Эпицентр, 2021. С. 71–75.
4. Коваленко В. И. Философско-правовые аспекты свободы личности // Философия права. 2016. № 6(79). С. 11–15.
5. Морхат П. М. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта. Гражданско-правовое исследование. М. : Юнити-Дана, 2018. 113 с.
6. Морхат П. М. Право и искусственный интеллект / Российская гос. академия интеллектуальной собственности. М. : Юнити-Дана, 2018. 544 с.

УДК 17.032

Ю. В. Заварзина, *Иркутск*

Виртуальный имидж Иркутской области

Рассмотрены основные этапы развития представлений о формировании имиджа территории, особенностях конструирования виртуального имиджа региона и способах его развития. Представлены результаты анализа медиадискурса имиджа Иркутской области с 2017 по 2022 г. Проведена сравнительная эмоциональная (позитивный, негативный, нейтральный) оценка публикаций об Иркутской области, представленных в медиапространстве за представленный период и сделан вывод о существующем на данный момент виртуальном имидже Иркутской области.

Ключевые слова: виртуальный имидж, медиадискурс, медиаполе, цифровая представленность, общественное сознание, виртуальный образ

Yu. V. Zavarzina, *Irkutsk*

Virtual image of the Irkutsk region

The article presents the main stages in the development of ideas about the formation of the image of the territory, the features of constructing the virtual image of the region and the ways of its development. The results of the analysis of the media discourse of the image of the Irkutsk region from 2017 to 2022 are presented. A comparative emotional (positive, negative, neutral) evaluation of publications about the Irkutsk region, presented in the media space for the period presented, was carried out and a conclusion was made about the currently existing virtual image of the Irkutsk region.

Keywords: virtual image, media discourse, media field, digital representation, public consciousness, virtual image

В сети Интернет любой регион представлен как официальными сайтами, так и неофициальными страницами, которые раскрывают его специфику. И первые, и вторые формируют виртуальный имидж территории. Имидж территории позволяет конструировать привлекательный или негативный образ того или иного региона, что может притягивать инвестиции, проекты, людей или наоборот, приводить к тому, что люди будут уезжать, проекты закрываться, а инвестиции уводиться в другие зоны и проекты.

Виртуальный имидж территории строится на медиапространстве, транслирующем символические и реальные образы территории, формирующем общественное мнение, регулирующем социальные установки и убеждения в отношении конкретного региона как у рядовых жителей и жителей соседних регионов, так и у представителей бизнеса, власти и других социальных институтов, способных изменить социальный климат региона. Медиапространство становится местом конструирования идентичности и солидарности жителей региона, так же как и основой для конструирования социально значимых инвестиционных и стратегических механизмов развития рассматриваемой территории.

Значимость образа города или территории в сознании его жителей была отражена еще в работах К. Линча. После этого ученые не раз прибегали к освоению данного термина как в теоретических, так и в практических работах. И можно выделить три этапа раскрытия смысла понятия

«имидж территории». В 1989–2000-х гг. в понимании имиджа региона преобладали концепты «товара», «потребителя» и «восприятия». В 2001–2010-е гг. триада «товар-потребитель-верования» стала чаще фигурировать в определении имиджа. В 2011–2022 гг. самым цитируемым определением стало следующее: «Имидж территории – набор всех представлений, идей и верований индивида относительно конкретного региона». Развитие термина показывает, как имидж территории, изначально определяемый через маркетинг и потребительские качества товара, становится социальным феноменом. Но и последнее определение нельзя считать исчерпывающим, поскольку не ясно, что считается территорией (политическая система государства, территория или население) и как определяются критерии представлений, идей и верований индивида.

В современных исследованиях встречается понятия образ и имидж региона, его бренд, стереотип и репутация. Имидж территории чаще всего рассматривается как инструмент конкурентоспособности территории (Ю. В. Борисова [4–8], И. А. Журавлева [9], Ю. В. Заварзина [10–14], М. В. Попова [22–29]) или образом конкретного конструирования (О. А. Полюшкевич [15–21], Р. Г. Ардашев [1–3]). В работах последних присутствует понимание территории как эмоционально воспринимаемого образа, наполненного ценностями и смыслами, которые развиваются через СМИ. Эти исследования указывают на разносторонность подходов к изучению имиджа региона. Но виртуальная составляющая данного процесса пока мало исследована. Данная работа позволяет лишь наметить перспективы изучения и моделирования данного направления аналитического конструирования развития территории.

В ходе исследования мы анализировали публикации об Иркутской области в медиaprостранстве с 2011 по 2021 г. ($n = 5600$). Публикации отбирались по следующим критериям:

- релевантность региону (существует прямое указание «Иркутская область» в названии публикации),
- не рассматривались преступления (даже с упоминанием названия региона),
- использовались публикации, где подразумевалась Иркутская область («наша область», «иркутский регион» и т. д.).

Материалы исследования анализировались в программе Atlas.ti.

В результате анализа медиаликурса имиджа Иркутской области мы можем выделить следующие блоки.

- Регион развивающейся инфраструктуры. Публикации, направленные на развитие и восстановление территорий муниципалитетов, локальных предприятий (строительство новых и восстановление старых), что приводит к повышению качества жизни жителей территории.

- Регион экономической привлекательности. Привлечение инвестиций для развития территории.
- Регион энергетического развития. Публикации, посвященные энергетике Иркутской области, как ее прошлому, так и настоящему и будущему.
- Регион водного потенциала. Потенциал пресных ресурсов Иркутской области как источника жизни и здоровья населения.
- Туристический регион. Привлекательность территории с позиции туризма (Озеро Байкал, значимые исторические места, места силы и т. д.).
- Регион исторической памяти и исторического потенциала. Публикации, посвященные освоению Сибири, Декабристам, Русско-Американской компании Г. Шелехова и т. д.
- Социально-ориентированный регион. Проблемы жителей региона в местах работы, выплатах денег, социальной обеспеченности больницами, школами, детскими садами, качестве получаемого образования, условий жилья и т. д.
- Регион стратегически-идеологический. Публикации о накоплении ресурсов (водных, энергетических, транспортных) способных сохранить потенциал страны в настоящем и будущем.
- Регион международного сотрудничества. Публикации о партнерстве с другими государствами в сфере экономики, политики, культуры, человеческих ресурсов и проч.
- Регион чрезвычайных ситуаций. Публикации о наводнениях, пожарах и землетрясениях на территории Иркутской области.
- Экологические проблемы региона. Проблемы, связанные с производствами (БЦБК), экономическими решениями (атомные захоронения) и экологическими катастрофами (затопление территории, пожары).

В таблице 1 представлены с-коэффициенты значимости распределения блоков имиджа Иркутской области в виртуальном пространстве.

Как видно из таблицы с-коэффициенты нестабильны и зависят от общих социальных контекстов. В частности, пандемия внесла коррективы, но не изменила ключевые векторы формирования виртуального имиджа Иркутской области. При этом, формирование позитивного, негативного или нейтрального контекстов медиаполя Иркутской области неоднозначно (табл. 2).

Эмоциональная оценка варьируется год от года. Но в целом можно говорить, что виртуальный имидж Иркутской области больше положительный, хотя, безусловно, есть направления куда и как стоит вкладывать ресурсы и время, чтобы ситуация стала меняться в более интенсивном позитивном ключе. Особенно это касается социально-ориентированных

стратегий восприятия и туристического потенциала, экологических проблем и вопросов чрезвычайных ситуаций. В этих блоках негативных публикаций больше, чем позитивных на протяжении всего периода анализа медиадискурса.

Таблица 1

Структура медиаполя Иркутской области с 2017 по 2021 г.

Структурная сетка	2021 г.	2020 г.	2019 г.	2018 г.	2017 г.
Регион развивающейся инфраструктуры	13,2	15,3	12,1	11,1	10,2
Регион экономической привлекательности	12,2	10,5	11,1	17,5	14,5
Регион энергетического развития	13,5	8,9	7,8	7,7	8,9
Регион водного потенциала	8,8	8,5	7,4	7,2	7,9
Туристический регион	13,4	12,1	11,5	10,6	7,8
Регион исторической памяти и исторического потенциала	14,2	12,1	10,6	8,6	7,4
Социально-ориентированный регион	14,5	13,2	18,7	13,4	11,7
Регион стратегически-идеологический	12,3	12,1	11,7	11,4	10,5
Регион международного сотрудничества	14,5	13,2	12,1	11,7	13,4
Регион чрезвычайных ситуаций	7,6	7,8	15,6	11,2	10,7
Экологические проблемы региона	14,3	13,5	16,5	13,4	12,8
Другое	5,6	6,7	7,2	6,3	5,9

Таким образом, данное исследование показало неоднозначность формирования виртуального имиджа Иркутской области через цифровое медиаполе. Это может иметь серьезное влияние на социально-экономический потенциал региона, возможности привлечения инвестиций и социального развития в целом.

Цифровой мониторинг данных публикаций, конструирующих виртуальный имидж региона видится основополагающим в формировании концепции развития виртуального имиджа Иркутской области и может служить основой развития не только для государственных структур, но и частных проектов бизнеса, НКО и т. д. Это направление может стать основой для формирования территориального маркетинга на принципиально новых условиях, что приведет к передовому развитию региона среди других субъектов РФ.

Таблица 2

Эмоциональная оценка представленности публикаций в медиадискурсе Иркутской области с 2017 по 2021 гг. (в %)

Структурная сетка	2021 г.			2020 г.			2019 г.			2018 г.			2017 г.		
	+	-	0	+	-	0	+	-	0	+	-	0	+	-	0
Регион развивающейся инфраструктуры	54,4	21,2	24,4	58,7	26,6	14,7	43,4	36,7	20,0	34,5	38,9	26,6	41,2	32,1	26,7
Регион экономической привлекательности	43,4	17,9	38,7	41,2	28,9	29,9	37,7	35,5	26,8	36,8	37,8	25,4	33,8	38,9	6,5
Регион энергетического развития	42,3	44,5	13,2	40,1	31,0	28,9	37,8	33,3	28,9	32,3	28,8	38,9	35,6	23,2	41,2
Регион водного потенциала.	44,5	18,7	36,8	42,8	22,1	35,1	44,2	26,7	29,1	38,6	29,9	31,5	36,7	32,2	31,1
Туристический регион	32,1	45,6	22,3	28,7	44,3	27,0	24,7	46,5	28,8	26,9	42,4	30,7	33,6	48,9	17,5
Регион исторической памяти и исторического потенциала	37,8	25,5	36,7	35,4	28,9	35,7	32,3	30,1	37,6	34,9	27,6	37,5	33,2	28,9	37,9
Социально-ориентированный регион	24,5	52,3	23,2	24,4	47,8	27,8	23,1	45,6	31,3	26,7	51,1	22,2	23,4	45,1	31,5
Регион стратегически-идеологический	26,7	36,3	37,0	22,1	39,8	38,1	28,7	25,6	45,7	32,3	27,9	39,8	33,5	39,1	27,4
Регион международного сотрудничества	38,5	22,1	39,4	37,6	25,9	36,5	44,2	23,7	32,1	39,8	26,7	33,5	41,1	32,3	26,6
Регион чрезвычайных ситуаций	32,3	45,7	22,0	24,5	41,3	34,2	22,1	46,3	31,6	25,4	48,9	25,7	24,2	37,1	38,7
Экологические проблемы региона	24,5	36,1	39,4	22,7	37,5	39,8	26,7	33,4	39,9	20,2	33,1	46,7	22,5	39,9	37,6
Другое	35,4	32,3	32,3	31,2	32,7	36,1	30,3	32,7	37,0	34,6	30,1	35,3	37,4	22,5	40,1

Литература

1. Ардашев Р. Г. Воздействие на сознание: СМИ и политическая пропаганда // Телекоммуникационные технологии: Актуализация и решение проблем подготовки высококвалифицированных кадров в современных условиях. Хабаровск : ХГУКИ, 2020. С. 862–868.
2. Ардашев Р. Г. Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания // Социология. 2021. № 3. С. 53–61.
3. Ардашев Р. Г. Субъективное восприятие бренда территории // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации : материалы IV Всерос. науч.-практ. онлайн-конф., посвящ. 100-летию ТАССР / под ред. Г. Ф. Габдрахмановой, Г. И. Макаровой, Л. В. Сагитовой. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. С. 6–9.
4. Борисова Ю. В. Образ территории в масс-медиа (на примере Иркутской области) // Телекоммуникационные технологии: Актуализация и решение проблем подготовки высококвалифицированных кадров в современных условиях : сб. науч. материалов Всерос. (заоч.) с междунар. участием науч. конф. преподавателей, аспирантов и студентов. Хабаровск : ХГУКИ, 2018. С. 598–601.
5. Борисова Ю. В. Социальные и естественные предпосылки формирования территориального маркетинга // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2017. № 8. С. 115–121.
6. Борисова Ю. В. Стратегическое развитие территории // Социология. 2018. № 3. С. 87–92.
7. Борисова Ю. В. Условия развития маркетинга территории // Культура и взрыв: социальные смыслы в эпоху перемен : материалы IX Всерос. науч. интернет-конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. С. 291–298.
8. Борисова Ю. В., Попова М. В. Введение в маркетинг территории : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. 132 с.
9. Журавлева И. А., Заварзина Ю. В., Попова М. В. Влияние идентичности территории на создание территориального бренда как креативное направление // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона : материалы Третьей регион. науч.-практ. конф. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 26–29.
10. Заварзина Ю. В. Имидж территории через призму социокультурных коммуникаций // Социология. 2021. № 4. С. 75–91.
11. Заварзина Ю. В. Особенности территориального развития Иркутской области // Перспективы изучения социальной реальности : сб. науч. ст. / под общ. ред. О. А. Полюшкевич, О. А. Эдельштейн, Г. В. Логуновой. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 103–110.
12. Заварзина Ю. В. Правовые, социальные и естественные предпосылки формирования территориального развития // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы I Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 221–226.
13. Заварзина Ю. В. Роль креативного брендинга в социально-экономическом развитии территории // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона : материалы 3-й регион. науч.-практ. конф. Иркутск, 2021. С. 97–100.
14. Пальчик Е. Б., Заварзина Ю. В. Социальная истина в процессах развития маркетинга территории // В поисках социальной истины : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 235–242.
15. Полюшкевич О. А. Противоречия конструирования территориальной идентичности Байкальского региона // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации : материалы IV Всерос. науч.-практ. онлайн-конф., посвящ. 100-летию ТАССР / под ред. Г. Ф. Габдрахмановой, Г. И. Макаровой, Л. В. Сагитовой. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. С. 145–148.
16. Полюшкевич О. А. Символическое значение территории в сознании сибиряков // Социология. 2018. № 2. С. 113–117.

17. Полюшкевич О. А. Символы территориального единства сибиряков // Культура и взрыв: социальные смыслы в эпоху перемен : материалы IX Всерос. науч. интернет-конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. С. 87–92.
18. Полюшкевич О. А. Территориальная идентичность и проблемы топонимики в Иркутске // Социология. 2019. № 2. С. 250–256.
19. Полюшкевич О. А. Территориально-пространственные символы социокультурной солидарности Сибири // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. № 4 (47). С. 293–300.
20. Полюшкевич О. А. Территория как символ консолидации Байкальского региона // DIXI – 2017 : идеи, гипотезы, открытия в социально– гуманитарных исследованиях : сб. науч. тр. Хабаровск : ХГУЭП, 2017. С. 129–135.
21. Полюшкевич О. А., Попова М. В. Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска) // Урбанистика. 2017. № 3. С. 117–134.
22. Попов Е. П., Попова М. В. Брендинг территории как инструмент мягкой силы // Социокультурная динамика Иркутской области в XX – начале XXI века : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. С. 420–423.
23. Попова М. В. Бренд в структуре территориальной идентичности // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия : материалы Междунар. науч.-практ. конф. в рамках III Всерос. науч. форума «Наука будущего – наука молодых» : в 2 т. / под общ. ред. З. Х. Саралиевой. Нижний Новгород : ННГУ, 2017. С. 580–583.
24. Попова М. В. Брендинг территории как инструмент консолидации общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. С. 222–224.
25. Попова М. В. Конструирование бренда территории: социологический анализ // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. № 4 (47). С. 335–344.
26. Попова М. В. Механизмы развития привлекательности сельских территорий в Иркутской области // Социология. 2020. № 1. С. 317–327.
27. Попова М. В. Особенности конструирования бренда территории // Перспективы изучения социальной реальности : сб. науч. ст. / под общ. ред. О. А. Полюшкевич, О. А. Эдельштейн, Г. В. Логуновой. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 91–102.
28. Попова М. В., Борисова Ю. В. Конструирование бренда территории в представлениях россиян // Социология. 2018. № 2. С. 97–103.
29. Попова М. В., Попов Е. П. Территориальный имидж как основа брендинга территории // Культура и взрыв: социальные смыслы в эпоху перемен : материалы IX Всерос. науч. интернет-конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. С. 272–280.

УДК 316

Н. В. Надточаева, *Республика Беларусь, Минск*

Социологические исследования в виртуальном пространстве как способ конструирования социальной реальности

Работа посвящена социологическим исследованиям в виртуальном пространстве как способу конструирования социальной реальности. Возможность формирования картины действительности на основе онлайн-исследований обусловливается рядом предпосылок. Особый акцент делается на опросы. Выделяются определенные механизмы конструирования социальной реальности на основе обозначенных исследований. Характеризуются основные последствия данного явления.

Ключевые слова: социальная реальность; виртуальное пространство; онлайн-исследования; опрос.

N. V. Nadtochayeva, *Minsk*

Sociological research in virtual space as a way of constructing social reality

The work is devoted to sociological research in the virtual space as a way of constructing social reality. The possibility of forming a picture of reality on the basis of online research is determined by a number of prerequisites. Particular emphasis in the work is placed on surveys. Certain mechanisms for constructing social reality based on online surveys are highlighted. The main consequences of this phenomenon are indicated.

Keywords: social reality; virtual space; online research; survey.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что на сегодняшний день все большая часть социологических исследований переходит в виртуальное пространство. Это связано с увеличением численности пользователей интернета, ростом его роли в повседневной жизни людей, удобством проведения онлайн-исследований, более низкой их стоимостью по сравнению с «классическими» аналогами и т. д. Поскольку основная часть социологических исследований, которые могут быть проведены в виртуальной среде, – это опросы, имеет смысл сфокусировать внимание именно на особенностях их преподнесения в медиа.

Переход данного рода исследований онлайн имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Важным достоинством интернет-опросов является возможность охватить большое количество респондентов, включая труднодоступных, и в сравнительно небольшие сроки получить данные, близкие к репрезентативным. Для последнего, безусловно, необходим как большой охват населения страны интернетом, так и корректная онлайн-панель.

При этом важно отметить, что переход опросов в виртуальную среду заметно упрощает формирование общественного мнения в определенном направлении и, соответственно, конструирование социальной реальности. Это зачастую бывает связано с несоблюдением двух обозначенных требований к онлайн-исследованиям, а также с рядом предпосылок.

Во-первых, опросы становятся куда проще проводить. Так, к примеру, опросить триста человек из аудитории крупного интернет-сообщества куда легче и быстрее, чем аналогичное количество по квартирам. Безусловно, в первом и втором случае репрезентативность будет значительно отличаться.

Во-вторых, наука оказывает осязаемое влияние на формирование картины мира в восприятии людей. Она выполняет в обществе роль своего рода «эталона достоверности» – арбитра, который с помощью объективных средств определяет, что верно, а что – нет. Следовательно, то, что характеризуется социальными субъектами как научное, автоматически начинает восприниматься в массовом сознании как достоверное. Является ли оно таковым на самом деле, большой роли не играет. В особенности это касается цифр. Это связано с тем, что люди подсознательно склонны доверять тезисам, которые подтверждены количественными данными, вне зависимости от того, каким образом эти данные получены.

В-третьих, в онлайн-исследованиях может принять участие фактически любой, кто пожелает. В этой связи из-за создающейся видимости их доступности и открытости респонденты более склонны доверять результатам подобного рода опросов, в которых они сами приняли участие.

О формировании определенной картины социальной реальности посредством опросов написано не мало работ. В частности, данную проблематику рассматривал Г. Юдин в своей книге «Общественное мнение, или Власть цифр». Однако конструирование социальной реальности с использованием онлайн-исследований имеет собственные специфические механизмы. К основным из них следует отнести экстраполяцию мнения подписчиков какого-либо виртуального сообщества на все население. Это в основном происходит за счет того, что факт проведения опроса среди представителей определенной интернет-группы либо не упоминается, либо упоминается вскользь.

Если же экстраполяция не осуществляется, возможен вариант создания рамки восприятия посредством необходимой интерпретации цифр (если они не соответствуют полностью тому, чему хотели бы авторы опроса). В данном случае акцент делается на том, что респондентами выступала именно определенная категория лиц. В этой связи у реципиента информации возникает шаблон восприятия, согласно которому коллектив, с которым индивид себя соотносит, «знает лучше». Следовательно, если мнение отдельного индивида изначально не совпадало с мнением виртуального сообщества, к которому он принадлежит и с членами которого себя идентифицирует, он с высокой степенью вероятности поменяет свою точку зрения в сторону позиции большинства.

К специфическим способам формирования социальной действительности посредством онлайн-исследований можно отнести и формулирование вопросов таким образом, чтобы они соотносились у аудитории конкретного сообщества с характерным для представителей данной группы триггером, «болевым темой» либо шаблоном восприятия, что бы в дальнейшем сказывалось на ответах респондентов. К примеру, прося аудиторию группы экологических активистов оценить ряд товаров, авторы опроса могут косвенно указывать, что один либо несколько продуктов были созданы с нарушением экологических норм. Это ожидаемо отразится на результатах исследования.

Еще одним способом формирования необходимой картины социальной реальности может служить определенная формулировка ответов на вопросы. Безусловно, данный способ конструирования социальной реальности применим и для «классических» опросов, однако в виртуальном сообществе, которое объединяет людей со схожими взглядами, использовать обозначенный метод конструирования необходимой картины действительности проще в силу того, что это не вызовет значительного резонанса. Так, к примеру, при опросе представителей сообщества поклонников какого-либо бренда на вопрос, как они оценивают качество его продукции, могут использоваться варианты «высокое» либо «очень высокое». Это создает шаблон восприятия и в дальнейшем помогает убедить «сомневающуюся» часть сообщества в желаемой картине реальности благодаря «необходимому» распределению цифр. Данные цифры могут также и экстраполироваться на все общество.

Среди способов получения «нужного» распределения ответов можно упомянуть и различные информационные кампании, предшествующие проведению опросов. В рамках данных кампаний за несколько дней либо недель до проведения опроса запускается ряд интернет-постов, нацеленных на формирование у читателей какого-либо мнения. В данном случае опрос после его проведения лишь «объективно закрепляет» необходимый авторам статус в обществе какой-либо проблемы.

Для создания у респондентов определенной рамки восприятия могут быть использованы картинки, сопровождающие опрос, мемы и т. д. Они, с одной стороны, придают исследованию «игровой», развлекательный характер, а с другой, помогают получить «нужные» количественные показатели.

Важной проблемой, сопровождающей онлайн-опросы, является проблема так называемых ботов, или «накручивания» ответов. При этом обвинение в использовании ботов является распространенным предлогом для дискредитации исследований, с результатами которых какой-либо социальной субъект не согласен.

К последствиям роста доли онлайн-опросов и формирования на их основе определенной картины социальной реальности можно отнести

увеличение противоречий в социальных настроениях, фрагментацию общественного мнения, углубление расхождений между представителями различных сообществ, непонимание индивидами происходящего в силу противоречивости данных, рост недоверия к социологии как к науке и т. д.

Для сглаживания неблагоприятных эффектов подобного рода опросов видится целесообразным наличие четкой и ясной позиции официальной социологии, а также увеличение социологической грамотности населения.

Таким образом, на сегодняшний день в силу глобальной цифровизации наблюдается увеличение информационной доступности. В то же время растет заинтересованность в получении объективной информации. Поскольку данные опросов воспринимаются обществом как нечто, отражающее реальное положение вещей, онлайн-исследования нередко используются социальными субъектами с целью конструирования определенной картины социальной реальности. Вопросам упорядочивания обозначенных исследований нужно уделять особое внимание.

УДК 651

Попова В. В., Попов А. В., *Иркутск*

Трансформация деловых взаимодействий в современной интернет-среде

Проведен анализ трансформации деловых взаимодействий в современной интернет-среде. Раскрыта роль сети Интернет в деловых взаимодействиях. Осуществлена попытка выделить особенности и риски деловых взаимодействий в интернет-среде в современных условиях.

Ключевые слова: интернет-среда, деловое взаимодействие, социальные сети, информационно-коммуникативная среда.

Popova V. V., Popov A. V., *Irkutsk*

Transformation of business interactions in the modern Internet environment

The article analyzes the transformation of business interactions in the modern Internet environment. The role of the Internet in business interactions is revealed. An attempt is made to highlight the features and risks of business interactions in the Internet environment in modern conditions.

Keywords: Internet environment, business interaction, social networks, information and communication environment.

Актуальность исследования проблемы трансформации деловых взаимодействий в современной интернет-среде обусловлена следующими факторами: изменением мировой политической и экономической ситуации, международного и российского законодательства, технологическими изменениями в интернет-сервисах и IT-секторе.

Для начала, следует определиться с понятием делового взаимодействия, выделить его сущность и специфические черты. В проанализированных нами источниках нет единого понятия «деловое взаимодействие».

В научной литературе можно встретить широкое толкование о том, что «деловое взаимодействие» является термином, объясняющим эффективность коммуникации и психологии взаимоотношений между различными субъектами.

Существующие трактовки и определения «деловых взаимодействий» условно можно разделить на следующие подходы и направления:

1. Психологическое толкование понятия «деловое взаимодействие». Подобный подход можно встретить в работах Г. М. Шеламовой, В. Ф. Стародубцева, Е. В. Сидоренко, Барри М. Стоу и др.

2. Рассмотрение «деловых взаимодействий» с точки зрения культуры, организационных моментов и междисциплинарного характера протекания (Е. А. Блонштейн и др.).

3. Лингвистический подход к пониманию деловых взаимодействий в рамках межкультурной коммуникации (Е. Н. Малюга и др.).

4. Социально-психологический анализ «деловых взаимодействий» (О. И. Титова и др.).

5. Экономико-социальный подход к «деловым взаимодействиям» (В. А. Радаев и др.).

6. Историко-политический подход к взаимодействиям в деловом аспекте (С. П. Перегудов и др.).

Для социологического понимания делового взаимодействия, конкретизированным и концептуальным, на наш взгляд, будет следующее интегральное понятие: деловое взаимодействие – это систематический процесс сознательного действия акторов коммерческого предприятия в отношении акторов внешней среды, при котором, они воздействуют друг с другом, обмениваясь ресурсами (материальными и нематериальными, при обмене которыми интерес акторов коммерческого предприятия лежит преимущественно в получении прибыли), интерпретируя свои действия при помощи определенных символических систем, создавая определенное впечатление во время взаимодействия.

Анализируя специфику деловых взаимодействий в интернет-коммуникациях, определяющим моментом выступает внешняя среда, которую представляют акторы, взаимодействующие с акторами коммерческого предприятия.

Система деловых взаимодействий (исходя из интегрального определения и видов взаимодействий в сети) – это совокупность сознательных взаимодействий акторов коммерческого предприятия с акторами других коммерческих предприятий, акторами-потребителями/клиентами, а также, обеспечение процесса взаимодействия между несколькими акторами-потребителями/клиентами, при котором, они воздействуют друг на друга, обмениваясь ресурсами, интерпретируя свои действия при помощи

определенных символических систем, создавая определенное впечатление во время взаимодействия. Этапами деловых взаимодействий, исходя из принципов персонификации общения, выступают следующие:

- 1) личное – персонифицированное деловое взаимодействие (личный вклад в общение и взаимодействие владельца бизнеса или дела);
- 2) массовое деловое взаимодействие (с помощью сотрудников, СМИ, посредников и т. д.);
- 3) интерактивно-персонифицированное деловое взаимодействие (с помощью сотрудников, владельцев и интернет-коммуникаций).

Для понимания «деловых взаимодействий», нами применяется социологический подход, помогающий раскрыть их специфику в интернет-коммуникациях.

В самой интернет-среде создана классификация деловых взаимодействий, раскрывающая сущность акторов внешней среды.

Так, Интернетско-русский разговорник определяет три вида деловых взаимодействий в интернете: В2В («би-ту-би», от англ. business-to-business), В2С («би-ту-си», от англ. business-to-customers), С2С («си-ту-си», от англ. customer-to-customer) – понятия, описывающие, кто является источником, а кто – адресатом информации. Как правило, при этом имеется в виду не общение вообще, а деловое взаимодействие. Пример взаимодействия В2В («бизнес для бизнеса») – электронная биржа или торговая площадка для оптовых закупок. Взаимодействие В2С («бизнес для пользователя») – любой интернет-магазин или бренд в социальной сети. Пример отношений С2С («пользователь для пользователя») – доски частных объявлений (см. веб-доски) и интернет-аукционы» [1].

Интернет сообщество разграничило деловые взаимодействия в Интернете следующим образом:

1. Бизнес взаимодействует с бизнесом. Акторы коммерческого предприятия взаимодействуют с акторами другого коммерческого предприятия. Средство взаимодействия – электронные биржи, площадки, сервисы для интернет-коммуникаций.

2. Бизнес взаимодействует с потребителями. Акторы коммерческого предприятия взаимодействуют с акторами, являющимися потребителями его товаров или услуг. Средство взаимодействия – интернет-магазины, различные интернет-сервисы, в том числе и социальные сети.

3. Потребитель взаимодействует с потребителем. В этом случае, взаимодействие происходит между акторами внешней среды, без участия актора коммерческого предприятия. Средства взаимодействия – социальные сети, интернет-мессенджеры и т. д. Для того чтобы данный вид подлежал анализу в рамках нашего определения деловых взаимодействий, необходимо включение в процесс взаимодействия акторов-потребителей

дополнительного актора, представляющего интересы коммерческого предприятия.

Теперь следует выяснить, какова специфика обмена ресурсами с помощью интернет-коммуникаций в деловых взаимодействиях. Обмен ресурсами является одним из самых древних процессов, с помощью которого деловые и социальные взаимодействия могут существовать и развиваться.

В настоящий момент применяют множество классификаций ресурсов. Например, воспроизводимые и невозпроизводимые, материальные и нематериальные, производственные и потребительские и т. д. Необходимо использовать классификацию, которая будет наиболее полно отвечать процессам обмена при деловых взаимодействиях в интернет-коммуникациях. В различных видах деловых взаимодействий будет присутствовать соответствующий обмен определенными ресурсами.

Определив социологический подход к понятию «деловых взаимодействий», необходимо указать их специфику в интернет-коммуникациях:

1. Под видами деловых взаимодействий в Интернете в рамках социологии выступают следующие направления: B2B, B2C, C2C(2B) или, бизнес взаимодействует с бизнесом, бизнес взаимодействует с потребителем, бизнес взаимодействует с потребителями.

2. Деловые взаимодействия обеспечивают технические возможности в коммуникации. Предоставляя спонсируемые аккаунты, коммерческие акторы позволяют пользователям некоторых сервисов развивать свою интернет-среду, увеличивая скорость и расширяя функции работы с сервисом, взамен, предоставляя свою символическую систему (логотипы, фирменный стиль и т. д.)

3. Дифференцируют коммерческую деятельность по видам ресурсов. Так, существует рынок, где производится продажа цифровых продуктов без материального аналога. В то время как существующие только в материальном виде товары, с помощью интернет-коммуникаций, лишь обеспечивают дополнительные каналы коммуникации и продаж.

4. Востребованным этапом деловых взаимодействий является интерактивно-персонализированное деловое взаимодействие.

В современном мире деловые взаимодействия находятся в стадии трансформации, так как интернет-среда находится в максимальной динамике, в том числе из-за мировых политических и экономических сдвигов. Следует отметить, что роль интернет-коммуникаций в трансформации современных социальных процессов выражается в изменении реальных социальных процессов, таких как кооперация, адаптация и конфликты, обеспечении процесса интеграции культурных структур мирового сообщества, изменении синхронизации времени. На наш взгляд, в настоящий момент следует выделить определенные события, которые влияют на трансформацию деловых взаимодействий в интернет-среде:

1. Прекращение и ограничение работы интернет-сервисов и обслуживания интернет-продуктов вследствие санкций в отношении Российской Федерации. Компания Google, имея ряд сервисов, необходимых и удобных для малого бизнеса, перестала принимать оплату на продление коммерческих сервисов, это ограничило либо заблокировало на некоторое время возможность использования электронной почты (B2B).

2. Запрет на законодательном уровне России сетей корпорации Meta (с 21 марта 2022 г. признана экстремистской организацией в России): Facebook и Instagram в последние годы стали для компаний малого бизнеса и индивидуальных предпринимателей одним из основных каналов коммуникации, рекламы, дистрибуции, продаж, связи с клиентами. Кроме того, признание социальных сетей Meta экстремистскими и их блокировка на территории РФ, вызвали «эффект домино», когда были одновременно прекращены практики ведения аккаунта, развития аккаунта, что также являлось бизнесом, оплачиваемыми услугами (B2C, C2C).

3. Интернет-сервис Youtube убрал для российских аккаунтов монетизацию рекламы. Это ограничило возможности блогеров, занимающихся развитием развлекательных, познавательных и иных рода контентов, продвигающих товары и услуги бизнеса. Слухи о возможном закрытии Youtube и отсутствии монетизации от рекламы повлияли на развитие каналов и видео-блогов (B2C, C2C).

4. Ограничение выхода за пределы России в мировое пространство, отсутствие международной коммуникативной среды. Сервисы, разрешенные на территории России, имеют локализацию, в основном, в России и СНГ, это требует переориентации многих компаний на отечественный рынок (B2C, C2C).

5. Автоматическое обновление приложений, установленное на ряде устройств (iphone) привело к тому, что были заблокированы приложения банков, попавших под санкции ЕС и стали невозможны транзакции (B2B, B2C, C2C).

На все эти изменения деловая среда ответила максимальной адаптацией и оперативным реагированием на трансформацию взаимодействий:

Изменение 1 – прекращение и ограничение работы интернет-сервисов и обслуживания интернет-продуктов вследствие санкций в отношении Российской Федерации.

В обход запрета на использования оплаты коммерческих услуг Google стали распространены практики оплаты через счета сотовых операторов РФ, которые не попали под санкции. Активно стали внедряться также и корпоративные почтовые серверы и системы.

Изменение 2 – запрет на законодательном уровне России сетей корпорации Meta. Использование технологий VPN-сервисов позволило обойти вопросы блокировки использования всех социальных сетей.

Изменение 3 – интернет-сервис Youtube убрал для российских аккаунтов монетизацию рекламы. Блогеры активно стали использовать систему электронных пожертвований («донатов»), а также активизировался поиск спонсорства и рекламы внутри контента.

Изменение 4 – ограничение выхода за пределы России в мировое пространство, отсутствие международной коммуникативной среды. Здесь имеется в виду то, что любые технологические продукты и интернет-сервисы можно всегда стремиться заменить отечественными аналогами или новыми продуктами. Но преодолеть отсутствие глобального коммуникативного диалога и аудитории международных интернет-сервисов – данная задача не решаема, на наш взгляд в ближайшей перспективе. Ожидается ориентир на другие мировые аудитории, как азиатская, южно-американская, например. Но что это будет за коммуникативное пространство и интернет-сервисы для деловых взаимодействий – вопрос дискуссионный.

Изменение 5 – блокировка обновления приложений банков на гаджетах. Российские банки начали создавать альтернативу своим приложениям, оперативно создав по папе приложения, которые формально не относятся к банкам, но позволяют использовать мобильный банкинг со своих устройств.

Трансформация деловых взаимодействий в интернет-среде в настоящий момент коррелируется с изменением глобальных социальных процессов. На первоначальном этапе происходит адаптация деловой среды к происходящим ограничениям, законодательным и технологическим ограничениям. Следует отметить ограничения в глобальной кооперации, в связи с изменениями интернет-среды, политических и экономических факторов. Не обойдут стороной и глобальные конфликты как в применении технологий и средств, так и в рамках возможностей расширения и усиления деловых взаимодействий. Изменяются системы коммуникации с потенциальными и существующими потребителями, произойдет возврат к наиболее привычным национальным социальным сетям, почтовым сервисам и поисковым системам. Пока мы можем наблюдать, что привычные деловые взаимодействия неизменно стремятся к тем же технологиям, которые бизнес использовал в своей практике, даже и в ущерб эффективной полноте использования данных интернет-сервисов. Деловое взаимодействие в России ждут процессы адаптации к новым продуктам, условиям, практикам коммуникации, привлечению потребительской аудитории и бизнес-среды. На наш взгляд, необходимы национальные агенты для управления подобными изменениями, например как государственно-частная ассоциация по цифровым изменениям и процветанию России. Необходимо подключать дополнительные институты координации и помощи развитию новых практик деловых взаимодействий в интернет-среде.

Литература

1. Завалишин Д., Завалишина Е., Колмановская Е. Интернетско-русский разговорник. URL: [https://dl.bookscat.org/genesis/252000/02af13774de0eed41bdc3feb612e3fb6/_as/\[Zavalishin,_Kolmanovskaya\]_Internetsko-russky_gaz\(BooksCat.org\).pdf](https://dl.bookscat.org/genesis/252000/02af13774de0eed41bdc3feb612e3fb6/_as/[Zavalishin,_Kolmanovskaya]_Internetsko-russky_gaz(BooksCat.org).pdf) (дата обращения: 02.09.2022).
2. Попов А. В. Информационная и четвертая индустриальная революции: время глобальных изменений // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 24 июня 2016 г. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. С. 105–107.
3. Попов А. В. Специфика понимания прозрачности деловых взаимодействий в интернет-среде // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. № 11(58). С. 358–360.

УДК 338.2:004(68)

О. Н. Пряжникова, *Москва*

Рост цифровизации в странах Африки: проблемы и перспективы

Рассматриваются ключевые драйверы цифровой трансформации стран Африки – мобильные деньги, цифровое предпринимательство, цифровые решения в сфере сельского хозяйства и повышения качества жизни городского населения африканских городов. Анализируются эффекты роста цифровизации и факторы, тормозящие его.

Ключевые слова: цифровизация; страны Африки; мобильные деньги; доступ в Интернет; цифровое предпринимательство.

O. N. Pryazhnikova, *Moscow*

Growth of digitalization in Africa: challenges and prospects

The article highlights key drivers of digital transformation in African countries – mobile money, digital entrepreneurship, digital solutions for agriculture and for improving life standards of population in African cities. The effects of the growth of digitalization and the factors that slow it down are analyzed.

Keywords: digitalization; African countries; mobile money; Internet access; digital entrepreneurship.

Развитие цифровизации в Африки, связанное прежде всего с распространением мобильных телефонов, мобильных технологий и интернет-коммуникаций, играет значимую роль в преодолении препятствий, замедляющих развитие африканских обществ (высокий уровень бедности, изменение климата, массовая миграция сельского населения в города и т. д.). Снижение остроты проблем социально-экономического развития стран континента путем продвижения цифровой коммуникации становится реальным благодаря более легкому доступу к информации; созданию новых рабочих мест; повышению качества и расширению ассортимента предоставляемых населению услуг в таких секторах, как сельское хозяйство, здравоохранение, финансы и образование; росту финансовой инклюзии и большей доступности бизнес-среды. Возможность цифровой

идентификации открывает для населения Африки доступ к банковским услугам, получению льгот от государств, онлайн-образованию и т. д.

Мобильные деньги

В Африке быстрыми темпами развиваются практики денежных переводов и других банковских услуг с использованием мобильных устройств. В настоящий момент 21 % взрослых африканцев имеют так называемые счета мобильных денег. Мобильные деньги помогают повысить финансовую инклюзию. Благодаря цифровым сервисам люди, у которых нет банковского счета, могут обращаться со своим телефоном как с кошельком и пересылать деньги с помощью текстовых сообщений. Расширяя возможности проведения платежей, мобильные деньги делают доступными для бедных домохозяйств целый жизненно важных ряд услуг, начиная от пользования солнечной энергией до проката велосипедов.

Примером одной из успешных цифровых инноваций в банковской сфере Африки является сервис мобильных денег M-Pesa, запущенный в 2007 г. компанией Vodafone в сотрудничестве с операторами связи Safaricom (Кения) и Vodacom (Танзания). Сервис позволяет пользователям хранить деньги в виртуальном формате и обмениваться ими с помощью мобильных телефонов. В настоящий момент M-Pesa обслуживает более 51 млн индивидуальных клиентов и 465 тыс. предприятий в Кении, Танзании, Мозамбике, Демократической Республике Конго, Лесото, Гане и Египте. Платформа обрабатывает более 61 млн транзакций в день, что делает ее крупнейшим финтех-провайдером в Африке. Благодаря успеху данного сервиса была создана полноценная мобильная банковская отрасль, охватывающая семь стран континента.

Еще более впечатляющи достижения цифрового сервиса M-Pesa по его влиянию на благосостояние населения. По оценкам экспертов, с 2007 по 2016 г. цифровая платформа мобильных денег помогла выйти из-за черты бедности членам почти 200 тыс. домохозяйств, с тех пор число африканцев, повысивших свои доходы, используя M-Pesa, значительно увеличилось. Сервис дал возможность около 185 тыс. чел. сменить сферу деятельности и получать более стабильный доход [2, р. 237].

Развитие сервиса мобильных денег также привело к увеличению нормы сбережений населения более чем на 20 %. Африканцы воспринимают M-Pesa как безопасный способ хранения денег и инструмент инвестирования в будущее. В результате на страны Африки к югу от Сахары приходится почти половина операций с мобильными деньгами в мире (их оборот составит почти 30 млрд долл. в 2018 г.

Вместе с тем предстоит еще многое сделать, чтобы обеспечить доступ к мобильным деньгам жителям сельской местности, где охват мобильной связью все еще ограничен, а также бедным слоям африканцам, которые не имеют средств для покупки мобильных устройств.

Важно отметить, что в Африке наблюдаются значительные региональные различия в темпах внедрения мобильных технологий. Восточная Африка находится в авангарде этих процессов. Например, в Кении более 70 % взрослого населения используют сервисы операций с мобильными деньгами. В Северной Африке в 2018 г. мобильными технологиями пользовались 64 % населения, значительно опережая страны к югу от Сахары, где проникновение мобильной связи охватывает лишь 44 % населения [8, р. 33–34]. Страны Африки к югу от Сахары по показателю доступа населения к сети Интернет остаются самым отсталыми в мире – здесь интернетом пользуются только 22 % населения. Даже самые развитые государства региона – ЮАР, Нигерия и Кения – имеют уровень соответствующего показателя всего около 50 % [5, р. 3].

Цифровое предпринимательство

С развитием цифровых технологий растет актуальность вопроса о том, смогут ли они помочь африканским странам совершить скачок в развитии. Оптимизм в данной связи внушает бум цифрового предпринимательства и электронной торговли, наблюдаемый сейчас в Африке [8, р. 35]. В ходе исследовательского проекта Geonet, осуществленного Европейским исследовательским советом (European Research Council (ERC)), были выявлены и описаны стратегии цифрового предпринимательства, распространенные в Африке: 1) масштабирование бизнес процессов путем выстраивания отношений с широким кругом клиентов и партнеров; 2) формирование информационных платформ, объединяющих сети закупок, цифровые сервисы и приложения для потребителей; 3) инвестирование в цифровые продукты, представляющие интерес для зарубежных клиентов; 4) объединение цифровых платформ с аналоговыми структурами охвата – «платформами последней мили» (last-mile platform) [5, р. 31].

«Платформы последней мили» представляют собой уникальный подход к адаптации цифровой торговли к местным условиям. Они компенсируют отсутствие у потребителей доступа в интернет, неразвитость цифровой инфраструктуры и узость технологических возможностей благодаря выстраиванию структур охвата клиентов, дополняющих цифровую платформу. Между клиентом и технологией действует посредник – коммерческий агент, водитель и т. д., имеющий цифровое устройство и непосредственно контактирующий с клиентом. Кроме того, компании, использующие цифровые бизнес-технологии, организуют обучающие тренинги для клиентов и сотрудников, помогающие овладеть цифровыми навыками [5, р. 110].

Эксперты выделяют ряд характерных черт, присущих цифровому предпринимательству в Африке: бизнес-процессы распространены по континенту крайне неравномерно; рост объемов цифровой деятельности происходит медленно; цифровые продукты создаются главным образом

для городского населения; создание инновационных бизнес-решений, таких как «платформы последней мили» [5, р. 3]. Важно отметить, что развитие сектора ИКТ в африканских странах в большой степени зависит от возможности получения бизнес-образования и уровня развития бизнес-среды. Вместе с тем перспективы цифрового бизнеса в Африке определяются умением африканских предпринимателей эффективно сочетать бизнес-модели, применяемые в развитых странах, и уникальные подходы, отражающие местную специфику.

Цифровизация в сельском хозяйстве

Цифровизация сельскохозяйственного производства способствуют большей продовольственной безопасности, росту производительности, росту доходов сельского населения Африки, что, в свою очередь, снижает миграцию из деревни в город.

В сельских районах африканских стран доступность мобильной телефонной связи по-прежнему ниже, чем в городах, а связанные с ИКТ инновации, которыми пользуются африканцы, занятые в сельскохозяйственном производстве, заключаются прежде всего в получении фермерами актуальной для них информации, но не предполагают обработки больших объемов данных.

В качестве примера цифровых инноваций в сельском хозяйстве Африки можно привести сенсорные устройства фиксации pH почвы и влажности воздуха, данные о которых передаются по беспроводной сети на облачные серверы. В результате через мобильное приложение фермерам становятся доступны актуальные для сельскохозяйственных процессов данные в режиме реального времени, они могут получить советы по удобрению почв и совершенствованию поливного режима [6].

По оценкам на 2021 г. в странах Африки функционировало 390 цифровых агротехнических проектов [3, р. 59]. В рамках этих проектов происходит информирование покупателей о наличии у фермеров той или иной продукции и организуется ее доставка. В результате удастся расширить доступ фермеров к рынкам и быстро связать их с покупателями, поставщиками услуг, источниками финансирования, розничными продавцами, дистрибьюторами, что сокращает издержки и экономические риски, а также повышает прибыльность их операций [3, р. 9].

Достаточно простые с точки зрения используемых технологий цифровые услуги (например, передача сельскохозяйственной информации с помощью текстовых сообщений) помогают трансформировать сельское хозяйство на континенте, делая его более эффективным и устойчивым. Аналогичным образом ожидается, что цифровизация радикально улучшит управление фермерскими хозяйствами, производственно-сбытовыми цепочками, повысит устойчивость в условиях нехватки рабочей силы в сельском хозяйстве.

Инновационное использование цифровых технологий для своевременной передачи информации о погодных рисках и сезонных колебаниях помогает минимизировать риски, связанные с климатическими аномалиями, облегчает адаптацию и увеличивает устойчивость сельского хозяйства к изменению климата. В целом цифровые технологии обладают огромным потенциалом для создания крупномасштабного цифрового аграрного сектора, который мог бы обеспечить продовольствием быстро растущее городское население Африки. Вместе с тем потенциал цифровизации в сельском хозяйстве остается огромным: по оценкам, охват африканских мелких землевладельцев цифровыми услугами достиг лишь 10 % от своего потенциала [6, p. 59].

Цифровизация в африканских городах

В условиях растущей урбанизации и распространения цифровой культуры среди населения в африканских городах происходит трансформация социальной жизни горожан с точки зрения использования цифровых финансовых операций, работы транспорта, торговли и возможности заказать доставку товаров и продуктов питания [1].

Цифровые технологии позволяют эффективнее регулировать транспортные потоки в городах, сокращать время и топливо, которое люди тратят в пробках. Так, дорожная сеть в столице Кении Найроби рассчитана на население города в 300 тыс. чел., но фактически обслуживает 4 млн горожан. Местные жители активно пользуются мобильными приложениями, отправляя и получая оповещения о ситуации на дорогах, что облегчает перемещение транспорта по городу [6]. Кроме того, создаются мобильные приложения для совместного использования автомобилей, очень востребованные горожанами. Такие сервисы разгружают городской транспорт и позволяют сокращать негативное влияние на окружающую среду [7, p. 62].

Цифровизация вносит вклад в поддержку экологического равновесия и охрану окружающей среды на городских территориях. Во-первых, некоторые цифровые стартапы пытаются использовать технологии для более эффективного водоснабжения в африканских городах. Виртуальный оператор сети водоснабжения дает возможность связывать компаний-провайдеров соответствующих услуг с потребителями через онлайн-платформы, а также использовать датчики, фиксирующие утечки и объем потребляемой воды, а пользователям позволяет расплачиваться за воду мобильными деньгами.

Во-вторых, цифровизация помогает сокращать количество отходов и бороться со свалками в крупных городских агломерациях. Существуют практики установления через мобильные средства связи каналов коммуникации между потребителями и супермаркетами. Последние предлагают людям продукты, которые в противном случае были бы выброшены,

что сокращает количество выбрасываемой еды. Кроме того, например в Кении, функционирует мобильное приложение для покупки вторсырья у неофициальных сборщиков мусора, которое затем перерабатывается и в качестве сырья попадает обратно в цепочку поставок. Данные практики не только помогают увеличить переработку мусора, но и создают положительные социальные эффекты в виде дохода, получаемого бедными слоями городского населения.

Цифровая трансформация на африканском континенте идет полным ходом, вызывая изменения во всех секторах экономики и расширяя перспективы социально-экономического развития африканских стран. Однако, несмотря на высокие темпы роста цифровизации отдельных отраслей, сохраняется серьезный цифровой разрыв между группами населения и отдельными странами. По оценкам, 900 млн африканцев до сих пор не имеют доступа к сети Интернет, при этом для многих интернет-пользователей цены на подключение к сети остаются высокими, а пропускная способность каналов связи во многих регионах ограничена. Эксперты международных организаций оценивают вклад правительств африканских стран в поддержку развития цифровой инфраструктуры, цифровых услуг, цифровых навыков, и цифрового предпринимательства как минимальный, подчеркивая при этом, что увеличение охвата населения цифровыми технологиями на 10 % может привести к увеличению ВВП стран Африки более чем на 1 % [9; 4].

Вместе с тем цифровые технологии в Африке уже сейчас способствуют улучшению социально-экономических показателей, увеличивая эффективность производства и распределения товаров и услуг, расширяя возможности роста доходов для миллионов бедных африканцев, создавая новые каналы коммуникации между людьми. Цифровизация способствует также раскрытию потенциала африканского бизнеса и торговли. Однако для реальной поддержки цифрового предпринимательства, потребуется значительный прогресс в развитии и распространении цифровой инфраструктуры. Благодаря росту цифровизации и, как следствие, росту экономической активности, африканские правительства смогут увеличить налоговые поступления и собирать налоги более эффективно, а также предоставлять услуги населению онлайн и контролировать выполнение нормативных требований, тем самым повышая эффективность государственного управления.

В целом при условии роста инвестиций в сектор информационно-коммуникационных технологий, включая мощности для расширения широкополосной интернет-связи и соответствующей инфраструктуры,

вклад цифрового сектора в экономику африканских стран может увеличиться примерно на 23 млрд долл. к 2040 г. и составить около 4 % от ВВП африканских стран [2, p. 242].

Литература

1. Akindès F., Yao S. K. How is digital technology changing the lives of urban dwellers in Africa 'from below'? // *Africa contemporaine*. 2019. Vol. 269–270. Is. 1–2. P. 87–107.
2. Cilliers J. *The future of Africa: Challenges and opportunities*. Cham: Springer, 2021. 421 p.
3. Digitalization for transformative urbanization, climate change adaptation, and sustainable farming in Africa: trend, opportunities, and challenges / Balogun A. -L., Adebisi N., Abubakar I. R., Dano U. L., Tella A. // *J. of integrative environmental sciences*. 2022. 21 p. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1943815X.2022.2033791> (дата обращения: 18.08.2022).
4. Fayolle A. *A digital Africa to fight COVID-19* / European Investment Bank. 2021. URL: <https://www.eib.org/en/stories/africa-digitalisation> (дата обращения: 18.08.2022).
5. Friederici N., Wahome M., Graham M. *Digital entrepreneurship in Africa: How a continent is escaping Silicon Valley's long shadow* / Massachusetts Institute of Technology. Cambridge (Massachusetts), London (England): The MIT Press, 2020. xi, 323 p.
6. Hall M. Six ways digitalization is helping Africa's environment / *Deutsche Welle*. 08.04.2019. URL: <https://www.dw.com/en/six-ways-digitalization-is-helping-africas-environment/a-48231433> (дата обращения: 18.08.2022)
7. L'utilisation du numérique dans le contexte des villes de l'Afrique de l'Ouest / ed. by J. Chenal, Ch. Ciriminna, R. Jaligot, K. Ginisty, F. Rudaz / Centre Excellence in Africa. Lausanne, 2021. 114 p.
8. *Megatrends in Africa* / Vastapu L., Mattlin M., Hakala E., Pellikka P. Ministry for Foreign Affairs of Finland, 2019. 56 p.
9. Songwe V. *The Role of digitalization in the decade of action for Africa*. 2020. URL: <https://unctad.org/news/role-digitalization-decade-action-africa> (дата обращения: 18.08.2022)

УДК 364.07

С. А. Сафонов, *Красноярск*

Некоторые подходы к оценке цифровизации социальной сферы

Показано, что ускоренная цифровизация социального обслуживания населения актуализировала разработку методик оценки достижений целевых показателей. Представлены некоторые зарубежные и отечественные подходы к оценке цифровизации социальной сферы. Сделан вывод, что существующие подходы обеспечивают необходимый спрос, имея в своем основании разнообразный инструментарий.

Ключевые слова: цифровизация, социальная сфера, методика оценки, цифровые инвестиции.

Safonov S. A., *Krasnoyarsk*

Some approaches to assessing the digitalization of the social sphere

Accelerated digitalization of social services for the population has updated the development of methods for assessing the achievement of target indicators. The article presents some foreign and domestic approaches to assessing the digitalization of the social sphere. The author concludes that the existing approaches provide the necessary demand, based on a variety of tools.

Keywords: digitalization, social sphere, assessment methodology, digital investments.

Цифровизация государственных социальных услуг является одной из актуальнейших тем в России и зарубежных странах. Так, Рауль Л. Кац [1], отмечает, что современная цифровизация в своем развитии проходит три так называемых волны. Первая волна представляет собой внедрение таких технологий, которые на сегодняшний день считаются «зрелыми» или устаревшими. Речь идет об информационных системах управления, направленных на автоматизацию обработки данных и применяемые для мониторинга и отчетности бизнеса, а также различных частных и государственных компаний. К первой волне можно отнести и развитие широкополосной связи, голосовых телекоммуникаций (фиксированных и мобильных), которые обеспечивают удаленный доступ к информации.

Вторая волна цифровизации влечет за собой распространение сети Интернет и платформ, запущенных на ее основе. Данные системы создают возможность взаимодействия предприятий с потребителями, и предприятиями между собой. Наряду с расширением доступа к сети интернет, вторая волна привела к распространению облачных вычислений. Эти технологии поддерживаются специализированным оборудованием, начиная от серверов и маршрутизаторов заканчивая мейнфреймами и коммутаторами.

Третья и заключительная волна началась в 2010 г. и повлекла ряд внедрений новых технологий, направленных на улучшение обработки информации и качества принятых решений для их дальнейшей автоматизации. Речь идет о преобразовании рутинных задач на предприятиях и в государственных органах в отлаженную систему алгоритмов.

Цифровизация социальных услуг является одним из критериев оценки инновационной экономики и общего качества жизни населения [2]. Так, например, в Испании активно изучается проблема интеграции цифровых технологий в сферу занятости и создание «Шаттлов занятости» [3]. Другие авторы концептуализируют проблему использования мобильных приложений в сфере здравоохранения [4] или же определяют роль цифровизации здравоохранения при борьбе пожилых людей со слабоумием [5]. Отличительными особенностями современного этапа экономического развития являются не только масштабное использование цифровых технологий, но и применение огромных массивов данных. Процессы цифровой трансформации характеризуются большой сложностью и многомерностью. На них влияет множество различных факторов, наиболее значимыми из которых требуют своевременного выявления и изучения для принятия правильных стратегических решений. Отсюда актуализируется вопрос о разработке технологий мониторинга цифровизации социальных услуг для планирования развития в ключевых областях государственного управления и осуществления корректирующих и направляющих действий на основе обратной связи.

В 2017 г. многие страны приняли новые цифровые стратегии и другие программы, направленные на цифровую трансформацию, созданию цифровых центров компетенций цифровой экономики, силиконовых долин, «регулятивных песочниц». Развивая данное направление, одновременно обозначился вопрос и об эффективности тех или иных плановых документов. В связи с этим, необходимо кратко обозначить некоторые подходы к оценке процесса цифровизации социальной сферы, которые применяются в зарубежных странах.

С 2014 г. в Европейском союзе одной из методик оценки цифровизации государственных услуг в социальной сфере является Индекс цифровой экономики и общества [6] (DESI – Digital Economy and Society Index). Актуализация данного показателя возникла в результате пандемии COVID-19, при которой многие сферы общественной жизни претерпели цифровую трансформацию. Появилась потребность в активизации использования государственных и частных онлайн-сервисов по оказанию услуг населению. DESI рассчитывается как комплексный индекс, на основании данных полученных по приоритетным направлениям цифрового развития:

- анализ широкополосной сети Интернет среди стран-участников Европейского союза;
- уровень цифровизации государственных и бизнес-структур;
- цифровой и человеческий капитал населения – уровень и качество владения основными навыками пользования интернет-сетью и технологиями;
- использование гражданами сети Интернет при обращении за услугами.

В 2021 г. DESI был скорректирован с учетом принятия двух основных мер по ускорению темпов цифровизации. Прежде всего это «Цифровой компас – 2030» – комплекс цифровых принципов, предоставляющих возможность реализации тех или иных инициатив в цифровом пространстве для всех участников Европейского союза. Второй мерой стало утверждение европейского Фонда спасения и восстановления экономики (RRF). Исходя из реализации принципов программы и деятельности Фонда, доклады DESI государств-членов Европейского союза должны включать краткий обзор уровня цифровых инвестиций, необходимых и уже принятых реформ в области цифровизации социальных услуг, а также планы по дальнейшему повышению устойчивости развития.

Проблема цифровизации государственных услуг, в частности, и социальных, активно изучается в гуманитарных науках. Различные междисциплинарные исследования призваны обосновать важность тех или иных критериев оценки цифровизации государственных и муниципальных услуг. Все больше исследователей отмечают актуализацию новых обязанностей органов государственного и муниципального управления по созданию доступной информационной среды и цифровой инфраструктуры

для широкого доступа населения к государственным услугам [7]. Разработаны и реализованы различные методики расчета ключевых показателей хода цифровизации, определена важность именно цифровых сервисов в процессе оказания социальных услуг, а также необходимость повышения общего уровня подготовки населения к переходу большинства услуг в беззаявительный и дистанционный формат. Размышляя на тему методик оценки уровня цифровизации через призму приоритетности для развития российских регионов Л. В. Липидус отмечает: «...при оценке уровня цифровизации российских регионов необходимо учитывать не только состояние интегрального индекса, но и динамику происходящих изменений по основным критериям» [8].

На сегодняшний день проблема цифровизации социальных услуг является одной из ключевых задач государственной политики. В 2020 г. был издан Указ Президента РФ № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [9]. Данный указ устанавливал национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 г. по приоритетным направлениям. Одним из таких векторов оказалась и цифровая трансформация ключевых отраслей экономики и социальной сферы. Данная мера является определенной реакцией на общее развитие мировых информационных технологий и их повсеместное внедрение.

Помимо интегральных показателей оценки цифровизации социальной сферы также предусмотрены и проведение социологических исследований, ориентированных на использование метода анкетирования [10; 11], экспертного интервью [12]. Изучение процессов интенсификации цифровых технологий в социально-экономическое развитие с помощью социологических исследований позволяет обеспечить статистический анализ и оценку процессов цифровизации как в территориальном, так и во временном аспектах [13].

Таким образом, мы можем резюмировать, что в связи с созданием многих цифровых государственных программ обозначилась и проблема измерения их эффективности. Существующие мировые и отечественные методики выполняют мониторинговые функции процессов цифровизации социальной сферы. Большой спектр индексов цифровизации, предоставляет возможность их классификации по степени охвата. Каждый из них имеет свои достоинства и недостатки, обладая при этом разным инструментарием и разную целевую аудиторию. Одни методики нацелены в большей степени на государственные учреждения, другие ориентируются на некоммерческие организации, когда третьи выступают комплексными значениями, охватывая все сферы оказания социальных услуг населению.

Литература

1. Katz R. Social and economic impact of digital transformation on the economy. ITU, GSR-17 Discussion paper. 2017. 41 p.

2. Павлова Л. Л., Барбаков О. М. Качество жизни человека в регионе под влиянием процессов цифровизации: программы реализации, оценка // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2021. № 2 (14). С. 86–101.
3. Enciso-Santocildes M. Social innovation and employment in the digital age: The case of the connect employment shuttles in Spain / M. Enciso-Santocildes, A. Echaniz-Barrondo, L. Gomez-Urquijo // International journal of innovation studies. 2021. Vol. 5, Iss. 4. P. 175–189.
4. Babaniyi Y. O. User Engagement in Mobile Health Applications / Y. O. Babaniyi, L. Bellhouse, A. Fernandez del Rio, A. Perianez // 2022. KDD Health Day. P. 1–10.
5. Yamazaki R. A study on management of technological knowledge to promote older adults' freedom in dementia care // Innovation in Aging. 2018. Vol. 2, N S1. P. 682.
6. Индекс цифровой экономики и общества (DESI) / Европейская комиссия. 2022. – URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/desi> (дата обращения: 05.07.2022).
7. Косарин С. П., Милькина И. В. Оценка отношения граждан России к процессам цифровизации государственных услуг // E-management. 2019. № 4. С 51–63.
8. Лапидус Л. В. Анализ методик оценки уровня цифровизации через призму приоритетности для развития российских регионов // Сборник материалов научно-практической конференции «Региональное измерение цифровой трансформации» и междисциплинарной секции «Социально-экономическое воздействие цифровой трансформации» / под ред. Т. В. Ершовой, Л. В. Лапидус. М.: Науч.-образоват. центр компетенций в области цифровой экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2019. С. 6–10.
9. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 05.07.2022)
10. Добролюбова Е. И., Старостина А. Н. Оценка цифровизации взаимодействия государства и граждан // Статистика и экономика. 2021. № 2. С. 45–56.
11. Global NGO. Technology report 2019 / Tech for Good. 2022. – URL: <https://www.nptechforgood.com/> (дата обращения: 05.07.2022).
12. Иванова М. М. Проблемы и перспективы развития цифровых технологий в социальной работе с молодежью // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. № 4. С. 429–442.
13. Kislaya, I. A. Statistical analysis of the processes of intensification the introduction of information and communication technologies in the socio-economic sphere of the Russian Federation / I. A. Kislaya, G. A. Bondarenko, A. A. Rudyaga, S. S. Aslanyan // E3S Web of Conferences. 2020. N 208. P. 1–7.

УДК 338.43

И. М. Силивеев, *Иркутск*

Медийный образ антикризисного управления

Анализируется сформированный за 2017–2021 гг. медийный образ антикризисного управления, а также приводятся результаты экспертного опроса, позволившего выявить качественные характеристики трансформации антикризисного управления в общественном сознании. Отдельно уделяется внимание виртуальному пространству как месту конструирования медийного образа антикризисного управления и формирования и закрепления общественного мнения в отношении данного типа управления.

Ключевые слова: антикризисное управление, медийный образ, виртуальный мир, общественное мнение, общественное сознание

I. M. Siliveev, *Irkutsk*

Media image of crisis management

The article analyzes the media image of anti-crisis management formed in 2017–2021, as well as the results of an expert survey, which made it possible to identify the qualitative characteristics of the transformation of anti-crisis management in the public mind. Separate attention is paid to the virtual space as a place for constructing the media image of anti-crisis management and the formation and consolidation of public opinion in relation to this type of management.

Keywords: anti-crisis management, media image, virtual world, public opinion, public consciousness

В современном мире медийный образ играет ключевую роль в формировании имиджа целого сектора социально-экономического развития – антикризисного управления. Сам принцип или этап антикризисного управления в любой организации или регионе вызван сложностями этого объекта управления, с которыми на сам не справляется. Поэтому, привлекаются внешние ресурсы в лице антикризисного управляющего и запускается система антикризисного управления, которая приводит либо к закрытию, либо к реструктуризации предприятия (в зависимости от поставленных целей).

При этом, в виртуальном мире, благодаря медийным информационным потокам конструируется образ антикризисного управления, который формирует в последующем, основные формы и стратегии общественного мнения. Благодаря сложившейся практике, антикризисное управление отражает в большей мере негативные образы общественного мнения в отношении данного типа управления. В наших более ранних исследованиях этот вопрос отражен в изучении представлений горожан, социальных аффектов и общественного напряжения, в принципах, способствующих необходимости внедрения антикризисного управления [9–12]. В работах О. А. Полюшкевич [7; 8] рассматриваются формы социального управления в конфликтных ситуациях, в исследованиях В. А. Скуденкова [13; 14] и Р. Г. Ардашева [1–6] изучаются сложности управления во время пандемии и при принятии управленческих решений в условиях иррациональных стратегий общественного сознания.

В данной работе представлен медийный образ антикризисного управления за последние пять лет с 2017 по 2021 г. Мы анализировали открытые информационные ресурсы сети интернет, обладающие как специализированной тематикой, так и относящиеся к общедоступным информационным ресурсам ($n = 5240$). В анализ включались публикации, где в названии фигурировал термин «антикризисное управление». То, что мы смогли провести исследование за несколько лет – это позволило нам увидеть динамику трансформации медийного образа антикризисного управления. При анализе данных мы использовали программу Atlas. ti.

Также мы провели экспертный опрос, среди антикризисных управляющих, позволивший нам обозначить качественные характеристики антикризисного управления, их динамику и социальное развитие в нашей стране за рассматриваемый период.

В ходе анализа полученных данных, мы выявили с-коэффициент конструирования медийного образа антикризисного управления. В результате выявили пять основных дискурсивных тематик, которые формируют медиадискурс (см. таблицу).

Таблица

Медийный дискурс антикризисного управления с 2017 по 2021 гг.

Тематика дискурса	2021 г.	2020 г.	2019 г.	2018 г.	2017 г.
Разрушение наследия прошлого	14,5	12,3	11,1	8,7	5,6
Спасение предприятий / регионов	11,6	11,4	11,7	10,8	8,3
Социальная защита работников	10,6	7,8	6,4	5,8	5,5
Эффективные управленческие решения	15,6	12,2	10,5	7,7	5,4
Работа с рисками	13,3	12,1	11,7	10,4	9,8
Другое	4,8	4,2	3,7	4,2	3,9

Также, проводя экспертный опрос, мы попросили наших респондентов проанализировать выделенный медийный дискурс публикаций об антикризисном управлении.

1. Разрушение наследия прошлого. Эта тематика актуализируется в основном при банкротстве или при реструктуризации крупных предприятий (чаще еще советского происхождения), которые на данный момент не могут быть эффективными и антикризисное управление старые формы работы, сферы деятельности закрывает и либо предлагает новые (с новыми технологиями, производством, людьми), либо предприятия закрывает, банкротит и имущество распродает. И если проанализировать таблицу, то за пять лет данная тематика публикаций возросла в три раза (14,5 в 2021 г. и 5,6 в 2017 г.).

Крупные предприятия еще советского этапа возникновения сегодня далеко не всегда жизнеспособны, но они всегда могут быть достаточно ресурсными для своих сотрудников и бывшего руководства при распродаже имущества, реструктуризации управления, оптимизации многих процессов и проч. (И. А., антикризисный управляющий, стаж 8 лет).

Наследие прошлого помогает формировать имидж предприятий, которые нуждаются в антикризисном управлении. Даже если процесс антикризисного управления приводит к тому, что предприятие перестает существовать – это выступает одной из форм социально-экономического моделирования развития предприятия или региона. (Т. А., антикризисный управляющий, стаж 15 лет).

2. Спасение предприятий / регионов. Публикации данного типа появляются регулярно, достаточно типичны и позволяют констатировать эффективность антикризисного управления, так как по факту эта деятель-

ность позволила удержаться на плаву предприятию или даже целому региону. Девиация отклонений за рассматриваемый период не значительна (11,6 в 2021 г. и 8,3 в 2017 г.).

Антикризисный управляющий – это далеко не всегда захватчик и волк, который должен растерзать то, что, итак, еле держится. Это тот, кто выводит предприятия на новый уровень. Да, этот процесс редко бывает безболезненным и легким, но игра стоит свеч. (О. А. антикризисный управляющий, стаж 11 лет).

Спасение предприятие в результате антикризисного управления становится основой социального моделирования. И тут важно, чтобы о тебе знало большее количество людей, чем ты сам знаешь. Восстановленное предприятие, даже в ужатом виде становится ресурсом бывшего руководства, антикризисного управляющего, жителей региона и т. д. (Н. Н., антикризисный управляющий, стаж 6 лет).

3. Социальная защита работников. Если предприятие переживает сложный период, то социальная обеспеченность и защищенность сотрудников является приоритетной задачей. Актуальность и количество данных публикаций в медиапространстве возросли в два раза (10,6 в 2021 г. и 5,5 в 2017 г.).

Защита человеческих ресурсов – это приоритет антикризисного управляющего. Если нет готовности спасти предприятие, то антикризисный управляющий поможет регулировать данные вопросы (М. М., антикризисный управляющий, стаж 7 лет).

Социальная защита работников любого уровня – зависит от условий, предоставленных руководством. Это основное требование и условие дальнейшей работы по взаимодействию с клиентами дистанционно. (С. В., антикризисный управляющий, стаж 5 лет).

4. Эффективные управленческие решения. Данный тип публикаций концентрируется на технологиях и техниках эффективного управления, которые могут зависеть как от личности антикризисного управляющего, так и от слаженности команды, которая работает над предприятием или регионом. Активность данных публикаций растет год от года и за рассматриваемый период выросла в два раза (15,6 в 2021 г. и 5,4 в 2017 г.).

Эффективные управленческие решения редко удается оптимизировать. Но это не значит, что это невозможно. Проверка данных решений осуществляется довольно быстро, но не всегда можно увидеть следы примененных мер. Но они есть всегда как результат действий или бездействий. (Г. О., антикризисный управляющий, стаж 10 лет).

Эффективные управленческие решения помогают регулировать социальные механизмы общественного воспроизводства. (Н. Е., антикризисный управляющий, стаж 4 года).

5. Работа с рисками. Эти публикации касаются рисков внешней среды и рисков внутреннего потенциала предприятия или региона. Они позволяют подчеркивать либо сложность условий принятия не простых решений с позиции руководства, либо внутренние сильные и слабые стороны предприятия или региона, который нуждается в антикризисном управлении. Динамика за рассматриваемый период есть, но наблюдается достаточно стабильный интерес и его небольшое повышение за последние годы (13,3 в 2021 г. и 9,8 в 2017 г.).

Риски – это синоним антикризисного управления. Без рисков не будет результата. (П. В., антикризисный управляющий, стаж 11 лет).

Социальный протест и социальный риск становится основой общественного воспроизводства и социального моделирования. (В. В., антикризисный управляющий, стаж 9 лет).

Таким образом, проведенный в работе мидийный образ антикризисного управления становится более понятным, прозрачным и легко отслеживаемым. Некоторые его аспекты требуют дополнительного внимания как со стороны бизнеса, так и со стороны власти. В будущем видится достаточно актуальным его изучение, которое поможет определить причины и последствия того или иного имиджа девушки.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Аффект через призму общественных настроений // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2021. № 12. С. 85–90.

2. Ардашев Р. Г. Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания // Социология. 2021. № 3. С. 53–61.

3. Ардашев Р. Г. Иррационализация массового сознания и СМИ // ЛОМОНОСОВ-2022 : материалы Междунар. молодеж. науч. форума / отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, Е. И. Зимакова. М. : МАКС Пресс, 2022. С. 1–5.

4. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания: анализ повседневных практик // В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 112–115.

5. Ардашев Р. Г. Конфликт иррациональности сознания современного человека // Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке : сб. материалов XIV Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения – 2020». М. : Макс-Пресс, 2020. С. 13–15.

6. Ардашев Р. Г. Феноменология рационального и иррационального мышления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, № 2. С. 120–124.

7. Полошкевич О. А. Социальное управление через призму норм // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 195–199.

8. Полошкевич О. А. Управление конфликтами через просоциальные практики // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 265–267.

9. Силивеев И. М. Представления горожан об антикризисном управлении // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города : сб. науч. тр. / науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 436–440.

10. Силивеев И. М. Социальная необходимость антикризисного управления и общественное развитие // В поисках социальной истины : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 297–300.

11. Силивеев И. М. Социальное напряжение при реализации антикризисного управления // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 466–469.

12. Силивеев И. М. Социальные эффекты антикризисного управления в виртуальном пространстве // Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 191–193.

13. Скуденков В. А. Последствия экономического кризиса: анализ коллективных эмоций // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 187–190.

14. Скуденков В. А. Правовые и этические нормы в период пандемии // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 137–138.

УДК 796.022ж3

Т. Ю. Фальковская, *Иркутск*

Мы в BANI: где выход? (Гуманитарные практики, культурное проектирование как средства против хаоса)

Исследуются новые вызовы BANI-мира. Под их влиянием анализируются условия и потребности развития гуманитарных практик, культурного активизма, креативной экономики, экономики впечатлений. Это позволяет сделать вывод о возможностях для полноценного существования людей, бизнесов, человеческих обществ в новых условиях.

Ключевые слова: BANI-мир, утрата смыслов, гуманитарный кризис, гуманитарные практики, экология информационной среды, информационная диета, культурный активизм, креативная экономика, экономика впечатлений, социально-культурное проектирование.

T. Yu. Falkovskaya, *Irkutsk*

We are in BANI: where is the exit? (Humanitarian practices, cultural design as a means against chaos)

The article shows the new challenges of the BANI world. Under their influence, the conditions and needs for the development of humanitarian practices, cultural activism, the creative economy, and the experience economy are analyzed. This allows us to draw a conclusion about the opportunities for the full existence of people, businesses, human societies in the new conditions.

Keywords: BANI-world, loss of meanings, humanitarian crisis, humanitarian practices, ecology of the information environment, information diet, cultural activism, creative economy, experience economy, social and cultural design.

VUCA-мир закончился, добро пожаловать в мир BANI! Джамаис Кашиас, известный футуролог, дал описание BANI-миру:

В (Brittle) – хрупкий. В контексте BANI-мира это означает, что мы подвержены катастрофе в любое время. Фундаментальные системы, от которых зависит выживание человека, могут в одночасье рассыпаться.

A (Anxious) – тревожный. При таком состоянии любой выбор кажется потенциально катастрофическим. Зависимость от информации повышает уровень тревоги.

N (Nonlinear) – нелинейный. Небольшие решения способны привести к огромным последствиям различной полярности, а огромные усилия – к ничтожным результатам.

I (Incomprehensible) – непостижимый. Дополнительная информация больше не является гарантией лучшего понимания. «Большее количество данных – даже больших данных – может быть контрпродуктивным, подавляя нашу способность понимать мир», – полагает Кашио. [1]

Современный человек упорно соревнуется с искусственным интеллектом в обработке данных, поглощая огромное количество информации из всех возможных источников не будучи способным их обработать и структурировать, тем самым углубляясь в BANI-мир, усугубляя хрупкость и непостижимость, загоняя себя в пучину хаоса, стресса, депрессии... Сама ситуация инспирирована глобальным кризисом рациональности, неспособностью большинства к критическому мышлению, анализу данных и синтезу логичных причинно-следственных конструкций. А между тем причина BANI – избыточность информации, засоренность информационного пространства, следовательно выходом является решение проблемы экологии информационной среды, ограничение неограниченного генерирования (тафталогия умышленная) информации и ограничение неограниченного потребления информация, информационная диета!

Кашио предлагает ряд рекомендаций по преодолению рисков характерных для BANI-мира:

- хрупкость можно преодолеть развитием устойчивости;
- для преодоления нелинейности потребуются гибкость;
- непостижимость обостряет потребность в прозрачности и интуитивном схватывании [1]. Мощный интеллект для современного человека перестает быть неоспоримым достоинством, необходимым инструментом для выживания: интеллект способен лишь констатировать непостижимость мира и погрузить своего обладателя в хаос и депрессию; его отсутствие, напротив, обеспечивает более комфортное существование, не омраченное осознанием глубины антиномий современного бытия, а также более высокую самооценку в силу слабости интеллекта и узости эрудиции (Закон Даннинга-Крюгера).

- ослабить тревогу и беспокойство по поводу будущего помогут сопереживание «в моменте» и внимательность к настоящему [1]. Жить здесь и сейчас, восстанавливать традиции гедонизма, переносить смысловые акценты с результата на процесс – представляются адекватными BANI-миру индивидуальными жизненными стратегиями. Для бизнес-стратегий в этом ракурсе имеет смысл снизить горизонты планирования,

перейти от долгосрочных стратегий к краткосрочным, перенести фокус с результатов на процесс, с коммерческих показателей на этические, социальные; усилить практики КСО, укрепить корпоративную культуру, стимулировать социальный и культурный активизм.

Реализации этих стратегий, адекватных BANI-миру, может помешать функционирование некоторых глобальных систем, которым свойственна высокая инертность, отсутствие гибкости, неспособность к рефлексии. К таким системам относится бюджетная сфера, в частности, система образования: затратная, неэффективная, с долгосрочными неочевидными стратегиями, колоссальными вложениями и отложенными результатами – все это противоречит современным индивидуальным жизненным стратегиям; light-версии – современный востребованный формат образовательных программ с фокусом на быстрые результаты и гуманитарные ценности.

Тотальная диджитализация, широкое распространение искусственного интеллекта, зависимость от него – источники непредсказуемости и неуверенности для большинства человечества, причины тотального снижения резильентности населения, потери навыков целеполагания, утраты смыслов, тотальной прокрастинации, снижения деловой активности в силу утраты смыслов деятельности. Очередной виток технической революции выбивает в очередной раз у большей части человечества почву из-под ног, человеческая жизнь лишается смысла и ценности. Это означает, что нужно искать новые смыслы и создавать ценности. Человек не может состязаться с машинами в анализе данных и оперативности принятия шаблонных решений, конкурировать с киберсущностями бессмысленно и бесперспективно.

Кашию в этой ситуации, по сути, предлагает развивать сверхчеловеческие способности для преодоления трудностей BANI-мира. Однако глобальная опасность этой ситуации в гуманитарном кризисе, потере человеческой идентичности, в утрате человеком человеческих качеств и способностей и, следовательно, развивать нужно человеческие способности, качества и человеческие, гуманитарные практики – выход в этом!

Человек, человечество должно делать ставку в своем развитии на имманентно человеческое, на специфические человеческие способности, компетенции и практики. К таким способностям относятся:

- способность искать, вырабатывать цели и смыслы;
- способность решать творческие задачи, вырабатывать неожиданные комбинации;
- способность объединяться и действовать в группах;
- способность к самосознанию;
- способность сопереживать, сочувствовать;
- способность к образному мышлению, к творчеству;

– способность к спонтанным и непрагматичным/непрограммированным действиям.

Основные гуманитарные практики, кроме экономической деятельности, отличающие человека от биологических и киберсуществ, – это творчество и традиции, социальный активизм. Причем творчество не только как часть креативных индустрий, как экономическая активность, инструмент монетизации креативного потенциала, а как способ самовыражения и источник признания и успеха. А традиции – как инструмент причастности к сообществу, событию, деятельности, территории и т. п.

Эти глобальные человеческие практики имеют огромный потенциал вовлечения и укрепления резильентности, преодоления трудностей BANI-мира; вокруг них необходимо выстраивать смыслы, сообщества, структуру осмысленной деятельности, специальную инфраструктуру.

Если творчество связано с владением специальными навыками, и потенциал вовлечения в эти сферы имеет некоторые ограничения, то традиции не имеют ограничений как таковых. Традиции – это необходимые реперные точки существования, точки опоры, горизонты планирования, которые снижают рандомность и сингулярность существования человека в BANI-мире. Традиции позволяют предвидеть моменты будущего, готовиться к ним т. е. существовать планомерно и осмысленно по привычной и приемлемой для человека разумного схеме: цель-план-реализация-результат-удовлетворение. Кроме предвидения и планирования участие в традиционных ивентах обогащает персональную событийную историю, поднимает эмоциональный градус, что также придает смысл и значимость жизни.

Снижать чуждую человеку рандомность и сингулярность нужно посредством системного социально-культурного проектирования, через развитие креативных индустрий, креативной экономики, экономики впечатлений, которые, фокусируются на гуманитарных ценностях и практиках, что, в свою очередь, позволит сохранять человеческую идентичность и противостоять вызовам BANI-мира.

Литература

1. Какой мир пришел на смену VUCA? BANI как новый способ осмыслить меняющуюся реальность. URL: <https://blog.bitobe.ru/article/kakoy-mir-prishel-na-smenu-vuca/> (дата обращения: 03.09.2022).

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ В ЦИФРОВОМ МИРЕ

УДК 316.66:323.11.

А. В. Завьялов, *Канада, Торонто*

Виртуальные экспертные коммуникации по вопросам миграции

Проводится анализ экспертных коммуникаций, которые позволяют адаптироваться мигрантам в принимающих странах. Выделяется традиционно-личностный и организационно-формальный стили адаптации мигрантов и на основе этого проводится сравнение виртуальных экспертных коммуникаций.

Ключевые слова: виртуальность, экспертные коммуникации, миграция, социальная адаптация, интеграция, принимающее общество.

A. V. Zavalov, Canada, Toronto

Virtual expert communications on migration issues

The article analyzes expert communications that allow migrants to adapt in host countries. The traditional-personal and organizational-formal styles of adaptation of migrants are singled out and, on the basis of this, a comparison of virtual expert communications is carried out.

Keywords: virtuality, expert communications, migration, social adaptation, integration, host society.

Общество усложняется, миграция изменяет качественные показатели населения большинства развитых стран. Это становится поводом для выделения принципиально нового понимания экспертных коммуникаций, позволяющих максимально эффективно организовать процесс социальной адаптации мигрантов в принимающем обществе.

Подготовка к миграции, особенно если мы говорим о высококвалифицированных мигрантах, начинается задолго до фактического перемещения в желаемую страну. Основным источником экспертной коммуникации (помимо родственников, друзей, знакомых) уже находящихся в другой стране – выступает сеть Интернет. В частности, сайты для мигрантов, позволяющие создать общее представление о том, как и где лучше организовать свой быт, обезопасить легальность пребывания в стране, найти жилье, работу, устроиться в вуз, школу или детский сад, получить

пособия и т. д. [1; 4–6]. Они подстраиваются под современные изменившиеся условия жизни (Р. Г. Ардашев [2; 3]).

Диаспоры или национально-культурные центры принимают на себя существенную часть данных вопросов, но в них могут обращаться те, кто имеет четко выраженную национальную идентичность или же она является доминирующей в его системе ценностей (А. С. Ким [7], О. А. Полюшкевич [8], О. Е. Ткаченко [11], А. Н. Пружинин [9], А. Ю. Поджидаева [10], П. А. Трескин [12–14]). Если же таковой нет, то как правило обращаются в официальные организации или идет профессиональный выбор организации собственного пространства жизни и работы (приглашенные специалисты через работодателя выстраивают свои социальные коммуникации).

Можно выделить традиционно-личностный стиль адаптации к новому месту, который развивается, когда мигрант опирается на собственные связи, родовые и семейные взаимодействия, традиции и культуру предков. А также организационно-формальный, который опирается на личные качества и навыки (знание языка (официально сданные языковые тесты), приглашение на работу, предоставление жилья компанией и т. д.). И первый, и второй позволяют выстроить социальную стратегию адаптации в новой стране. Публикации в сети интернет примерно поровну распределяются между выделенными стилями социальных виртуальных коммуникаций.

Мы провели анализ виртуальных экспертных коммуникаций по выделенным двум стилям (табл.). Всего в анализе приняло участие 1780 сайтов или отдельных публикаций, посвященных социальной адаптации в той или иной стране. Единицами анализа выступал символический контекст публикации и смыслы, которые в нем раскрывались.

Таким образом, и первый и второй стиль социальной адаптации достаточно распространены и находят своих приверженцев. Каждый стиль предполагает свою собственную целевую аудиторию, которая определяет формат и условия социальной адаптации в принимающем обществе. Выбор того или иного стиля строится из личного опыта, уровня образования и социальных притязаний мигрантов. Чем выше социальный статус и уровень экономических и социальных претензий, тем чаще пользуются организационно-формальным стилем, чем ниже уровень образования, финансовых возможностей, уверенности в работе и жилье, чем чаще опираются на традиционно-личностный стиль социальной адаптации.

Таблица
Экспертные коммуникации по вопросам адаптации мигрантов (в %)

Стили	Форма	%
Традиционно-личностный стиль	Социальная адаптация для представителей определенной нации или культуры (украинцы, китайцы, немцы, русские)	24
	Социальная адаптация представителей определенной религии (мусульмане, христиане, буддисты)	23
	Национально-культурный бизнес (китайцы, евреи, русские)	20
	Национально-культурный быт – национальная кухня (русская, китайская, украинская, казахская, немецкая, японская); – продукты и бытовые предметы из страны прибытия (русские, китайские, литовские, белорусские, монгольские, индийские)	18
	Национально-культурный досуг – кафе, рестораны, кальянные – бани, сауны – этнические и национально-культурные фестивали, концерты	15
Организационно-формальный стиль	Языковые курсы	27
	Трудоустройство мигрантов (официальное и неофициальное)	23
	Образование, сертификаты переаттестации, переобучение	22
	Участие в программах помощи и поддержки мигрантов, социальные выплаты, компенсации	15
	Здравоохранение, медицинские страховки	13

Хотя, безусловно, один второму не противоречит и может дополнять. По личным наблюдениям автора, те, кто выбирают организационно-формальный стиль адаптации могут легко воспользоваться бонусами традиционно-личностного стиля, а те, кто изначально опирается на традиционно-личностный стиль не всегда могут опираться на ресурсы и возможности организационно-формального. Это влияние социальной среды того общества и культуры, личных амбиций и социальной устроенности на Родине мигрантов.

Виртуальные экспертные коммуникации лишь направляют и помогают на первых порах ориентироваться в новой стране, в дальнейшей жизни они становятся справочной информацией, только если мигрант не становится транслятором и проводником различных стратегий социальной адаптации других мигрантов в принимающем обществе. В любом случае, виртуальные экспертные коммуникации создают основание для социального взаимодействия мигрантов в принимающем обществе, их более уверенной социальной адаптации и реализации на новом месте. Поэтому, они будут расширять и разнообразить свои информационно-просветительские и организационно-коммуникационные задачи на просторах сети Интернет.

Литература

1. European union and Canada: core issues of contemporary migration and integration / A. V. Zavalov, O. A. Polyushkevich, R. V. Ivanov, I. V. Zavarzina, A. N. Pruzhinin // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EpSBS). International Conference on Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism (SCTCMG 2021). 2021. С. 1727–1738.
2. Ардашев Р. Г. Аффект через призму общественных настроений // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2021. № 12. С. 85–90.
3. Ардашев Р. Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы VI Междунар. науч.-практ. интернет-конф. : в 2 ч. Вологда, ВолНЦ РАН, 2021. С. 76–79.
4. Завьялов А. В. Актуальность применения гуманистического подхода в области социальной адаптации мигрантов // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : сб. науч. тр. / под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 35–43.
5. Завьялов А. В. Ресурсы и условия социальной адаптации мигрантов // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе : материалы X Всерос. науч. интернет-конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. С. 8–19.
6. Завьялов А. В. Социальная адаптация мигрантов: социологический анализ теории и практики : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. 264 с.
7. Ким А. С., Полошкевич О. А. Роль диаспоры в организации некоммерческой деятельности мигрантов // Культура и взрыв: социальные смыслы в эпоху перемен : материалы IX Всерос. науч. интернет-конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. С. 7–10.
8. Полошкевич О. А. Экспертное сообщество в развитии межсекторного партнерства институтов гражданского общества // Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура : сб. науч. тр. / науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 93–96.
9. Пружинин А. Н. Управление институтами гражданского общества через призму человеческого капитала // В поисках социальной истины : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 137–141.
10. Пружинин А. Н., Поджидаева А. Ю. Модели легитимации развития человеческих ресурсов некоммерческих организаций // Социология. 2022. № 1. С. 144–153.
11. Ткаченко О. Е., Полошкевич О. А. Мобильность миграции: сила или слабость развития государства // Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс : сб. науч. Тр. по итогам Первой всерос. науч.-практ. молодеж. конф. Екатеринбург : Ин-т философии и права УрО РАН, 2019. С. 288–298.
12. Трескин П. А. Особенности удаленной работы: опыт адаптации некоммерческих организаций // Социология. 2022. № 1. С. 154–162.
13. Трескин П. А. Роль экспертного сообщества в развитии социального партнерства // Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура : сб. науч. тр. / науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 103–105.
14. Трескин П. А. Стратегии развития фондов местных сообществ как источников поддержки некоммерческого сектора: анализ мирового опыта // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 244–250.

УДК 316.4.06

М. А. Лавыгина, Л. А. Гуринович, *Иркутск*

Влияние деятельности благотворительных организаций в виртуальном пространстве на становление представлений о социальном благополучии жителей Иркутской области

Рассмотрены основные этапы развития благотворительности в Иркутской области в XXI в., виды благотворительных организаций и проводимые ими мероприятия. Указаны формы благотворительной деятельности в интернете на примере существующих в регионе фондов. Сделана попытка анализа влияния процесса цифровизации благотворительности на изменение уровня благополучия.

Ключевые слова: благотворительность, Интернет, благотворительные организации, благополучие, фандрайзинг.

M. A. Lavygina, L. A. Gurinovich, *Irkutsk*

The impact of the activities of charitable organizations in the virtual space on the formation of ideas about the social well-being of residents of the Irkutsk region

The article studies the development of charity in the Irkutsk region in the twenty-first century. The author presented various types of existing organizations and their activities. In addition, the forms and degree of development of charitable activities on the Internet were studied, using the example of existing foundations in the region. An attempt was made to analyze the impact of the digitalization of charity on the change in the level of well-being.

Keywords: charity, Internet, charitable organizations, well-being, fundraising.

Благотворительность становится наиболее актуальной формой работы с населением уже последние десять лет не только в рамках реальной жизни, но и на просторах сети Интернет. Это связано с увеличением степени бедности населения, усилением внимания государства к вопросу социальной ответственности бизнеса и возможностью для проявления общественной инициативы со стороны некоммерческого сектора. Решение данных вопросов требует повышенной скорости и продуктивности, что возможно только на платформах, созданных и активно развивающихся на сегодняшний день в виртуальном пространстве. Социальная работа с населением предполагает взаимодействие всех социальных групп, причем не на уровне развития социальных отношений, что предполагается само собой, а именно с точки зрения оказания помощи тем, кто в ней реально нуждается. Именно поэтому изучение форм и видов благотворительной деятельности во всемирной паутине в настоящее время является весьма актуальным вопросом.

Благотворительность является одной из форм поиска компромисса между предпринимательством и социумом, между различными общественными слоями, между властью и некоммерческим сектором, который постоянно расширяется. Важнейшей задачей благотворительности является повышение уровня жизни и социальная защита уязвимых категорий

населения. Кроме того, благотворительность решает социальные проблемы, которые государство устранить не в силах. Так же мы отмечаем наличие таких тонких моментов формирования образа благополучия как отличие социально-экономических сложностей и нужды от иждивенческих установок, снижающих активность граждан в отношении своей самоактуализации через образование, профессиональные самоопределения и самоорганизацию.

В Иркутской области существует не малое количество благотворительных организаций, помогающих нуждающимся в посторонней помощи. Нынешние меценаты помогают из средств возглавляемых ими предприятий, но, конечно уже не в тех размерах по сравнению с временами, когда благотворительность находилась под контролем у властей. Это свойственно руководителям крупных предприятий: Восточно-Сибирского отделения РЖД, ОАО «Иркутскэнерго», ОАО «Иркутский мясокомбинат», корпорации «Иркут» и др. В городе действует несколько благотворительных фондов. Одними из самых крупных являются фонд Красноштанова и «Оберег». Каждая из организаций работает с большим количеством категорий людей. Уделяется внимание и малообеспеченным семьям и пожилым, ветеранам ВОВ, фонд Красноштановых организует встречи и теплые приемы. Фонд «Оберег» служит местом для реабилитации людей оставшихся на улице и женщин, попавших в трудную жизненную ситуацию с ребенком на руках. Стоит отметить, что это лишь малая часть того, чем занимаются эти организации. Также широко известен фонд Ю. Тена, которому в марте 2016 г. исполнилось 20 лет. Благотворительные сезоны и «Весенняя неделя добра» уже стали традиционными, многие иркутяне знают о них и принимают активное участие. Укрепляют свои позиции новые акции – «Рождество для маленьких бродяг» под руководством участников проекта «Школа молодого лидера» и межведомственная профилактическая акция «Дети улиц». В Иркутской области на постоянной основе проходят ежегодные акции: «Счастье для всех», проводимая организацией ФГБУ «Заповедное Прибайкалье», «Собери ребенка в школу» от партии «Единая Россия», «Теплая варежка», участие в которой принимает МВД «Ирида», студенты ИРНТУ.

В эпоху повсеместного распространения информационных сетей и стремительного роста инноваций во всех сферах жизни современного общества, многие составляющие приобрели новый вектор развития в интернет среде, благотворительность не стала исключением [3].

Каждая благотворительная организация на данный момент имеет собственный веб-сайт или страницу в социальных сетях, на котором изложена вся информация о ее деятельности. Но помимо этого фонды проводят сборы в онлайн-формате на отведенных для этого площадках, где любой участник за несколько кликов может осуществить перевод для

нуждающихся в этом людей. Таким примером является крупнейший благотворительный фонд России – Русфонд, подразделение которого находится в Иркутской области и осуществляет сбор средств на данный момент помощь тяжело больным детям. На сайте организации наглядно представлено сколько необходимо средств для достижения всех целей и сколько уже собрано [6].

Организация деятельности в рамках социальных сетей и сайтов вовсе не единственное отражение благотворительной деятельности в виртуальном пространстве. Нельзя не упомянуть о таком понятии, как фандрайзинг. Данный социальный феномен представляет собой инструмент для поиска финансовых средств для поддержания жизнедеятельности некоммерческих организаций (НКО) и решения социальных проблем, которые находятся вне досягаемости государства и частного сектора экономики [5].

Фандрайзинг предполагает, что привлечение благотворительных ресурсов всегда осуществляется в интересах третьих лиц: не в пользу организации, которая занимается фандрайзингом, и не в пользу членов собственной семьи фандрайзера. Совмещение фандрайзера и конечного получателя (или его семьи) благотворительной помощи в одном лице недопустимо. То есть допустимо, но это уже не фандрайзинг в смысле привлечения ресурсов для благотворительных целей [1].

На территории Иркутской области работают 5 благотворительных фондов, применяющие фандрайзинг в своей деятельности. По данным Русфонда, на момент 2020 г. Благотворительный фонд «Близко к сердцу» собрал 10,4 млн руб. для помощи тяжело больным и инвалидам; БФ Красноштанова – 15,8 млн руб. для поддержки социально незащищенных слоев населения; некоммерческая организация «Благотворительный фонд Марины Седых» – свыше 18 млн руб. для оказания помощи малообеспеченным семьям и другим категориям населения; Благотворительный фонд «Оберег» – 29,7 млн руб. для поддержки малообеспеченных семей и граждан, лиц, пострадавших от насилия, в том числе психологического; Благотворительный фонд «Фонд развития города «Новый Ангарск»» собрал 28,8 миллионов рублей для оказания помощи мигрантам, беженцам и лицам без гражданства [9]. Таким образом, следует отметить, что потенциал неиспользованного филантропического ресурса в Иркутской области чрезвычайно велик.

Нельзя не рассмотреть помимо всего вышесказанного и ситуацию, сложившуюся в последние годы в мире, которая значительно затронула и ход развития благотворительности. Во время пандемии множество организаций, специализирующихся на помощи нуждающимся ожидали понижение уровня поддержки со стороны спонсоров, но такого не произошло. Конечно, большинство организаций столкнулись с такой проблемой, как

переход в онлайн-режим, освоение новых программ и компьютерных технологий, но многие центры с этим справились и перевели лечебно-педагогическую и прочие направления работы в сеть Интернет. Этому также способствовало меценатство, ведь для организации такой масштабной деятельности в еще неосвоенном пространстве как минимум необходимо техническое оснащение. Более того после окончания карантина часть деятельности по-прежнему проводится через онлайн-платформы, что позволяет повысить оперативность действий, не выходя из дома [7].

О низком уровне благотворительности говорит Елена Почаева, директор благотворительного фонда «Байкальское солнышко», который помогает детским домам. Глава фонда утверждает, что редко приходит достаточное количество средств для проведения мероприятий фонда. Эти слова являются подтверждением того, что уровень благотворительности в Иркутской области недостаточно высок и зачастую благополучатели и благотворители не находят друг друга несмотря на обилие частных организаций и отдельных лиц способных оказать необходимую поддержку [8]. Нам видится необходимым формирование в виртуальном пространстве онлайн-платформы, где бы благотворители и благополучатели могли создавать совместные проекты. Там же можно показывать социальную значимость такой деятельности, координировать сведения о нуждаемости граждан, размещать отчеты о потраченных средствах. В качестве организаторов можно рассматривать службы омбудсменов, представителей Общественной палаты Иркутской области и молодежного правительства.

Мы считаем, что развитие филантропии в онлайн-сервисах позволяет получить больше информации о социальных проблемах, путях их решения, реализуя возможность привлечь внимание к проекту или в целом благотворительной организации. Таким образом, происходит взаимодействие с многомиллионной аудиторией и пересечение групп, заинтересованных в достижении одних и тех же целей [4]. Если информация становится открытой и доступной, без рассказов с надрывом о сложностях жизни, с показом, как благополучатели становятся реальными действующими лицами, например, участвуют в городских субботниках и становятся волонтерами помощи животным, сиротам, старикам, то образ социального благополучия станет более объемным.

Литература

1. Артемьева Т. В., Тульчинский Г. Л. Фандрейзинг. Привлечение средств на проекты и программы в сфере культуры и образования. СПб. : Лань, 2010. С. 286
2. Гуринович Л. А., Туринцева Е. А. Советское благополучие через четверть века глазами жителей Восточной Сибири // Материалы второго Байк. научн. социол. симп. / [под общ. ред. О. А. Кармадонова, В. А. Решетникова, С. А. Инкижиновой]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. С. 207 – 213.
3. Тимохина Н. И. Особенности коммуникации благотворительных организаций в социальных сетях // Молодой ученый. 2019. С. 250

4. Как меняется благотворительность в эпоху пандемии: семь главных трендов // РБК Тренды. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5e9ecadc9a794766ee4ec722> (дата обращения 22.08.2022)

5. Фандрайзинг: история возникновения / Н. А. Алексеев, Э. А. Безуглый, Е. Г. Ковалев, Н. Б. Кутергин, В. Ю. Радоуцкий // Электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fandrayzing-istoriya-vozniknoveniya-i-razvitiye> (дата обращения 29.08.2022)

6. Иркутск помогает тяжелобольным детям Иркутской области // Бюро Русфонда. URL: <https://rusfond.ru/irkutsk> (дата обращения 31.08.2022)

7. Как меняется благотворительность в эпоху пандемии: семь главных трендов // РБК Тренды. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5e9ecadc9a794766ee4ec722> (дата обращения 22.08.2022)

8. Михельсон А. Копейка на доброе дело. Почему измельчали иркутские меценаты // АиФ Иркутск. URL: <https://irk.aif.ru/society/1152413> (дата обращения 22.05.2022)

9. Фандрайзинговые благотворительные фонды в России – официальный сайт Русфонда. URL: <https://rusfond.ru/navigator?name=&area-id=&direct=&federal-district=®ion=38&total-interval=4&sort=Name&report=9> (дата обращения 27.08.2022)

УДК 316.35

Е. А. Маркова, *Иркутск*

Виртуальное пространство как сфера реализации креативного потенциала сотрудников социальной организации

Анализируются новые условия развития креативного потенциала сотрудников социальных организаций. Доказывается, что виртуальное пространство выступает наиболее лаконичной и многообразной сферой реализации креативности сотрудников.

Ключевые слова: меритократия, виртуализация, сотрудники, виртуализация рабочего места.

E. A. Markova, *Irkutsk*

Virtual space as a sphere of realization of the creative potential of employees of a social organization

The article analyzes new conditions for the development of the creative potential of employees of social organizations. It is proved that the virtual space is the most concise and diverse sphere for the implementation of the creativity of employees.

Keywords: meritocracy, virtualization, employees, workplace virtualization.

Современный мир вносит свои коррективы в нашу привычную жизнь. Сегодня работающая молодежь уже отличается от молодых специалистов, которые устраивались на работу 2–3 года назад. Современные молодые специалисты в первую очередь отличаются своей креативностью.

Век инновационных технологий влияет не только на технический прогресс, но и на людей, живущих в данный период. Современные молодые люди характеризуются креативностью, которая формируется в условиях новых возникших потребностей. Говоря о креативности молодых специалистов, важно отметить и то, что нестандартный подход к решению многих вопросов становится все популярнее и актуальнее. Популярность решения возникших проблем с помощью нестандартных решений

связана с тем, что многие идеи, которые казались невозможными, с помощью креативного мышления способными стать реализуемыми на практике. Говоря об особенностях современной молодежи, стоит отметить также, что присущее молодым людям стремление ко всему новому и отсутствие опасений ошибиться в чем-либо новом многими учеными трактуется как специфический феномен, основу которого формирует именно креативное мышление.

На сегодняшний день молодые специалисты имеют такие качества как владение современными технологиями, независимость и уверенность в себе [1]. Также стоит отметить, что современным сотрудникам важно иметь возможность самовыражения, стремление к самореализации, участие в социальной активности и занятость в инновационной деятельности. Молодые специалисты с развитым креативным мышлением находят нестандартные решения, которые рушат привычные стереотипы.

Так как на рабочие места приходят новые современные сотрудники, необходимо так же изменять и систему движения сотрудников по карьерной лестнице. Современные установки диктуют новые требования к руководителям организации. На сегодняшний день руководитель организации в первую очередь должен характеризоваться креативностью, так как решения возникших вопросов с помощью нестандартных решений в новых реалиях становится более актуальным методом. При этом важно совмещение таких навыков и установок с интеллектуальным капиталом коллектива, которым он руководит, дабы эффективно распоряжаться ресурсами социальной организации.

Таким образом, современные условия диктуют новые установки в рабочей среде. В новых условиях актуальным становится такой принцип управления как меритократический. Смысл данного принципа заключается в том, что руководящие посты должны занимать наиболее способные сотрудники организации, также стоит отметить, что на руководящие должности нанимаются специалисты вне зависимости от их социального происхождения и финансового достатка. То есть можно сделать вывод, что меритократическая система основана на том, что способности и достижения сотрудников являются одной из ключевых основ передвижения по карьерной лестнице в той или иной организации. Таким образом, в условиях меритократии наиболее креативные сотрудники способны занимать высокие должности.

Принципы меритократической системы были описаны в 1958 г. британским политиком и социологом Майклом Янгом в книге «Возвышение меритократии». Изначальное данное понятие носило исключительно сатирический контекст и использовалось чаще в политической сфере нежели в менеджменте. Однако на сегодняшний день термин «меритократия» набирает популярность в области корпоративного управления.

Говоря о корпоративной политике в современных условиях, важным является отметить так же то, что виртуализация играет значимую роль в деятельности сотрудников. Данное явление присуще инновационному веку, но не все организации способны правильно организовать деятельность сотрудников. Виртуализация рабочего места в широком смысле – это условный перенос рабочего компьютера сотрудника на его собственный компьютер или ноутбук. Данный термин стал все чаще использоваться среди работодателей после covid-19, когда всем сотрудникам в срочном порядке пришлось перейти на «удаленку».

После завершения пандемии многие организации частично оставили в своей деятельности удаленный режим работы, однако некоторые организации и вовсе перешли на «удаленку». Виртуализации рабочего места процесс сложный и трудоемкий не только в техническом плане, но и в социальном. Сотрудникам, оставшимся на «удаленке», довольно трудно перестроиться в новый формат работы, так как привычный рабочий режим претерпевает изменения. Теперь у сотрудников, осуществляющих свою работу из дома или любого другого удобного места, нет возможности контактировать со своими коллегами, отсутствие данного социологического компонента негативно влияет на онлайн сотрудников.

Переход сотрудников на удаленный режим работу должен осуществляться на высоком уровне не только в технологическом контексте, но и в социологическом. Так, к примеру, организациям, в которых частично или полностью присутствует «удаленка», стоит активно внедрять методы командообразования (тимбилдинг). Использование различных методов тимбилдинга позволит современным организациям, которые используют удаленный режим работы в своей деятельности, не потерять сотрудников. Это связано с тем, что неважно, где работник осуществляет свою деятельность: в офисе, дома, кафе, ему важно общаться с людьми, которые работают в той же организации. В качестве форм командообразования можно применять небольшие интеллектуальные разминки, решение кейсов, не характерных для деятельности таких организаций, и творческие элементы в виде небольших локальных выставок творческих работ, что возможно наиболее локально проводить в виртуальных пространствах социальной организации.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в современных условиях организациям необходимо изменять свои привычные методы управления. Процессе информатизации общества диктуют новые условия осуществления любой деятельности. Так, информатизация повлияла на современных сотрудников, которые отличаются от прошлого поколения креативным мышлением и нестандартными методами решения сложных вопросов. За счет данного феномена изменяется и вся система карьерного роста современных сотрудников. Теперь руководящие посты занимают

креативные специалисты, и здесь в новых условиях необходимо говорить о меритократической системе передвижения по карьерной лестнице.

Также важно отметить, что после пандемии 2019 г. многие организации перевели своих сотрудников на «удаленку». Виртуализации рабочих мест требуют от организаций использование новых механизмов. Так важным элементом в корпоративной деятельности организаций становится использования различных методов тимбилдинга с целью осуществления процесса социализации для сотрудников, работающих не в присутствии других членов команды, что может сказаться на корпоративном стиле и имидже организации.

Литература

1. Адашова Т. А. Развитие креативного потенциала молодежи как фактора эффективного развития российского туризма // Российские регионы: взгляд в будущее. 2016. № 1 (6). С. 43–51.
2. Бутылин К. Б. Влияние виртуализации рабочих мест на работу редакций электронных периодических журналов // Проблемы современной науки и образования. 2018. № 4 (124). С. 62–64.
3. Зайцев Д. В., Григорьева О. А. Виртуализация труда молодежи: социологический анализ // Социально-гуманитарный вестник Юга России. 2012. № 3. С. 74–80.

УДК 338.54.4

А. Ю. Поджидаева, *Иркутск*

Гражданско-цифровое просвещение как одно из ведущих направлений реализации социальных и гражданских инициатив НКО в развитии гражданского общества

Приводятся результаты исследования, направленного на анализ специфики реализации социальных и гражданских инициатив НКО, а также определение уровня гражданско-цифрового просвещения Иркутской области. В качестве методов исследования выступили онлайн-опрос населения и экспертное интервьюирование. В результате исследования было выявлено, что в период коронавирусной инфекции место и роль некоммерческих организаций изменились в лучшую сторону, а гражданско-цифровое просвещение может выступить одним из основных механизмов реализации социальных и гражданских инициатив НКО в России. Также как со стороны населения, так и со стороны экспертов были даны рекомендации органам общественного контроля и НКО.

Ключевые слова: НКО, гражданско-цифровое просвещение, гражданское общество, информированность, виртуальное пространство

A. Y. Podzhidaeva, *Irkutsk*

Civic digital education as one of the leading directions for the implementation of social and civic initiatives of NGOs in the development of civil society

This article presents the results of a study aimed at analyzing the specifics of the implementation of social and civic initiatives of NGOs, as well as determining the level of civic digital education in the Irkutsk region. The research methods were an online survey of the population and expert interviewing. As a result of the study, it was revealed that during the period of coronavirus infection, the place and role of non-profit organizations have changed for the better, and civic digital education can be one of the main mechanisms for implementing social and civic initiatives of NGOs in Russia. Also, both from

the side of the population and from the side of experts, recommendations were given to public control bodies and NGOs.

Keywords: NGOs, civil digital education, civil society, awareness, virtual space

В настоящее время российским обществом было задано основное направление своего развития, характеризующееся становлением институтов гражданского общества, как одного из инструментов демократии, основанной на принципах свободы воли, равенства и гуманности. Одним из наиболее распространенных институтов гражданского общества являются добровольные некоммерческие организации, в чью деятельность входит рассмотрение разноплановых социальных вопросов, при этом они постоянно находятся в процессе адаптации к меняющимся условиям общественных процессов. Несмотря на очевидные положительные стороны гражданского участия, в силу таких факторов, как низкий уровень информированности населения, информационная закрытость НКО, в особенности региональных, неравномерное распределение финансирования несмотря на то, что тематика, география и размеры дотаций увеличиваются, а также слабый уровень взаимодействия с органами власти, не представляется возможным создание доверительных отношений между тремя субъектами общественных отношений в полной мере. В связи с этим актуализируется проблема выявления и анализа специфики и механизмов реализации социальных и гражданских инициатив НКО.

Виртуальное пространство может стать одним из ключевых инструментов для решения вышеупомянутого круга проблем ввиду обширного перечня возможностей, им предоставляемых. В частности, благодаря активному развитию и продвижению различных цифровых площадок, электронные петиции, благотворительные и политические акции, голосования приобретают повсеместный характер, повышая уровень гражданской активности, в особенности, молодого поколения. В рамках реализации социальных и гражданских инициатив некоммерческого сектора данное средство может способствовать повышению уровня гражданско-цифрового просвещения и, как следствие, большее доверие граждан к деятельности НКО.

В контексте исследуемой проблематики необходимо выделить работы С. С. Аносова [1; 2], посвященные изучению особенностей гражданской активности некоммерческих организаций в рамках региона, П. А. Трескина об уровне цифрового взаимодействия «третьего» сектора и государственной власти [11; 12], А. С. Ким, О. А. Полюшкевич [4; 7], А. Н. Пружинина [8; 9], Е. Р. Ярской-Смирновой и О. А. Бодровой [13] о механизме действия институтов гражданского общества и, частично, исследования самого автора [5; 6] и др.

В апреле – мае 2022 г. методом анкетирования при помощи сети Интернет было проведено социологическое исследование на тему «Реализация социальных и гражданских инициатив НКО как фактора развития гражданского общества в России», одной из задач которого стало определение уровня гражданско-цифрового просвещения Иркутской области о деятельности НКО. В исследовании приняли участие 70 респондентов и 5 экспертов.

В опросе населения приняли участие преимущественно мужчины – их доля составила 58,6 % от числа всех респондентов. В исследовании приняли участие граждане в возрасте от 18 до 61 года и старше. Более детальное распределение по возрасту показало, что основную долю составили молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет (34,3 %). По уровню образования весомая часть респондентов имела оконченное высшее образование (47,1 %). По сфере занятости в опросе приняли участие преимущественно респонденты из следующих сфер деятельности: сфера науки и образования (25,7 %), торговля и сфера обслуживания (14,3 %), государственное и муниципальное управление (12,9 %), строительство, транспорт и связь (11,4 %) и пр.

Анализ полученных данных показал, что большинство опрошенных (62,9 %) считают гражданско-цифровое просвещение скорее может выступить одним из основных механизмов реализации социальных и гражданских инициатив НКО в России, чем нет. 15,7 % респондентов полностью разделяют представленную выше точку зрения. Не разделяют данное мнения лишь два опрошенных (2,9 %).

Респондентами также было выделено, что в период коронавирусной инфекции место и роль некоммерческих организаций изменились в лучшую сторону (48,6 %). Гораздо меньшее число опрошенных в противовес отмечают изменения состояния НКО в худшую сторону (24,3 %). 15,7 % принадлежит категории «нет, не изменились». Полученные данные коррелируют с исследованием, проведенным Департаментом международного и регионального сотрудничества [3].

Респонденты, в рамках онлайн-опроса выделили основные мероприятия, которые способствовали бы развитию концепции гражданско-цифрового просвещения: тематические общественные площадки (18,8 %), проводимые НКО с участием населения, тематические круглые столы и конференции, проводимые в традиционных и онлайн-форматах (16,9 %). Второстепенные позиции заняли экспертные площадки (13,0 %), гражданские форумы (11,7 %), издание информационно-методических материалов (9,7 %), консультационные услуги, отражающие деятельность НКО в регионе (9,1 %), издание информационно-справочных материалов, отражающих деятельность НКО (5,8 %).

Респонденты, в рамках онлайн-опроса дали рекомендации органам общественного контроля и НКО. Они подчеркивают, что последним необходимо стремиться к информационной открытости, привлечению средств массовой информации и конструктивному сотрудничеству как с государственными органами, так и с другими НКО. В числе рекомендаций органам общественного контроля респонденты выражают необходимость некоммерческому сектору стремиться слышать население области, «быть их голосом», создавать информационное пространство через цифровую инфраструктуру и накладывать меньше ограничений по участию в ней (минимизировать бюрократию), а также увеличить степень автономии НКО.

Социальный и профессиональный портрет эксперта соответствующей отрасли знания видится через призму его включенности в определенные сферы деятельности. В опросе приняли участие преимущественно женщины – их доля составила 80 % от числа всех респондентов. По должностному статусу эксперты распределились на руководителей структурных подразделений организации и их заместителей – 50 %, а также на специалистов разного уровня в организации – 50 %. 20 % экспертов имеют стаж в своей должности более 2 лет, 80 % занимают свою должность от 10 до 20 лет.

Эксперты считают, что основными мероприятиями для развития концепции гражданско-цифрового просвещения должны быть, в числе прочих, экспертные площадки в традиционных и онлайн-форматах, тематические круглые столы и конференции и издание информационно-справочных материалов. Говоря о трудностях, эксперты отмечают трудности организационного порядка, кадровые трудности, непонимание важности издания со стороны органов власти, а также финансовые проблемы.

Эксперты дали ряд рекомендаций некоммерческим организациям: быть открытыми к реализации новых инициатив, создавать цифровые платформы для открытого межсекторного диалога и открытого доступа к информации по сферам работы НКО. Также эксперты советуют Общественной палате проводить открытые дискуссии по проблемам гражданско-цифрового просвещения онлайн и офлайн и реализовывать новые подходы.

Таким образом, было выявлено, что специфика реализации социальных и гражданских инициатив НКО в современном российском обществе волнует все категории населения, а концепция гражданско-цифрового просвещения будет нести социокультурную эффективность при поддержке со стороны государства, региональных властей и общественности.

Литература

1. Аносов С. С. Гражданская активность некоммерческих организаций, работающих с молодежью в Сибирском федеральном округе // Социология. 2022. № 1. С. 70–78.
2. Аносов С. С. Особенности гражданских инициатив в городах Иркутской области // Урбанистика. 2017. № 4. С. 63–69.
3. Достижение ЦУР в условиях пандемии COVID-19: роль государств и высших органов аудита. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-SDG.PDF> (дата обращения: 03.09.2022).
4. Ким А. С., Полошкевич О. А. Социальная солидарность через просоциальные практики гражданских активистов и волонтеров // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 65–68.
5. Поджидаева А. Ю. Место и роль НКО в структуре гражданского общества и специфика их деятельности в России: категориальный анализ понятий // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 110–116.
6. Поджидаева А. Ю. Особенности реализации социальных и гражданских инициатив НКО как факторов развития гражданского общества в России // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ : материалы Междунар. науч.-практ. конф. 2021. С. 443–445.
7. Полошкевич О. А. Социальная адаптация женских НКО в условиях изменения государственного управления некоммерческих организаций // Трансформация социального мира в современную эпоху : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 128–134.
8. Пружинин А. Н. Управление институтами гражданского общества через призму человеческого капитала // В поисках социальной истины. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 137–141.
9. Пружинин А. Н., Поджидаева А. Ю. Модели легитимации развития человеческих ресурсов некоммерческих организаций // Социология. 2022. № 1. С. 144–153.
10. Сапонова А. В., Задорин И. В. «Хорошими делами прославиться нельзя»: проблемы репрезентации в СМИ деятельности некоммерческого сектора во время пандемии covid-19 в России // Мониторинг общественного мнения: социальные и экономические исследования. 2021. № 2. С. 423–444.
11. Трескин П. А. Цифровое взаимодействие органов власти и некоммерческих организаций // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 134–137.
12. Трескин П. А. Цифровые коммуникации НКО: трансформация парадигм управления // Социальная реальность виртуального пространства : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 194–196.
13. Ярская-Смирнова Е. Р., Бодрова О. А. Модели легитимации некоммерческих организаций как поставщиков социальных услуг // Журнал социологии и социальной антропологии, 2021. № 24(1): 45–78.

УДК 32.019.52

М. Ю. Попов, *Иркутск*

Анализ интернет-площадок как новых пространств взаимодействия общества и власти

Обсуждается вопрос появления и влияния нового вида СМИ – интернет-площадок на процесс взаимодействия власти и общества. Рассмотрены интернет-площадки в интернет-пространстве, их жизненный цикл, специфика и типология. Объектом исследования стали современное интернет-пространство и его влияние на общество. Цель работы – изучить типологию и особенности интернет-площадок как важной части информационного пространства.

Ключевые слова: символ, интернет, мем, информация, политика, идеология.

M. U. Popov, *Irkutsk*

Analysis of Internet sites as new spaces for interaction between society and government

The article analyzes the issue of the emergence and influence of a new type of media – online platforms on the process of interaction between government and society. In our work, Internet sites in the Internet space, their life cycle, specifics and typology will be considered. The object of our study will be the modern Internet space and its impact on society. The purpose of the work is to study the typology and features of Internet sites, as an important part of the information space.

Keywords: symbol, internet, meme, information, politics, ideology.

Современное общество трудно представить без интернета. Он выступает как один из важнейших факторов глобализации общества, полем для обмена информацией и мнениями, и, конечно, полем современного политического дискурса. Теперь в онлайн-режиме люди обсуждают современные политические проблемы (как внутренние, так и внешние), партии, выборы, работу классических СМИ и т. д.

Больше значение приобретает быстрый обмен информацией. Единичей обмена выступает мем (в понимании интернет-пространства), являющийся частью понятия «символ», так как он обладает рядом преимуществ перед другими способами обмена информацией. Современный пользователь интернета, избиратель и гражданин, стремится получать информацию в максимально доступной форме и как можно быстрее. А мем выступает как своеобразный информационный ярлык, с помощью которого можно быстро сориентироваться в современных политических реалиях.

В ходе исследования рассмотрим процесс взаимодействия власти, общества и современных СМИ в современном поле обмена информацией, а также влияние на этот процесс такого фактора, как глобализация.

Процесс символизации власти в интернет-пространстве происходит на протяжении довольно длительного периода времени, в каких-то странах он идет уже больше тридцати лет, где-то ему меньше десяти, но в целом анализируя мировое интернет-пространство, можем сказать, что этот процесс глобально длится около двадцати лет. В каждой стране интернет довольно быстро становится общей площадкой для дискуссии со

своими правилами, во многом эти правила формируются на основе общепринятой в государстве культуры.

С технологической точки зрения мы можем разделить развитие интернет-пространства на два основных периода: так называемый Web 1.0 и современный Web 2.0. Web 2.0 (определение Тима О'Рейлли) – это методика проектирования систем, которые путем учета сетевых взаимодействий становятся тем лучше, чем больше людей ими пользуются. Особенностью Web 2.0. является принцип привлечения пользователей к наполнению и многократной выверке информационного материала [1].

Здесь важно дать уточнение. Говоря «становятся лучше», имеют в виду скорее «становятся полнее», т. е. главное наполнение информацией, однако вопросы ее надежности, достоверности, объективности практически не рассматриваются. То есть термин Web 2.0 в первую очередь обозначает проекты и сервисы, активно развиваемые и улучшаемые самими пользователями: блоги, вики-проекты, социальные сети и т. д. То есть проекты, где индивид активно вовлечен в процесс обмена информацией. Важно понимать, что Web 2.0 не является технологией или каким-то особым стилем веб-дизайна. В первую очередь Web 2.0 – это комплексный подход к организации, реализации и поддержке веб-ресурсов. Именно этот подход и сформировал современное интернет-пространство, благодаря этому подходу. Каждый пользователь легко находит самую разнообразную информацию и легко ее создает.

Рассматривая техническое развитие интернета, важно дать оценку росту количества интернет-пользователей. По данным пресс-релиза, который дал Международный союз электросвязи (МСЭ) 22 июля 2016 г., количество пользователей интернета в мире составляет 3,5 млрд чел. В последние годы большинство пользователей стало приходиться на развивающиеся страны – в них насчитывается 2,5 млрд пользователей, в то время как в развитых странах – 1 млрд. По оценке ООН, численность мирового населения в 2015 г. достигла 7,3 млрд. В процентном отношении, наибольшее проникновение интернета остается в развитых странах – 81 %, по сравнению с 40 % в развивающихся странах и 15 % в наименее развитых странах.

В период с 2000 по 2015 г. удельный вес пользователей интернета увеличился почти в семь раз – с 6,5 до 43 % мирового населения. Доля домашних хозяйств, имеющих доступ в интернет, увеличилась с 18 процентов в 2005 г. до 46 % в 2015 г. За последние четыре года самый высокий рост уровня доступа домашних хозяйств наблюдался в Африке (рост с нуля всегда показательный), при этом годовой темп роста составил 27 %. То есть интернет распространяется в глобальных масштабах и становится общемировым явлением, уже около половины населения земли пользуется интернетом и это число будет только расти [6].

Темпы роста интернет-аудиторий в России также очень высокие. В октябре 2016 г. – марте 2017 г. ежемесячная аудитория составила восемьдесят семь миллионов человек, в возрасте от 12 до 64 лет, это 71 % населения страны, около 50 % пользователей интернета, в основном используют, мобильный интернет, т. е. выходят в сеть с мобильных устройств, в основном телефонов. При этом в 2008 г. ежемесячно интернетом пользовалось около 25 % от общего населения.

Символьное пространство в интернете формируется на базе «площадок для обсуждения», таких как форумы, имиджборды, социальные сети, видеохостинги, тематические сайты. Все эти площадки являются пространством для постоянной непрерывной дискуссии, по поводу различных тем. Все они являют собой символьные пространства, где главной символической единицей выступает мем. Пользователи постоянно создают, обмениваются и рефлексиируют эти мемы, тем самым идентифицируя себя в культурном пространстве. В современном политическом дискурсе мемы также имеют большое значение, пользователи рефлексиируют мемы, согласно своим политическим взглядам и могут менять их под воздействием мемов.

Рассмотрим типы «площадок для обсуждения» более подробно. Форумы – это первые общепринятые площадки для дискуссии. Концептуально форум – это тематическое сообщество, суть работы форума заключается в создании пользователями своих тем с их последующим обсуждением путем размещения сообщений внутри этих тем. Сейчас с расширением возможностей интернета, появлением более удобных площадок форумы отходят на второй план. Но приняты в них правила общения и терминология сохранились в интернет-пространстве. Например, на форумах сообщения и все ответы на него с последующими комментариями образовывали «ветку» [1] или «тему» (также употребляются кальки «топик», «топ» от англ. *topic*; «тред», «трэд» от англ. *thread*). Этот используется и сейчас. Пользователь часто проходил регистрацию, создавал свой профиль. Также форму может быть либо открытым для всех, либо в него можно попасть только по «инвайту» – особому приглашению от других участников форума. На форумах важным правилом было не отходить от темы, если пользователи писали, о чем, то другом это называли «флуд», «флейм». Эти правила общения и регистрации, используются на других площадках для обсуждения. На форумах мемы имели небольшое значение, так как информация, в основном передается через текст. [2]

Имиджборды занимают обособленную позицию, в культуре интернета. Имиджбóрд (англ. *Imageboard* – «доска изображений», разг. имиджбóрда, бóрда, доска) – это разновидность веб-форума с возможностью прикреплять к сообщениям графические файлы. Первые имиджборды были созданы в Японии, а их аналоги на английском языке были

построены вокруг японской культуры. Имиджборды используют так называемую концепцию Textbord, отличие которых, состоит в невозможности прикреплять графические файлы. На имиджбордах принята неформальная атмосфера из-за возможности анонимной публикации сообщений.

Важное отличие имиджборд от прочих типов форумов, состоит в трех идеях: Пользователи имиджборд анонимны – они оставляют сообщения без каких-либо регистраций и учетных записей. Зачастую в темах имиджборд разрешены только анонимные послания. Конечно, что ничто не мешает пользователю подписать его сообщение или и вовсе использовать одну и ту же фотографию для обозначения себя среди анонимов. Прикрепление файлов – возможность прикрепить к любому сообщению файл или несколько файлов. Чаще всего прикрепляют графические файлы, но есть имиджборды с более широкими возможностями. И третье – прикрепленные файлы хранятся на сервере имиджборда. Каждый раздел имиджборда может содержать не больше определенного количества тем. Новое сообщение в теме поднимает его наверх. При создании нового треда самый нижний, т. е. тот, в который писали наиболее давно, удаляется. [4]

Именно эти возможности определили развитие культуры интернета: будучи контркультурными имиджборды долгое время развивали внутри себя обособленную культуру интернет-общения, но постепенно с ростом числа посетителей имиджборд, контркультурность ушла на второй план, и они, скорее, стали устанавливать общепринятые культурные тенденции в интернете (это и принцип анонимности, и обмен «картинками-мемами» и еще ряд правил).

Следующий тип площадок на сегодняшний день является основным типом общения пользователей интернета. Социальная сеть – это платформа, онлайн-сервис и веб-сайт, предназначенные для построения, отражения и организации социальных взаимоотношений в интернете [5]. Количество пользователей социальных сетей на порядок больше, чем количество пользователей форумов и имиджборд. Основная причина – это доступность социальных сетей для простых пользователей. В 2016 г. аудитория сети Facebook превысила 1,71 млрд чел. [6], а аудитория российской сети «ВКонтакте» составляет более 380 млн пользователей. При этом более 80 млн посетителей заходят на сайт ежедневно. Около 65 % посетителей проживают на территории Российской Федерации. И более 59 % пользователей сайта старше 25 лет. Социальные сети представляют пользователям обширные возможности по передаче информации, как в текстовой форме, так и в аудиовизуальной. Соответственно в социальных сетях как дискуссионных площадках использование мемов становится общепринятым.

Важной частью таких социальных сетей как Facebook и «ВКонтакте» являются «паблики» в дальнейшем сообщества, специально созданные, для обсуждения определенных тем обособленные площадки. Именно на них, разворачивается основная политическая дискуссия в интернете как в мире, так и в России. Более подробно в данной работе они будут описаны ниже.

Еще одним важным типом, современных площадок для обсуждения являются видеохостинги. Видеохостинг – это веб-сервис, позволяющий загружать и просматривать видео в браузере, например, через специальный проигрыватель. При этом большинство подобных сервисов не предоставляют видео, следуя таким образом принципу «контент генерирует пользователь» (User-generated content). Видеохостинг стал набирать популярность вместе с развитием широкополосной технологии доступа в Интернет, а также развитием (удешевлением) жестких дисков [3].

Наиболее популярным видеохостингом является Youtube. Его аудитория составляет – больше 1 млрд чел. Это составляет практически треть всех пользователей интернета. В США среди жителей от 18 до 49 лет Youtube популярнее, чем любая сеть кабельного телевидения. Сайт локализован более чем в 88 странах. За месяц сервис транслирует 4 млрд часов видео. А самое популярное видео было просмотрено 4 236 296 раз, на 17 июня 2017 г. Часто видео на Youtube или отдельные их элементы становятся мемами. Чаще всего под видео зарегистрированные пользователи могут оставлять свои комментарии, тем самым выражая свое мнение.

Тематические сайты – это сайты, посвященные конкретной теме, часто в них собирается и анализируется информация, к примеру, есть «Луркморье» – своеобразная энциклопедия мемов. То есть эти сайты подают информацию в готовой, отрефлексированной форме и являются вторичными по отношению к вышеперечисленным формам дискуссии в интернете.

Переживая период бурного развития, интернет, представленный как дискуссионная площадка в виде вышеперечисленных площадок для обсуждения, включает в себя и политическую жизнь общества. Политика постоянно обсуждается пользователями, в различных формах. На тематических сообществах, посвященных политике, пользователи обсуждают новости, на Youtube создают каналы, посвященные освещению и анализу различных событий в мире политики. В этом обсуждение огромное значение имеют мемы, как культурные символы, нового постиндустриального общества. Пользователи идентифицируют себя с их помощью, а по отношению к мему, можно определить политические взгляды интернет-пользователя. Происходит процесс постоянного создания и передачи все

новых и новых мемов, как реакции на любое событие. Наиболее распространенная форма такого мема это картинка, зачастую с кратким поясняющим текстом.

Сейчас уже невозможно представить современный мир без интернета, это новый и самый прогрессивный способ передачи информации, который пришел на смену СМИ. СМИ – это результат качественный скачок в развитии средств связи в XX в. Теперь же в XXI в. на смену старым СМИ приходит интернет, становясь главным способом обмена информацией, где развивается своя культурная матрица, в которой основной единицей обмена культурной информацией выступает мем.

Можно отметить что интернет как площадка для обсуждения политики приобретает все большее и большее значение, так как мы живем в мире символов, там выстраивается своя система культурного обмена символами, где главной единицей такого обмена становится мем, чаще всего картинка, обыгрывающая в сатирической форме то или иное событие.

Мемы постоянно появляются, переживают краткий период популярности и практически исчезают, а им на смену приходят новые. Этот постоянный процесс связан с ключевыми отличиями интернета, от других СМИ: активным участием пользователей и скоростью передачи информации. Пользователь может принять на себя символическую роль журналиста, описывая событие, ведущего, снимая видео на какую-либо тему и т. д. Такой подход и является причиной популярности интернета в качестве площадки для обсуждения, пользователи видят таких же людей как они, те же символы, чувствуют свободу выражения мнений, возможность открыто высказаться.

Литература

1. Веб 2.0 // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B5%D0%B1_2.0. (дата обращения: 02.09.2022).
2. Веб-форум // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B5%D0%B1-%D1%84%D0%BE%D1%80%D1%83%D0%BC> (дата обращения: 02.09.2022).
3. Видеохостинг // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BE%D1%85%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B3> (дата обращения: 02.09.2022).
4. Имиджборд // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BC%D0%B8%D0%B4%D0%B6%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%B4> (дата обращения: 02.09.2022).
5. Социальная сеть // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D0%B5%D1%82%D1%8C (дата обращения: 02.09.2022).
6. Число пользователей Facebook превысило 1,71 миллиарда // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2016/07/28/chislo-polzovatelej-facebook-prevysilo-171-milliarda.html> (дата обращения: 02.09.2022).

УДК 331.65

П. А. Трескин, *Дзержинск*

Виртуализация работы некоммерческих организаций: стратегические возможности и общественная оценка

Рассматриваются причины, условия и технологии изменения работы некоммерческих организаций под влиянием процессов виртуализации. Анализируются стратегические возможности для социального моделирования и изменения формата взаимодействия и развития институтов гражданского общества. Также приводятся результаты исследования социальной оценки работы некоммерческих организаций в общественном сознании россиян.

Ключевые слова: виртуализация, некоммерческие организации, стратегические возможности, общественная оценка, социальное моделирование, общественные организации

P. A. Treskin, *Dzerzhinsk*

Nonprofit work virtualization: strategic opportunities and public evaluation

The article discusses the reasons, conditions and technologies for changing the work of non-profit organizations under the influence of virtualization processes. The strategic opportunities for social modeling and changing the format of interaction and development of civil society institutions are analyzed. It also presents the results of a study of the public assessment of the work of non-profit organizations in the public opinion of Russians.

Keywords: virtualization, non-profit organizations, strategic opportunities, public assessment, social modeling, public organizations

Современный мир наполняется новыми смыслами и стратегиями социальной коммуникации. Цифровое взаимодействие становится нормой не только для личного общения, но и для деловых коммуникаций. Это не может не сказаться и на работе некоммерческих организаций. Последние начали более активно взаимодействовать между собой и с адресатами своей работы через цифровые коммуникации и виртуальную помощь. Результатом этого стала существенная трансформация особенностей работы, качества оказания услуг и форм социального партнерства (об этом более подробно изложено в ряде работ автора [14–16; 19; 20]).

Стоит сказать, что изменения, произошедшие благодаря виртуализации, повлияли не только на формальную сторону любого рабочего вопроса функционирования общественных организаций, но изменили спектр оказываемых услуг (качественная трансформация). А это означает лишь то, что изменяется сама структура и принципы работы некоммерческого сектора в России, да и во всем мире. Результатом этого очевидно станет реформатирование взаимодействия институтов гражданского общества в целом и как следствие изменение общественного устройства и социального воспроизводства ключевых социальных институтов.

Эти перемены стали поводом для исследований различных аспектов социального взаимодействия общественных некоммерческих организаций. В работах Р. Г. Ардашева [1–6] указываются иррациональные тен-

денции социального взаимодействия, в исследованиях А. Ю. Поджидаевой [7; 8], О. А. Полюшкевич [9–13] раскрываются особенности просоциальных практик в процессе цифрового взаимодействия в том числе общественных организаций и отдельных волонтерских групп. В отдельных работах автора [17; 18] указываются основные тенденции трансформации работы некоммерческих организаций в условиях пандемии и т. д.

Для того чтобы более детально понимать трансформацию внутренних изменений работы некоммерческих организаций мы провели исследование, которое состояло из двух этапов: первый, касался экспертного опроса руководителей некоммерческих организаций ($n = 18$), который позволил нам выявить качественные изменения в работе некоммерческих организаций (экспертами выступили руководители некоммерческих организаций, занимающие данные должности не менее 5 лет, имеющие возраст от 27 до 76 лет, 60 % женщин и 40 % мужчин); второй, касался опроса населения, методом анкетирования ($n = 1200$), который позволил выявить оценку общественного мнения по работе некоммерческих организаций в цифровом мире (ими стали граждане России, проживающие во всех федеральных округах (опрос проводился при помощи платформы опросов www.google.ru), в возрасте от 18 до 75 лет, 55 % женщин и 45 % мужчин).

В результате анализа полученных данных мы смогли установить ключевые параметры трансформации функционирования некоммерческих организаций. Массовый опрос позволил выявить основные черты восприятия работы некоммерческого сектора в виртуальном мире в общественном сознании.

Эксперты говорили: 1) о новом формате и динамике работы некоммерческих организаций; 2) о предоставлении новых услуг, возможных только при достаточном уровне развития виртуализации сообщества; 3) о новом персонале для общественных организаций, обладающем альтернативной мотивацией, уровнем и качеством знаний, необходимых для оказания услуг конкретной некоммерческой организации.

Новый формат и динамика работы общественных организаций указывает на передовые принципы управления, социальной структуры и формата взаимодействия внутри некоммерческой организации.

Цифровизация показала, что даже некоммерческой организацией надо управлять с умом. И старые модели и системы управления просто не срабатывают, так как мир стал другим и мотивы людей, участвующих в наших проектах, изменились, стало быть, поменялись и возможности работы, условия оказания услуг и то, что мы, собственно, делаем, чтобы восполнять те социальные пробелы, которые ставит перед нами государство. (С. А., руководитель бурятского национально-культурного центра, Иркутск).

В виртуальном мире – классические модели управления не работают, поэтому и бизнес, и некоммерческий сектор пробуют новые технологии и модели управления, подбирая для себя наиболее рабочие схемы социального партнерства. (В. С., руководитель патриотического военного клуба, Красноярск).

Новые услуги, возможные только при достаточном уровне развития виртуализации сообщества показывают качественный рост некоммерческих организаций в выполнении своих целей и задач через предоставление и оказание своих собственных социальных услуг.

Благодаря увеличению виртуальности в нашей жизни, наша организация стала больше услуг оказывать через онлайн-сервисы на сайте и социальные сети НКО. А именно, мы поддерживаем круглосуточный интерактивный чат помощи, своего рода горячая линия, только в сети Интернет, применяем онлайн-консультирование и т. д. Я знаю множество некоммерческих организаций, что с приходом цифровизации в нашу жизнь существенно увеличили возможности качественного предоставления своих услуг самому широкому кругу граждан России. (Т. А., руководитель кризисного центра для женщин, Самара).

Мы работаем по-новому, от старого спектра предоставляемых услуг осталось менее половины (40 %), тогда как виртуализация стала толчком для формирования новых услуг: создания сайта брошенных животных, где любой желающий может на сайте посмотреть того, кого хотел или мог бы забрать домой, ю-туб трансляции тренировок брошенных собак, их проблемы и способы решения собирают у нас миллионные просмотры, позволяют получать дополнительный доход в виде пожертвований и коне что же формируется совершенно новый социальный имидж. (Н. Н., руководитель питомника для брошенных собак, Ярославль).

Новый персонал для общественных организаций, обладающий альтернативной мотивацией, уровнем и качеством знаний, необходимых для оказания услуг конкретной некоммерческой организации.

В нашей организации после всеобщей виртуализации стали нужны не только мотивированные активисты, но и профессионалы в своих сферах деятельности, таких как программирование, таргетирование, режиссура и т. д. Это реальная потребность в специалистах, которая с каждым днем только растет. И как итог, данные процессы заменяют, если не полностью, то существенно, «человеческое лицо», «коллективный портрет» участников некоммерческих организаций, изменившихся в связи с перекосами общественного развития. (Д. А., руководитель экологического движения, Ярославль).

Новые знания определяют то, что и как мы делаем как общественная организация, как меняем социальное взаимодействие под влиянием

социально противоречивых чувств, толкающих на определенные поступки. Сейчас нужны не просто люди жаждущие и желающие изменить мир в какой-то мере, но и те, кто реально его могут изменить через свою высококачественную работу. (О. Л., руководитель краеведческого национально-культурного центра, Якутск).

В таблице представлены ключевые лексемы социальных трансформаций работы некоммерческих организаций.

Таблица

Лексемы социальных трансформаций некоммерческих организаций (в %)

Лексемы	%	Примеры
Социальный активист	46	– Благодаря некоммерческим организациям увеличивается количество тех, кто готов ради других, жертвовать собой. – Через социальную активность общественных организаций у рядовых жителей формируется чувство правильности и патриотизма к подобным организациям
Общественное служение	32	– Все члены любых общественных организаций служат обществу и конкретным людям. – Реализуя свою работу хорошо, сотрудники и волонтеры вздыхают спокойно при любой заминке. Главная их задача – найти возможности для реализации общественного служения
Эмпатия	22	– Без сострадания и эмпатии невозможна работа никакой общественной организации. Благодаря эмпатии формируется соучастие и конструирование социального боннда. – Эмпатия и соучастие дают основание надеяться на терпимые условия общественного взаимодействия

Воздействие на общественное сознание происходит через разнообразные лексемы, как видно в таблице, – это образы «социального активизма», «общественного суждения», «эмпатии», что указывает на достаточно терпимые и толерантные установки как у экспертов, так и у обывателей, способных влиять на оценку качества работы некоммерческой организации.

Более того, опрос россиян показал то, что виртуализация изменила образ некоммерческих организаций: 1) 72 % отметили существенную активизацию некоммерческих организаций по работе в сети интернет; 2) дают положительную оценку некоммерческих организаций, основанную на продвижении в социальных сетях (54 %); 3) формирует оценку общественного мнения, на основе развития НКО в социальных рамках (51 %). Стало быть, цифровизация общества не только расширила возможности данного сектора экономики, но и создала условия для приращения новых смыслов и социальных оценок работы данных организаций. Это способствует усилению роли и возможностей воздействия на социальную реальность конкретного сообщества, где более активна работа той или иной НКО.

У 45 % увеличился уровень доверия некоммерческим организациям, 31 % более детально понял и осознал значимость и важность работы некоммерческого сектора в общественном устройстве, 25 % увидели положительные последствия работы НКО в их районе, городе, регионе или стране. Эти данные указывают на закрепление более позитивного образа общественной организации и тех, кто в ней работает на постоянной или временной основе (в качестве добровольца или волонтера).

44 % увидели лично для себя возможности и перспективы работы в общественной организации в качестве хобби (26 %) или профессиональной деятельности (16 %). И 57 % хотели бы чтобы их дети активно участвовали в работе некоммерческих организаций в будущем. Это указывает на смещение социальных смыслов, увеличение социальной значимости и социальной важности некоммерческого сектора, способствующей развитию социального капитала данной сферы общества.

Таким образом, работа некоммерческих организаций существенно изменилась под влиянием процессов виртуализации, она наполнилась новыми смыслами и контекстом работы, качественными параметрами оценки эффективности своей деятельности и возможности оказания услуг вне личного контакта. В глазах общественности, некоммерческие организации стали более активно заявлять о себе, более полно и разнообразно оказывать о своей деятельности, что стало основанием для большего доверия и желания самостоятельно участвовать в работе некоммерческих организаций.

Приведенные результаты позволяют нам указать на то, что социальная активность некоммерческого сектора изменяет как внутреннюю работу общественных организаций, так и их способность влиять на все другие институты гражданского общества, участвующие в социальном взаимодействии с некоммерческими организациями. Эти перемены приведут к новому формату социального партнерства и совершенно новым моделям общественного взаимодействия. А также будут способствовать развитию социального капитала некоммерческим сектором общественного устройства.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Аффект через призму общественных настроений // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2021. № 12. С. 85–90.
2. Ардашев Р. Г. Виртуализация в новых смысложизненных ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ : сб. науч. тр. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 130–134.
3. Ардашев Р. Г. Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания // Социология. 2021. № 3. С. 53–61.
4. Ардашев Р. Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы VI международной научно-практической интернет-конференции : в 2 ч. Вологда : ВолНЦ РАН, 2021. С. 76–79.

5. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания россиян. Монография. М. : РГСУ, 2021. 184 с.
6. Ардашев Р. Г. Трансформация мышления россиян в цифровую эпоху // Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Вологда : ВолНЦ РАН, 2021. С. 367–369.
7. Поджидаева А. Ю. Тенденции развития гражданских инициатив в современной России // В поисках социальной истины : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 133–137.
8. Поджидаева А. Ю. Особенности реализации социальных и гражданских инициатив НКО как факторов развития гражданского общества в России // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 443–445.
9. Полошкевич О. А. Межсекторное взаимодействие женских некоммерческих организаций Сибирского федерального округа // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 70. С. 246–263.
10. Полошкевич О. А. Просоциальное поведение в постпандемическом обществе // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы VI Междунар. науч.-практ. интернет-конф. : в 2 ч. Вологда, ВолРАН, 2021. С. 20–23.
11. Полошкевич О. А. Просоциальное поведение в цифровую эпоху // Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Вологда : ВолНЦ РАН, 2021. С. 420–422.
12. Полошкевич О. А. Просоциальные технологии цифрового взаимодействия // Философия и культура информационного общества : материалы 8-й Междунар. науч.-практ. конф. СПб. : СПбГУАП, 2020. С. 141–143.
13. Полошкевич О. А. Формы просоциальных практик в виртуальном мире // Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 121–123.
14. Трескин П. А. Некоммерческие организации в сетевом взаимодействии // В поисках социальной истины : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 115–122.
15. Трескин П. А. НКО в условиях пандемии // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 76–79.
16. Трескин П. А. Особенности адаптации некоммерческих организаций к удаленной занятости в период пандемии // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 371–374.
17. Трескин П. А. Роль экспертного сообщества в развитии социального партнерства // Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура : сб. науч. тр. / науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 103–105.
18. Трескин П. А. Факторы организации межсекторного взаимодействия некоммерческих организаций // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, ИГУ, 2020. С. 317–322.
19. Трескин П. А. Цифровое взаимодействие органов власти и некоммерческих организаций // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полошкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 134–137.
20. Трескин П. А. Цифровые коммуникации НКО: трансформация парадигм управления // Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 194–196.

УДК 354.64

Ю. В. Катрашова, *Санкт-Петербург*

Искусственный интеллект в госуслугах: отношение граждан к цифровизации сферы услуг государственного сектора

Рассматривается влияние цифровизации сферы услуг государственного сектора на общество, в частности такая цифровая технология, как искусственный интеллект, вызывающая неоднозначное отношение граждан к вопросу ее эффективности.

Ключевые слова: цифровизация государства, искусственный интеллект, госуслуги, электронное правительство.

Yu. V. Katrashova, *Saint Petersburg*

Artificial intelligence in public services: The attitude of citizens to the digitalization of public sector services

In the article, the author examines the impact of digitalization of public sector services on society. Such a digital technology as Artificial Intelligence is being considered, which causes an ambiguous opinion among citizens about its effectiveness.

Keywords: digitalization of the state, artificial intelligence, public services, e-government.

Введение

В настоящее время тенденция цифровизации сферы услуг распространяется не только на коммерческий сектор, но и на сектор государственных услуг [5; 7; 9; 10]. Однако менеджмент частных компаний в отличие от управляющего аппарата государственных структур намного более восприимчив к новым технологическим решениям и вызовам Индустрии 5.0 (которая основывается на максимальном применении цифровых технологий), что позволяет внедрять эти технологии быстрее и в широком спектре видов деятельности. Государственный сектор сферы услуг относится к процессам цифровизации с некоторыми опасениями и осуществляет их медленнее [5]. Наибольшее количество споров вызывает применение такой технологии, как искусственный интеллект, который в некоторых областях обещает успешно заменить человеческий интеллект (включая управленческую деятельность). Исходя из обзора научной литературы [1; 3; 4; 14], можно подытожить, что искусственный интеллект – это широкий спектр алгоритмов и инструментов машинного обучения, которые способны быстро получать необходимые для анализа данные, выявлять среди них закономерности и связи, и на их основе прогнозировать определенные тенденции в развитии какого-либо процесса. На сегодняшний день алгоритмы искусственного интеллекта распознают речь, анализируют фотографии и видеоизображения. Данные алгоритмы работают очень быстро и могут за достаточно короткий срок проанализировать огромное количество информации и обработать ее. На основе по-

дробных статистических данных, алгоритмы машинного обучения, лежащие в основе искусственного интеллекта, могут составлять прогнозы и обучаться путем построения кривых возможных решений и последующей оптимизации решений с учетом множества критериев. Таким образом, возможно спроектировать такую систему ИИ, которая рассматривает, к примеру, все демографические характеристики, опыт работы и вопросы для собеседования с кандидатами, а затем анализирует, насколько качественно каждый из кандидатов будет выполнять свои рабочие задачи. Тем не менее, при принятии решений цифровизации какой-либо сферы деятельности следует учитывать несовершенство технологий и значительные риски максимизации технократичного отношения к человеку, что не учитывает этические принципы общества, недоступные пониманию искусственного интеллекта, которые не менее важны при принятии эффективных управленческих решений [11].

Отношение граждан к цифровизации сферы услуг государственного сектора

Каждый гражданин сталкивался с необходимостью получения каких-либо государственных услуг. Однако, как показывает обзор статистических данных, их качество зачастую вызывает множество вопросов и массу недовольств. Наиболее популярные услуги касаются сфер здравоохранения, жилья, образования, социальной помощи и безработицы. На рисунке представлена более подробная информация по видам услуг, получаемыми гражданами России через систему единого электронного портала государственных услуг «Госуслуги» (составленном автором на основе отчетных данных электронного портала «Госуслуги» [2]).

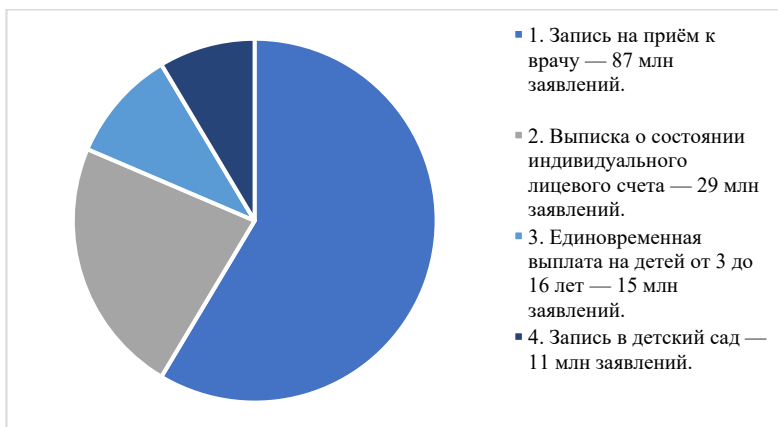

Рис. Виды госуслуг, оформляемых через портал «Госуслуги»

В первую очередь работа сервисов «Госуслуги» направлена на то, чтобы граждане могли получать все необходимые им услуги без походов в ведомства, что значительно экономит время, в особенности в больших городах и городах-мегаполисах, где государственные службы не всегда справляются с большим потоком запросов граждан. Ниже в таблице представлен рейтинг использования портала госуслуг по регионам РФ на основе данных Министерства связи и массовых коммуникаций РФ [11].

Таблица

Рейтинг использования портала госуслуг по регионам РФ

№	Субъект РФ	Федеральный округ	Население	Пользователей ЕСИА	%
1	Москва	ЦФО	11 977 988	679 800	5,7
2	Московская область	ЦФО	7 050 557	444 200	6,3
3	Свердловская область	УФО	4 316 852	313 100	7,3
4	Приморский край	ДВФО	1 947 500	294 100	15,1
5	Самарская область	ПФО	3 213 717	226 000	7
6	Санкт-Петербург	СЗФО	5 028 313	189 900	3,8
7	Тюменская область	УФО	3 511 457	163 700	4,7
8	Ханты-Мансийский автономный округ	УФО	1 583 851	159 400	10,1
9	Ростовская область	ЮФО	4 254 763	129 800	3,1
10	Иркутская область	2 422 078	СФО	123 400	5,1
11	Хабаровский край	ДВФО	1 342 128	116 200	8,7
12	Алтайский край	СФО	2 399 070	102 500	4,3
13	Калининградская область	СЗФО	954 978	100 400	10,5
14	Новосибирская область	СФО	2 709 836	96 500	3,6
15	Краснодарский край	ЮФО	5 332 252	91 900	1,7
16	Архангельская область	СЗФО	1 202 543	90 200	7,5
17	Республика Башкортостан	ПФО	4 061 546	90 100	2,2
18	Нижегородская область	ПФО	3 291 095	90 000	2,7
19	Омская область	СФО	1 974 361	86 800	4,4
20	Амурская область	ДВФО	816 992	84 800	10,4

Согласно данным таблицы, можно сделать вывод, что наиболее оцифрованными субъектами с точки зрения предоставления госуслуг являются следующие регионы: Приморский край (15,1 %), Калининградская область (10,5 %), Амурская область (10,4 %), Ханты-Мансийский автономный округ (10,1 %). Наименее же продвинутым регионом в данном рейтинге является Краснодарский край, где процент пользователей электронных Госуслуг составляет всего лишь 1,7 %. Данные показатели можно объяснить тем, в какой степени регион уделяет должное внимание рекламе и оповещению граждан, как можно большего их числа, о появлении новых цифровых ресурсов госуслуг, которые могут значительно упростить систему получения каких-либо справок, денежных пособий,

льгот и т. д. На основе опросов, проводимых другими исследователями, низкие показатели вовлеченности в цифровую среду госуслуг, объясняются тем, что некоторые граждане не очень хорошо осведомлены о тех возможностях, которые у них есть для осуществления обратной связи с органами власти [6; 8]. К тому же важно отметить, что многие граждане жалуются на несовершенство серверов, на базе которых происходит оформление услуг: медленная их работа и частые сбои сказываются на качестве сервиса. Также немаловажным фактом является уровень доверия к «цифровой интерпретации человека», оказывающего услугу. Влияние данного критерия наиболее часто встречается у представителей старшего поколения, которое имеет достаточно низкий уровень адаптации к новым технологиям.

По нашему мнению, повысить привлекательность цифровых государственных сервисов можно было бы на основе технологий искусственного интеллекта. Наиболее перспективными направлениями внедрения этих технологий, на наш взгляд, является:

– совершенствование поддержки граждан при помощи чатботов. Хотя на портале госуслуг активно используются чатботы, по отзывам граждан, они работают неэффективно [13]. Для устранения этой проблемы необходимо совершенствовать алгоритмы обучения и расширять перечень ситуаций;

– моделирование потребностей граждан в госуслугах на основе сбора и обработки информации об их запросах (по аналогии с аналогичным инструментарием, используемым коммерческими цифровыми сервисами). Благодаря этому портал госуслуг мог бы заблаговременно определять потребности населения в госуслуг и адаптировать их к потребностям граждан.

За счет использования этих инструментов можно было бы повысить качество предоставления государственных услуг и вовлечь граждан в цифровой формат их предоставления.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод, что основными результатами цифровизации сферы услуг государственного сектора при правильном подходе (в частности – при помощи технологий искусственного интеллекта) станет повышение доступности и качества государственных и муниципальных услуг, а также сокращение временных и финансовых издержек в процессе взаимодействия с органами власти. Цифровая трансформация сферы госуслуг способна в достаточно большой степени повысить уровень вовлеченности граждан в систему государственного управления с помощью оценки специалистов госуслуг и сервиса обслуживания. В свою очередь, органам государственного и муниципального управления следует приложить немалое количество усилий для создания достаточно привлекательной информационной среды и цифровой инфраструктуры как для граждан, так и для бизнес-структур, включая использование технологий искусственного интеллекта.

Литература

1. Горячих М. В. Роль государственных услуг в развитии цифровой экономики // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 2(112). С. 32–38. DOI 10.26726/1812-7096-2020-02-32-38.
2. Единый электронный портал «Госуслуги». URL: https://www.gosuslugi.ru/help/news/2020_12_30_results_of_the_year (дата обращения: 2.09.2022).
3. Катрашова Ю. В., Митяшин Г. Ю. Использование «сквозных» цифровых технологий в сфере государственного управления // Наука Красноярья. 2020. Т. 9, № 4. С. 85–102. DOI 10.12731/2070-7568-2020-4-85-102.
4. Катрашова Ю. В., Иванов М. В. Проблемы использования искусственного интеллекта в государственном управлении // Экономика и Индустрия 5. 0 в условиях новой реальности (ИН-ПРОМ-2022) : сб. тр. Всеросс. науч.-практ. конф. с зарубежным участием. Санкт-Петербург, 28–30 апр. 2022 г. СПб. : Политех-Пресс, 2022. С. 150–153. DOI 10.18720/IEP/2022.1/41.
5. Катрашова Ю. В., Плотников В. А., Митяшин Г. Ю. Система социального рейтинга как форма государственного контроля над обществом: перспективы внедрения и развития, угрозы реализации // Управленческое консультирование. 2021. № 2(146). С. 100–109. DOI 10.22394/1726-1139-2021-2-100-109.
6. Косарин С. П., Милькина И. В. Оценка отношения граждан России к процессам цифровизации государственных услуг // E-Management. 2019. Т. 2, № 4. С. 51–63. DOI 10.26425/2658-3445-2019-4-51-63.
7. Котляров И. Д. Цифровая трансформация финансовой сферы: содержание и тенденции // Управление. 2020. Т. 11. № 3. С. 72–81. DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-3-6
8. Морозова М. А. Суперсервисы как способ цифровизации госуслуг // Хроноэкономика. 2019. № 6(19). С. 55–59.
9. Плотников В. А. Цифровизация как закономерный этап эволюции экономической системы // Экономическое возрождение России. 2020. № 2(64). С. 104–115. DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-104-115
10. Плотников В. А., Катрашова Ю. В. Перспективы развития и угрозы реализации концепции «умный город» (на примере Санкт-Петербурга) // Экономический вектор. 2021. № 1(24). С. 131–138. DOI 10.36807/2411-7269-2021-1-24-131-138.
11. Плотников В. А., Нгуен В. Л. Последствия цифровизации для современного социума // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2022. № 1. С. 212–215. DOI 10.37882/2223-2974.2022.01.35
12. Рейтинг использования портала Госуслуг по регионам РФ. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/30670/> (дата обращения: 2.09.2022).
13. Солнцев Е. Государственные чат-боты раздражают граждан. Они хотят живых чиновников // Cnews. 14.04.2022. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2022-04-14_gosudarstvennye_chat-boty (дата обращения: 02.09.2022).
14. Хроменкова А. А. Госуслуги в условиях цифровизации экономики: МФЦ, анализ опыта в зарубежных странах // Сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф. преподавателей, магистрантов и студентов «Дни науки – 2018». Великий Новгород, 17–19 апр. 2018 г. Великий Новгород : Новгород. филиал РАНХиГС, 2018. С. 91–96.

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ В ЭПОХУ ВИРТУАЛЬНОСТИ

УДК 316.65

Л. Н. Батьянова, *Иркутск*

Новые жизненные смыслы россиян под влиянием виртуальности

В статье анализируются новые жизненные смыслы россиян, возникшие под влиянием пандемии COVID-19. Приводятся результаты исследования, указывающие основные сферы и формы изменения мышления современников. А также анализируются последствия увеличения виртуальности в повседневной жизни.

Ключевые слова: жизненные смыслы, виртуальность, трансформация сознания, образ жизни, цифровизация

L. N. Batyanova, *Irkutsk*

New life meanings of Russians under the influence of virtuality

The article analyzes the new life meanings of Russians that have arisen under the influence of the COVID-19 pandemic. The results of the study are presented, indicating the main areas and forms of change in the thinking of contemporaries. It also analyzes the consequences of increasing virtuality in everyday life.

Keywords: life meanings, virtuality, transformation of consciousness, lifestyle, digitalization

Новое – это давно забытое старое. Но виртуализация общества действительно породила новые смыслы жизни и форматы развития себя как личности и как представителя социальной группы. Виртуализация позволила за достаточно короткий промежуток времени отсечь то, что уже изжило себя. Если бы не было пандемии, то на это «убирание» ушло бы четверть столетия как минимум, а на некоторые процессы и половина столетия. Поэтому стоит быть признательным COVID-19 – он вывел общество на принципиально новый уровень жизни и это стало основой зарождения новых жизненных смыслов.

Периоды социальных изменений, которые мы пережили в период пандемии, стали теми условиями нового социального порядка, что определяют, какие ценности и ориентиры будут значимы и важны в будущем.

Именно этот период становится основой для фундаментального освоения новых жизненных ориентиров, приоритетов и социального воспроизводства.

Разные исследователи указывают на порой противоположные последствия изменений в общественном сознании, что уже произошло под влиянием пандемии. По мнению Р. Г. Ардашева [1–9] это существенное увеличение иррационализации сознания россиян под влиянием виртуальности, Р. В. Иванов [10–15] указывает на социальное напряжение, вызванное пандемией, также как и О. А. Полюшкевич [16–17], указывающая на деструктивные социально-психологические последствия для общественного сознания последствия пандемии. Их объединяет общее положение о том, что мир уже не будет прежним и жизненные ориентиры, в новом виртуальном мире поменялись.

Мы провели исследование, которое стало основой для формирования новых смыслов в социальных реалиях обновленной социальной реальности. В нем приняли 1200 чел., проживающих в разных регионах России, в возрасте от 18 до 75 лет, 55 % женщин и 45 % мужчин. Исследование проходило на основе платформы www.google.com в июне 2022 г.

В результате исследования было установлено несколько ключевых сфер трансформации жизни россиян под влиянием виртуализации. И все они касаются повседневного обихода россиян, начиная от общения до ритуальных практик, от коммуникации с близкими и друзьями до форматов обучения и работы. Виртуализация общества позволила определить черты зарождающегося нового типа идентичности современников.

Социальные контакты существенно переместились в мессенджеры (WhatsApp, Viber, Skype) и социальные сети. До пандемии в основном молодежь пользовалась данными сервисами, во время и после ее – количество пользователей возросло в тысячи. Все 100 % наших респондентов имеют данные программы на своих гаджетах. Но более регулярно (несколько раз в день пользуются ими более молодые люди (18–25 лет – 55 %, 26–45 лет – 35 %, 46–64 года – 10 %), чем старше респондент, тем реже он ими пользуется (в возрасте от 65 лет и старше каждый день их использует только 5 %, несколько раз в неделю 75 %, несколько раз в месяц – 20 %). Иными словами, люди стали меньше встречаться в живую и больше взаимодействовать через специальные приложения.

В процессе виртуализации появилось множество новых и расширилось количество старых ритуальных действий, например после пробуждения или период сном – просмотр ленты друзей (у кого что произошло за сегодня, какие фото и видео выложены – что отражают, кто рядом и т. д.). Каждое утро и вечер с этого начинают и этим заканчивают 66 % молодых людей в возрасте 18–25 лет, 34 % в возрасте 26–45 лет, 46–64 года – 12 %, старше 65 лет – 5 %. Несколько раз в день прибегают к социальным сетям 76 % молодых людей в возрасте 18–25 лет, 42 % в возрасте

26–45 лет, 46–64 года – 23 %, старше 65 лет – 11 %. Таким образом, существенная часть респондентов признает себя социально и эмоционально зависимыми от социальных сетей и других мессенджеров, благодаря которым происходит общение через чат, групповое взаимодействие (групповой чат или беседа), понимание основных событий в жизни человека (даже без личного общения, благодаря только анализу визуального контента).

Более того, респонденты отмечали, что количество лайков (положительных оценок сообщения) существенно влияет на хорошее настроение 85 % молодых людей в возрасте 18–25 лет, 70 % в возрасте 26–45 лет, 46–64 года – 62 %, старше 65 лет – 15 %. И наличие комментариев (особенно положительных), позволяет повысить собственную самооценку, определить еще одну грань социальной идентичности, которая строится на виртуальных реальностях, определяющих приоритеты личного развития (но для некоторых эта грань единственная).

Для 65 % респондентов получение образования перенеслось в виртуальное пространство (при этом лишь до 16 % молодых людей как единственная форма обучения, для остальных респондентов всех возрастов – обучение в цифровом мире касалось либо повышения квалификации (45 %, особенно этот пункт указывали женщины (72 %) и лишь 28 % мужчин), либо личных пристрастий и увлечений (хобби) – 48 %, а в этом пункте доминируют мужчины (64 % мужчин и 36 % женщин). Таким образом, образование как личный выбор или как профессиональная необходимость все чаще уходит в виртуальное пространство, обосновывая это возможностью мобильно реагировать на занятия, не отвлекаться на работу, социальные обязательства и т. д.

Для 52 % респондентов виртуализация коснулась работы (для 17 % предприятия где они работают отказались от части торговых арендуемых помещений; для 28 % виртуализация рабочего процесса отразилась в работе в виртуальной среде, более быстром и мобильном решении актуальных вопросов; для 25 % виртуализация потребовала кардинального изменения места, формы и особенностей работы, для 30 % виртуализация стала способом совмещения хобби и непосредственной работы, что позволяет быть уникальным специалистом в своей сфере).

Таким образом, проведенное исследование указывает на то, что новые жизненные смыслы россиян прежде всего сформировались в повседневном обиходе, формах личной коммуникации, возможностях образования и работы, досуга и саморазвития. Указанные сферы определяют механизмы общественного воспроизводства, происходящие в данный временной период. В будущем виртуализация станет новой реальностью, порой мешающей реальному протеканию жизни. Виртуальность и реальность перестанут быть противоборствующими сторонами социального

воспроизводства, а станут одним полем социальной реализации, не имеющей указанных выше различий.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Виртуализация в новых смысложизненных ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 130–134.
2. Ардашев Р. Г. Влияние пандемии коронавируса на особенности мышления россиян // Вестник развития науки и образования. 2020. № 1. С. 46–55.
3. Ардашев Р. Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы VI Междунар. науч.-практ. интернет-конф. : в 2 ч. Вологда : ВолНЦ РАН, 2021. С. 76–79.
4. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания: анализ повседневных практик // В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 112–115.
5. Ардашев Р. Г. Конфликт иррациональности сознания современного человека // Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке : сб. материалов XIV Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения – 2020». М. : Макс-Пресс, 2020. С. 13–15.
6. Ардашев Р. Г. Новые жизненные миры россиян после COVID-19 // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности : материалы XV Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения – 2021». М. : Макс-Пресс, 2021. С. 23–26.
7. Ардашев Р. Г. Особенности развития сознания горожан в пандемическом обществе // Социология. 2022. № 1. С. 79–86.
8. Ардашев Р. Г. Сознание горожан в постпандемическом обществе // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона : материалы Третьей регион. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 125–128.
9. Ардашев Р. Г. Трансформация мышления россиян в цифровую эпоху // Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Вологда : ВолНЦ РАН, 2021. С. 367–369.
10. Иванов Р. В. Виртуальное взаимодействие: истинность и ложность // Гуманитарное знание и духовная безопасность : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. Грозный ; Махачкала : ГГУ, 2020. С. 161–165.
11. Иванов Р. В. Влияние пандемии COVID-19 на социальное напряжение // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 311–313.
12. Иванов Р. В. Иррациональность общественного сознания россиян: реальность постпандемического общества // Социология. 2021. № 3. С. 148–149.
13. Иванов Р. В. Качество жизни в виртуальном мире // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России. Всероссийская научная конференция с междунар. участием : сб. материалов. М. : Макс-Пресс, 2020. С. 44–46.
14. Иванов Р. В. Мобилизационная солидарность во время пандемии // Социология. 2021. № 4. С. 92–105.
15. Иванов Р. В. Стратегии социально-психологической адаптации в условиях пандемии // Философия здоровья: интегральный подход. Межвуз. сборник научных трудов. Иркутск, ИГМУ, 2021. С. 70–73.
16. Полошкевич О. А. Социальная напряженность до и после пандемии // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием. М. : Макс-Пресс, 2020. С. 119–120.
17. Полошкевич О. А. Социально-психологические последствия пандемии // Социальная динамика населения и устойчивое развитие : сб. тез. III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под общ. ред. А. И. Антонова. М. : Макс-Пресс, 2020. С. 169–171.

УДК 316.472.4:004

Быльева Д. С., *Санкт-Петербург*

Псевдоидентификация в виртуальной коммуникации

Рассматриваются условия и особенности псевдокоммуникаций в онлайн-пространстве. Выделяются риски и социальные угрозы онлайн-коммуникаций. Особое место уделяется романтическим виртуальным коммуникациям, которые разрушают личностные и идентификационные формы социального взаимодействия.

Ключевые слова: идентификация, аккаунт, коммуникация, виртуальные знакомства, мошенничество.

D. S. Bylyeva, *St. Petersburg*

Pseudoidentification in online communication

The article analyzes the conditions and features of psevedomammets in the online space. The risks and social threats of online communications are distinguished. A special place is given to romantic virtual communications that destroy personal and identification forms of social interaction.

Keywords: identification, identity, communication, online dating, romance fraud

В современных социальных процессах цифровые технологии играют все более важную роль [2; 3]. Рост значимости сетевых процессов означает необходимость подтверждения подлинности личности участников при коммуникации. Изначально интернет существовал как анонимное пространство с исключительно виртуальными идентичностями, для сохранения которой во времени выбирался ник и аватар. Причем вербальный знак должен был сохраняться на той или иной коммуникативной площадке, а визуальный мог меняться по желанию пользователя. Следующий этап развития сетевой коммуникации определился всплеском интереса к технологиям социальных сетей, что может быть охарактеризовано как эпоха анти-анонимности: фотографии, видео, истории из жизни наполнили виртуальное пространство. Общение все в большей степени становится виртуальным через социальные сети и мессенджеры, и традиционную электронную почту. Пандемия Covid-19 послужила усилению тенденций виртуализации всех коммуникативных процессов: рабочее, коммерческое, учебное, развлекательное, романтическое общение перешло в сеть.

В то же время привычка доверять виртуальным собеседникам, и уверенность в том, что за тем или иным идентификатором стоит конкретный человек, приводит к распространению разнообразных форм мошенничества с использованием чужой идентичности. Это могут быть как письма от неопределенных «системных администраторов» на рабочий почтовый адрес с требованием немедленных действий (вроде перехода по ссылке), так и сообщения с взломанных аккаунтов друзей в социальных сетях. Классическая схема входа в систему «логин/пароль», подразумевает, что только определенный человек обладает аутентификационными данными,

т. е. паролями. Однако взлом и кража паролей является столь широко распространенной практикой, что возникает необходимость доказательства в цифровой среде своей личности. Фейковые личности или представительства компаний действуют в социальных сетях, на торговых площадках типа Avito и т. п. Копирование визуальных (фотографий, логотипов) и вербальных идентификационных знаков в сети не составляет труда. Подчас из-за мошенничества компрометируются те, чьи личные данные были украдены и использованы. В этом случае особенно важно иметь технологические возможности подтверждения своей личности. В социальных сетях существуют механизмы верификации, однако для личностей, а не брендов, они либо не работают, либо недостаточно надежны (Twitter приостановил программу верификации после подтверждения ряда поддельных аккаунтов). Помимо использования чужих имен и фотографий существует возможность создание уникальных псевдоидентичностей-симулякров, не имеющих соответствия в обыденном мире. Современные технологические решения (прежде всего на основе искусственного интеллекта) используются как для создания псевдоличностей (ботов), так и для выявления их. Боты составляют значительную часть социальных сетей и на сайтах знакомств, создавая определенную коммуникативную среду, и подталкивая пользователей к специфическим решениям. Псевдоличности в социальных сетях используются в разных целях, помимо той или иной стратегии обогащения за счет наивных жертв, они могут использоваться для распространения определенной информации, в игровых и развлекательных целях, для участия в группах и публикации постов, которые могут нанести урон репутации и т. п.

Особое место в онлайн-псевдоидентификации занимают сайты и приложения для знакомств, здесь неподлинные аккаунты именуется кетфишеры (catfisher), по статистике таких около 10 % [8]. Область романтических отношений оказывается особенно уязвима для мошенничества, так как люди, стремясь обрести любовь, открыты, склонны быть доброжелательными и щедрыми. В США наблюдается постоянный рост обмана, связанного с романтикой онлайн, в 2021 г. убытки достигли 547 млн долл., что более чем в шесть раз превышает убытки в 2017 г. и почти на 80 % больше, чем в 2020 г. В 2021 г. средние потери, заявленные отдельными лицами, составили 2400 долл. [4]. В 2020 г. 68 млн фунтов стерлингов были украдены при онлайн-знакомствах у жителей Великобритании, и 18,5 млн канадских долларов в Канаде, 160,8 млн гонконгских долларов в Гонконге, при этом число жертв увеличилось более чем вдвое в первой половине 2021 г. по сравнению с 2020 г., 123 млн австралийских долларов украдены в Австралии, где также наблюдается значительный рост по сравнению с 83 млн в 2019 г. [5]. В России треть пользователей ресурсов для знакомств сталкивается с мошенничеством, а 11 % – с шантажом [1].

Помимо финансовых потерь обманутые в своих лучших чувствах люди получают психологические травмы. Существует значительная разница между ситуацией, когда обманщиком является абсолютно чужой человек (даже если он принял виртуальный образ близкого знакомого) или партнер, с которым, казалось, человека уже связывали романтические отношения. Исследования показывают влияние обмана на общее физическое здоровье и эмоциональное благополучие человека, а также на другие отношения [7]. Согласно австралийскому исследованию примерно половина из тех, кто подвергся обману при онлайн-знакомствах пробовали проверить данные своих партнеров по общению, многие использовали поиск по фотографии, и в ряде случаев удавалось определить, что мошенник использует чужие данные или ранее о нем писали как об обманщике, однако и полное отсутствие данных о человеке для многих служило основанием для сомнений в «реальности» собеседника [6].

Таким образом вопрос о том, каким образом человек в виртуальном пространстве может подтвердить свою идентичность не является праздным. Существует несколько моделей верификации в сети:

- подтверждение через официальное удостоверение личности. В некоторых странах (например, Китае) наблюдается тенденция к государственному контролю, использованию верифицированных паспортных данных для разнообразных онлайн-регистраций.

- подтверждение идентичности через определенные знания. Уже в течение нескольких десятилетий используются секретные слова (кличка домашнего животного? девичья фамилия матери? и т. д.) для подтверждения личности. Этот же метод может использоваться в личной переписке, когда личные вопросы используются для того, чтобы определить действительно ли коммуникатором является знакомый человек или его аккаунт был взломан.

- идентификация через третьи виртуальные сервисы, например, приложение для знакомств может рекомендовать подтвердить идентификацию через социальную сеть.

- онлайн-фото-видео подтверждение. В наиболее простом варианте (например, для подтверждения скомпрометированного аккаунта в социальной сети ВКонтакте) необходимо прислать собственную фотографию на фоне экрана компьютера с профилем с имеющейся фотографией. В более сложном (при регистрации на некоторых приложениях для знакомства) необходимо в реальном времени повторить демонстрируемые действия, искусственный интеллект проверяет соответствие требуемым действиям, технология распознавания лиц – соответствие лица пользователя и загружаемой фотографии. В данном случае проверяется только визуальная составляющая: что человек загружающий фотографию и есть тот,

кто на фотографии. Однако подлинность фотографии уже достаточно значительная информация в мире, где идентификационные базы для распознавания лиц постоянно расширяются.

– полная биометрическая идентификация. Например, в 2022 г. в Великобритании (Flutter) и Индии (Jeevansathi) запущены приложения для знакомств, требующие использования технологии полной биометрической проверки личности. Для использования биометрии при идентификации применяются специальные сервисы. Так Nametag запускает процесс онлайн-входа с QR-кодом, чтобы избежать паролей или проверки SMS. Для начала пользователи сканируют QR-код, предоставленный веб-сайтом, а затем могут отсканировать удостоверение личности и сделать селфи для биометрического сопоставления, в дальнейшем данные можно сохранить на телефоне для более быстрого использования в будущем. Биометрические данные всех жителей Индии содержатся в базе Aadhaar, что подразумевает широкие возможности онлайн-идентификации, для регистрации в брачном приложении граждан других стран используется Onfido, позволяющий проверять тысячи удостоверений личности из порядка двухсот стран.

В современном виртуальном пространстве растет количество псевдоидентификаций. И то, что в одном случае является невинной игрой, в другом служит прикрытием адюльтера, а в третьем – преступной деятельности. В итоге складывается дилемма между значительной степенью анонимности, которые многие хотели бы иметь при онлайн-общении, и большей безопасностью в сети, связанной с использованием средств идентификации личности. В тоже время использование персональных данных и биоидентификации требует высокой степени защиты данной информации, так как утечки данных в сеть (которые происходят достаточно часто) могут способствовать еще большей криминализации сети. Возможно использование промежуточных технологий, которые, например, позволяют пользователям самим определять необходимый уровень соответствия между безопасностью и анонимностью. Например, вместо оценки привлекательности в приложении для знакомств, может использоваться «оценка риска», которую искусственный интеллект проводит на основе профиля пользователя: прохождение проверки, жалобы, диалог, активность и т. д. Виртуальная среда предлагает беспрецедентные возможности по скорости и широте коммуникации, однако на сегодняшний день полной уверенности в подлинности личности виртуального собеседника не существует.

Литература

1. Гаврилюк А. Небезопасные связи: на сайтах знакомств стало больше мошенников // Известия. URL: <https://iz.ru/975882/anastasiia-gavriliuk/nebezopasnye-sviazi-na-saitakh-znakomstv-stalo-bolshe-moshennikov?ysclid=17ccj476gx409819094> (дата обращения: 01.08.2022)

2. Салтанович И. П. Глобально-локальные культурные взаимодействия в гиперсвязанном мире // *Technology and Language*. 2022. № 2(3). С. 162–178. <https://doi.org/10.48417/technolog.2022.02.10>
3. Танова А. Г., Евсеева Л. И. Интернет-коммуникации как инструмент модернизации практики политического диалога // *Технологии PR и рекламы в современном обществе. Инженеры смыслов: Трансформация компетенций и мировые вызовы коммуникационной отрасли*. 2021. С. 398–403.
4. Button M., Blackburn D., Sugiura L., Shepherd D., Kapend R., Wang V. From feeling like rape to a minor inconvenience: Victims' accounts of the impact of computer misuse crime in the United Kingdom // *Telematics and Informatics*. 2021. Vol. 64. Art. N 101675. DOI: 10.1016/j.tele.2021.101675.
5. Cross C., Layt R. "I Suspect That the Pictures Are Stolen": Romance Fraud, Identity Crime, and Responding to Suspicions of Inauthentic Identities // *Social Science Computer Review*. 2022. N 4(40). P. 955–973. DOI: 10.1177/0894439321999311.
6. Cross C., Lee M. Exploring Fear of Crime for Those Targeted by Romance Fraud // *Victims & Offenders*. 2022. N 5 (17). P. 735–755. DOI: 10.1080/15564886.2021.2018080.
7. Fletcher E. Reports of romance scams hit record highs in 2021 // *Federal Trade Commission*. URL: <https://www.ftc.gov/news-events/data-visualizations/data-spotlight/2022/02/reports-romance-scams-hit-record-highs-2021> (accessed 01.07.2022).
8. Matthews H. 15 Statistics On Catfishing (And Ways To Avoid It). URL: <https://www.datingadvice.com/online-dating/statistics-on-catfishing> (accessed 19.07.2022).

УДК 346.16

Л. И. Грошева, Тюмень

Значение виртуального пространства в формировании социальной нормы в сознании молодежи

Рассмотрены особенности определения социальной нормы в сознании молодых людей, с учетом разнообразия стандартов, предлагаемых современным виртуальным пространством. Приведены данные исследования, позволяющие определить причины дисфункциональных процессов в самоопределении позиции молодежи относительно различных социальных феноменов. Представлены базовые факторы восприятия социальных фактов виртуальной действительности в зависимости от качества осуществляемого действия. Обозначены особенности усвоения нормативных установок в связи с разнонаправленным воздействием первичных социальных групп и виртуального сообщества. Указаны наиболее актуальные риски формирования ценностных установок молодежи в условиях виртуализации коммуникативных практик.

Ключевые слова: социальная норма, виртуальная коммуникация, образец поведения, тренд, молодежь.

L. I. Grosheva, Tyumen

The importance of virtual space in the formation of social norms in the minds of young people

The article discusses the features of defining a social norm in the minds of young people, taking into account the diversity of standards offered by modern virtual space. The author presents the data of the study, allowing to determine the causes of dysfunctional processes in the self-determination of the position of young people in relation to various social phenomena. The basic factors of perception of social facts of virtual reality are presented depending on the quality of the performed action. The features of the assimilation of normative attitudes are given in connection with the multidirectional influence of primary social groups and the virtual community. The most relevant risks of the formation of value attitudes of young people in the conditions of virtualization of communicative practices are indicated.

Keywords: social norm, virtual communication, pattern of behavior, trend, youth.

Социальная норма в различных исторических эпохах характеризовалась относительной изменчивостью и зависимостью от характера технологического уклада жизни и общественных установок, формирующих в рамках системы воспитания, образования и бытовой коммуникации. Несмотря на тот факт, что основная задача нормативных положений заключалась в регулировании поведения людей и сохранении и трансляции ценностей на протяжении нескольких поколений, в условиях интенсивной виртуализации взаимодействия, стабилизирующий характер нормы подвергся значительным изменениям. В значительной мере этот феномен объясняется многообразием каналов поступающей информации, а также высокой скоростью обновления данных в сообществах, ориентированных на удержание целевой аудитории.

В ходе проведения анализа развития социальных норм К. Ю. Добрин [1] отмечал проблему фрустрации молодых людей, сталкивающихся с разнообразным информационным контентом в виртуальных сообществах. Усвоение нормативных практик по его мнению возможно при наличии фиксации устойчивого повторения практик в ближайшем окружении, но раннее погружение молодежи в виртуальное пространство приводит к деформационным процессам, когда в среде ближайшего окружения вместо реально действующих акторов находится абстрактное широкое множество анонимных образцов. Таким образом, превалирующая роль в фиксации образцов поведения отводится случайному фактору ознакомления ребенка и молодого человека с данными, предлагаемыми сетью Интернет посредством системы искусственного интеллекта.

Вторая проблема формирования социальной поведенческой нормы раскрыта в работах В. А. Резниченко [2], посвященных изменениям нормативных представлений в условиях кризисных состояний общества. Исследование показывает, что кризис как общественная система приобретает признаки устойчивого процесса. Таким образом, отсутствие социальных гарантий, высокая изменчивость будущего и невозможность четкого прогнозирования собственной жизни и профессионального развития выступают тенденцией, противодействие которой в текущих геополитических условиях не представляется возможным. В значительной мере ситуация усугубляется тем фактом, что кризис в его деструктивной и угрожающей форме высоко востребован в среде информационной политики, так как он наиболее эффективно стимулирует рефлекссию и активную обратную связь со стороны целевой аудитории.

Таким образом, проблема оценки и усвоения социальной нормы молодежи является особенно актуальной в условиях экстенсивного развития виртуального пространства, которое активно замещает не только образовательные элементы, но и досуговые, творческие направления деятельности, создавая объекты культуры, в том числе с опосредованным участием человека.

Специфика формирования социальной нормы сопряжена с рядом тенденций, характерных для современной системы коммуникаций.

1. Молодые люди все больше погружены в виртуальную среду, которая замещает собой живое общение, возможность получения новых знаний, эмоций и впечатлений. Таким образом, монополизация сети Интернет в области информационной политики приводит к формированию тех норм и установок, которые продвигаются наиболее активными социальными группами.

2. Изобилие противодействующих друг другу систем ценностей приводит молодых людей к необходимости выбора той или иной позиции. В условиях недостаточно широкого кругозора, происходит принятие наиболее привлекательной точки зрения, оценка которой происходит на интуитивной основе, либо исходя из тех данных, которые наиболее соответствуют уже имеющейся системе взглядов [4].

3. Условная анонимность транслирующих агентов и их территориальная удаленность не позволяет молодым людям обозначить сферу ответственности за поступающие данные. Таким образом, наступление негативных последствий выбора декларируется как исключительная юрисдикция выбирающего субъекта, что депривирует мотивацию молодых людей к отстаиванию своих прав в случае обнаружения дезинформации или ущерба от некорректно изложенных данных [3].

4. Изобилие информации с одной стороны компенсируется высокой повторяемостью излагаемых позиций (вирусный тип трансляции данных). Отсутствие возможности, ресурсов или мотивации автором виртуальных сообществ формировать собственных оригинальный контент в результате приводит к модификационным заимствованиям, что в свою очередь формирует у молодежи представление о высокой популярности и актуальности поднимаемой проблемы.

Указанные положения демонстрируют высокие риски формирования социальной активности молодежи, находящейся на стадии определения собственных установок и мотивов. Таким образом, с целью определения отношения молодежи к процессу формирования социальных норм и определению собственного выбора нормативного поведения, автором статьи было проведено исследование методом фокус-групп (N = 13 групп по 5–7 чел.). В исследовании приняли участие молодые люди в возрасте 18–35 лет. Доля финансово независимых представителей составляла 48,2 % участников. Привлекались обучающиеся системы высшего образования, а также молодежь, занятая в сферах интеллектуального труда (инженерные, управленческие и аналитические специализации), представители технических и гуманитарных направлений присутствовали в равных долях. Из среды участников были исключены активисты или представители каких-либо специфических организаций и движений.

В рамках фокус-групп удалось выявить высокий уровень сопротивления в определении социальной нормативности тех явлений, которые непосредственно не связаны с процессом обучения или работы. 68,3 % опрошенных воспринимают информацию о социальных фактах и поступках известных деятелей как сопроводительную, но не соответствующую критериям истинности. При этом, освещение деятельности активистов, выступающих в защиту девиантных поведенческих образцов (феминизм, лгбт+ и пр.) вызывает у опрошенных беспокойство. Лишь 12,3 % опрошенных могут дать конкретизированную оценку поведению данных людей. 32,5 % участников предпочли рассматривать подобные феномены в качестве существующих, но не имеющих отношение к понятию нормы как таковой. Каждый третий опрошенный не выразил желания сталкиваться с подобными людьми и предпочел абстрагироваться от феномена.

В целом молодые люди испытывают одинаковое отторжение к активно пропагандируемой девиации как в ее отрицательной, так и положительной форме. Однако уточняющие вопросы позволили выявить высокий уровень фрустрации относительно выбора собственной модели поведения. Опрошенные разделились на две примерно равные группы: одна из которых опиралась на образцы родителей и ближайшего окружения, другая – на реакцию людей в комментариях социальных сетей в ответ на провокационные посты. Таким образом, половина участников в качестве инструмента оценки поведенческих образцов опиралась на официально публикуемую рефлексию в социальных сетях. Тем не менее, при наличии дивергенции установок ближайшего окружения и рефлексии в социальных сетях, вторая группа молодых людей не в состоянии определить наиболее рациональную модель. По их мнению, модель избирается ситуативно, в зависимости от контекста и наиболее безопасного пути взаимодействия.

Заслуживает внимания тот факт, что определение молодежью негативных девиантных практик также не имеет четко оформленного механизма. Допустимость копирования поведения определяется набором условий, приоритетность которого сопряжена с официальными негативными социальными санкциями. Наиболее значимым маркером отклонения от нормы для молодых людей является наличие официального наказания (арест, высокие штрафы (от 100 тыс. руб.)), гибель официального лица ввиду осуществления действий (при этом, данный маркер имеет потенциал только в случае гибели самого актора, и менее значим при гибели сторонних лиц по его вине), наличие критических ограничительных мер (закрытие блога, блокирование аккаунта и пр.).

К сожалению, подобный эффект не фиксируется с позиции применения положительных санкций. Отклоняющаяся положительная девиация среди ближайшего окружения вызывает двойственную рефлексию. Опро-

шенные отметили, что только в 16,7 % случаях готовы повторять действия или поведение другого человека, если они принесли положительный эффект. Значительная доля молодых людей (49,2 %) отметили появление чувства зависти, а также представления о случайном характере достигнутого успеха. 21,4 % участников подвергли сомнению возможность копирования положительного нормативного поведения, если оно не соответствует их представлениям о собственном достоинстве или вызывает чувство дискомфорта (ощущение унижения, предательства собственных установок и пр.). Однако более подробное рассмотрение указанного вопроса позволяет говорить о том, что нежелание перенимать положительные поведенческие образцы говорит скорее о страхе молодых людей перед отсутствием аналогичного конструктивного результата, что представляет для них угрозу собственной самооценке.

С другой стороны, следует подчеркнуть, что в представлениях молодежи отсутствует четкое представление о характере социальной нормы поведения. К примеру, в ряду положительной девиации участники упоминали такие акты как милосердие, открытость в общении, отзывчивость. Хотя в целом данные образцы не относятся к девиантным формам поведения, в представлении молодых людей, подобные действия не свойственны для их ближайшего окружения, а также для медиальностей, которыми они интересуются.

Наиболее рисковым аспектом является фрустрации молодых людей в случае их включения в непривычную для них среду или ситуацию. В рамках кейс-упражнений, блокирование социальной активности наблюдалось у 32,5 % участников. Необходимость выбрать наиболее конструктивную модель поведения на групповом собеседовании, в ходе межличностного конфликта на работе или в кризисной семейной обстановке вызывала у участников значительные затруднения, которые привели к отказу от реализации выбора как такового (выбор варианта – наблюдение за ситуацией и отказ от прямых действий). Особенностью выявленной проблемы является превалирование мужской аудитории над женской – мужчины в 1,5 раза чаще выбирают стратегию избегания нежели женщины.

Следует отметить, что проблема формирования социальной нормы в поведенческом аспекте в значительной мере сопряжена с включением виртуальной среды в ежедневные практики молодежи. Интенсивная система информирования позволяет получить комплекс данных, позволяющих принимать решения и перенимать определенные образцы действий. Однако наличие противоречивых данных, отсутствие понимания технологии формирования социальной оценки действий приводит молодежь к снижению психоэмоциональной нагрузки посредством минимизации социальной активности в тех сферах, где их присутствие не продиктовано объективной необходимостью. Соответственно, так же молодые люди не

склонны рефлексировать относительно тех событий и фактов, которые имеют противоречивый образ в социальных сетях. При невозможности оценить степень и качество нормы они предпочитают либо игнорировать явление, либо позиционировать его как избыточную информацию, не требующую анализа.

Полученные данные свидетельствуют о необходимости формирования информационной культуры и навыков отбора и фильтрации данных, умений диагностировать простейшие манипулятивные приемы и противодействовать агрессивной коммуникативной среде. Чрезмерное абстрагирование молодежи от ряда социальных фактов в свою очередь может привести к трансформационным процессам, которые будут инициированы социально активными группами, не отражающими интересы общества в целом.

Литература

1. Добрин К. Ю. Феномен социальной нормы // Вестник СГТУ. 2011. № 1 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-sotsialnoy-normy> (дата обращения: 01.09.22).
2. Резниченко В. А. Трансформация социальных норм в период общественного кризиса (опыт России) // Вестник Башкирск. ун-та. 2008. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-sotsialnyh-norm-v-period-obschestvennogo-krizisa-opyt-rossii> (дата обращения: 30.08.22).
3. Реутов Е. В. Факторы формирования социального доверия и недоверия в российском обществе // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-formirovaniya-sotsialnogo-doveriya-i-nedoveriya-v-rossijskom-obschestve> (дата обращения: 01.09.22).
4. Усова Л. П. Девиантное поведение: парадигмы изучения // Вестник ЗабГУ. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deviantnoe-povedenie-paradigmy-izucheniya> (дата обращения: 27.08.22).

УДК 316.422.42

А. Л. Зацепин, *Иркутск*

Виртуальное пространство как фактор развития социального самоопределения

Рассматривается применение виртуального пространства как фактора для развития социального самоопределения человека личности. Приводятся варианты определения социального самоопределения. Определяется развитие социального самоопределения в течении периода всей жизни человека.

Ключевые слова: социальное самоопределение, виртуальное пространство, информация, знания.

A. L. Zatsepina, *Irkutsk*

Virtual space as a factor in the development of social self-determination

The article discusses the use of virtual space as a factor for the development of social self-determination of a person's personality. Variants of definition of social self-determination are given. The development of social self-determination during the period of a person's entire life is determined.

Keywords: social self-determination, virtual space, information, knowledge.

Становление каждого человека как личности происходит в ходе его социального самоопределения. Вопросами и анализом социального самоопределения в периоды школьного и студенческого возрастов, а также при выборе и освоении профессиональной деятельности успешно занимался ряд отечественных ученых.

По определению, данному автором М. Л. Архиповой: «Социальное самоопределение – это определение себя относительно выработанных в обществе и принятых данным человеком критериев принадлежности к определенной сфере общественных отношений и определенному социальному кругу, ограничение себя некоторым кругом профессий» [2]. Меняется сознание граждан, формируя новые формы и стратегии взаимодействия [1; 6].

По данным из Социологического справочника следует более широкое определение: социальное самоопределение – осознание человеком своей социальной природы, своего места в обществе. В широком смысле слова социальное самоопределение понимается как процесс и результат формирования социального самосознания личности, совокупности философских, политических, правовых, этических и эстетических идей и представлений, обусловленных данным историческим этапом развития общества и отражающих в более или менее систематизированной форме отношение личности к социальной действительности. Социальное самоопределение индивида составляет необходимую основу успешной ориентации в социальной реальности, гармоничного сочетания его жизненных целей с общественными потребностями. В социологии социальное самоопределение понимается как осознание индивидом своего места в социальной структуре общества. Объективной предпосылкой социального самоопределения является существование классов, социальных слоев и групп, детерминирующих основные характеристики социального положения людей: место в системе производственных отношений, роль в общественной организации труда, уровень и источники дохода, специфику экономических, политических и других интересов [8].

Таким образом, исходя из более широкого определения социального самоопределения, приведенном в «Социологическом справочнике», логически рассуждая, со всей очевидностью следует, что процесс социального самоопределения человека при изменении его социальных представлений протекает на протяжении всей его жизни, вовсе не ограничиваясь лишь периодами его взросления и профессионального становления на начальном этапе жизни человека. Исходя из потребностей человека в саморазвитии: профессиональном, духовном, научном, нравственном, экономическом, культурном и других, важнейшим условием развития социального самоопределения является степень доступности и достоверности получаемой информации, иначе говоря – доступ к знаниям. Не случайно

знаменитые люди прошлого и современности акцентируют внимание на значимости знаний, например: «Инвестиции в знания всегда дают наибольшую прибыль» – Бенджамин Франклин; «Кто владеет информацией – тот владеет миром» – Натан Ротшильд; «Знания – лучшая валюта XXI века» – Владимир Путин [3].

Современный уровень развития техники, беспроводных технологий и сетей связи при широком распространении и доступности мобильных устройств позволяет использовать виртуальное пространство в качестве одного из наиболее крупных и доступных источников информации, применительно ко всем сферам жизнедеятельности, в том числе и развития социального самоопределения. В принятой в России Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы отмечается, что российское общество заинтересовано в получении информации, соответствующей высокому интеллектуальному и культурному уровню развития граждан России, а целями формирования информационного пространства, основанного на знаниях, является обеспечение прав граждан на объективную, достоверную, безопасную информацию и создание условий для удовлетворения их потребностей в постоянном развитии, получении качественных и достоверных сведений, новых компетенций, расширении кругозора [10].

Возможности виртуального пространства, действительно широки. Например, учеными выявлено, что в настоящее время в России происходит трансформация рыночной экономики в цифровую экономику [5; 7; 9], а также отмечается, что появляются возможности для использования виртуального пространства для решения проблем социально-экономического развития и демографического порядка [4], что имеет значение для социального и общественного воспроизводства и социальной консолидации общества. Не меньшее значение имеет виртуальное пространство для развития социальной самооценки человека, прежде всего относя сюда поиск информации и знаний по интересам человека, доступные к его пониманию и имеющие для него значение. Следует отметить, что виртуальное пространство – это и отдых, и развлечение, и досуг, и образование, и работа, а в результате всего этого – получение расширения кругозора, знаний, навыков, опыта, необходимых для развития социального самоопределения.

В заключение подчеркнем, что виртуальное пространство, содержащее огромную информационную базу данных, является тем фактором развития социального самоопределения человека, который объективно способствует его лучшему пониманию социальной действительности и формирует систему мировоззрения и миропонимания.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Метаморфозы сознания: образы идентичности в виртуальном пространстве // Социальная реальность виртуального пространства: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 25–28.
2. Архипова М. Л. Социальное самоопределение личности // Самоопределение личности. Новые подходы и технологии: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. А. Д. Сазонова. Курган : Курган. гос. ун-т, 2005, С. 99–100.
3. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения 27.07.2022).
4. Зацепин А. Л. Возможности виртуального (цифрового) пространства в аспекте реализации социального развития города Саянска // Социальная реальность виртуального пространства: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 20 сент. 2021 г. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021 С. 212–216.
5. Москвитина Н. В. Влияние пандемии как фактора развития цифровизации бизнеса. // Социальная реальность виртуального пространства: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 20 сент. 2021 г. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 259–262.
6. Полошкевич О. А. Виртуальная составляющая социальной идентичности // Социальная реальность виртуального пространства: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 10–25.
7. Скуденков В. А. Влияние виртуальности на экономические притязания граждан России // В поисках социальной истины: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 181–183.
8. Социологический справочник / под ред. В. И. Воловича. 1990. URL: <http://sociology.niv.ru/> (дата обращения 27.07.2022).
9. Степанова Ю. Д. Цифровая экономика // Социальная реальность виртуального пространства: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 20 сент. 2021 г. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 269–273.
10. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 27.07.2022).

УДК 316.37

Р. В. Иванович, Республика Беларусь, Минск

Виртуальность, патриотизм и конспирологические теории

Рассматриваются вопросы рождения и распространения конспирологических теорий, усиливающих идеи патриотизма. Особое внимание уделяется вопросам виртуальности социального взаимодействия, способствующие массовизации конспирологических теорий.

Ключевые слова: виртуальность, патриотизм, конспирологические теории, общественное мнение, социальные страхи

R. V. Ivanovich, Belarus, Minsk

Virtuality, patriotism and conspiracy theories

The article deals with the issues of the birth and spread of conspiracy theories that reinforce the ideas of patriotism. Particular attention is paid to the issues of the virtuality of social interaction, which contribute to the massization of conspiracy theories.

Keywords: virtuality, patriotism, conspiracy theories, public opinion, social fears

Виртуальное пространство порождает множество домыслов и объяснений происходящих событий, которые опираются не на реальные факты, а на домыслы. Недостаток информации и иррациональность сознания формирует благодатное поле для формирования конспирологических теорий.

Социальное положение России, Белоруссии и ряда других стран противостояние с третьими государствами, экономические санкции все это приводит к формированию целого ряда конспирологических теорий. Они имеют два ярких полюса: патриотического противостояния внешним врагам и выживания в противостоянии с отдельными структурами или видами.

Часть из них усиливает патриотические тенденции, а виртуализация позволяет максимально распространить и найти значительно больше приверженцев. Одни из них акцентируют внимание на «уникальной миссии России в деле спасения / возрождения мира», другие на «победе над силами зла в виде стран Запада», третьи на «противостоянии России тайному мировому правительству» и т. д. Другая часть направлена на подрыв интересов России как государства и россиян как народа. Одни теории рассматривают «коронавирус как заговор против человечества / России», другие – «социальные и экономические эксперименты XX в. в России как возможность устранения русских с лица земли», «инопланетное вторжение как форма воздействия на восстановление России» и прочее.

В работах Р. Г. Ардашева [1–10] показаны особенности формирования конспирологических теорий на основе иррационализации мышления, в работах автора [11–14], В. А. Скуденкова [19; 20], С. В. Малых [16], О. А. Кармадонова [15] рассматриваются вопросы патриотизма и особенностей развития теорий заговора, специфики просоциального поведения (О. А. Полюшкевич [17; 18]), особенностей проведения экспертиз в делах экстремистского и террористического характера (Т. Т. Шамурзаев, Н. Н. Китаев, В. Н. Китаева, Б. Г. Тугельбаева, А. Н. Архипова, В. Н. Туркова [21; 22]) и других контекстах описывающих обширное поле развития теорий заговора в виртуальном пространстве.

Целью нашего исследования стало изучение причин возникновения и распространения конспирологических теорий в виртуальном пространстве, касающихся различных аспектов патриотического восприятия России. Для этого нами был проведен опрос 1500 жителей России через платформу опросов www.google.com, среди них 55 % женщин и 45 % мужчин в возрасте от 18 до 75 лет.

Из всех опрошенных 98 % слышали о теориях заговора против России. Источником информации об этих теориях стали СМИ и сеть Интернет (50 %), на втором месте друзья (28 %), на третьем случайные знакомые (попутчики в общественном транспорте) – 22 %.

При этом смогли назвать некоторые теории только треть респондентов (33 %). Это говорит о том, что россияне в целом в курсе, о чем идет

речь, но не могут конкретно сформулировать суть той или иной теории, либо потому что им не очень интересно, либо потому что не могут выделить специфику конкретно этой теории.

Интересным моментом выступает тот факт, что 42 % полагают, что теории заговора скрепляют общества, солидаризируют граждан страны и в целом положительно влияют на атмосферу страны. Чуть меньше (38 %) полагают, что конспирологические теории подрывают сообщество, разрушают вертикальные связи, подрывают социальное доверие и открытое социальное взаимодействие между представителями разных социальных групп. И 20 % нейтрально относятся к данным теориям, полагая что лично их и их близкого круга они никак не коснутся.

Любая конспирологическая теория опирается на социальные страхи населения. Респонденты обозначили следующие особенности социальных страхов, связанных с теориями заговора:

- страх порабощения (другими народами, правительством другой страны, другой цивилизацией) – 32 %
- страх геноцида (уничтожения страны как государства или народа как социальной группы) – 28 %;
- страх генного изменения (другими цивилизациями, другими государствами) – 23 %;
- страх растворения социальной группы, к которой принадлежит человек, как представителя данной страны и сообщества (17 %).

Среди женщин, тех, кто разделяет конспирологические теории в два раза больше, чем мужчин (65 и 35 % соответственно), причем среди жителей крупных городов, адептов и учителей теорий заговора в три раза больше, чем среди жителей малых городов и сел (75 и 25 % соответственно).

Среди представителей разного возраста доминируют различные теории заговора. Среди старшей возрастной группы (55 лет и старше) наиболее распространены такие теории, которые сформированы на уровне идеологии, политики властей («Заговор стран Запада», «Заговор США против России») – сказывается наследие советского Союза времен холодной войны. Среди людей среднего возраста (36–54 года) распространены теории «генетической войны», «противостояния россиянам всего мира», «противостояние с Тайным правительством мира» и т. д. Среди наиболее молодых респондентов (18–35 лет) распространены теории «социального заговора», «тотального виртуального контроля», «геноцида населения России» и т. д.

Таким образом, россияне не воспринимают конспирологические теории как нечто неправильное или то, что может нанести вред. Основным источником распространения данных теорий выступает интернет, где

конструируются и подкрепляются социальные страхи населения, на которые потом благодатно распространяются теории заговора. Стоит признать, что часть из этих теорий усиливает патриотические настроения среди населения, но далеко не все. Это становится возможным только потому, что население из-за внутренних страхов не видит других форм объяснения происходящих событий, кроме как тех, что предлагают конспирологические теории, а это в целом стагнирует социальное развитие и общественное воспроизводство. Также выделенные гендерные и возрастные особенности распространенности тех или иных теорий заговора указывают на доминирование различных страхов, которые позволяют утвердиться в той или иной конспирологической теории.

Литература

1. Ардашев Р. Г. COVID-19: влияние конспирологических теорий на качество жизни россиян // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России. Всероссийская научная конференция с междунар. участием: сборник материалов. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. М. : Макс-ИРЕСС, 2020. С. 140–142.
2. Ардашев Р. Г. Аффект через призму общественных настроений // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2021. № 12. С. 85–90.
3. Ардашев Р. Г. Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания // Социология. 2021. № 3. С. 53–61.
4. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания россиян. Монография. М. : РГСУ, 2021. 184 с.
5. Ардашев Р. Г. Конспирологические гипотезы гибели известных людей // I Международное книжное издание стран содружества независимых государств «лучшие в образовании – 2021». Нур-Султан, НУР, 2021. С. 39–41.
6. Ардашев Р. Г. Конспирологические теории в период пандемии: эффекты сознания // Социология. 2021. № 5. С. 74–81.
7. Ардашев Р. Г. Конспирологические теории как показатель социальной напряженности при пандемии COVID-19 // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. Иркутск, ИГУ, 2020. С. 308–311.
8. Ардашев Р. Г. Особенности сознания россиян: стратегии восприятия будущего // Социология. 2021. № 2. С. 60–67.
9. Ардашев Р. Г. Распространение конспирологических теорий под влиянием виртуализации // Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Междунар. науч.-практ. конф./ под общ. ред. О. А. Полюшкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 9–12.
10. Ардашев Р. Г. Феноменология рационального и иррационального мышления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Педагогика. 2021. Т. 21, № 2. С. 120–124.
11. Иванов Р. В. Изменение смыслов патриотизма в молодежной среде (2010 и 2017 гг.) // Социология. 2018. № 2. С. 108–112.
12. Иванов Р. В. Качество патриотизма в современной России // Социология. 2019. № 4. С. 21–26.
13. Иванов Р. В. Толерантность, патриотизм и социальное неравенство // Социология. 2018. № 4. С. 20–22.
14. Иванов Р. В., Полюшкевич О. А. Патриотизм и идентичность в современных российских фильмах // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. Т. 18. С. 44–55.
15. Кармадонов О. А., Ардашев Р. Г. Социальное бессознательное как условие и фактор социальной конъюнкции // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2021. Т. 46, № 3. С. 605–609.

16. Малых С. В. Культура патриотизма в университетской среде // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / отв. ред.: А. Д. Карнышев, В. А. Решетников. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 472–476.

17. Полошкевич О. А. Патриотизм как форма просоциального поведения // Телекоммуникационные технологии: Актуализация и решение проблем подготовки высококвалифицированных кадров в современных условиях. Хабаровск : ХГУКИ, 2020. С. 1037–1044.

18. Полошкевич О. А. Экономический патриотизм в процессах социокультурной солидарности жителей Иркутской области // Социокультурная динамика Иркутской области в XX – начале XXI века : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Иркутск, ИГУ, 2017. С. 112–114.

19. Скуденков В. А. Экономический патриотизм и социальные притязания молодежи // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. С. 48–53.

20. Скуденков В. А. Экономические притязания в структуре патриотизма студенческой молодежи // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2018. № 2. С. 82–84.

21. Шамурзаев Т. Т., Китаев Н. Н., Китаева В. Н. Использование судебных экспертиз в производстве по уголовным делам экстремистского и террористического характера // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию образования кафедры уголовного процесса : в 2 ч. / отв. ред. В. А. Семенцов. Краснодар : КГУ, 2022. С. 320–325.

22. Шамурзаев Т. Т., Тугельбаева Б. Г., Архипова А. Н., Туркова В. Н. Противодействие экстремизму и терроризму: проблемы законодательства и правоприменительной практики // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2021. Т. 21. № 11. С. 114–118.

УДК 159.99

Г. А. Кузьмина, *Иркутск*

Современные угрозы психологической безопасности личности в глобальной сети Интернет

Актуализированы проблемы психологической безопасности личности в современном информационно-коммуникативном пространстве. Приведены подходы к изучению психологической безопасности и проведен анализ социально-психологических, психофизиологических и физических угроз для личности в глобальной сети Интернет с позиции этих подходов. Подробно рассмотрены наиболее актуальные интернет-риски, затрагивающие психологическую безопасность индивида и общества, даны рекомендации по их преодолению.

Ключевые слова: психологическая безопасность, интернет, угрозы, интернет-риски, кибербуллинг, интернет-зависимость, информационно-коммуникативное пространство.

G. A. Kuzmina, *Irkutsk*

Modern threats to the psychological safety of the individual in the global Internet

The article actualizes the problems of psychological safety of the individual in the modern information and communication space. The approaches to the study of psychological safety are presented and the analysis of socio-psychological, psychophysiological and physical threats to the individual on the global Internet from the perspective of these approaches is carried out. The most relevant Internet risks affecting the psychological safety of an individual and society are considered in detail, recommendations for overcoming them are given.

Keywords: psychological safety, Internet, threats, Internet risks, cyberbullying, Internet addiction, information and communication space.

Современное общество невозможно представить без глобальной информационно-коммуникативной сети Интернет. Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения от 28 июля 2021 г., за последние два десятилетия произошел всплеск использования интернета и плотная его интеграция в жизнь людей [3]. Высокие темпы научно-технического прогресса и вместе с этим непрерывное и активное развитие информационно-коммуникативного пространства, являются одним из важнейших достижений всего мирового сообщества, модернизируя и делая доступнее не только области, связанные с повседневной, неформальной жизнью людей (общение, покупки, развлечения и т. д.), но и сферы, связанные с саморазвитием, самореализацией, личностным становлением, получением и применением профессиональных знаний, умений и навыков (наука, образование, удаленная работа и т. д.).

Однако множественные возможности и широкое использование интернета несут в себе не только неоспоримые плюсы, но такие и же глобальные негативные последствия, как в масштабах всего общества (в виде угроз информационной, финансовой и национальной безопасности), так и для каждой конкретной личности (в основном с позиции безопасности психологической).

И если обеспечение иных видов безопасности в сети Интернет непрерывно контролируется и совершенствуется как с законодательной и исполнительной, так и с технологической сферы, то психологическая безопасность, представляя собой одно из важнейших условий формирования, развития и сохранения здоровой и адекватной личности, отстает от этого ввиду своей специфики.

В настоящее время феномен психологической безопасности, несмотря на стремительно возрастающую его актуальность и приумножающийся интерес ученых-исследователей, до сих пор не имеет однозначной трактовки и наполнения. Это связано с поливариативностью, сложностью и высокой динамичностью данного социально-психологического явления.

Исходя из анализа отечественной и зарубежной литературы, посвященной данной проблеме, можно сделать вывод о том, что феномен психологической безопасности принято рассматривать с позиции трех подходов. А именно: психологическая безопасность как физическое явление, т. е. отсутствие прямых угроз жизни и здоровью человека и общества (включает все возможные физические риски) [2]; психологическая безопасность как общественное явление – предполагает под собой социально-приемлемое, адекватное и продуктивное взаимодействие индивида и общества, а также малых, средних и больших социальных групп между собой (подразумевает социальные процессы и явления различного масштаба и их индивидуальное и глобальное влияние на человека, как на еди-

ницу социума, и на социум, как на совокупность людей) [4]; психологическая безопасность как личностный феномен – характеризуется индивидуальной спецификой восприятия и трактовки личностью объективной реальности с позиции защиты и угроз, а также наличием или отсутствием субъективных реакций (внешних и внутренних, физических, психофизиологических и психологических), вызванных различными социальными и физическими процессами, происходящими в окружающей действительности с точки зрения безопасности [7].

Рассматривая психологическую безопасность в информационно-коммуникативной виртуальной сети с позиции всех трех подходов, становится еще более очевидным острая необходимость оперативного и качественного изучения данного феномена, так как каждый из подходов и их совокупность, выявляют большое количество актуальных и максимально значимых проблем человека и общества.

С позиции физического подхода – это нарушение, ослабление зрения, осанки, моторных навыков, мышечного корсета, слуха, бессонница, возможный отказ от еды из-за увлеченности предоставляемыми интернетом услугами и продуктами, или напротив, склонность к ожирению и мышечной дистрофии по причине малоподвижного образа жизни [12].

С позиции социального подходы – это возможная кража личных данных, интернет-мошенничество, бесконтрольное распространение и потребление различного рода информации, в том числе (в большинстве случаев) некачественной и непроверенной, различного рода социально-негативные явления, такие как кибербуллинг, киберсерфинг, киберрасизм, киберсуицид и т. д.

С позиции индивидуального, личностного подхода – это различного рода интернет-зависимости, повышенная информационная нагрузка и когнитивный перегруз, нарушение навыков очного общения, подмена «Я-реального» «Я-виртуальным» (выдуманным, ложным), деперсонификация, смещение или искажение адекватного восприятия окружающей действительности, индивидуальные реакции на отдельные продукты или услуги в виде агрессии, эмоционального перенапряжения, психологического истощения и т. д.

Ввиду обширного спектра проблем психологической безопасности личности, связанных с глобальной сетью Интернет, как со средой с повышенными психотравмирующими характеристиками и деструктивными воздействиями на личность, рассмотрим подробнее наиболее распространенные социально-психологические интернет-риски и угрозы, представляющие опасность для человека и общества в информационно-коммуникативном пространстве и за его пределами.

Киберзапугивание (кибербуллинг) – это агрессивное поведение с использованием электронно-коммуникативных средств, направленное на

пользователя с целью его деморализации, унижения, оскорбления, снижения или полной утраты ощущения безопасности. Объект киберзапугивания может чувствовать себя одинокими, несчастными и напуганными. Он теряет уверенность в себе, в своих силах, в окружающей реальности, и в крайних случаях непрерывные, постоянные и интенсивные издевательства могут привести к деструктивным формам поведения, а также стремлению к самоповреждениям, суицидальным мыслям или поступкам [10].

Киберсуицид представляет собой свершившийся суицид или попытку суицидальных действий, совершенных под влиянием интернета. Это могут быть как прямые призывы к суицидальным действиям в различных группах и интернет-сообществах, так и косвенные «подалкивания» к подобного рода поведению, посредством социально-негативного взаимодействия, контекстной агитации или псевдопозитивного позиционирования [9].

Онлайн-груминг представляет собой поведение человека, который пытается войти в доверие к более молодому пользователю с целью организации и воплощения тайной встречи. Результатом такого взаимодействия может быть психологическое, физическое и социальное насилие, принуждение к участию в аморальных, противоправных действиях таких как детская порнография, проституция и т. д. [11]

Киберсталкинг характеризуется как использование информационно-коммуникативных ресурсов для преследования жертвы посредством регулярной отправки повторяющихся сообщений с угрозами жизни и здоровью в адрес самой жертвы и/или близких, друзей, членов семьи и даже домашних животных [8].

Троллинг – это поведение пользователей, демонстрирующее агрессию посредством публикации негативной, раздражающей, тревожащей и эмоционально дестабилизирующей информации на различных интернет-ресурсах, включая страницы в социальных сетях, комментарии под постами, видео, фото и т. д. [8].

Киберрасизм характеризуется совокупностью мировоззрений и действий, направленных на унижение личности на основе расовой принадлежности. Ввиду анонимности, а также территориальной, физической удаленности пользователей, проявление расизма в интернете встречается достаточно часто. Расизм может выражаться через расистские веб-сайты, фотографии, видео, комментарии, сообщения в социальных сетях и т. д. [1].

Секстинг – это процесс несогласованной и немотивированной адресной рассылки и/или публикации материалов, содержащих изображения или видео сексуального характера (как правило, обнаженные люди или отдельные части тела) [8].

Флэйминг в сети Интернет проявляется как множественное количество оскорблений чести и достоинства другого человека или его действий. Выражается в эмоциональном обмене оскорбительными репликами в чатах или комментариях. В процесс флэйминга, ввиду его специфики, подключается большое количество людей, как в виде участников (зачастую случайно ввязавшихся в конфликт), так и в виде свидетелей [8].

Интернет-зависимость (Internet Use Disorder (IUD) – расстройство, связанное с использованием интернета) является относительно новой формой зависимости, которая в данный момент, находится под пристальным рассмотрением научного сообщества. В наиболее общих чертах интернет-зависимость представляет собой потребность в постоянном ощущении чувства удовлетворения, от «нахождения» в интернете. При этом время, затрачиваемое на интернет, систематически увеличивается. Такой вид зависимости приводит к значительному снижению когнитивных, социальных и профессиональных функций личности [13].

Интернет-мошенничество – включает в себя множество видов противоправных деяний, связанных с использованием интернета, направленных на обман и введение в заблуждение пользователей с целью незаконного получения финансовой или иного вида выгоды. Наиболее распространенным мошенничеством является кэтфишинг – это вид онлайн-мошенничества, когда злоумышленник создает фальшивый профиль (например, в социальной сети или на сайте знакомств), с целью получения конфиденциальной информации или интимного контента для последующего шантажа [12].

Под термином «электронные азартные игры» можно определить деятельность, в ходе которой два или более людей взаимодействуют онлайн для обмена ставками. Такая деятельность сопряжена с риском реальных финансовых потерь или выгод. При этом многие люди становятся зависимыми от игр и тратят на них не только деньги, но и временные и психологические ресурсы, думая, что в следующий раз смогут вернуть свои средства. Кроме того, свободный доступ к сайтам онлайн-азартных игр увеличивает риски вовлечения в них молодежи и социально-неблагополучных членов общества, а также людей с нестабильной психикой и аддикциями [12].

Как мы видим, список вызванных интернетом рисков и угроз психологической безопасности весьма обширен и его можно продолжать и дополнять, пропорционально развитию информационно-коммуникативных сетей и различных форм девиаций, из-за них возникающих. Данные проблемы остро негативного характера, требуют от современного ученого сообщества оперативной и качественной реакции. Не зря в нашей стране к числу важнейших национальных интересов и приоритетов деятельности в информационной сфере отнесено соблюдение конституционных

прав и свобод граждан в области получения и пользования информации, а также обеспечение личной безопасности, духовное и интеллектуальное развитие человека и граждан [6]. Кроме того, важность и серьезность данного вопроса, подтверждает и инициатива властей, так в Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года среди прочих основных направлений развития воспитания, отдельными пунктами обозначены «изучение влияния новых информационных и коммуникационных технологий и форм организации социальных отношений на психическое здоровье, на интеллектуальные способности, эмоциональное развитие и формирование личности», а также «проведение прикладных исследований по изучению роли и места средств массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в развитии личности» [5].

Преимущества интернета многочисленны и способствуют прогрессу и процветанию людей во всех сферах жизни общества. Он обеспечивает быстрый доступ к информации и облегчает общение [12]. Тем не менее, неконтролируемое и безответственное использование информационно-коммуникативных сетей представляет собой серьезные угрозы для физического и психологического развития как молодежи, так и взрослых людей, в том числе с позиции психологической безопасности. Среди множества параметров, которые составляют эту новую и постоянно развивающуюся негативную реальность можно выделить: подверженность пользователей пропаганде, расистским идеям, «потребление» неприемлемых информационных продуктов, вводящих в заблуждение, интернет-зависимость (в том числе от азартных игр и социальных сетей), киберзапугивание, мошенничество, склонение к совершению противоправных, аморальных действий и т. д. [12].

Все это имеет как внутренние, так и внешние последствия для пользователей. Согласно результатам проводимых в этой области исследований, внутренние последствия представляют собой психологические проблемы личности, которые могут выражаться в ощущении тревоги, страха, повышенной агрессивности, фрустрации, нарушении коммуникативного взаимодействия, девиантных и даже делинквентных формах поведения, снижении ощущения психологического благополучия и безопасности. Внешнее влияние относится к «функциональности» пользователя, проблемам, связанным с сокращением активности в реальной жизни, и минимальным или отсутствующим взаимодействием с социальной средой. Чрезмерное и безответственное использование интернета может привести к ухудшению отношений с семьей и друзьями, отсутствию интереса к повседневной жизни и пренебрежению домашними, образовательными, профессиональными и другими видами обязанностей, что постепенно приводит к значительному ухудшению качества жизни [12].

В связи с этим сами пользователи должны придерживаться политики осознанного пользования интернет-ресурсами, быть критичными и внимательными к предоставляемой информации, знать основы кибер-безопасности, ограничивать время бесполезного нахождения в интернет-пространстве.

Со стороны же ученого сообщества требуется наиболее оперативная, плотная и полная проработка вопроса психологической безопасности в глобальной информационно-коммуникационной сети. Ведь благополучное и здоровое будущее людей, на современном этапе развития общества, очевидно невозможно без массовой, профессиональной работы по профилактике, коррекции и устранению социальных и психологических последствий безответственного использования интернета, в том числе на глобальном и национальном уровнях (просветительская деятельность в учебных заведениях, социальная реклама, информационные и разъяснительные занятия для родителей и учителей по вопросам безопасности и защиты в интернете, дополнительные линии подачи жалоб и консультативно-психологическая пользователей, столкнувшихся с мошенничеством, кибербуллингом, интернет-зависимостью и т. д.).

Литература

1. Бэк Л. Киберкультура и расизм двадцать первого века // Этнические и расовые исследования. 2021. № 51. С. 218–234.
2. Зотова О. Ю. Теоретический обзор современных концепций психологической безопасности // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 6. С. 247–253.
3. Интернет как сфера обитания российского человека [электронный ресурс] URL: www.wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/internet-kak-sfera-obitanija-rossiiskogo-cheloveka/ (дата обращения: 15.08.2022).
4. Психологическая безопасность студентов-психологов в образовательной среде вуза в условиях дистанционного обучения / Кедярова Е. А., Чернецкая Н. И., Кондрашова Н. С., Литвиненко К. С. // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2021. Т. 38. С. 36–47. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2021.38.36>.
5. Распоряжение Правительства России от 29 мая 2015 г. № 996-р «Об утверждении стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». URL: www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70957260/ (дата обращения: 14.08.2022).
6. Ратинер Т. Г. Информационно-психологическая безопасность школьников при работе в интернете // Современное образование. 2014. № 1. С. 73–96.
7. Трофимова Е. Л., Кузьмина Г. А. Психологическая безопасность личности педагога в условиях неопределенности // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2022. Т. 39. С. 54–75. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2022.39.54>
8. Хломов К. О кибербуллинге, его влиянии на психику и новых роли жертвы и агрессора. URL: www.postnauka.ru/longreads/86459/ (дата обращения: 14.08.2022).
9. Suicide and the Internet: Changes in the availability of suicide-related information between 2007 and 2014 / Biddle L., Durges J., Mars B., Heron J., Donovan J., Potokar J., Piper M., Willie K., Gunnell D. // Journal of Affective Disorders. 2016. N5. P. 190–201.
10. Bishop J. The effect of deindividuation of the Internet. Troller on Criminal Procedure implementation: An interview with a Hater. International Journal of Cyber Criminology. 2013. N 28. P. 48–56.
11. Choo KR. Online child grooming // Acta informatica medica. 2015. N 3. P. 87–94.

12. Diomidous M., Chardalias K., Magita A., Koutonias P., Panagiotopoulou P., Mantas J. // Social and Psychological Effects of the Internet Use. 2016. N24(1). P. 66–68. DOI: 10.5455/aim.2016.24.66-68

13. Moreno M., Elanchik L., Christakis D. Problematic Internet use among older adolescents: a conceptual framework. Computers and human behavior. 2013. N 8. P. 68–87.

УДК 316.56

М. В. Попова, *Иркутск*

Особенности виртуализации социальных коммуникаций жителей сел и городов

Рассматривается влияние виртуализации на социальные коммуникации жителей сел и городов. Анализируются как общие социокультурные процессы и условия, так и локальные региональные особенности развития инфраструктуры конкретных поселений, социальной идентичности и солидарности жителей этих поселений. На основе данных эмпирического исследования, делаются выводы о качестве социальной коммуникации жителей сел и городов и возможных задачах отслеживания виртуализации социальных коммуникаций жителей разных поселений.

Ключевые слова: социальные коммуникации, виртуализация, жители города, жители села, сознание

M. V. Popova, *Irkutsk*

Features of virtualization of social communications of residents of villages and cities

The article discusses the impact of virtualization on the social communications of residents of villages and cities. Both general socio-cultural processes and conditions, as well as local regional features of the development of the infrastructure of specific settlements, social identity and solidarity of the inhabitants of these settlements are analyzed. On the basis of empirical research data, conclusions are drawn about the quality of social communication of residents of villages and cities and the possible tasks of tracking the virtualization of social communications of residents of different settlements.

Keywords: social communications, virtualization, city dwellers, village dwellers, consciousness

Виртуализация сознания стала обычной повседневной практикой после пандемии COVID-19, она изменила уклад жизни многих социальных групп. Но при этом территориальные отличия в освоении и принятии норм виртуализации на разных территориях проходят не одинаково. Причин этому может быть множество: от особенностей менталитета до территориальной удаленности от центра или крупных городов; от исторических и социокультурных особенностей до специфики инфраструктуры и наличия/отсутствия производства. Это все привело к развитию новых форматов социальных коммуникаций.

Особенно ярко проявляются отличия сознания под влиянием виртуализации жителей сел и городов. У жителей городов больше возможностей и как следствие опыта вовлечения в виртуальное пространство. Они более уверенно себя чувствуют в цифровом мире и, как следствие, более активны и получают более весомые и ощутимые результаты. Жители сел,

как правило, имеют менее качественный доступ к сети Интернет, вовлечены в более узкие сегменты виртуальных практик и менее уверенно себя в этом чувствуют.

Данные идеи мы взяли из работ коллег, затрагивающих отдельные аспекты социализации населения в условиях виртуализации мира. Например, в исследованиях Р. Г. Ардашева [1–8] говорится о новых смыслоориентациях населения, новых смыслах жизни молодежи и трансформации сознания горожан в условиях пандемии и виртуализации общества. В исследованиях автора прослеживается выявление специфики сознания и условий адаптации жителей сел [17–22]. В работах Р. В. Иванова [9–11] раскрываются различные аспекты качества жизни в виртуальном мире, а С. В. Малых [12] специфики восприятия виртуальности в сознании современников. В исследованиях О. А. Полюшкевич [14–16] говорится о трансформации социальной идентичности россиян в процессах виртуализации и активизации новых просоциальных практик.

Собственно, изучение данных исследований и стало отправной точкой для исследования схожего и отличительного в виртуализации сознания жителей сел и городов. Для этого мы провели сравнительное исследование на платформе www.google.com, в котором приняли участие 360 жителей городов и 360 жителей сел в возрасте от 18 до 75 лет, 55 % женщин и 45 % мужчин. В данной работе используется только часть полученных данных, так как мы ограничены объемом статьи.

В таблице представлены сравнительные сферы реализации виртуализации сознания жителей сел и городов. Общим моментом выступает то, что молодое поколение более адаптивно и среди них разрыв меньше, хотя и присутствует, чем среди более старших возрастных групп. Отличия строятся на условиях доступности и готовности пользоваться виртуальными формами коммуникации и социального взаимодействия, которые упрощают жизнь и создают новые условия и новое качество жизни.

Говоря о повседневном обиходе, начиная от заказа продуктов питания, до покупки одежды и техники у жителей городов больше возможностей, из-за развитой инфраструктуры, нескольких вариантов использования возможных поставщиков услуг и т. д., тогда как среди жителей сел либо ограниченное количество возможностей использования онлайн-заказов, либо вообще отсутствие в своем населенном пункте использования данной услуги.

Общение с родственниками и друзьями выступает наиболее развитой сферой социальной коммуникации как среди жителей городов, так и жителей сел, так как такие мессенджеры, как Viber, WhatsApp, Skype стали повсеместно доступными, легкими в обращении и дешевыми по цене и

позволяют без проблем выстраивать коммуникации с теми, кто живет далеко или в том же населенном пункте. Такая связь зачастую дешевле разговоров по телефону.

Таблица
Сравнение сфер развития виртуализации сознания жителей сел и городов (в %)

Сфера		Жители городов			Жители сел		
		18–35 лет	36–55 лет	56 лет и старше	18–35 лет	36–55 лет	56 лет и старше
Повседневный обиход	Заказ продуктов питания онлайн	35,2	22,3	12,5	5,8	3,9	2,2
	Покупка одежды онлайн	31,1	18,7	10,1	12,2	8,4	1,1
	Заказ предметов бытовой техники онлайн	45,4	25,6	18,9	14,2	8,5	2,5
Досуг	Компьютерные игры	44,3	31,1	8,5	22,4	11,7	1,3
	Общение с родственниками и друзьями	45,6	44,1	25,6	47,8	27,9	25,4
Образование	Обязательное образование (дистанционно)	28,7	16,5	0	12,2	0	0
	Дополнительное образование (интересы, хобби, саморазвитие)	53,4	46,5	23,2	39,8	21,1	3,4
Работа	Основная работа	37,8	21,1	2,2	8,6	4,1	0
	Дополнительная работа	45,6	32,2	13,4	12,6	6,7	1,2
Иное		15,4	12,1	8,8	13,2	8,5	2,2

Компьютерные игры наиболее распространены среди более молодого поколения, в два раза больше в городе, чем в селе.

Дистанционное обязательное образование в 2,5 раза чаще используют молодые горожане, чем сельчане. Люди среднего возраста только в городе прибегают к данной услуге. При этом достаточно распространено дополнительное образование через хобби и интересы как среди жителей города, так и среди сельчан.

Как основная, так и дополнительная работа в цифровом мире в 3–5 раз чаще встречается среди горожан, в отличие от сельчан. Среди горожан более разнообразна возрастная палитра, среди жителей сел в основном молодые люди до 35 лет.

Таким образом, социальные коммуникации жителей сел и городов в процессе виртуализации мира, хоть и идут в одном направлении, но существенно отличаются по скорости и темпам, качеству предоставляемых услуг и фактическому количеству, которым могут воспользоваться как одни, так и другие. Виртуализация меняет сознание и, как следствие,

формы социальной коммуникации, но интенсивность этого процесса не одинакова в разных типах поселений.

Дальнейшее отслеживание данной тематики позволит лучше понимать социальную идентичность жителей сел и городов, отслеживать процессы социальной консолидации и дезинтеграции и регулировать уровень и качество жизни жителей разных поселений. Проведение лонгитюдных исследований позволит более локально отслеживать социальную обстановку и регулировать уровень социального напряжения и социальных возможностей в отдельных регионах на государственном уровне.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Виртуализация в новых смысложизненных ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 130–134.
2. Ардашев Р. Г. Городское сознание как показатель эфемерности // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города : сб. науч. тр. / науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 193–197.
3. Ардашев Р. Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 152–156.
4. Ардашев Р. Г. Особенности развития сознания горожан в пандемическом обществе // Социология. 2022. № 1. С. 79–86.
5. Ардашев Р. Г. Особенности сознания и психологического здоровья в условиях виртуализации // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Иркутск, 2021. С. 141–144.
6. Ардашев Р. Г. Сознание горожан в постпандемическом обществе // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона : материалы 3-й регион. Науч.-практ. конф. Иркутск, 2021. С. 125–128.
7. Ардашев Р. Г. Трансформация сознания молодежи в эпоху виртуальности // Alma mater (Вестник высшей школы). 2021. № 5. С. 31–34.
8. Ардашев Р. Г. Субъективное восприятие бренда территории // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации : материалы IV Всерос. науч.-практ. онлайн-конф., посвящ. 100-летию ТАССР / под ред. Г. Ф. Габдрахмановой, Г. И. Макаровой, Л. В. Сагитовой. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. С. 6–9.
9. Иванов Р. В. Виртуальное взаимодействие: истинность и ложность // Гуманитарное знание и духовная безопасность : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. Грозный ; Махачкала : ГГУ, 2020. С. 161–165.
10. Иванов Р. В. Качество жизни в виртуальном мире // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием / МГУ им. М. В. Ломоносова. М. : Макс-Пресс, 2020. С. 44–46.
11. Иванов Р. В. Социальные факторы виртуализации общества // Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 15–18.
12. Малых С. В. Виртуальность в сознании современников // Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск, 2021. С. 118–121.
13. Полошкевич О. А. Виртуальная самопрезентация в период пандемии COVID-19 и после ее // Гуманитарное знание и духовная безопасность : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. Грозный ; Махачкала : ГГУ, 2020. С. 303–307

14. Полюшкевич О. А. Виртуальная составляющая социальной идентичности // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, ИГУ, 2020. С. 10–25.
15. Полюшкевич О. А. Иррациональные основы формирования социальной идентичности под влиянием виртуальности // Социология. 2020. № 5. С. 163–176.
16. Полюшкевич О. А. Формы просоциальных практик в виртуальном мире // Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 121–123.
17. Попов Е. П., Попова М. В. Социальная идентичность молодежи современных сел // Вестник Иркутского университета. 2019. Вып. 22. С. 85–87.
18. Попова М. В. Виртуальное пространство сельской и городской молодежи // Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полюшкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 124–128.
19. Попова М. В. Идентичность жителей сельских поселений как инструмент брендинга территории // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полюшкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 140–144.
20. Попова М. В. Коммуникативное пространство сельской молодежи // Социология. 2019. № 2. С. 257–260.
21. Попова М. В. Социальное самочувствие и социальная идентичность сельской молодежи // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : сб. науч. тр. / под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полюшкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 328–334.
22. Попова М. В. Социальные связи сельской молодежи // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 274–280.

УДК 159.66

В. А. Скуденков, *Иркутск*

Экономические и социальные притязания в условиях виртуализации образа жизни молодежи

Рассматриваются вопросы эволюции экономических притязаний молодых людей в виртуальном мире. Выделяются факторы, определяющие перспективы социального моделирования общественного развития, социальные условия и закономерности виртуализации экономических и социальных притязаний молодежи. Приводятся результаты исследования изменения экономических притязаний под влиянием виртуальности (более высокий уровень символизации, значимость социального одобрения, публичное признание в виде подписчиков и т. д.).

Ключевые слова: экономические притязания, социальные притязания, виртуализация, образ жизни, молодежь, социальное моделирование, социальное воспроизводство

V. A. Skudunkov, *Irkutsk*

Economic and social claims in the context of virtualization of youth lifestyle

The article deals with the evolution of the economic claims of young people in the virtual world. The factors that determine the prospects for social modeling of social development, social conditions and patterns of virtualization of the economic and social claims of young people are singled out. The results of a study of changes in economic claims under the influence of virtuality (a higher level of symbolization, the importance of social approval, public recognition in the form of subscribers, etc.) are presented.

Keywords: economic claims, social claims, virtualization, lifestyle, youth, social modeling, social reproduction

Образ жизни молодых людей становится все более виртуальным. Не только досуг, но и образование, и работа развиваются в цифровом мире. И как следствие этого, экономические и социальные притязания молодых людей становятся также виртуальными. То есть достижения определенных социальных и экономических притязаний в виртуальном мире настолько же реальны и значимы, как и достижения в реальном мире. Вернее, отличий от достижений в первом и во втором все меньше. Это указывает на слияние этих пространств в сознании современников. Следовательно, социальная реализация в виртуальном мире может протекать по альтернативным стратегиям. Особенно остро и значимо это протекает в молодежной среде, так как именно это социальная группа более мобильно и четко реагирует на общественные трансформации.

Ускорению влияния виртуализации на сознание современников способствовала пандемия, что усилило иррациональные стратегии в мышлении и поведении современников (Р. Г. Ардашев [1–7]). Также изменения в развитии социальной идентичности россиян способствовали новым формам конструирования образа жизни (О. А. Полюшкевич [8–10]). Различные аспекты изменения экономических притязаний россиян в период пандемии и увеличения роли виртуализации жизни отражен в ряде работ автора [11–16].

В ходе нашего исследования, проведенного методом опроса через онлайн-опрос населения РФ ($n = 1250$), в котором приняло участие 55 % женщин и 45 % мужчин в возрасте от 18 до 35 лет, мы выявили ключевые сферы виртуализации жизни молодежи.

Молодежь как социальная группа адаптируется к новым виртуальным условиям жизни через несколько групп факторов, определяющих перспективы социального моделирования общественного развития.

Первый – социокультурный. Этот фактор обеспечивает ментальное воспроизводство, социальные рамки и условия общественного развития, заложенные через нормы, традиции, религию и т. д. В виртуальном пространстве многие нормы и традиции разрушаются или стирается их значимость, при этом формируются новые константы социального взаимодействия, которые строятся на локальных нормах, принятых в тех или иных виртуальных сообществах. Этот фактор более значим для женщин (62 %), чем для юношей (38 %). Также среди жителей крупных городов (более 500 тыс. чел.), чем среди более маленьких поселений (72 и 28 % соответственно).

Интересным выступает тот факт, что женщины более толерантны к разным культурам, в отличие от мужчин, готовы к социальным и личным экспериментам, тогда как мужчины более консервативны и менее гибки в оценках социокультурных отклонений или социокультурной гибкости.

Второй – социально-экономический. Этот фактор определяет экономические риски и возможности для населения в целом и отдельных групп в частности; определяет перспективы обучения, досуга и заработка, позволяющие обеспечить себе и членам своей семьи достойный уровень и качество жизни. Этот фактор значим для мужчин (58 %), чем для женщин (42 %) и также более весом для жителей крупных городов, чем для маленьких (77 и 23 % соответственно).

В этом факторе подчеркиваются социально-экономические условия, сложившиеся в обществе. Виртуальная среда лишь выводит их в цифровое пространство. Хотя у женщин появляется больше возможностей для заработка, в подавляющем большинстве это обслуживающие позиции, помогающие кому-то в реализации их идей, а не личные системы и формы заработка.

Третий – политико-идеологический. Этот фактор создает внешние властные условия, которые создают рамки допустимого и легитимного развития. Он отражается в виртуальном сообществе в членстве в сообществах и готовности проявлять свой уровень политической активности в конкретных действиях виртуальных или реальных сообществ. Этот фактор также более значим для мужчин, в отличие от женщин (75 и 25 % соответственно), и доминирует по значимости среди жителей крупных городов 92 % и только 8 % среди жителей небольших городов.

Этот фактор подчеркивает одинаковое воздействие как на мужчин, так и на женщин в реализации социальных рамок и условий общественного воспроизводства. Женщины более активно участвуют патриотических сообществах, мужчины менее активны, но при этом среди мужчин в два раза больше тех, кто готов из виртуальной активности перейти к реальной. Среди женщин таких на порядок меньше.

Четвертый – социально-демографический. Этот фактор раскрывает человеческий ресурс населения в условиях виртуализации, мобильность населения, количество браков и разводов, рождение детей и т. д. Этот фактор изменяется под влиянием изменений норм интимности и допустимости социального поведения (виртуальные браки). Это приводит к изменению не только ценностной и мировоззренческой картины мира, но и формированию новых форм социальных коммуникаций. Этот фактор более значим для женщин (69 %), чем для мужчин (31 %), для жителей крупных городов, чем для более маленьких (77 и 23 % соответственно).

В этом факторе мужчины проявляют себя более мобильными и гибкими, готовыми пробовать себя в новых форматах отношений, более терпимом отношении к моральным и этическим нормам, и готовы это транслировать во всех сообществах и социальных сетях своего присутствия. Тогда как женщины придерживаются более традиционных взглядов, хотя в отдельных сообществах (закрытого типа) могут позволить и отклонение

от типично-традиционного поведения (при условии, что это не станет достоянием общественности).

Пятый – социально-стратификационный. Доступность в определенные виртуальные пространства определяется уровнем социальной включенности в сообщества, занимаемого социального виртуального положения и последствий от его развития. Этот фактор значим в большей степени для мужчин – 82 %, чем для женщин 18 %, жителей крупных городов 56 %, чем более маленьких – 44 %.

Для женщин более важны формальные показатели социальных притязаний (количество подписчиков или лайков сообщений), тогда как для мужчин важна реальная общность (сообщество), которое может в реальной жизни помочь что-либо изменить (сообщество путешественников, любителей машин и т. д.).

В таблице представлены сравнительные параметры виртуализации экономических притязаний молодежи в разных группах факторов.

Таблица
Сравнительные параметры виртуализации экономических притязаний молодежи в разных группах факторов

Факторы	Женщины	Мужчины
Социокультурный	Социокультурная толерантность. Готовность идти на компромиссы. Готовность принимать другую культуру	Социокультурная ригидность Жесткость в оценках норм культуры, религии. Готовность проявлять власть и волю. Подчинение
Социально-экономический	Готовность соглашаться на более низкооплачиваемую работу Ориентир на основную работу в реальном мире, а виртуальное пространство как сфера дополнительного заработка Виртуальный доход строится на личных умениях и навыках Интернет-пространство как место рекламы реальных собственных услуг	Ориентир на заработок в сети Интернет как основной Желание получать более высокую оплату труда Виртуальный доход строится на умении организовать или использовать других, чаще используют собственные навыки как посреднические услуги. Интернет-пространство как место непосредственного заработка
Политико-идеологический	Вовлеченность в провластные и патриотические сообщества Социальная активность Провластная волонтерская работа	Вовлеченность в спортивные и военно-патриотические сообщества. Социально-политическая активность. Участие в работе политических партий.

Окончание табл.

Факторы	Женщины	Мужчины
Социально-демографический	Сохранение более традиционных представлений об отношениях, семье и детях. Готовность быть более открытыми и откровенными в закрытых сообществах. Эксперименты допустимы либо до определенного возраста, либо в определенных группах.	Больше готовы экспериментировать и создавать пробные виртуальные браки. Готовность транслировать свои ценности везде Эксперименты и социальная и личная гибкость допустима в любых сообществах
Социально-стратификационный	Большая значимость количества подписчиков Не готовность в реальном мире подтверждать членство в виртуальных сообществах.	Большая значимость вовлеченность в сообщества. Готовность транслировать символы членства в сообществах в реальном и виртуальном мире

Как видно из таблицы, выделенные факторы наполнены большим количеством символических образов и стратегий развития, подчеркнута важна значимость социального одобрения и публичности (публичного признания значимости, интересности, активности и т. д.). Это формирует принципиально новый каркас виртуальной структуры экономических притязаний, который строится больше на внешних оценках, чем на внутренних потребностях. Но при этом соответствует внешнему оцениванию и придумыванию стратегий жизни и развития в виртуальном мире за самого человека (символическая многозначность рождает новые контексты и формы реализации).

Таким образом, содержательно-символическое содержание виртуальных экономических притязаний у мужчин и женщин отличается. Оно строится на продолжении традиционных форм экономических притязаний, но при этом достаточно сильно виртуализируется, особенно в социально-экономическом и социально-стратификационных факторах цифровизации общества. Полагаем, и другие факторы определяющие экономические и социальные притязания современников со временем усилят свое воздействие в виртуальной среде, что приведет к новым критериям качества жизни, оценки внешних и внутренних условий развития социального признания и успеха, а также личных условий социальной реализации.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания // Социология. 2021. № 3. С. 53–61.
2. Ардашев Р. Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы VI Междунар. научно-практической интернет-конференции: в 2 ч. . Вологда, ВолНЦ РАН, 2021. С. 76–79.

3. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания россиян : монография. М. : РГСУ, 2021. 184 с.
4. Ардашев Р. Г. Новые жизненные миры россиян после COVID-19 // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности : материалы XV Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения – 2021». М. : МАКС-Пресс, 2021. С. 23–26.
5. Ардашев Р. Г. Особенности развития сознания горожан в пандемическом обществе // Социология. 2022. № 1. С. 79–86.
6. Ардашев Р. Г. Особенности сознания россиян: стратегии восприятия будущего // Социология. 2021. № 2. С. 60–67.
7. Ардашев Р. Г. Трансформация сознания молодежи в эпоху виртуальности // Alma mater (Вестник высшей школы). 2021. № 5. С. 31–34.
8. Полошкевич О. А. Виртуальная составляющая социальной идентичности // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 10–25.
9. Полошкевич О. А. Иррациональные основы формирования социальной идентичности под влиянием виртуальности // Социология. 2020. № 5. С. 163–176.
10. Полошкевич О. А. Конструирование идентичности молодежи: визуальная презентация в социальных сетях // Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 139–143.
11. Скуденков В. А. Динамика экономических притязаний в условиях пандемии // Философия здоровья: интегральный подход : межвуз. сб. науч. тр. Иркутск : ИГМУ, 2022. С. 90–97.
12. Скуденков В. А. Экономические притязания: эффекты трансформаций в современном обществе // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 104–109.
13. Скуденков В. А. Кризис притязаний в условиях пандемии // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 338–341.
14. Скуденков В. А. Влияние виртуальности на экономические притязания граждан России // В поисках социальной истины : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 181–183.
15. Скуденков В. А. Экономические притязания и социальные статусы в выборе виртуальных профессий в цифровом мире // Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 302–306.
16. Скуденков В. А. Экономические притязания в период социального напряжения (на примере пандемии COVID-19) // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 316–318.

УДК 101.1:316

Л. Н. Соловьева, *Серпухов*

Проблема идентичности в условиях цифровой трансформации

Статья посвящена философскому осмыслению проблем формирования идентичности в условиях цифровой трансформации. Показано, что современный этап развития человечества сопровождается активными процессами цифровизации и виртуализации материального бытия и смещением многих направлений жизнедеятельности в глобальное информационное пространство. Обосновано, что в условиях информационной современности глобальное информационное пространство выступает местом становления личности и формирования ее идентичности. Сделан вывод о том, на процесс формирования идентичности оказывает адаптация современного человека к виртуальной цифровой среде глобального информационного пространства.

Ключевые слова: человек, идентичность, цифровая трансформация, глобальное информационное пространство, цифровизация, виртуализация.

L. N. Solovieva, *Serpukhov*

The problem of identity in the conditions of digital transformation

The article is devoted to the philosophical understanding of the problems of identity formation in the conditions of digital transformation. It is shown that the modern stage of human development is accompanied by active processes of digitalization and virtualization of material existence and the shift of many areas of life into the global information space. It is proved that in the conditions of information modernity, the global information space acts as a place for the formation of a personality and the formation of its identity. It is concluded that the process of identity formation is influenced by the adaptation of a modern person to the virtual digital environment of the global information space.

Keywords: man, identity, digital transformation, global information space, digitalization, virtualization.

XXI век с его опережающим технологическим развитием, превосходящими темпами и небывалыми масштабами технологических преобразований, новыми способами обработки, передачи, хранения информации, новыми формами коммуникации нарушил устойчивость связей между человеком и окружающей его реальностью, изменил традиционные представления о пространстве и времени, трансформировал и дематериализовал социальную реальность, меняет самого человека, его антропологию, обостряя весь комплекс философско-антропологических проблем и особенно проблему идентичности.

Несмотря на существующее многообразие подходов в исследовании идентичности и ее трактовок, сохраняется значительный объем неразработанных аспектов данной проблемы. Это объясняется тем, что каждый этап исторического развития уникален, характеризует определенное состояние человечества: уровень развития технологий, социума, культуры, формирует определенный мировоззренческий контекст, в русле которого вырабатываются представления о том или ином феномене, и идентичность не является исключением. В этой в условиях информационной современности тема идентичности не только не утрачивает актуальности, но и обретает

особую остроту, поскольку современники осмысливают происходящие с человеком изменения, вызванные цифровыми трансформациями.

В «текущей современности» информационного общества [2] кардинальным изменениям подвержены все без исключения области человеческой жизнедеятельности. Это обусловлено беспрецедентным распространением и внедрением информационно-коммуникационных технологий, ставших неотъемлемой частью привычной повседневности, и кардинальным образом изменивших потребности и запросы современных людей, модели поведения, спектр интересов, способы удовлетворения потребностей, мировоззрение в целом и идентичность – в конечном итоге. Все это подтверждает запрос человека цифровой эпохи на самоопределение, усиленную потребность в самоидентификации – очень важно в виртуальном цифровом мире глобального информационного пространства иметь четкие ответы на очень простые вопросы: Кто Я? Как меня видят другие? Как я себя вижу? [1, с. 310]. В обычной ситуации человек получает прямые конкретные ответы на эти вопросы в соответствии с социальными, психологическими, гендерными и другими основаниями, но цифровая современность предоставляет широкий арсенал оснований для самоопределения, поливариативность, нестабильность, диффузность личностных статусов.

История развития общества демонстрирует две прямо противоположные тенденции: с одной стороны, человеческое сообщество всегда тяготело к консолидации и самоидентификации, с другой стороны – стремилось к обособлению, дифференциации. Постмодерн с присущими ему релятивизмом, эклектизмом спровоцировал активный интерес к феномену идентичности, кажущаяся очевидность которого в условиях глобализирующегося мира – «общества всеобщей коммуникации» [3] оказалась не такой уж очевидной. Один из ведущих теоретиков идентичности Э. Эриксон заявил, что «мы начинаем теоретически осмысливать вопросы идентичности именно в тот период истории, когда они становятся реальной проблемой» [8, с. 194].

Действительно, начавшийся в первые десятилетия третьего тысячелетия цифровой транзит спровоцировал вселенскую трансформацию: и социальноэкономическую, и социокультурную, и даже антропологическую. Благодаря доступности информации и беспрепятственной коммуникации сегодня перед человеком открылось множество культурных миров, контуры которых все более прозрачны в глобализирующемся мировом культурном пространстве, виртуальные просторы которого изобилуют симулякрами, иллюзорными идеалами, обманчивыми мотивами и установками, отсутствием единой системы ценностей, нравственных канонов и мировоззренческих установок. Постепенно бытие перетекает из материальной плоскости в виртуальную, материальное оттесняется вир-

туальным, реальность дематериализуется, а бытие виртуализируя. На цифровых просторах этой новой виртуальной реальности абсолютно свободных от всякого рода морально-этических и морально-нравственных ограничений доступно и возможно то, что невозможно, невоплотимо в границах привычного физического мира. Этот «дивный новый мир» [7] оказывается более предпочтительным для свободолюбивого по природе своей человека и особенно человека современного, искушенного техникой. В этих условиях еще в более значительной степени важно четко понимать «Кто Я?», соотнося или противопоставляя себя другим, перманентно самоидентифицируясь, чтобы ясно осознавать и переживать свою принадлежность к макрогрупповым множествам и не заблудиться, или, наоборот, заблудиться в «лабиринтах идентичности» [5, с. 62] Таким образом, человек современной информационной эпохи, по словам В. Емелина, обречен на постоянный поиск и самоопределение, идентичность – это постоянная самоидентификация [4, с. 355] Это обусловлено тем, что современный человек оказывается включенным во многие дискурсивные поля, ему доступна в практически неограниченном объеме вся информация мира и он постоянный участник коммуникативного действия, преимущественно виртуального характера, благодаря технико-технологическим возможностям Всемирной паутины. Под эгидой благих гуманистических идей и целей сокрыта угроза глобальной манипуляции, за которой есть определенный заказ, политические и экономические интересы, стоят конкретные корпорации, осуществляется целенаправленное финансирование. Человек эпохи цифры, таким образом, в равной степени открыт этой возможной манипуляции: через информационные каналы навязываются ложные системы ценностей, стереотипы, раздвигаются границы допустимого, задаются новые образцы и модели поведения, стиля жизни, моды, типа кинопродукции и мн. др. Все это усложняет процесс обретения идентичности, усиливает диффузные процессы, когда реальное и виртуальное взаимопроникают, взаимодополняют друг друга. В результате реальная идентичность соединяется с идентичностью виртуальной, образуя цифровую идентичность, которую мы понимаем как единство «Я-виртуального» и «Я-реального», совокупное восприятие и переживания себя в неразрывном единстве с миром реального и виртуального [6, с. 56].

Таким образом, вступление человечества в информационную эпоху запустило спусковой механизм социокультурных трансформаций глобального масштаба. Беспрецедентную по степени влияния роль играют информационно-коммуникационные технологии и обусловленные ими цифровые трансформации. В числе подвергшихся трансформации феноменов оказалась и идентичность. Процесс обретения идентичности достаточно длительный, сложный процесс, подвергающийся воздействию как

внутренних, так в внешних факторах окружающей среды. На современном этапе технологического развития важную детерминирующую роль в формировании идентичности играют цифровые технологии, беспрецедентное влияние которых дополнило традиционный набор идентичностей новым видом – цифровой, осознать и осмыслить которую пока еще предстоит.

Как бы ни менялся мир, не трансформировался исторический, технологический, социокультурный контекст потребность в философском осмыслении ни научном исследовании феномена идентичности будет актуальна, поскольку олицетворяет собой присущее человеку стремление увидеть свое отражение в общей картине мира.

Литература

1. Архипова О. В. Стратегии идентичности и творчества в эпоху цифры // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости : материалы XIX Междунар. Лихачев. науч. чт. СПб. : Изд-во СПбГУП, 2019. С. 309–311.
2. Бауман З. Текучая современность. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
3. Ваттимо Дж. Прозрачное общество? М. : Логос, 2003. 124 с.
4. Емелин В. А. Идентичность в информационном обществе. М., 2017. 360 с.
5. Луман Н. Реальность медиа. М. : Праксис, 2010. 256 с.
6. Соловьева Л. Н. Цифровая идентичность как феномен информационной современности // Общество: философия, история, культура. 2020. № 12. С. 53–56.
7. Хаксли О. О дивный новый мир. М. : Астрель, 2013. 284 с.
8. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М. : Прогресс, 1996. 344 с.

УДК 37.011.32

Н. В. Тасимова, *Саратов, Ульяновск*

Об организации работы по развитию самопонимания младшего подростка в виртуальном пространстве

Виртуальное пространство рассматривается как средство для реализации целей воспитывающей деятельности. Даны определения самопонимания с точки зрения психолого-педагогического подхода, воспитывающей деятельности как одной из актуальных форм использования виртуального пространства в развитии личности младшего подростка. Приведены примеры разных форм организации взаимодействия по степени использования виртуального пространства.

Ключевые слова: самопонимание, младший подросток, воспитание, Интернет.

N. V. Tasimova, *Saratov, Ulyanovsk*

About the organization of work on the development of self-understanding of a younger teenager in the virtual space

Virtual space is considered as a means to realize the goals of educational activity. Definitions of self-understanding are given from the point of view of the psychological and pedagogical approach, educational activity as one of the actual forms of using virtual space in the development of the personality of a younger teenager. Examples of different forms of organization of interaction according to the degree of use of virtual space are given.

Keywords: self-understanding, younger teenager, upbringing, Internet

Сравнивая сферы жизнедеятельности человека сейчас и 30-летней давности, мы можем выявить как общее, так и отличия. Поэтому педагогу, ставя перед собой цель по развитию личности подростка, имеет смысл учитывать в своей деятельности новые сферы его жизнедеятельности, одной из которых является интернет. Образовательные организации, рассматривая интернет как место социального взаимодействия, включают его в образовательные деятельности.

Подтверждением серьезного научного и практического отношения к проблеме использования виртуального пространства как средства в обучении и социализации подрастающего поколения служат несколько фактов. Во-первых, это появление в научном и практическом дискурсах большого количества новых понятий: от виртуального пространства, киберпространства к киберсоциализации, киберпсихологии и киберпедагогике, от информационной культуры к сетевой (виртуальной) идентичности. Во-вторых, это разнообразные исследования которые затрагивают разные стороны взаимодействия человека с виртуальным пространством: развитие сознания (О. К. Тихомиров), трансформация психических процессов (А. Е. Войскунский), социализация (А. В. Мудрик, В. А. Плешаков, М. В. Воропаев), интернет-ресурсы (А. В. Чистяков, В. А. Машарова, Л. К. Раицкая, Ю. В. Шишковская), коммуникация и виртуальная идентичность (О. Н. Астафьева, Е. П. Белинская, С. В. Бондаренко, В. А. Емелин, А. Е. Жичкина, И. С. Лучинкина, Н. Меренкова, М. В. Румянцев, В. Шляпников). В-третьих, это появление законодательных и нормативных документов (ст. 16 и 18 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»; «Порядок применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ», Целевая модель цифровой образовательной среды).

Данные факты обуславливают важность дальнейших теоретических и эмпирических исследований, а также практического опыта по организации целенаправленной работы в виртуальном пространстве по развитию личности ребенка, подростка. Именно в этом аспекте и пойдет дальнейший разговор.

Нами в период с 2016 по 2022 г. было проведено исследование по теме «Развитие самопонимания младшего подростка в воспитывающей деятельности с использованием Интернета». Тема актуальна как с точки зрения поиска научно-теоретических обоснований использования виртуального пространства в воспитывающей деятельности, так и с позиций апробации практической модели такой работы, основной целью которой является развитие самопонимания младшего подростка.

Не случайно нами определена именно такая цель воспитывающей деятельности. Многими авторами доказано, что интернет является мегафактором социализации [8; 9], в результате получения социального опыта путем использования различных сервисов виртуального пространства у подрастающего поколения происходят изменения в самосознании, формируются или корректируется идентичность, личные ценности [1].

Изучив понятия «самопонимание», «понимание» [2; 6; 11; 13] в психологии и педагогике, закономерности развития личности [3; 4; 7] нами было сформулировано рабочее определение самопонимания как психолого-педагогической категории, что позволило критерии и методики ее исследования относительно младшего подростка.

Самопонимание в контексте нашего исследования понимается как процесс мыслительной деятельности, который направлен человеком на самого себя. Самопонимание как процесс включает когнитивную и эмоционально-ценностную составляющие, он направлен на усвоение нового (относительно себя) содержания и включения его (этого содержания) в систему устоявшихся идей и представлений (о себе).

В корреспонденции с целью воспитывающей деятельности с использованием интернета нами была разработана соответствующая модель развития самопонимания младшего подростка в такой деятельности. Она (модель) включает в себя целевой, методологический, организационно-деятельностный и аналитико-результативный компоненты.

Важным в организации и анализе воспитывающей деятельности с использованием интернета мы считаем следующие моменты:

- Определение воспитания как педагогически организованного взаимодействия воспитателя и воспитанника через создание условий (получение опыта социального взаимодействия) включения в сложившуюся культуру с целью развития личности или отдельных качеств воспитанниками в рамках концепций системного построения процесса воспитания [5] и методологии коллективного творческого воспитания [10].

- Нами рассматривается воспитывающая деятельность как результат взаимодействия педагога и подростка; т. е., с одной стороны, это профессиональная деятельность педагога [12] (несущая в себе определенные цели, формы и содержание), а с другой – деятельность подростка в конкретном событии, мероприятии, деле (со своими мотивами, действиями и переживаниями). В результате взаимодействия появляется новая деятельность (которая содержит в себе черты деятельности и педагога, и подростка; при этом некоторые черты деятельности отдельных участников видны всем субъектам деятельности, а часть проживаются незаметно для других). На первый план выходит содержательный аспект: в отношении

воспитывающей деятельности с использованием интернета – это изучение качеств человека, ценностей, их отражение в поведении, перенос этих знаний на себя.

- Важными этапами практической реализации являются совместное планирование и рефлексия, что позволяет сделать деятельность привлекательной для всех участников, а также создать условия для реализации их мотивов и потребностей.

- Педагогу при организации работы в виртуальном пространстве необходимо учитывать тот уровень когнитивного развития, которых есть у младших подростков, а также понимание его личностного потенциала.

Разработанная в результате теоретического анализа модель развития самопонимания младшего подростка в воспитывающей деятельности стала основанием для проведения опытно-экспериментальной работы. Базой стало муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования г. Ульяновска «Центр детского технического творчества № 1». Были проведены следующие групповые дела: обсуждение по теме «Самого лучшего человека», создание сайта объединения, проектирование аккаунта в многопользовательской онлайн-игре. Следует отметить, что данные дела позволяют представить разные варианты взаимодействия по степени использования виртуального пространства. От дела, полностью проводимого онлайн (обсуждение в группе Viber) до полностью проводимого в реальном взаимодействии, но по теме использования и поведения в виртуальном пространстве (создание аккаунта). Создание сайта стало гибридной формой, когда часть деятельности происходила на занятиях (офлайн), а часть в рамках самостоятельной работы подростков в виртуальном пространстве.

Рассмотрим эти примеры использования виртуального пространства с точки зрения организации воспитывающей деятельности и развития самопонимания младшего подростка (табл.).

Для анализа результативности данных дел были использованы разработанные нами методики по оценки уровня самопонимания младшего подростка, включающие в себя оценку знаний понятий в отношении качеств, свойств личности, проявляемых человеком и их соотношении с собой, структурированность этих знаний, а также ценностно-смысловое отношение к ним. Количественные и качественные результаты, а также их оценка с помощью методов статистики [14] позволяют подтвердить эффективность развития самопонимания младшего подростка средствами виртуального пространства.

Таблица

Организация воспитывающей деятельности и развития самопонимания младшего подростка

Пример дела	Деятельность педагога	Совместная деятельность	Деятельность подростка
Проектирование аккаунта в многопользовательской онлайн-игре	Цель – создание условий для понимания своих особенностей и соотнесения их с виртуальной презентацией, определения причин показа тех или иных сторон, выбора образа в виртуальном пространстве. Видимая деятельность – организация игрового взаимодействия	Игровое взаимодействие по разработке многопользовательского мира (онлайн-игры), разработка аккаунтов участников, взаимодействие в игре (добыча ресурсов, постройка жилища и др.)	Мотив деятельности – организация межличностного общения заданного игровыми правилами, реализация имеющихся знаний на практике
Создание сайта объединения	Цель – создание условий для понимания своих интересов, способностей, качеств, которые проявляются в ходе занятий в объединении, оценка результатов своей творческой работы. Видимая деятельности – обучение созданию собственной странички с использованием визуальных конструкторов сайтов, консультирование, создание технических возможностей	Обсуждение и создание проекта сайта, наполнение собственной странички, ведение общих страниц	Мотив деятельности – идентификация себя как общего с группой и как отличного от других
Обсуждение по теме «Портрет самого лучшего человека»	Цель – создать условия для размышления подростков о собственных качествах, соотнесения образа идеального человека и образа «Я». Видимая деятельность – руководство группой, создание вопросов, опросов	Обсуждение в Viber: какие качества отличают самого лучшего человека, определение понятия «лучший», составление образа из примеров, картинок	Мотив деятельности – общение со сверстниками в значимой группе, выражение собственного мнения

Выводы исследования:

- Виртуальное пространство является той сферой жизнедеятельности подростка, в которой (наряду с другими сферами) происходит развитие его самопонимания.

- Разработанная модель развития самопонимания младшего подростка с использованием интернета может быть успешно реализована, что показали результаты опытно-экспериментальной работы.
- Виртуальное пространство в деятельности педагога выступает не самоцелью (использовать ради самого факта применения), но средством для реализации цели по развитию личности подростка.

Литература

1. Белинская Е. П., Жичкина А. Е. Современные исследования виртуальной коммуникации: проблемы, гипотезы, результаты. В кн. : Образование и информационная культура. М. : Центр социологии образования, 2000. С. 395–431.
2. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание: пер англ. Ред. В. Я. Пилиповский. М. : Прогресс, 1986. 420 с.
3. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. (Психологическое исследование.) М. : Просвещение, 1968. 464 с.
4. Выготский Л. С. Педология подростка. М. : Бюро заоч. обучения при МГУ, 1929–1931. 172 с.
5. Караковский В. А., Новикова Л. И., Селиванова Н. Л. Воспитание? Воспитание. Воспитание! М. : Пед. О-во России, 2000, 253 с.
6. Кohn И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М. : Политиздат, 1984. 335 с.
7. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М. : Политиздат, 1975. 304 с.
8. Мудрик А. В. Человек в процессе социализации: три ипостаси // Вестник ПСТГУ. Серия 4, Педагогика. Психология. 2009. № 14. С. 7–16
9. Плешаков В. А. Теория киберсоциализации человека : монография / под общ. А. В. Мудрика. М. : МПГУ : Homo Cyberus, 2011. 400 с.
10. Поляков С. Д. Основы педагогическо-психологической теории социального воспитания // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5. № 3 (19). С. 260–269.
11. Понимание как педагогическая категория. (Вониторинг когнитивной сферы: понимает ли ученик то, что изучает?) М. : Пед. поиск, 2004. 176 с.
12. Степанов П. В. Структура воспитательной деятельности педагога. Монография. М. : Пед. поиск, 2017. 128 с.
13. Столин В. В. Самосознание личности. М. : Изд-во МГУ, 1983. 286с.
14. Тасимова Н. В. Изучение самопонимания младшего подростка в воспитывающей деятельности с использованием интернета // Сибирский педагогический журнал. 2020. № 5. С. 59–67.

УДК 159.94

Е. Л. Трофимова, Т. А. Терехова, Д. П. Галченкова
Иркутск

Психологические характеристики гейминга у взрослых людей

Анализируются психологические особенности и мотивация геймеров возраста ранней зрелости от 23 до 35 лет. По результатам эмпирического исследования установлено, что геймеры ранней зрелости предпочитают больше одиночные игры, преобладают внутренние, идентифицированные и интегративные мотивы, а также мотивация погружения в игру.

Ключевые слова: гейминг, геймеры, возраст ранней зрелости, мотивация гейминга

E. L. Trofimova, T. A. Terekhova, D. P. Galchenkova

Psychological characteristics of gaming in adults

The article analyzes the psychological characteristics, namely motivation, of gamers of early maturity from 23 to 35 years old. According to the results of empirical research, it was found that gamers of early maturity prefer more single games, internal, identified and integrative motives prevail, as well as motivation for immersion in the game.

Keywords: gaming, gamers, early maturity age, gaming motivation

Современный мир стремительно меняется, компьютерные технологии проникают в жизнь каждого человека и существенно меняют повседневную реальность. В настоящее время игровая индустрия является одной из самых быстроразвивающихся отраслей компьютерных технологий – видеоигры становятся культурным феноменом, признаются произведениями искусства и привлекают к себе все большее количество человек. Так, согласно статистике, в России их число превышает 65 млн чел., большая часть из которых – люди юношеского и зрелого возраста.

В настоящее время гейминг как явление активно развивается, вовлекает в себя все большее количество человек, и для некоторых становится одним из основных форм проведения досуга. Популярность данного увлечения дает основания полагать, что видеоигры способны удовлетворять значимые потребности людей, и побуждает психологов искать ключ к разгадке этого успеха. На наш взгляд, на такую особенность существенно могла повлиять нынешняя ситуация в мире, а именно пандемия, связанная с короновирусной инфекцией, поэтому сейчас это является очень актуальной темой.

Попытки исследовать личностные особенности, мотивацию и отдельные мотивы гейминга немногочисленны, но тем не менее, имеются. В отечественной и зарубежной литературе отражены ряд теорий, классификаций, результаты отдельных эмпирических исследований [6]. Например, таковой является классификация геймеров Ричарда Бартла по психологическим типам. Автор предположил, что мотивация личности прояв-

ляется в стиле игры и выделил 4 типа геймеров: киллеры (killers), карьеристы (achievers), социальные игроки (socializers) и исследователи (explorers) [7; 12]. Киллеры – любители посоревноваться, их главной целью является демонстрация собственного превосходства. Карьеристы – коллекционеры достижений, они стремятся достичь наилучших игровых статистик, их главным отличием от киллеров будет являться то, что карьеристы хотят соревноваться не с другими игроками, а с самим собой и системой. Социальные игроки – любители общения, они хотят осуществить максимум социальных взаимодействий с другими игроками. И, наконец, исследователи – созерцатели игрового пространства, их главной целью будет являться максимальное раскрытие игрового мира. Уже из этих четырех типов, можно выделить мотивацию соревнования, достижения, общения и исследования.

Если рассмотреть взаимодействие человека с видеоиграми в контексте подхода, основанного на теории самодетерминации, основоположниками которого являются Э. Деси и Р. Райан, мы увидим, что игры способны удовлетворять базовые потребности человека [8; 13].

Ю. В. Фомичева также говорит о том, что именно приносит психологическую удовлетворенность от видеоигр. По ее мнению, игра позволяет получать удовольствие, поскольку способствует «субъективной включенности в деятельность» благодаря ряду факторов: «постоянная мыслительная активность, требуемая быстрота и точность реакций игрока, иллюзия непосредственного воздействия на игровую среду, возможность вести игровой диалог в режимах большей или меньшей интенсивности» [10].

В своих исследованиях А. Г. Шмелев обращает внимание на то, «что видеоигры при этом имеют условный характер и позволяют отвлечься от реальной ситуации с ее ответственностью и другими многочисленными обстоятельствами» [11]. С этим соглашаются и другие авторы, считая также важным для игроков факт, так называемых «поправимых ошибок», т. е. в отличие от реальной жизни, в игре можно вернуться, учесть свои ошибки и постараться их избежать, можно оттачивать свое мастерство, развивать навыки, повышать скорость реакции, что, в свою очередь, дает некое ощущение контроля жизни в игре [3; 10].

Ведущими причинами увлеченности геймингом именно взрослых людей А. А. Аветисова считает: «удовлетворение потребности в получении информации и тренировки мышлению при решении игровых задач, а также удовлетворение потребности в общении во время игрового процесса» [1; 2]. И в зависимости от доминирования того или иного мотива осуществляется выбор взрослым человеком предпочитаемых игровых жанров.

По мнению еще одного отечественного автора И. С. Иванова, игра для большинства людей является средством побега от рутины. «Игра –

это простой и доступный способ моделирования другого мира или таких жизненных ситуаций, в которых человек никогда не был и не будет в реальности. Это простой способ пожить в другой жизни, где нет проблем, нет работы, на которую нужно ходить каждый день, нет хлопот по рутинному зарабатыванию денег» [5].

В настоящее время гейминг захватывает всю большую аудиторию, индустрия видеоигр расширяется, предлагая новые возможности людям разных возрастов, интересов, физических состояний.

С точки зрения Ф. Зимбардо, «объяснением массовой увлеченности компьютерными играми могут служить все увеличивающиеся требования, предъявляемые современным обществом к взрослым людям», когда «многие из них предпочитают укрыться» в мире, где можно быстро и сравнительно легко получить желаемый результат без страха быть отвергнутым, и где можно получить поощрение за достижения [4].

Соответственно перед психологической наукой ставятся задачи изучения гейминга, его привлекательности для взрослых, влияние на профессиональную, личностную, семейную социализацию. Способствуют ли видеоигры развитию личности взрослого, могут ли содержать терапевтический эффект или в большей степени оказывают негативное влияние?

В нашем исследовании мы будем рассматривать мотивацию гейминга у взрослых периода ранней зрелости.

В раннем зрелом возрасте основными задачами развития являются профессиональная деятельность и самоопределение в рамках конкретной профессиональной должности, а также семейные отношения. Конечно, это и период, когда появляются новые обязанности, сложности, профессиональные, личностные и семейные кризисы. Это время, когда человек стремится достичь своих целей и реализовать себя в разных сферах жизни.

Игры являются своеобразной отдушиной для переключения с реальных забот в более безопасный виртуальный мир для реализации своих потребностей в риске и достижении [9]. К тому же видеоигры обеспечивают мгновенное удовлетворение, а это значит, что человек должен потратить минимальное количество времени, чтобы получить награду. Это является полной противоположностью реального мира, который работает по принципы «отстроченного удовольствия». Так, например, чтобы получить зарплату, человеку необходимо работать несколько часов на работе в течении нескольких недель, или, например, генеральный директор должен проработать несколько месяцев, а то и лет на свою компанию, чтобы увидеть рост. Поэтому видеоигры могут являться источником краткосрочных вознаграждений, тем самым удовлетворяя людей ранней зрелости в потребности достижения.

Целью эмпирического исследования было выявление особенностей мотивации гейминга в раннем зрелом возрасте. Опрос испытуемых осуществлялся через социальные сети с использованием Google-формы. В исследовании приняли участие 89 респондентов ранней зрелости.

Для достижения цели исследования были использованы следующие методики и анкетирование:

1. Опросник мотивации игроков в компьютерные игры Н. Йи в адаптации А. Мильянской, В. Епишина и Н. Богачевой
2. Шкала мотивации гейминга (GAMS) в модификации Н. А. Ивановой.
3. Анкетный опрос «Особенности мотивации гейминга»

Результаты, полученные по Шкале мотивации гейминга (Gaming Motivation Scale (GAMS) представлены в табл. 1.

Таблица 1

Показатели мотивации респондентов периода ранней зрелости

Мотивация	Уровни	Респонденты (%)
Внутренняя	высокий	84,3
	средний	15,7
	низкий	0,0
Внешняя	высокий	21,3
	средний	38,3
	низкий	40,4
Идентифицированная	высокий	56,2
	средний	32,6
	низкий	11,2
Интегративная	высокий	67,4
	средний	23,6
	низкий	9,0
Интроецированная	высокий	15,0
	средний	41,0
	низкий	44,0
Амотивация	высокий	7,0
	средний	26,7
	низкий	66,3

Как показывают результаты, преобладающими являются внутренние, идентифицированные и интегративные мотивы.

Полученные данные свидетельствуют о том, что для людей, которые относятся к периодам ранней зрелости, видеоигры могут быть частью жизни или профессии. Это вполне можно объяснить тем, что в период ранней зрелости человек может использовать видеоигры для достижения своих собственных целей, потому что этот период характеризуется пла-

нированием своего личного и профессионального будущего. Они получают удовольствие от самого процесса игра, компьютерных возможностей, интегрируют игру в условия жизни, а также рассматривают игровые действия как способ развития важных качеств, например, скорость реакции, мышление, навыки общения и др.

В табл. 2 можно ознакомиться с показателями мотивации игроков в компьютерные игры по опроснику Н. Йи.

Таблица 2

Показатели мотивации гейминга респондентов периода ранней зрелости по опроснику Н. Йи

Мотивация	Уровни	Респонденты (%)
Достижения	высокий	5,6
	средний	80,9
	низкий	13,5
Социальная	высокий	5,6
	средний	61,8
	низкий	32,6
Погружения	высокий	67,4
	средний	32,6
	низкий	0,0

Из таблицы видно, что преобладающей является мотивация погружения (сред. знач. – 38,6). Можно предположить, что геймерам данного возраста доставляет удовольствие исследовать игровой мир, создавать своих персонажей, которые отличались бы своей индивидуальность и неповторимой историей. Таким образом, мотивация погружения связана с ролевыми элементами и глубоким интересом к игровому миру.

Социальная мотивация и мотивация достижения выражены примерно одинаково, ответы большинства респондентов попадают в зону средних значений. Это может означать, что в период ранней зрелости у геймеров присутствует интерес к различным аспектам взаимоотношений между игроками, однако эти отношения между участниками команды носят не соревновательный характер, а характер сплоченности и направленности на решение групповых целей. В основном геймеры ранней зрелости предпочитают больше одиночные игры, нежели групповые. Также они не стремятся к тому, чтобы выполнять задания, как можно быстрее, а предпочитают размеренный тип игры. Примечательно, что для игроков данного возраста видеоигры становятся местом, где они могут реализовать свои амбиции, которые не смогли реализовать в реальной жизни.

Результаты анкетирования показали, что прежде всего респонденты ценят получение в видеоиграх нового опыта, новых умений. Также игры

дают возможность им отдохнуть от реальных забот, дел, переключиться и почувствовать спокойствие.

Таким образом, мы можем говорить о том, что удовлетворение различных потребностей через видеоигры, в разумных пределах – норма. Видеоигры действительно помогают человеку отдохнуть, пообщаться с друзьями и получить положительные эмоции, однако необходимо понимать, что отдыхать можно разными способами, общаться с друзьями необходимо, по возможности, и в реальной жизни, а источников получения положительных эмоций, помимо видеоигр очень много.

Литература

1. Аветисова А. А. Психологические особенности игроков в компьютерные игры // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 8, № 4. С. 35–58.
2. Богачева Н. В., Войсунский А. Е. Специфика когнитивных стилей и функции контроля у геймеров // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 38. 14 с.
3. Войсунский А. Е., Аветисова А. А. Традиционные и современные исследования игрового поведения // Методология и история психологии. 2009. Т. 4, вып. 4. С. 82–94.
4. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб. : Речь, 2010. 349 с.
5. Иванов И. С. Психологические и социокультурные индикаторы игровой зависимости // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социология. 2008. Т. 14, № 3. С. 205–211.
6. Макалатия А. Г. Мотивация в компьютерных играх // 3-я Российская конференция по экологической психологии. Москва, 15–17 сент. 2003 г. : тез. М. : Психол. ин-т РАО, 2003. С. 358–361.
7. Пинчук Д. В. Мотивы обращения к компьютерной игре // Царскосельские чтения. 2010. № 14. С. 149–152. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivy-obrascheniya-k-kompyuterno-igre> (дата обращения: 13.03.2022).
8. Попов О. А. Новая классификация компьютерных игр // Электронный журнал. Статистика в психологии и педагогике. 2009. С. 161–165. URL: <http://psystat.at.ua/publ/4-1-0-30> (дата обращения: 06.03.2022).
9. Трофимова Е. Л., Терехова Т. А., Малахаева С. К. Особенности экономического поведения геймеров в играх с внешней и внутренней валютой // Человеческий капитал. 2020. № 10(142). С. 87–101.
10. Фомичева Ю. В., Шмелев А. Г., Бурмистров И. В. Психологические корреляты увлеченности компьютерными играми // Вестник МГУ. Серия 14, Психология. 1991. № 3. С. 27–39.
11. Шмелев А. Г. Мир поправимых ошибок. Вычислительная техника и ее применение // Компьютерные игры. 1988. № 3. С. 16–84.
12. Bartle R. Virtual worlds: Why people play // Massively multiplayer game development. 2005. Vol. 2(1). P. 3–18.
13. Deci E. L., Ryan R. M. A motivational approach to self: integration in personality // Perspectives on motivation. Nebraska symposium on motivation. University of Nebraska Press, 1991. Vol. 38. P. 237–288.

УДК 316.643.3

А. В. Ляскович, В. Б. Хозиев, *Дубна*

Характеристики морально-нравственных суждений подростков-геймеров как диагностический показатель их личностного развития

Утверждается, что одной из важнейших задач понимания природы зависимого поведения является раскрытие причин и показателей динамики личностного развития геймеров. Доказывается, что это необходимо как в случаях «вещественных» зависимостей, не является исключением для сексуальной зависимости и нет оснований игнорировать действие тех же причин в случае игровой зависимости в целом и геймерства, в частности. Показывается, что важнейшим моментом исследовательской, клинико-психологической и психолого-педагогической практики в этой области является открытие более-менее точных индикаторов зависимого поведения. Это необходимо как для диагностики беды, так и для последующей реабилитационной и реабилитационной работы.

Ключевые слова: игровая зависимость, интернет-зависимость, гэмблинг, патогенез личности, инфантилизм.

V.B. Khoziev, A.V. Lyaskovich, *Dubna*

Gambling and pathogenesis of personality in a virtual network space

One of the most important tasks of understanding the nature of dependent behavior is to reveal the causes and indicators of the dynamics of personal development of gamers. This is absolutely necessary as in cases of "material" addictions, is no exception for sexual addiction and there is no reason to ignore the effect of the same reasons in the case of gaming addiction in general and gaming in particular. The most important moment of research, clinical-psychological and psychological-pedagogical practice in this area is the discovery of more or less accurate indicators of dependent behavior. This is extremely necessary both for the diagnosis of the trouble, and for subsequent habilitation and rehabilitation work.

Keywords: gambling, internet, internet gambling, games, PG, infantilism.

Подросток-геймер – это актуальный персонаж современной культуры, важнейший объект многих исследований, поскольку в оформляющихся сущностных тенденциях развития его личности угадывается даже не столько индивидуальная, но «родовая» траектория завтрашнего общества. Явные и скрытые детерминанты личностного развития начинают свою миссию задолго до того, как с ней столкнутся педагоги и психологи, родители и воспитатели, социальные институты и референтные группы. Даже самый поверхностный, но психологически минимально вооруженный взгляд на современное поколение молодых людей дает сложную картину происходящего, при которой интегративно, обобщающее, обескураживающее и временами пугающее, симптоматично и этиологически зримо вперед выходит поколенческая **инфантильность**.

Тщательные хлопоты западноевропейской цивилизации по увеличению во времени, пространстве и множественности форм психологической защищенности Института детства [11] дали свой весомый позитивный результат. Детство разрослось во всех мыслимых направлениях со-

циальной ойкумены, и это стало благом, поскольку позволило новым поколениям молодых людей защищено, с помощью социальных институтов образования приобретать важнейший опыт грядущей деятельности, не совершая непоправимых ошибок и минуя заблуждения и искушения своих предшественников. С другой стороны, стремительная инфантилизация образования и культуры (вот такой, быть может, спорный к этому положению пример: мы своих кафедральных аспирантов так же, как и студентов, именуем «детьми»; в нашей университетской молодости, лет 30–40 назад, этого не было и в помине!) в качестве расплаты уже наметила широкий диапазон *негативных проявлений детскости*. Безответственность на всем спектре социального долженствования, учебная неэффективность (в том числе, выученная беспомощность), мотивационная и познавательная ригидность, острая и безальтернативная приверженность и застревание в инфантильных субкультурах, коммуникативная и эмпативная (эмоциональная) ограниченность реагирования на социально значимые обстоятельства жизни, систематический отказ от включения в труд и иные формы социально зрелого поведения и др. – все это «богатство» негативных показателей личностного развития уже не просто намекает, но фактически приводит к пушкинскому «и в детской резвости колеблет твой треножник» – это уже об основаниях и устоях социального бытия.

Все виды и формы зависимого поведения легко собираются и пришиваются в основном в эпоху младшего школьничества и подростничества, поскольку являются своего рода маскировкой под взрослую жизнь, оправданием и замещением нерешаемых личностью актуальных с точки зрения культуры и социальной ситуации развития (ССР) задач. При этом нет единого пути в инфантильную зависимость, их множество, а все семьи инфантилов «несчастливы по-своему». Легко заметить, что вхождение в геймерство имеет вполне психологическую природу, когда инфантильность ребенка в рамках ССР представляется для близких взрослых нормой поведения и неразрешимой воспитательной проблемой. Соответственно, преодоление инфантильности становится возможным лишь при условии смены детерминант личностного развития молодого человека

Игроманию традиционно исследуют и пытаются характеризовать «срезовыми методами» [1]: статистически (например, фиксируя время проведения в игре), с помощью тестов, опросников самих геймеров, их окружения, педагогов, фиксации формальных показателей игр или эмоциональных состояний, сопровождающих игровые действия и т. д. Все эти методы, в свое время были точно определены П. Я. Гальпериним как не имеющие отношения к сути самого исследуемого психологического явления (в нашем случае – геймерства). Нашим решением стало исследовать проблему с точки зрения генеза морально-нравственных суждений, поскольку, прослеживая качество и динамику этих суждений, мы хотя и

косвенно, но в контексте целостной работы по абилитации зависимых подопечных получаем контроль за личностной динамикой – главной характеристикой инфантильного молодого человека.

Перед нами стояла задача создать оперативный и мобильный (чтобы диагностика уложилась в несложную беседу и минимальную по времени обработку результатов ответов подростка на наши вопросы) индикатор для характеристики общего направления личностного развития подростка. Тест не предоставляет ключ к пониманию личности подростка в целом, но содержит в себе развернутую клиническую беседу в классическом понимании, использованную в практике Ж. Пиаже и Л. Кольберга [4; 5], что делает этот метод применимым для прослеживания важных характеристик личности нашего подопечного. Понятно, что зависимый – не «простак» (со слов одного нашего подопечного), и при любом виде зависимости готов в диагностической ситуации беседы с психологом отрицать свою приверженность аддикции, изображая социальную желательность, манипулируя психологом, результатами и самой ситуацией обследования. Поэтому важнейший путь – поиск подлинных и эффективных в применении оценок зависимого в ситуации, где геймер может «потерять бдительность» в процессе его обследования, ибо проблемные ситуации, предъявляемые ему для диагностики уровня его личностного развития, никак не должны быть опасным для него указателем его оценок и суждений, обнаружения которых психологом зависимый очень опасается.

Мы составили тест из 13 морально-нравственных задач на материале обстоятельств и коллизий из жизненного опыта геймеров. Из различных морально-нравственных проблемных ситуаций, происходивших с геймерами, нами были отобраны наиболее актуальные для подростков моральные дилеммы, в котором отражались основные отношения с миром. Небольшой, но репрезентативный пакет вопросов и задач в целом отвечает традиции исследования морально-нравственных суждений. Каждая задача в итоге представляет собой ситуацию морально-нравственного выбора для подростка, поскольку охватывает наиболее приоритетные переменные его жизни: отношения внутри семьи, отношения с друзьями, учеба, хобби, статус в коллективе, обязательства, обязанности, ответственность и др. Мы исходили из предположения, что дебют геймерства приходится на тот момент, когда ведущая деятельность подростка (ВД) представляет собой упрощенный вариант предметной игры и не включает в себя более сложные отношения в обществе, семье и межличностном взаимодействии. Согласно нашим исследованиям [3], дебют геймерства приходится на дошкольничество или младшее школьничество, поэтому к младшему подростковому возрасту мы имеем оформившегося геймера с несформированными общечеловеческими ценностями, но сформировавшейся инфантильной зависимостью.

Вообще опыт психологии показывает, что уровень моральных суждений раскрывает внутренний мир, а также дает возможность охарактеризовать состоятельность и зрелость личности. С. Г. Якобсон рассматривала моральное развитие как механизм «нормативной саморегуляции» [12]. По Якобсон, человек являет собой объект и субъект регуляции, а его поведение регламентируется его актуальным состоянием, а регулируется осознанным выбором пред множеством путей в ситуации морального выбора. Иными словами, человек осознает свою ответственность перед возможностью поступить так или альтернативными путями, сам выбирает форму ограничений и взысканий при совершении неправильного (с его точки зрения) морального выбора. Важным обстоятельством такого выбора является отсутствие внешнего контроля исполнения выбора и личностной заинтересованности в выборе определенного порядка, что противоречит устоям и ценностям человека. С. Г. Якобсон работала с дошкольниками, с ее точки зрения, именно в этом возрасте формируется способность давать оценку морально-нравственным суждениям [12].

Е. В. Субботский в своей монографии «Ребенок открывает мир» [8] описал ряд экспериментов, посвященных исследованию «источков морали» и пришел к выводу, что понятия «мораль», «правильно и неправильно», «хорошо и плохо» и др. формируются у ребенка в рамках социальной ситуации развития (ССР). Подлинно нравственное, бескорыстное поведение формируется тогда, когда взрослый, входящий в ССР, практикует по отношению к ребенку бескорыстный стиль общения. Ощущая на себе добрые намерения другого, ребенок начинает идентифицировать себя с добрым, нравственным и бескорыстным, он относится к себе как к таковому. У него возникает нравственная (здоровая) самооценка. И это, по мнению Субботского, и есть мотив подлинно нравственного поведения. В свою очередь, возросшая самооценка, чувство собственного достоинства, сопричастности, важности (позиция «Я и мое окружение») доставляют ребенку удовольствие от соблюдения правил. В то время как прагматический стиль общения (поощрение – наказание, наказания без поощрения, поощрения без наказаний) способен сформировать лишь поверхностную мораль, поддерживаемую внешним контролем. [8]

В случае геймерства последний (прагматический стиль) являет собой наиболее частый предиктор [9] подросткового развития. Среди стилей воспитания в семьях, где рос геймер, преобладают стили: авторитарный, гиперопекающий, амбивалентный. Это связано с тем, что матери при отсутствии отцов или при наличии отцов со слабой позицией склонны испытывать чувство вины и обиды, которые компенсируют по средствам убления ребенка, вседозволенности, чрезмерного контроля и др. Не-

смотря на это, многие геймеры комментируют, что опека их матерей бывает навязчивой и лишней, а кроме того становится «горькой не на вкус, а «по своему субъективному личностному смыслу» [3]. Таким образом, мы получаем все основания для измерения состояния подростка на уровне моральных суждений.

Нами было предпринято исследование содержания решения 13 моральных задач 62 подопечными на возрастном диапазоне 11–17 лет включительно. Пакет задач, который мы использовали, содержал 13 задач разных уровней сложности (легкий, средний, сложный). Поиск подопечных осуществлялся на тематическом (игровом) закрытом форуме. Испытуемым предъявлялись 12 задач (последние 12-я и 13-я имели вариации для мужского и женского пола) посредством мессенджера. В качестве мотивировки для участия в клинической беседе использовалось предложение об участии в исследовании на способность решения трудных моральных дилемм. В инструкции к задачам оглашалось, что ни одна задача не имеет верного или неверного решения. Однако каждое субъективное мнение необходимо раскрыть и обосновать не менее чем в 2–3 предложениях. Ответы на задачи были разделены на 3 группы по 4 таблицам, содержащим следующие критерии: мотивационно-потребностям сфера; ВД; социальные взаимодействия; речь/язык/тезаурус; домашняя ответственность; социальная желательность. По каждому критерию решению присваивался балл, где 2 балла – интериоризированная функция, 1 – балл на стадии присвоения, 0 – баллов редуцированная функция или не интериоризированная. Отдельно рассматривалась шкала социальной желательности (СЖ). Ее функцией служит выявление несоответствий суждений в разных ситуациях. После решения задач с каждым испытуемым проводилась обстоятельная беседа на предмет развертывания их ответов. Каждое решение необходимо было обосновать и раскрыть. Приведем примеры несколько из них.

1. Ваши родители уехали провести время вместе и оставили список заданий. Они поручили Вам выполнить перечень домашних работ и подготовиться к завтрашней контрольной, и тогда Вы сможете погулять, но не позже, чем до 21.00. Они позвонят Вам по видео и попросят доказать, что Вы один дома. Более того, если Вы уберетесь дома, то пригласить друзей будет ошибкой. Ваши друзья обычно идут гулять после 22.00 до самой ночи. Однако, если Вы выполните весь список заданий и подготовитесь к контрольной, то у Вас останется час времени до 21.00 на прогулку. У Вас есть несколько комбинаций действий. Продумайте, какой вариант Вас удовлетворяет больше? Как Вы поступите?

2. Ваш друг стал покупать себе красивые вещи, обзавелся последними новинками техники, следует трендам. Вы замечаете, что на него

стали реагировать ваши знакомые. Он стал чувствовать себя более уверенно и раскрепощено. Он советует Вам устроиться работать вместе с ним на непрестижную работу, которую некоторые высмеивают. Вы понимаете, что Ваша успеваемость стремительно упадет (как уже упала у Вашего друга). Но Вам очень хочется выделяться и иметь в арсенале красивые вещи, которые привлекут к Вам уважение и зависть. Как Вы поступите? Какие аргументы будете приводить?

3. Ваша мама заболела ОРВИ. У нее нет серьезного заболевания, но высокая температура, и она не может сама себя обслуживать, готовить еду и приносить таблетки. Она попросила Вас сегодня не ходить в школу и быть ее помощником. Ближе к вечеру ей стало немного легче, но она все равно еще не может отслеживать время приема таблеток. Эта задача лежит на Вас. В этот же вечер Вам написал(а) парень/ девушка, который (ая) Вам симпатичен(на). Вы давно хотели провести с ним/ней время и узнать поближе. Вы понимаете, что, скорее всего, он/она больше не предложит встречи. Как Вы поступите? Какие аргументы будете приводить?

В качестве примера приведем ответы девушки 12 лет (Л. Е. В.) В одной из задач она описывает важность раскрытия в семье потенциала ребенка, указывает на свое доверие родителям («*Конечно, я останусь с мамой и помогу ей. Семья должна быть на первом месте!*») В то же время в другой задаче указывает, что предпочтет попасть в больницу с заражением крови, нежели расскажет родителям о сделанной татуировке. («*Лучше с*охнуть, чем получить от матери и остаться еще и с наказанием. Мое тело это мое дело. Точка!*») Прослеживается явное противоречие между суждениями и действиями. Таким образом, 2 балла по шкале СЖ ставится, если противоречий не обнаружено, 1 балл – если есть незначительные противоречия, 0 баллов – если противоречия значительны. Исходя из полученных данных, нами были составлены 4 портрета геймерских моральных суждений:

1. *Не достигшие кризиса подростничества.* Данная группа подопечных характеризуется крайней детскостью. Иначе мы бы могли ее охарактеризовать термином «тотальный инфантилизм». Чаще всего и поведение, и рассуждения таких подопечных отличались низким уровнем понимания другого человека, его речи, мотивов говорения, а также интереса к чему-либо вне игрового пространства. Они не стремятся ни к чему, не видят перспектив. Их речь приравнивается к «детскому лепету», сопровождается либо «беспросветной нецензурной бранью», либо полным отрицанием брани как чего-то «неправильного и гнусного».

Не доросшие до суждений. В высказываниях читается имитация. Подопечные, которые так и не смогли абстрагироваться от собственных субъективных переживаний, занять запрашиваемую позицию и ответить

в соответствии с заданием. Например, девушка 13 лет., игнорируя инструкцию и задание в целом, отвергала возможность существования такой ситуации в своей и в жизни в общем. В редких случаях «имитировала ответ», подменяя его шутками. *«Ой, ну я бы тогда Елене-Кристине Лебедь позвонила бы хахаха О или бы позвала Александра (персонаж игры) он бы им ананас в задницу засунул».*

2. *«Застравившие» в младшем подростковом возрасте.* Данный тип характеризуется большим запасом безразличия к социуму, «демонстративной незаинтересованности», обидчивости, агрессии и неверия. Представляют миру через демонстрацию всех своих плохих качеств, бросая провокативные и агрессивные колкости и отгораживаясь чем-либо. Они часто не принимают свое имя. Собственное мнение мнят решающим и с другими не считаются. Отрицают все, что не могут увидеть сами. Один из главных мифов, которого придерживается этот тип: *«Я знаю, как для меня будет лучше».* Например, в подростковом возрасте происходит принятие какого-то императива, и подросток выстраивает жизнь по императиву, а не наоборот. Поэтому очень часто способ высказывания и его характеристики достаточно определенно указывают на уровень развития.

3. *Проживающие подростковый кризис.* Наиболее «сохраненные» из всех представленных игроманов. Они имеют относительно определенные представления о своем будущем, ориентированы на профессию, способны выходить из зависимости на время, но чаще всего это короткий период, не более одного дня. Различает поступки и подлинный смысл ситуации. Например, девушка 16 лет, отмечает для себя «токсичное» влияние друзей из задачи, которые склоняют ее к нелегальным действиям, рассуждает на тему важности доверия в дружбе, уважения ценности личности и приходит к выводу, что не стала бы поддаваться на манипуляции, но сделала бы для себя определенные выводы о необходимости взаимодействия с такой референтной группой.

4. *Обозначающие демонстративную зрелость.* Инфантилы данного типа склонны к пустому мудрствованию. Не агрессивны в подаче своей точки зрения. Чаще всего оперируют сложными понятиями. Интересуются многими темами. Эмоционально чувствительны при всей своей показной холодности. *«Уставшие от жизни».* Считают, что все, что могли пережить, уже пережили. Чаще всего имеют за спиной какие-либо значимые травматические события, которые были до становления зависимости. Часто противоречат сами себе, путаясь в мудрствованиях [3]. Видят все через призму игровой ситуации (их локус контроля смещен в сторону СЖ). Например, девушка 13 лет, отвечает на все задачи с вычурной правильностью, предпочитает расставаться с людьми, которые каким-либо образом влияют на ее самоощущение, отвергает значимость влияния игры на ее жизнь. Однако после окончания теста признается, что именно

игра «дает ей смысл жить в этом мире», чем переводит локус контроля с идеальных суждений на те, которые действительно имеют место быть в ее истинных высказываниях.

Мы описали лишь несколько из множества критериев, но уверены, что при ближайшем рассмотрении любых сфер морально-нравственной ориентировки зависимого подростка его личность будет поверхностна и плоска. Моральные суждения геймера не только отличаются своей скудностью и лаконичностью, но и бедностью языка, обилием словообразований, заимствований, ненормативной лексики, весомым количеством ошибок. Мы полагаем, что это связано с отсутствием правильных для данного возраста ценностных ориентиров. Например, не чтение книг с богатым языковым описанием, но новелл, комиксов, манги или романов с преобладающим описанием эротических сцен, сцен насилия и травли и др. Незаинтересованность ССР в прививании культурных и личностных ценностей ведет к упадку самой культуры и утере ее богатого наследия. Также весомую роль играет ВД. Мы полагаем, что ВД застывает и обращается на защиту личности от влияния со стороны ССР и социума. Это приводит к появлению манипуляций и уничтожению несформированных или слабо сформированных подлинно нравственных мотивов.

Литература

1. Гальперин П.Я. Метод «срезов» и метод поэтапного формирования в исследовании детского мышления // Вопросы психологии. 1966. № 4. С. 128–135.
2. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1975. 304 с.
3. Ляскович А. В. Характеристики ведущей деятельности, социальной ситуации развития и новообразований в дебюте геймерства // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021» / отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, Е. И. Зимакова. М. : МАКС Пресс, 2021. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
4. Пиаже Ж. Моральное суждение у ребенка. М. : Акад. проект, 2006. 480 с.
5. Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб. : Питер, 2003. 192 с.
6. Психологические условия реабилитации наркоманов: опыт исследовательской реконструкции / под ред. М. Н. Муфтахетдинова, В. Б. Хозиева. М. : Нижневартовск, 2004. 160 с.
7. Психология и лечение зависимого поведения / под ред. С. Даулинга; пер. с англ. Р. Р. Муртазина. М. : Класс, 2000. 240 с.
8. Субботский Е. В. Ребенок открывает мир : книга для воспитателя детского сада. М. : Просвещение, 1991. 207 с.
9. Хозиев В.Б., Ляскович А.В. Гэмблинг и патогенез личности в виртуальном сетевом пространстве // Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 195–207.
10. Эльконин Д. Б. Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков // Вестник практической психологии образования. 2012. Т. 9, № 4. С. 73–75. URL: <https://psyjournals.ru/vestnikPsyobr/2012/n4/Elkonin.shtml> (дата обращения: 13.09.2022).
11. Эльконин Д.Б. Психология игры. М.: Педагогика, 1978. 304 с.
12. Якобсон С.Г. Психологические проблемы этического развития детей. М. : Педагогика, 1987. 144 с.

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В ЭПОХУ ВИРТУАЛЬНОСТИ

УДК 32.43

Р. Г. Ардашев, *Красноярск*

Кино как источник формирования иррационального сознания россиян

Рассматривается процесс формирования иррационального сознания россиян через воздействие СМИ и кино. Приводятся результаты экспресс-опроса, позволившего выявить основные формы конструирования иррационального сознания, а также определяются причины развития иррациональности (новые технологии, новые стили и способы мышления, новые технические возможности), которые наступают значительно быстрее, чем может освоить сознание современников на рациональном уровне, поэтому включаются иррациональные способы интерпретации и объяснения происходящих событий, а образы киногероев и информация поступающая из СМИ закрепляет их через тиражирование инфоповодов.

Ключевые слова: иррациональность, сознание, СМИ, кино, иррациональные стратегии

R. G. Ardashev, Krasnoyarsk

The cinema as sources for the formation of the irrational consciousness of Russians

The article deals with the process of formation of the irrational consciousness of Russians through the influence of the media and cinema. The results of an express survey are given, which made it possible to identify the main forms of constructing irrational consciousness, and also determine the reasons for the development of irrationality (new technologies, new styles and ways of thinking, new technical capabilities), which occur much faster than the consciousness of contemporaries can master at a rational level, therefore irrational ways of interpreting and explaining current events are included, and the images of movie characters and information coming from the media reinforce them through the replication of newsworthy events.

Keywords: irrationality, consciousness, media, cinema, irrational strategies

В современном мире СМИ и кино формируют идеальные образы современников, определяют то, к чему стремятся миллионы зрителей, формируют ценностные и мировоззренческие установки. В то же время определяются социальные стратегии и жизненные ориентации, жизненные траектории россиян, которые не всегда строятся на рациональной основе, а зачастую опираются на иррациональные оценки, суждения и стремления. Например, выбор в любом вопросе (о месте жительства, работе, вы-

боре партнера) строится не на объективной оценке и осознаваемом выборе, а на основе астрологического прогноза, гадания, снов, теорий заговора и т. д. Все это указывает на укрепление в массовом сознании иррациональных символов, которые формируются, а в последующем и закрепляются через информационные ленты СМИ и собирательные образы, и конкретные ситуации в фильмах.

Автором в разных публикациях рассматривались разнообразные формы изменения общественного сознания под влиянием СМИ и фильмов, роли виртуализации в иррационализации мышления и сознания соотечественников, изменениях их повседневных практик и представлений о том, как и зачем стоит жить [1–14], а также изменения представлений о деятельности правоохранительных органов через СМИ, кино и литературу в совместных работах с Т. Т. Шамурзаевым [17; 18]. Различные стратегии социальной идентичности общественного сознания, которые формируются через патриотический кинематограф отражены в исследованиях Р. В. Иванова и О. А. Полюшкевич [15; 16]. Это позволяет судить о том, что проведенные ранее мной и коллегами исследования строятся по принципу социального воздействия через информационные вербальные, невербальные и визуальные символы. Зачастую это воздействие изначально искажено и поэтому мы чаще вынуждены говорить об иррациональных формах социального изменения, а не о рациональном, взвешенном подходе к жизни.

Мы провели экспресс-опрос россиян (на платформе www.google.com, в котором приняло участие 860 чел. в возрасте от 18 до 75 лет, 55 % женщин и 45 % мужчин, проживающих в разных округах РФ), на тему «Наиболее ярких символов и героев, которые запомнились в кино и СМИ за последнее время»). Вопросы строились по открытому типу, поэтому, респонденты ничем и никем не были ограничены.

В таблице представлены наиболее часто встречающиеся образы, персонажи и ситуации, которые указывают на усиление иррациональных форм и стратегий развития сознания.

Респонденты также давали следующие комментарии о том, почему формируется иррациональность сознания в последние годы. Они указывали на новые технологии, новые стили и способы мышления, и новые технические возможности, которые меняют повседневный быт и уклад жизни, что приводит к тому, что формируется новое сознание и новое мышление. Фильмы и СМИ это косвенно подтверждает, через поведение ключевых героев кинолент и информационных источников.

Таблица

Иррациональные формы развития сознания через СМИ и кино (в %)

Форма	Пример	%
Стереотипы (о женщинах/ мужчинах, профессиях, досуге и т. д.)	<i>Женское поведение как пример для подражания отражается в разных фильмах, например «Секс в большом городе», «Влюбленные женщины», «Дьявол носит Прадо» и т. д. Мужское поведение и выбор профессии строится на образах в сериалах «Измена», «Миллиарды» и прочих. Это все стереотипы восприятия – как надо, но не факт, что ты или твой сосед когда-нибудь так смогут</i>	32,2
Будущее можно узнать при помощи мистики, гадания или астропрогноза	<i>«Седьмая руна» – фильм, указавший на перемены в моей жизни. Он указал Как смотреть, чтобы Видеть, что надо делать. «Гадание при свечах» – фильм замечательный, указывающий на то, что важно и дорого и что все самое важное для нас уже предрешено при нашем рождении. «Гороскоп на удачу» фильм о поворотах судьбы, где звезды все решают за нас. Но и в жизни – все за нас решено</i>	24,9
Сны как способы видения иной реальности, влияющей на нашу	<i>«Пиджак» стал фильмом о новой жизни для меня и со мной. Это фильм перевернувший мой мир раз и навсегда. «Астрал» – это фильм о выходе на новый уровень понимания себя и мира, и принятия того, что в мире нет рационального, все только на интуитивном опыте строится. «Стертая реальность» – фильм об открытии себя и разрешения себе быть самим собой. Фильм, меняющий душу на истинное зерно, что есть внутри мира и каждого из нас. «Начало» – фильм трансформации мышления, как на что и кто может повлиять, чтобы все было не таким, каким кажется. Это фильм о новом способе мышления, о новом способе жизни</i>	23,4
О теориях заговора	<i>«Игры патриотов» – о тех, кто руководит миром и тех, кто исполняет их приказы. «Идентификация Борна» – фильм о герое, который знает только свое дело, даже забыв о том, кто он есть сам. «Джек Райн» – фильм о истинности, о истинных ценностях, вне политики и долга, но во власти человечности и чести</i>	19,5

Новые технологии. Новые технологии заставляют мыслить иначе, выстраивать повседневное пространство иначе, а поведение героев в фильмах показывает, как ими пользоваться, упрощая и делая более разнообразной свою жизнь.

Благодаря техническим достижениям жизнь становится более простой в обыденном плане не надо тратить время на стирку, готовку, мытье посуды или дома. Но появляется дополнительная нагрузка в тех сфе-

рах, что отвечают за досуг, образование, работу. Происходит перераспределение времени – на что мы его тратим, чтобы обеспечить свою жизнь. (Т. А., директор научного центра, доктор медицинских наук, 68 лет).

Новые технологии – это прорыв мышления, это жизнь по новым правилам, это готовность создавать мир мечты. Время схлapyвается. То, на что уходили столетия ранее, сегодня происходит за несколько лет, а это означает ускорение мышления, ускорение образа жизни, и новые технологии – это символы (результаты) этой новой жизни. (Т. Ю., управляющий холдинга, 46 лет).

Новые стили и способы мышления. По-новому люди начинают мыслить, когда их обыденное пространство наполняется теми вещами, которых не было у их родителей и прародителей. Внешние условия определяют рамки новые рамки мышления, где персонажи фильмов выступают новаторами и образцами для поведения. Новые технические возможности предлагают альтернативные способы научения, освоения в новых условиях, социализации, которая определяет личные и социальные условия развития потенциала.

Научно-технический прогресс привел к тому, что нас окружает та реальность, которая серьезно отличается от той, в которой выросли наши родители. Это порождает новые мысли, символы, задачи, определяет то, к чему стремятся миллионы людей. Результатом этого становится новая социальная реальность, в которой мы выбираем тот стиль и способ жизни, который наиболее лаконично вписывается в наши представления о развитии. (С. В., доктор философских наук, профессор, 57 лет).

Современный мир дает нам карт-бланш для формирования альтернативных стилей мышления, для развития человека нового тысячелетия. Новая реальность не формируется самостоятельно, только через личный выбор каждого из нас, который сливается с параллельным выбором современников, который строится не на канонах прошлых времен, а опирается на новые реалии и формы жизни. (В. А., практикующий психолог, психотерапевт, 56 лет).

Все это позволяет говорить о том, что иррациональность сознания строится на предыдущем опыте. И если он был для большей части населения условным, прикрытым другими родственниками, то для небольшой, но весьма воинственной группы он стал единственным вариантом выжить и отстаивать свои интересы. В целом благодаря фильмам и СМИ адаптация к новым условиям жизни становится более быстрой и качественной, так как через яркие образы быстрее запоминается стратегия нового формата поведения и адаптации в новых условиях жизни, принятие результатов научно-технического прогресса как в бытовой, так и в про-

фессиональной жизни. Фильмы все чаще закрепляют иррациональные образы и стратегии восприятия реальности и тем самым меняют изначальные социальные условия общественного воспроизводства.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Иррационализация массового сознания и СМИ // ЛОМОНОСОВ-2022 : материалы Междунар. молодеж. науч. форума / отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, Е. И. Зимакова. М. : МАКС Пресс, 2022. С. 1–5.
2. Ардашев Р. Г. COVID-19: влияние конспирологических теорий на качество жизни россиян // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России. Всероссийская научная конференция с междунар. участием : сб. материалов / МГУ им. М. В. Ломоносова. М. : Макс-Пресс, 2020. С. 140–142.
3. Ардашев Р. Г. Аффект через призму общественных настроений // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2021. № 12. С. 85–90.
4. Ардашев Р. Г. Воздействие на сознание: СМИ и политическая пропаганда // Телекоммуникационные технологии: Актуализация и решение проблем подготовки высококвалифицированных кадров в современных условиях. Хабаровск : ХГУКИ, 2020. С. 862–868.
5. Ардашев Р. Г. Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания // Социология. 2021. № 3. С. 53–61.
6. Ардашев Р. Г. Иррациональное мышление: коронавирус как теория заговора // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы V Междунар. науч.-практ. интернет-конф. : в 2 ч. Вологда : ВолРАН, 2020. С. 205–209.
7. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания: анализ повседневных практик // В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 112–115.
8. Ардашев Р. Г. Конспирологические теории в период пандемии: эффекты сознания // Социология. 2021. № 5. С. 74–81.
9. Ардашев Р. Г. Конфликт иррациональности сознания современного человека // Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке : сб. материалов XIV Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения – 2020». М. : Макс-Пресс, 2020. С. 13–15.
10. Ардашев Р. Г. Распространение конспирологических теорий под влиянием виртуализации // Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 9–12.
11. Ардашев Р. Г. Стигматизированные стратегии иррационального мышления: конспирологические теории и их адепты // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 100–103.
12. Ардашев Р. Г. Теории заговора в общественном мнении россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 1 (42). С. 145–154.
13. Ардашев Р. Г. Угрозы духовной безопасности в цифровую эпоху // Гуманитарное знание и духовная безопасность : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. Грозный ; Махачкала : ГГУ, 2020. С. 9–13.
14. Ардашев Р. Г. Феноменология рационального и иррационального мышления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21. № 2. С. 120–124.
15. Иванов Р. В., Полошкевич О. А. Патриотизм и идентичность в современных российских фильмах // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. Т. 18. С. 44–55.
16. Полошкевич О. А. Новая идентичность в современном патриотическом кинематографе // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 2. С. 192–202.
17. Шамурзаев Т. Т., Ардашев Р. Г. Архивное выявление ложной информации о работе спецслужб в литературе, кино и СМИ // Закон и право. 2022. № 4. С. 222–224.
18. Шамурзаев Т. Т., Ардашев Р. Г. Ложная информация о работе спецслужб, встречающаяся в литературе, кино и СМИ // Евразийский юридический журнал. 2022. № 2 (165). С. 87–89.

УДК 37.091.3.82 (045)

Е. А. Жиндеева, *Саранск*

Художественный текст как виртуальный аналог реальной действительности: специфика аналитической работы

Статья посвящена рассмотрению художественного текста как способа передачи авторских впечатлений от действительности, на основе которых воспроизводится виртуальный образец мира, читательское восприятие которого может различаться с писательскими замыслами. Для подтверждения своих наблюдений предложен анализ романа В. Гюго «Человек, который смеется» как образца зарубежной литературы, что требует от российского читателя дополнительного информационного поля как основы аналитической информации. Обозначено, что виртуализация механизма чтения в таких случаях предполагает воспроизведение не только истории создания текста, владения историко-литературными постулатами, но и способности использования полученных знаний для создания и восприятия действительности в режиме понимания предложенного мироустройства. В результате сделан вывод о механизме обязательной визуализации читателем художественного текста как способе «присваивания» понимания действительности.

Ключевые слова: действительность, визуализация, виртуальная реальность

Е. А. Zhindeeva, *Saransk*

Literary text as a virtual analogue of real reality: The specifics of analytical work

The article is devoted to the consideration of the literary text as a way to convey the author's impressions of reality, on the basis of which a virtual sample of the world is reproduced, the reader's perception of which may differ from the writer's intentions. To confirm our observations, we offered an analysis of the novel by V. Hugo «The Man Who Laughs» as an example of foreign literature. At the same time, such an analogue requires, in our opinion, from the Russian reader an additional information field as the basis of analytical information. Virtualization of the reading mechanism in such cases involves the reproduction of not only the history of the creation of the text, the possession of historical and literary postulates, but also the ability to use the knowledge gained to create and perceive reality in the mode of understanding the proposed world order. As a result of our observations, we came to the conclusion about the mechanism of mandatory visualization by the reader of a literary text as a way of «appropriating» the understanding of reality.

Keywords: reality, visualization, virtual reality

Все художественные произведения – это попытка моделирования реальной действительности такой, какой ее представляет себе писатель и которую намерен представить читателю. Уже само по себе явление действительности в художественном тексте относительно и связано с возможностью автора передать узнаваемые читателем события, для более правдоподобного эффекта используя исторические факты, описание личностей, понятную читателю гамму чувств. То есть основной задачей автора произведения становится создание правдоподобного мироустройства, перенос собственного реального в сферу ирреального, виртуального.

Как способа передачи авторских впечатлений от действительности, художественный текст всегда уникален, даже если речь идет об использовании интертекстуального кода. Виртуальное же его существование настолько же универсально, насколько и индивидуально. Ведь воспроизводимая модель действительности обязана быть настолько же узнаваема

массовым потребителем интеллектуального продукта (в нашем случае – читателя), насколько и способна отображать уникальную судьбу героев, сопоставимую с жизнью читателя. Это, с одной стороны, позволят при «присваивании» сюжета и героев быть читателю максимально близкими к ним, а героям художественного текста сохранить свою индивидуальность.

Заблуждение реальности уникально подходит практически всем многим литературным текстам, чего нельзя найти ни в одной другой форме общественного сознания. Реальная действительность строится на описании достоверного и реально произошедшего, связях между событиями. создаются условия переживания героем жизненных трудностей, которые заставляют читателя задуматься о его проблемах. Читатель оказывается втянут в разворачиваемую историю, происходит виртуальное единение его и писателя, таинство которого, на наш взгляд, именно в том, что данный процесс не зависит от количества прочтений художественного произведения.

Подробнее иллюстрируя наши умозаключения, обратимся к механизму перехода реального текста в зону сотрудничества писателя и читателя – виртуальное пространство восприятия и принятия литературного произведения. Для этого мы выбрали текст В. Гюго «Человек, который смеется». Причин для такого выбора множество. Во-первых, это образец зарубежной литературы, что лишает возможности говорить о генетической памяти воспроизведения действительности изображаемого автором времени. Во-вторых, это на сегодняшний момент один из тех художественных текстов, который маркирует читателя как непрофана, поскольку не является объектом интереса наивного читателя. Более того, любой образец зарубежной литературы, попавший в поле зрения современного читателя, заставляет активизировать его дополнительные знания по истории страны и ее литературы, или, в противном случае, сам становится источником такой информации для своего читателя.

Одним из художественных принципов В. Гюго является демонстрация общественной жизни, разоблачение душевной личности, изображение действительности в ее резких контрастах. Одной из особенностей своего творчества автор «считал то, что оно открыло широкую дорогу гротеску. Другая важная черта – антитеза в искусстве, призванная отражать контрасты самой действительности, в первую очередь противоположность плоти и духа, зла и добра» [2, с. 67] дает определенный ключ в визуализировании читателем предлагаемой автором информации.

Реальная действительность для Гюго в анализируемом произведении расходится на два противоположных лагеря. Он не воспринимает промежуточные явления между этими крайностями. В его размышлениях мы наблюдаем конкретное и безапелляционное противопоставление, кото-

рое вынужден принять читателя для того, чтобы понять литературный образ: счастье и беда, правда и ложь, благо и зло и т. п. В произведении «Человек, который смеется» контрасты и антитезы – любви и ненависти, красоты и уродства являются основой диполяризации яви и чувств.

Портрет Гуинплена, главного героя произведения, а, следовательно, и объекта особого интереса автора и читателя, отображает воздействие на личность всех нюансов действительности и является основой моделирования реальности в произведении. Автор переносит читателя постоянно и намеренно в ситуации самые трагичные, в которых по приказу короля человека уродуют, и он становится жертвой социально-этического зла. Выбор обличения не было желанием самого героя, он становится игрушкой в определенных ситуациях. Гуинпен – «ребенком, был уже предназначен служить игрушкой для прихоти взрослых, – это обыденное английское явление того века, которое имеет одно из центральных мест в истории этой страны» [2, с. 67]. Распутство человека, в самом ужасном смысле этого слова, можно наблюдать и в наши дни, также об этом снят фильм режиссера Дмитрия Астрахана «Детки».

Уродство Гуинплена нужно писателю для передачи целой эпохи Англии, когда социальное и политическое неравенство было в большей степени обострено. Этим Гюго отображает антитезу реальной действительности, где красота противопоставлена обману и несправедливости, душа – миру и спокойствию.

Реальная действительность в произведении отображается через призму этических, политических, социальных пороков и пристрастий, которые ставят перед выбором, не только главного героя, но и читателя, способного соблазниться на любое распутство.

В этом романе Гюго переносит читателя из своей родной Франции XIX в. в Англию XVII в. Таким образом, автор хочет изобразить место действия как средство отстранения от нюансов исторической эпохи, создавая претендент «иностранец-автор о социальном зле другой страны, схожем с его миропорядком». Автор повествует об исторических фактах того времени, которые проявляются в примере с компрачикасами способными, не только продавать детей, но и уродовать их, либо ради своей забавы, либо по приказу высокопоставленных чинов. Рассуждения писателя затрагивают все факторы социально-экономического общественного строя Англии, которое, по мнению Гюго, «не имел особого развития в своем процессе» [3, с. 432], т. е. типично для Западной Европы. И только современный читатель способен оценить, как прав автор, как актуально его произведение и сегодня.

Рассматривая в Гуинплене не только игрушку компрочикасов, автор дает ему второе наполнение действительности. Через главного героя мы наблюдаем в произведении политическую неравность обычных людей с

социально-статусными лицами, которая позволяет погрузиться в роман с полным осознанием жизненной реальности. Автор погружает в мир полнейшей несправедливой Англии, где порядки и законы все на стороне олигархии. «Мир не имеет моральных устоев, все построено на антитезе» [2, с. 45].

Такая действительность изображена в романе В. Гюго: жестокая, беспощадная, несправедливая, но реальная. Гуинплен, познавший вкус высшего общества, был поражен низостью и предательством со стороны аристократии. Истинным счастьем для него была любовь к Дее, которая олицетворяла совокупность самых светлых и добрых качеств, полностью противоположных светскому обществу. В итоге мы видим, что таким людям, как Геинплен и Дея сложно находится, а тем более сопротивляться социальным несправедливостям и находится в одном обществе с ними. Смерть главных героев заканчивает вместе с тем и их отношения на земле, которые не имели никого телесного развития, но устремившись в божественный мир, они снова соединятся и будут уже навсегда любить друг друга.

В силу специфики литературного произведения читатель воспринимает его через призму наивно-реалистического отношения к изображенным в нем людям и событиям. Он всегда переживает за своего героя, и события, происходящие с персонажем произведения, воспринимаются как действительно случившиеся. Иллюзия реальности, воспроизводимая виртуальная калька произведения, некая картинка происходящего в литературном произведении является залогом успешного литературного текста, где виртуализируясь, жизнь героев воспринимается как настоящая, что в совокупности влияет на конечное восприятие всего текста.

Литература

1. Гюго В. Человек, который смеется / пер. Б. К. Лившиц. М. : Юрайт, 2021. 529 с.
2. Жеребин А. И. Абсолютная реальность. «Молодая Вена» и русская литература. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=73389> (дата обращения: 13.08.2022).
3. Манкевич И. А. Поэтика обыкновенного. Опыт культурологической интерпретации. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=82912> (дата обращения: 13.08.2022).
4. Менегетти А. Образ и бессознательное : учеб. пособие по интерпретации образов и сновидений. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=472747> (дата обращения: 13.08.2022).
5. Мирошников О. А., Разбеглова Т. П. Целеполагающий субъект: мифы и реалии. Симферополь : АРИАЛ, 2019. 280 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=568463> (дата обращения: 13.08.2022).
6. Соколов М. Н. Бытовые образы в западноевропейской живописи XV–XVII века. Реальность и символика. М. : Изобразит. искусство, 1994. 290 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=71352> (дата обращения: 13.08.2022).

УДК 655.533:78.024.1:303.643.23

Ю. С. Куличкова, *Владивосток*

Морфология визуального языка у персонажей японской манги

Рассмотрены особенности морфологии визуального языка японской манги. Дан обзор исследований визуального языка комиксов. Предмет исследования ограничен мангой сенен и седзе. Показаны графические средства выражения эмоций персонажей. Отмечена роль фона в манге.

Ключевые слова: японская манга, визуальный язык, морфология визуального языка, комиксы

Yu. S. Kulichkova, *Vladivostok*

Morphology of visual language in Japanese manga characters

The report describes the features of the morphology of the visual language of Japanese manga. A review of studies of the visual language of comics is given. The subject of consideration is limited to the manga senen and shojo. The graphic means of expressing the emotions of the characters are shown. The role of the background in the manga is noted.

Keywords: japanese manga, visual language, morphology of visual language, comics

Информационное поле современных медиа во многом связано с расширением визуального контента. Одно из популярных направлений – это комиксы, в частности японская манга.

Люди используют шаблонные способы общения в визуально-графической форме (т. е. рисование) так же, как и в вербальной форме (т. е. речь). Однако между этими модальностями существует терминологический разрыв в отношении используемой в этом процессе системы: в речи мы используем разговорный язык, а для языка изображений существует понятие «визуального языка» [3].

В той мере, в какой люди могут иметь одни и те же когнитивные модели, можно сказать, что они рисуют на общем визуальном языке. Визуальные языки не универсальны, и поэтому они могут различаться в разных культурах.

Большая часть манги создана на визуальном языке, используемом в Японии. Японский визуальный язык описывает систему изобразительного общения, используемую людьми, которая находит свое отражение в манге независимо от того, создана ли она в Японии или других странах. Таким образом манга – это социокультурный артефакт, который не обязательно может создаваться исключительно на японском визуальном языке.

В работе [4] были описаны и классифицированы 73 условные графические схемы в японской манге, показаны различия в визуальной морфологии между жанрами сенэн-манга (комиксы для мальчиков) и седзе-манга (комиксы для девочек).

Элементы манги можно условно разделить на классы открытого и закрытого типов. Элементы открытого класса часто включают в себя способности, которыми авторы рисуют фигуры персонажей и части тела, поскольку эти элементы потенциально изменчивы, и при необходимости можно легко создать новые шаблоны (например, когда у персонажа есть атрибут, для которого у рисовальщика нет данных). Лексические единицы закрытого класса создать гораздо труднее, поскольку они часто опираются на условные значения, которые недоступны без знания того, что они означают, например кровавые носы означают вождение (иколическое изображение с символическим значением).

На рисунке представлены примеры морфологии визуального языка у персонажей японской манги [4]

Наиболее простым и распространенным способом объединения визуальных морфем, когда одна морфема (аффикс) присоединяется к другой, более доминирующей морфеме (корень) является аффиксация [3; 5]. Ясным аффиксом могут быть «носители», которые содержат текст, речевые выноски, мыслительные пузыри, подписи и звуковые эффекты [3; 4; 6]. Например в японской манге – это восходящие, не имеющие четких границ линии, изображающие смех, или воздушные шары с текстом реплик, которые выглядят как миниатюрные облака для изображения тяжелого дыхания.

Другой класс аффиксов – это визуальные морфемы, парящие над головой персонажа [4; 7]. Здесь визуальный язык японской манги использует такие элементы, как сердечки, восклицательные и вопросительные знаки. Иногда эти аффиксы помещают в носители, которые выглядят как речевые выноски, хотя они не представляют речь. Другие усиления выразительности включают пар, который выглядит как клубы дыма для гнева или разочарования, или линии тепла для гнева, наклонные линии для раздражения.

Помимо морфем над головой, аффиксы в прикрепляются к другим частям головы и лица. Например, некоторые морфемы появляются на лбах или головах персонажей, например, стилизованная вена для обозначения гнева [13], одна огромная капля пота для обозначения беспокойства, капли пота, окружающие голову, или вертикальные тени на голове, чтобы показать мрачность. Носы также заметны: окровавленные носы символизируют вождение, гигантский пузырь из носа указывает на сон, а пар может выходить из носа, как дым. У рта также есть ряд морфем, таких как ярко выраженная слюна, грибовидный клуб дыма, исходящий из рта в знак облегчения, и огонь, извергающийся из рта, чтобы показать гнев. Некоторые морфемы также появляются рядом с глазами, например, искра или полуйскра, появляющиеся рядом с глазами, чтобы пока-

зять внимание, подобно линиям, которые могут привлечь внимание к глазам персонажей [4]. Рядом с глазами персонажей, всем их лицом и даже вокруг всего тела может появляться белое «свечение» на черном фоне.

Рис. Примеры морфологии визуального языка у персонажей японской манги [4]:
 1 – вождение; 2 – сон; 3 – злость или раздражение; 4 – грязные мысли; 5 – шок или раздражение; 6 – гнев; 7 – облегчение; 8 – волнение; 9 – шалость; 10 – выпрашивание; 11 – пристальный взгляд; 12 – плач; 13 – шок; 14 – потеря контроля над собой; 15 – сверхдеформация туловища (стиль Чиби)

Наконец, некоторые аффиксы, связанные с эмоциями, используют весьма схематические изображения знаковых явлений. Например, в отличие от гигантской единственной капли пота на лбу, у персонажей может быть несколько капель пота на лице, чтобы показать тревогу. Вертикальные линии, спускающиеся от глаз, показывают полосы слез, а маленькие пузырьки в уголках глаз изображают персонажа, готового расплакаться. В японской манге также обычно использует очень стилизованное изображение румянца на щеках для смущения, которое может простирается через отсутствующий нос до полного румянца на лице. На лице могут возникать другие затенения, которые не являются знаковыми: тени или затенения могут возникать на всем лице, над глазами, вокруг глаз или под глазами, чтобы показать чувство обреченности, удивления или беспокойства. Это затенение не имеет ничего общего с реальными источниками света, а связаны с персонажем.

Визуальные морфемы могут создавать новое значение. В манге *Azumanga Daioh*, где персонажи теряют физический контроль над своим телом, их руки превращаются в обрубки, когда они злятся. Подобное оцепенение происходит с ногами другого персонажа, когда он становится вне себя от радости. Авторы утверждают, что эти дополнения относятся к метафоре: потеря руки это потеря контроля. Для обозначения «невысокий/маленький человек/ребенок» часто используется супердеформация или внезапное преобразование персонажа в стиль чиби (рис., 1–16). Здесь графический стиль фигуры меняется с ее обычного представления на чрезвычайно мультяшный стиль, указывающий на состояние переполняющих эмоций. Супердеформации могут подвергаться как целые фигуры, так и только их части (обычно лицо). Реже, в моменты смущения или подавления эмоций, фигура превращается в бумагу и улетает.

Для передачи эмоций персонажи также приобретают анималистические черты. У особо похотливых мужчин появляются длинные верхние губы, напоминающие обезьяньи, во рту у разгневанных людей появляются заостренные звериные зубы, а у озорных персонажей появляется кошачий рот, иногда сопровождающий прикрепление кошачьих ушей (рис., 1–9). Аналогичное изображение используется для позы на задних лапах собаки-попрошайки (рис., 1–10), с пририсованными к голове собачьими ушами.

Другие распространенные дополнения включают схематические способы рисования символов. Фигурки могут принять особую трясущую позу с поднятыми руками и выгибанием спины в сторону от предмета, вызывающего удивление. Точно так же фигуры могут также принимать форму и изображение знаменитой картины Эдварда Мунка «Крик», когда они чем-то сильно поражены. В этих случаях все тело заменяется этой позой, чтобы передать идею шока.

В некоторых случаях глаза персонажей также заменяют такими элементами, как знаки доллара, сердца или звезды, чтобы передать какое-то дополнительное значение, выходящее за рамки диапазона, предоставляемого различными типами знаковых схем глаз, которые могут включать широко раскрытые глаза, узкие глаза и т. д. В японской манге для передачи значения используют множество вариаций глаз, например сердца или завитки, как в американских и европейских визуальных языках. Другие манипуляции с глазами включают в себя грубо нарисованные круги, черные точки, глаза-пузыри, светящиеся глаза (окруженные заштрихованной верхней частью головы) или замену глаз формой: > <. Глаза также можно оставить пустыми или полностью стереть. Аналогичные действия происходят и со зрачками: они либо сужаются, либо опускаются.

Некоторые действия с телом можно условно отнести к категории дополнений, поскольку они заменяют части тела, увеличивая их. Например, уши могут вырасти до ненормального размера, чтобы показать, что персонаж слушает далекий разговор, или рты могут стать больше, чем все лицо, часто, когда персонаж потрясен. Более сильное увеличение происходит в форме гигантской кричащей головы, когда голова персонажа увеличивается до огромных размеров – больше, чем все тело – чтобы кричать на кого-то другого, когда он особенно зол. Это вызывает метафору гнев – это кипящая жидкость в герметично закрытом сосуде. Такая метафора, появляется в визуальной морфологии комиксов разных культур [8; 13]. Эти приемы не столько заменяют другие морфемы, сколько гиперболизируют их.

Значение также может изменяться за счет повторения морфем. В графической форме это обычно происходит, когда части тела или целые фигуры повторяются, чтобы показать изменение действия в одном изображении. В японском визуальном языке, например, персонаж с двумя головами, который претерпевает какое-то быстрое изменение эмоционального состояния, двоится или отчаянно трясет руками вверх и вниз.

В манге, чтобы передать эмоциональное состояние персонажей, часто используются шаблонные способы рисования фона сцены [1; 13; 14]. Как и многие визуальные морфемы, эти схемы требуют определенного опыта работы с мангой, чтобы их можно было понять [9; 11; 12]. Эти репрезентации нелегко классифицировать как морфемы в том смысле, что они представляют собой определенную сфокусированную схему (например сердечки или капли пота), но они представляют собой шаблонные связи формы и значения, неоднократно используемые в книгах в определенных контекстах. Они также не имеют аналога с морфологическими процессами в других типах языков, являясь гранью визуальных аспектов представления сцены.

Есть несколько последовательных предпосылок, связанных с эмоциями. Самые простые – это когда фон полностью черный, а все содержимое, включая символы, закрашено серым цветом или когда только основной символ закрашен серым, а фона нет. Другие изображения, расширяют морфемы, которые также могут применяться к телам персонажей, например, сердца на заднем плане или вертикальные линии, изображающие мрак. Схематические фоны также могут изображаться нечеткими кругами, блестками или волнистыми линиями.

Некоторые фоны включают элементы природы или погоды, например, лепестки цветов символизируют радость или любовь, а огонь, молния или туман символизируют гнев [13]. Эти фоны вызывают метафорическую схему эмоции – природная стихия, окружающая человека [13], тем самым связывая эмоциональную силу, связанную со стихией, с эмоциями персонажей. Например, буря интерпретируется как бурные эмоции.

Из вышесказанного следует, что визуальные морфемы жанров манги: сенэн (для мальчиков) и седзе (для девочек) являются частью более широкого абстрактного японского визуального языка, общего для этих систем.

В рассмотренных случаях только седзе-манга использовала например раскрасневшееся лицо, трясущуюся позу, гигантское ухо, светящиеся глаза. В сенэн-манге использовались гигантская кричащая голова, окровавленные носы, гигантские зубы и линии тепла. При этом, данные визуальные морфемы не ограничены только этими жанрами. Но некоторые визуальные морфемы использовались в каждом жанре отчетливо чаще, и эти репрезентации оказались характерными для этого жанра. Например, фон в манге седзе с использованием цветов, блесток или размытых кругов тесно связан с эстетикой манги седзе. Это также относится к супердеформированному стилю чиби и румянцу на щеках персонажей. Эти морфемы очень характерны для стиля, связанного с седзе-мангой. Для сенэн-манги были характерны морфемы, связанные с вождением (кровавый нос), капризностью (линии уныния, тень на лице, черный фон), гневом (острые зубы, гигантская кричащая голова) и действием (линии масштабирования). Седзе-манга характеризовалась смущением (румянец, румянец), подавляющими эмоциями (чиби) и радостью (блестки, лепестки цветов). Таким образом, эмоциональное содержание морфем, используемых отдельными жанрами, также отражает ожидаемую эмоциональную тематику этих произведений.

В перспективе, расширение исследований рассмотренных вопросов следует вывести за рамки морфем, передающих только эмоции (таких как различные типы линий движения, носителей и т. д.). Изучение различных лексиконов визуальных языков и того, как они пересекаются друг с другом, может стать важным аспектом кросс-культурного исследования.

Литература

1. Brenner R. E. *Understanding Manga and Anime*. Libraries Unlimited, Westport, CT, 2007.
2. Cohn N. Beyond speech balloons and thought bubbles: the integration of text and image // *Semiotica*. 2013. Vol. 197. P. 35–63.
3. Cohn N. *The Visual Language of Comics: Introduction to the Structure and Cognition of Sequential Images*. Bloomsbury, London, UK, 2013/
4. Cohn N., Ehly Sean. The vocabulary of manga: Visual morphology in dialects of Japanese Visual Language // *Journal of Pragmatics*. 2016. Vol. 92. P. 17–29
5. Engelhardt Yu. *The Language of Graphics* (Doctoral Dissertation). FGw/FNWI: Institute for Logic, Language and Computation, University of Amsterdam, 2002.
6. Forceville Ch., Veale T., Feyaerts K. Balloonic: the visuals of balloons in comics // *The Rise and Reason of Comics and Graphic Literature: Critical Essays on the Form* / Goggin J., Hassler-Forest D. (eds.). McFarland & Company, Inc., Jefferson, 2010.
7. Forceville Ch. Pictorial runes in Tintin and the Picaros // *J. Pragmat.* 2011. Vol. 43. P. 875–890.
8. Forceville Ch. Visual representations of the idealized cognitive model of anger in the Asterix album *La Zizanie* // *J. Pragmat.* 2005. Vol. 37, N 1. P. 69–88.
9. Kikuchi T., Yoshida F., Yagi Y. Effects of pattern and color of back lines on mood expression in Manga // *Proceedings of Annual Conference of 69th Japanese Psychological Association*. 2005. P. 607.
10. Manga Morphology. URL: <https://www.visuallanguagelab.com/jvl/> (дата обращения: 01.09.2022).
11. Murata N. The effects of expertization reading manga notations // *Sci. Read*. 1994. Vol. 38. P. 48–57.
12. Nakazawa Jun. The development of manga panel reading literacy. *Manga Stud*. 2005. 6–8.
13. Shinohara K., Matsunaka Y. Pictorial metaphors of emotion in Japanese comics // *Multi-modal Metaphor*. Mouton De Gruyter / Forceville Ch., Urios-Aparisi E. (eds.). New York, 2009. P. 265–293.
14. Sakurai S., Narumi T., Tanikawa T., Hirose M. Augmented emotion by superimposing depiction in comics // *Proceedings of the 8th International Conference on Advances in Computer Entertainment Technology*. 2011.

УДК 130.2

Е. В. Махаринская, *Санкт-Петербург*

Иконография виртуальных кладбищ в современных онлайн-пространствах

Исследуется феномен виртуальных кладбищ на основе композиционного и контент-анализа отобранных тематических сайтов с целью категоризировать и выявить их общие паттерны. Описана иконография наиболее популярных зарубежных и российских интернет-кладбищ и их особенности. Феномен цифровых кладбищ рассмотрен с точки зрения поминальных ритуалов. Исследование является частью изучения феномена цифрового посмертия (digital afterlife).

Ключевые слова: интернет, ритуалы, культурные практики, интернет-практики, цифровая смерть

E. V. Makharinskaia, *Saint Petersburg*

Virtual cemeteries' iconography in modern online spaces

This article describes the phenomenon of virtual cemeteries and studies their iconography. The study is based on the compositional and content analysis of selected thematic sites in order to categorise them and identify common patterns. It describes the iconography of the most popular foreign and Russian Internet cemeteries and their features. The article analyses the phenomenon of digital cemeteries

from the point of view of memorial rituals. The article is a part of the study of the digital afterlife phenomenon.

Keywords: Internet, rituals, cultural practises, web practises, digital death

В 2009 г. «Фейсбук»³ впервые представил пользователям функцию мемориализации аккаунта [29], ставшую началом непрекращающегося процесса диджитализации связанных со смертью практик, который продолжается и по сей день. Перенос в виртуальное пространство явлений, которые раньше представлялись исключительно в рамках физической реальности, также ускорился за счёт развернувшейся в 2020–2022 гг. пандемии коронавируса, которая вынудила переместить большую часть процессов в онлайн-пространство. Благодаря этому в настоящее время можно наблюдать активное возникновение связанных с цифровой смертью (digital death) и ее сегментом – digital afterlife (цифровым посмертием) – ритуалов, которые постепенно начинают сформировывать паттерны, потенциально способные создать его иконографию. В настоящий момент большинство проведенных последовательных исследований проблематики цифровой смерти носят кейсовый, а потому разрозненный характер (к примеру, исследования Михаэля Арнольда и др. [13], Дженнифер Сайфер [12], Келли Льюис [20] и др.). Между тем исследование, центрированное на проблематизации и обобщении феномена иконографии практик, связанных с цифровой смертью, необходимо и актуально, в том числе и в связи с с нехваткой системных исследований на русском языке по теме иконографии цифровой смерти. Данная статья посвящена анализу одного из ее сегментов, который является самым старейшим проявлением digital afterlife, – виртуальных кладбищ.

Цифровые кладбища – это тот аспект диджитал-смерти, который одинаково существует и в западном, и на российском интернет-пространстве и в целом является общемировым феноменом. Следует отметить, что совокупную иконографию не– русскоязычных, русскоязычных и англоязычных сегментов Death Tech, представленных онлайн, следует рассматривать в отдельных детальных исследованиях ввиду специфических культурных особенностей каждого сегмента и разным объеме, которые эти сегменты занимают в интернет-пространствах (российский сегмент, например, нишевый, в отличие от западных сервисов). При всей всемирности цифровых кладбищ наблюдается большая разница между их развитостью в разных сегментах интернета. При аналогичных гугл-запросам на русском и английском языках («виртуальное кладбище» и virtual cemetery

³ Здесь и далее в тексте упоминается социальная сеть Facebook, принадлежащая компании Meta Platforms Inc., по решению Тверского районного суда признанной экстремистской организацией на территории Российской Федерации.

соответственно) показываются разные результаты (см. поисковые запросы Google). В англоязычном сегменте первая страница поиска среди топовых результатов показывает несколько популярных онлайн-кладбищ, статьи в медиа о самом явлении и ссылку на научную работу, посвящённую сообществам вокруг него. Первая страница на русском языке содержит исключительно статьи новостных порталов о возможностях онлайн-кладбищ и единственную ссылку на сообщество «ВКонтакте», которое собирает «мёртвые» страницы. Таким образом, уже на уровне поиска информации (и индексации сайтов) видна значительная разница в уровне развитости темы диджитал-посмертия в англоязычном и русскоязычном пространствах.

Сами по себе интернет-клабища – одна из старейших форм проявления диджитал-посмертия в сети. В отличие от всех других его форм они возникли на заре интернета, когда трансфер смерти и связанных с ней явлений ещё не происходил настолько активно и не обсуждался в медийном поле. Первые сетевые кладбища относятся к 1995 г., старейшее из них The Virtual Memorial Garden [26] существует по сей день. Так как период возникновения веб-кладбищ пришёлся на первое десятилетие существования Всемирной сети, их внешний вид видимо резонирует с аналоговыми⁴ некрополями, ввиду неразвитой общей иконографии интернета того периода. Виртуальные могилы на этих кладбищах копируют понятную, известную большинству и традиционную иконографию христианской похоронной традиции и реплицируют те изображения и образы, которые можно встретить вживую. Традиционная иконография в данном случае – это иконография, которая используется на так называемых аналоговых кладбищах, в частности, стандартный визуальный образ, который можно встретить при взгляде на могильный камень: фотография умершего, нередко чёрно-белая, поминальная свеча и эпитафия на самой могиле. В таком же виде формируется и иконография старых виртуальных кладбищ. В случае The Virtual Memorial Garden и вовсе происходит точное копирование могильного образа. Поминальные страницы на сайте оформлены в качестве небольших рисованных могильных камней, при нажатии на которые можно прочитать полную эпитафию [26]. Замечу, что это кладбище среди всех представляет самый консервативный тип иконографии, который призван в точности воспроизвести знакомый внешний вид погоста и не отходить от традиционного для западной традиции визуального об-

⁴ Термин «аналоговые» в работе используется вместо термина «реальные» в связи с некорректностью отделения виртуальных практик от «реальных», так как они в той же степени влияют на человека и в интернете, и за его пределами, что и практики «в реальности».

раза. Большинство же цифровых кладбищ старого образца ограничиваются страницей-мемориалом стандартного вида: фотография умершего (иногда несколько), даты его жизни и эпитафия сбоку или под фотографией. Сама страница при этом напоминает дизайн профиля на различных форумах [21]. Подобный дизайн также встречается и на большинстве российских сайтов. Исключение в данном случае составляет сайт Scorbim.com, который оформляет фотографии пользователей в виде погребальной плиты [2], тем самым следуя тем же визуальным паттернам, что и The Virtual Memorial Garden.

С дальнейшим развитием интернета цифровые кладбища начали расширять предоставляемые функции, постепенно отходя от обычного копирования аналоговых могил – как, например, веб-кладбище We Remember [28]. Так, начал изменяться сам интерфейс (также являющийся важной частью иконографии в силу своего влияния на изображение [25, p. 151]), больше тяготея к образцу социальных сетей. А функционал, кроме простого создания памятной страницы с фотографией и эпитафией, стал приобретать новые, недоступные в аналоговом формате варианты (например, таймлайн воспоминаний, галерею памятных фотографий, ссылки на связанные с человеком социальные сети и т. д.). Виртуальные кладбища, возникшие после 2010 г., уже значительно отходят от «традиционной» иконографии. Появляются дополнительные сервисы, не связанные напрямую с диджитал-могилой. К примеру, возникает возможность заказать поминальную службу онлайн, организовать обмен воспоминаниями о покойном, создать слайдшоу или презентацию, показывающую жизнь умершего, и другие функции, приближенные к знакомым элементам социальных сетей, будь то лента фотографий в «Инстаграме» или посты от друзей в «Фейсбуке».

Как уже было упомянуто ранее, для западного сегмента интернета тема диджитал-посмертия уже является неотъемлемой частью дискурса и практик. Наиболее давно существующие цифровые кладбища остаются популярными площадками, а также донорами функционала для новых сервисов. Кроме того, посмертный функционал встроен и в те сайты, которые сами по себе не специализируются на цифровой смерти или не являются специфически виртуальными кладбищами. Среди примеров можно перечислить:

- сайт Kudoboard [19], предоставляющий мемориальные услуги наравне с виртуальными мероприятиями для отдельных пользователей и для компаний (такие как день рождения или корпоратив),
- сайт Sake [9], который помимо цифрового посмертия предлагает своим пользователям широкий спектр предсмертных подготовительных

услуг (помощь в оформлении документов, планирование прощания, похорон и наследства) и объединяет свой функционал с просветительским медиа о потере, горе и смерти в различных культурах.

Соответствующий российский сегмент остаётся в разрозненной начальной стадии развития, представляя собой скорее стихийно возникшие практики ввиду наличия такого же стихийного запроса на цифровое поминовение. Возможно, дальнейшее развитие институтов Death Awareness Movement [14], довольно влиятельных в европоцентричных культурах и косвенно способствующих снятию табу с обсуждения умирания и смерти, приведет к установлению большей консистентности подобных запросов и у русскоязычных пользователей. На данный же момент для российского интернет-пространства даже такая старейшая форма онлайн-сервиса как виртуальные кладбища остаётся диковиной. Подобные сайты встречаются редко, как будто существуют в своём отдельном разделе сети и не находятся в интертекстуальном или гиперссылочном диалоге с другими площадками. Для поиска интернет-кладбищ на российском пространстве необходимо формулировать конкретный запрос – в том числе с названием интересующего кладбища. В этот момент становится чрезвычайно заметен контраст с этим западным сегментом Death Tech: на западные виртуальные кладбища легко наткнуться в процессе поверхностного интернет-«сёрфинга». В том числе за счет рекламных статей, предоставляющих рейтинги этих кладбищ. Например, можно легко обнаружить статью на Everplans, сайте, посвящённому различным услугам планирования практик завершения жизни, который находится на четвёртом месте по поиску virtual memorial.

Для исследования иконографии виртуальных кладбищ была осуществлена их выборка случайным методом. В связи с тем что невозможно в точности подсчитать количество диджитал-кладбищ, существующих в интернете, в рамках этой статьи описываются самые часто упоминаемые сервисы, которые выводятся на первых страницах поиска и рекомендуются в рекламных материалах и статьях в медиа. Так как Google присваивает более высокий рейтинг в списке результатов поиска тем страницам, с которыми связано большое количество ссылок (т. е. ссылки на эти страницы цитируются в больших количествах) [16, р. 18], то можно фиксировать популярность отобранных мною виртуальных кладбищ на просторах сети. Кроме того, можно с большой вероятностью считать, что именно эти кладбища являются самыми популярными среди интернет-пользователей, так как статистически всего 6 % пользователей Google выбирают и просматривают ссылки дальше первой страницы поиска [24]. Некоторые из популярных сайтов были исключены из выборки в силу того, что они либо не являются полноценными виртуальными кладбищами [19], либо

не предоставляют бесплатного доступа к примерам мемориалов, а значит, их не представляется возможным проанализировать в достаточной степени.

Иконографически популярные веб-кладбища можно разделить на три категории:

- 1) виртуальные кладбища, мемориалы которых тяготеют к иконографии социальных сетей и имитируют «живые» страницы;
- 2) кладбища, чьи мемориалы выглядят как стандартный интернет-пост (т. е. фотография с краткой подписью);
- 3) кладбища, которые копируют традиционную религиозную иконографию практически в точности, не пользуясь иконографическими инструментами сетевых интерфейсов.

К кладбищам-социальным сетям (первая категория) можно отнести такие сайты, как Keeper [18], MeM [21], Memories [30], We Remember [28]. Большую часть их иконографии составляют мемориалы, которые копируют стандартный интерфейс интернет-страницы с изображением и полем для комментариев под ним. Это такие виртуальные кладбища как GatheringU [10], Remembered.com, Memorial Websites [22], «Российское виртуальное кладбище» [5], Vspomnim.pro (вторая категория) [6]. Те кладбища, чья иконография не попадает под четкий паттерн, такие как The World Wide Cemetery [27] или «Помним, скорбим» [3] всё равно в большей степени подстраиваются под типаж интернет-страницы. Также и те диджитал-кладбища, которые выстраивают собственную иконографию, например, Inmemori или Помню (см. соответствующие сайты), меняют её в аспекте общего интерфейса сайта, в то время как сама структура мемориала продолжает сохранять внешний вид типичной страницы для комментирования, как и предыдущие описанные мной примеры. Наконец, последнюю небольшую группу составляют такие виртуальные кладбища как The Virtual Memorial Garden [26], NeverGone [23], Gamer Graveyard и Skorbim.com [2], которые полностью копируют стандартную аналоговую иконографию, следуя тем же традициям, что существуют в христианской культуре (третья категория). Условно промежуточную позицию, располагая свою визуальность между подобной иконографией и копированием интернет-образов, находится сайт Forever Missed, который в равной степени соединяет в себе визуальные элементы аналоговых кладбищ и новых виртуальных.

Диджитал-кладбища стремятся сепарироваться от традиционной иконографии и вместе с тем определяют себя как интернет-практику, презентуя себя пользователю как веб-сайт в первую очередь и только затем – как разновидность погоста. Аналоговая иконография сохраняется преимущественно в визуализации ритуальных аспектов: в той или иной степени повторяются прощальные практики, связанные в оффлайн мире с

активным действием – такие как возложение цветов, открыток или поминальных свечей. Типизация этих практик имеет очевидную причину. Если любая скорбь индивидуальна и понятна только её субъекту, то общие ритуалы горевания, траура остаются конвенциональными, открытыми для объединения в принадлежности кругу горюющих, позволяющими разделить горе с окружающими и не дать ему стать постоянным [15, р. 211]. Для того чтобы вызывать ощущение сопричастности и превращать индивидуальное переживание в коллективное, ритуалу необходимо быть широко распространённым и встроенным в существующую культуру, независимо от того, происходит он в аналоговом или в виртуальном пространстве [1]. Особенно ритуалы становятся важны там, где в ситуации высокого стресса человек склонен опираться на автоматические схемы, которые и предлагает ритуал [7]. В ситуации гибели близкого человека или вообще столкновения со смертью в ее неотменяемости эта потребность становится наиболее высокой.

Что касается остальной иконографии, то она, напротив, призвана подсветить отличия между аналоговыми и виртуальными кладбищами. Для многих диджитал-кладбищ становится важным обозначить своё родство с любым другим интернет-сайтом: существующие различия с традиционной иконографией и новые функции, которые становятся возможными только при переносе поминальных практик в онлайн-пространство (большие альбомы с фотографиями, таймлайн воспоминаний и т. д.) подталкивают скорбящих сделать выбор в пользу виртуального мемориала, а также объясняют, зачем может понадобиться диджитал-мемориал при наличии аналогового. Такой подход особенно актуален для допандемийного периода, когда виртуальным практикам приходилось напрямую конкурировать с оффлайн-практиками и обосновывать для пользователя необходимость прибегнуть к ним при наличии оффлайновых. Именно поэтому для диджитал-кладбищ важно в первую очередь представить те функции, которые дадут пользователю новые возможности для поминовения, прощания и коллективного вспоминания. Иконография же подстраивается под эти функции, стараясь подчеркнуть визуальную связь между новыми типами кладбищ и остальным интернетом. Эта связь также становится основным общим иконографическим элементом для разных типов кладбищ, в том числе даже для тех, которые нельзя отнести к конкретной категории.

Таким образом, наиболее «оригинальные» виртуальные кладбища имеют достаточно оформившуюся иконографию, объединенную стремлением подчеркнуть свою связь с интернет-пространством и предложить скорбящим альтернативные способы прощания. Кроме того, оформлению более «знакомой» иконографии помогают позаимствованные у тра-

диционных поминальных обрядов ритуалы – такие как возложения цветов и свечей. На фоне наличия этой бинарной оппозиции принципов визуализации интернет-кладбища можно преимущественно поделить на три категории: иконографически повторяющие веб-страницы, копирующие традиционную иконографию и некатегоризируемые, которые пытаются создавать иконографию, выделяющуюся на фоне остальных. Тем не менее, даже некатегоризируемые кладбища опираются на общую иконографию интернет-страниц, тем самым делая этот паттерн преобладающим и основным в формировании единой иконографии. Также стоит отметить, что паттерны задаются западными англоязычными диджитал-кладбищами, так как именно в англоязычном пространстве они развиты достаточно, чтобы не только создавать эти паттерны, но и представлять виртуальные кладбища как полноценный продукт, в то время как такие же российские сайты находятся в меньшинстве, опираются на уже существующие тренды и не стремятся выходить за пределы необходимых базовых элементов, позволяющих попрощаться с умершим.

Литература

1. Кузьменков В. А. Ритуалы как факторы возникновения ценностей // Социально-политические науки. 2018. № 1. С. 152–157.
2. Международная система поминовения усопших. URL: http://skorbim.com/мемориал/демиденко_олег_сергеевич.html (дата обращения: 05.05.2022).
3. Помним, скорбим... : [сайт]. URL: <http://помним-скорбим.рф> (дата обращения: 05.05.2022).
4. Помню : [соц. сеть]. URL: <https://помню.рус> (дата обращения: 05.05.2022).
5. Российское виртуальное кладбище : [сайт] URL: https://rip.su/burial/detal.php?IBLOCK_ID=1&SECTION_ID=77&ELEMENT_ID=490 (дата обращения: 05.05.2022).
6. Сайт памяти. URL: <https://vspomni.pro/> (дата обращения: 05.05.2022).
7. Тёрнер В. Символы и ритуалы. М. : Наука, 1983. 277 с.
8. 10 лучших мемориальных сайтов в Интернете. URL: <https://www.everplans.com/articles/the-top-10-online-memorial-websites> (дата обращения: 15.04.2022).
9. Cake : [сайт]. URL: <https://www.joincake.com/> (дата обращения: 02.04.2022).
10. Celebrating Lives Together. In-Person & Virtual Memorial Service Online Memorial Pages. URL: <https://www.gatheringus.com/memorial/cindy-kieu-nguyen/4143> (дата обращения: 05.05.2022).
11. Create a Memorial Website. URL: <https://www.forevermissd.com/> (дата обращения: 05.05.2022).
12. Cypher J. Dead Baby Bloggers: Making Sense of Death through Online Grieving // Blunt Traumas: Negotiating Suffering and Death. Brill, 2016. P. 59–65.
13. Death and digital media / M. Arnold [et al.]. Routledge, 2017. 188 p.
14. Doka K. J. The death awareness movement: Description, history, and analysis // Handbook of death and dying. 2003. Vol. 1. P. 50–56.
15. Etkind A. Warped mourning: Stories of the Undead in the Land of the Unburied. Stanford University Press, 2013. 328 p.
16. Hillis K., Petit M., Jarrett K. Google and the Culture of Search. Routledge, 2012. 256 p.
17. Inmemori. The most beautiful tribute for your departed loved one. URL: <https://www.inmemori.com/> (дата обращения: 05.05.2022).
18. Keeping Memories Alive. Beautiful, Free Online Memorials & Tributes. URL: <https://www.mykeeper.com> (дата обращения: 02.04.2022).
19. Kudoboard. URL: <https://www.kudoboard.com> (дата обращения: 02.04.2022).

20. Lewis K. M. Mediated death and digital martyrdom: ethical considerations for visual social media researchers // AoIR Selected Papers of Internet Research. 2018. 254 p.
21. Making Everlasting Memories. URL: <https://www.mem.com/> (дата обращения: 05.05.2022).
22. Memorial Websites. URL: <http://memorialwebsites.legacy.com/> (дата обращения: 05.05.2022).
23. Never-gone.com – your only free forever memorials. URL: <http://never-gone.com/Memorials/Default.aspx?m=/i6iXqvZQtZsRpkKHvqIq%3d%3d> (дата обращения: 05.05.2022).
24. Semrush. URL: <https://backlinko.com/> (дата обращения: 15.04.2022).
25. Software studies: A lexicon / M. Fuller et al. (eds.). Mit Press, 2008. 349 p.
26. The Virtual Memorial Garden. URL: <http://catless.ncl.ac.uk/vmg/F> (дата обращения: 05.05.2022).
27. The World Wide Cemetery. URL: <https://cemetery.org/tag/usa/> (дата обращения: 05.05.2022).
28. weremember.com : [сайт] URL: <https://www.weremember.com/matthias-reitz/4u6l/memories> (дата обращения: 05.05.2022).
29. What will happen to my Facebook account if I pass away? // Facebook. URL: https://www.facebook.com/help/103897939701143?helpref=faq_content (дата обращения: 07.02.2021).
30. Where Memories Keep Living. URL: <https://memories.net/> (дата обращения: 02.04.2022).

УДК 331.43

А. В. Полюшкевич, *Ангарск*

Роль патриотического кинематографа в противодействии экстремизму и терроризму

В статье проводится анализ современного патриотического кинематографа, выделяется его специфика в условиях формирования противодействия экстремизму и терроризму. Приводятся результаты качественного исследования, проведенного при помощи символического визуального анализа образов в патриотических фильмах и контент-анализа ключевых слов и словосочетаний героев фильмов. Делаются выводы о значимости патриотического кинематографа в противодействии экстремизму и терроризму и формировании солидарного общества.

Ключевые слова: патриотический кинематограф, экстремизм, терроризм, патриотизм, визуальные символы, языковые символы, образы

A. V. Polyushkevich, *Angarsk*

The role of patriotic cinema in countering extremism and terrorism

The article analyzes modern patriotic cinema, highlights its specificity in the context of the formation of counteraction to extremism and terrorism. The results of a qualitative study carried out with the help of a symbolic visual analysis of images in patriotic films and content analysis of key words and phrases of film characters are presented. Conclusions are drawn about the importance of patriotic cinema in countering extremism and terrorism and the formation of a solidarity society.

Keywords: patriotic cinematography, extremism, terrorism, patriotism, visual symbols, language symbols, images

Фильмы влияют на общественное мнение, меняют и формируют ценности и установки, предлагая новые образцы поведения, идеалы и образы запоминающихся персонажей. Благодаря фильмам определяются в визуальном ряде символы значимости, успеха, реализации, которые могут отличаться у представителей разных поколений и социальных групп.

Современный патриотический кинематограф воздействует на социальную идентичность граждан, особое влияние прослеживается на уровень солидарности сообществ и готовности противостоять экстремистским и террористическим акциям. Готовность служить Родине (не только в армии или на войне, но и в обычной жизни через повседневную деятельность) – выступает той точкой, тем ориентиром, который имеет каждый патриотический фильм.

Поэтому, какие образы формируются в фильмах, способные противостоять экстремизму и терроризму так и будет формироваться уровень спокойствия, благополучия и стабильности социального развития и общественного воспроизводства. В тоже время, справедливо и обратное: уже имеющиеся представления в общественном сознании закрепляются в узнаваемых образах в кинолентах, что способствует закреплению принятых в обществе стереотипов и форм восприятия реальности.

В эмпирических исследованиях обозначены изменения в вопросах социальной солидарности и национальной безопасности Л. Л. Антонова и О. А. Полюшкевич [1]. В ряде работ Р. В. Иванова, О. А. Полюшкевич [15–18] прослеживаются взаимосвязи кинематографа и патриотизма, а также общее положение развития уровня патриотизма в России в последние годы [7–14]. В работах Р. Г. Ардашева [2–6] подчеркиваются иррациональные смыслы жизнедеятельности, определяющие изменения представлений о патриотизме в общественном сознании и закреплении новых смыслов в современном кинематографе. Правовые вопросы проведения судебных экспертиз, помогающие в выявлении уровня и качества воздействия современных фильмов на противодействие экстремизму и терроризму в общественной среде [19; 20].

Для анализа мы использовали фильмы, вышедшие за последние десять лет и имеющие патриотическую тематику (касающиеся военных действий, спортивных и научных (космических) достижений). Всего в исследовании приняло участие 23 фильма. В качестве методов анализа выступил символический, визуально-контекстный анализ, а также изучение смыслов ключевых высказываний главных героев, касающихся вопросов патриотизма и социальной идентичности. В общем пуле участвовало 1223 визуальных образа и 2456 слов и словосочетаний, указывающих на патриотические проявления. И только треть из визуального ряда и четверть из речевого мы смогли соотнести с символами, противодействующими экстремизму и терроризму. В табл. 1 и 2 представлено итоговое сравнение.

В целом в патриотических фильмах через образы Родины, жертвенного поведения героев, а также восприятия работы как служения более проявлен языковой ряд (через фразы ключевых героев), а в фильмах, где

встречается противодействие терроризму и экстремизму наоборот – визуальный, через сцены разрушения родной земли и желания ее защитить (картинки разрушения транслируются без слов, но с музыкальным сопровождением на заднем фоне) в три раза чаще, чем просто в патриотических фильмах. А вот долг, честь, обязанности и мировоззрение, направленное на благо Родины в целом, в патриотических фильмах более проявлены в визуальном ряде, чем в словах, которые говорят герои, так же как и в сюжетах, где встречается противодействие терроризму и экстремизму.

Таблица 1

Соотношение роли и места символов, противодействующих развитию экстремизму и терроризму в общем контексте патриотических визуальных и речевых образов в патриотических фильмах (с 2011 по 2021 гг.) (в %)

Символы	В целом в патриотических фильмах		В сюжетах, где встречается противодействие терроризму и экстремизму	
	Визуальный ряд	Языковой ряд	Визуальный ряд	Языковой ряд
Родина как страна. Родина как государство. Малая Родина	43	57	63	37
Жертвенное поведение (ради жителей страны, ради сослуживцев, ради будущего)	46	54	72	28
Работа как служение	41	59	77	23
Долг, честь, обязанности	66	34	63	37
Мировоззрение, направленное на благо Родины	79	21	75	25

В анализируемых фильмах конкретные персоны занимают ключевое место в формировании патриотизма или развитии противодействия экстремизму и терроризму (62 %). Визуальный набор образов ключевых фигур отличается в анализируемых группах фильмов, хотя языковые символы во многом перекликаются (касаются долга, чести и обязанностей как граждан страны). Значительно меньшая роль отводится ситуациям (22 %) и местам действий (16 %).

Ситуации наполовину совпадают в патриотических фильмах и фильмах, где идет противодействие экстремизму и терроризму. А места действия полностью идентичны между рассматриваемыми группами.

Полагаем, для усиления разнообразных стратегий противодействия экстремизму и терроризму следует усилить визуальные и языковые образы в патриотических фильмах в расширении ситуаций и конкретных мест, где и как разворачивается сюжет. Это позволит расширить целевую аудиторию зрителей патриотических фильмов и более глубоко и качественно повлиять на процессы противодействия экстремизму и терроризму.

Таблица 2

Конкретное контекстное сравнение роли и места символов, противодействующих развитию экстремизму и терроризму в общем контексте патриотических визуальных и речевых образов в патриотических фильмах (с 2011 по 2021 г.) (в %)

Образ	В целом в патриотических фильмах		В сюжетах, где встречается противодействие терроризму и экстремизму	
	Визуальный ряд	Языковой ряд	Визуальный ряд	Языковой ряд
Персона 62 %	Солдат-Защитник	Долг чести – служба Отечеству. Сила мужчины – в службе Родины. Солдат – первая опора государства.	Простой гражданин	Жить так, чтобы не было стыдно ни за себя, ни за Родину. Действовать в интересах своей страны, а не себя лично. Важна часть страны, а не личные интересы
	Офицер	Честь офицера в его словах и делах. Опора Родины – офицеры. Служба Отечеству равна верности совести.	Молодой человек	Наивность и молодость должны быть с мозгами, особенно если дело касается интересов страны. Юношеский максимализм способен оголять правду, а Родина всегда останется неизблемой территорией силы и мощи. Молодость не показатель отсутствия силы, а скорее надежда и опора на будущее
	Ученый	Работа ради страны – высшее благо для человека. Жить для страны и работать во ее благо – это самая высшая награда. Сила мысли служит во благо Родины.	Бывший военный на гражданке	Бывших офицеров не бывает. Долг и честь в любом возрасте важны. Сила слова – всегда сравнима с силой дела
	Спортсмен	Мои достижения всегда во благо Родины. Спорт – это способ отстоять честь Страны. Сила спорта – в силе тех, кто верен своей Родине.	Учитель	Главное воспитать любовь к Родине через слова и дела

				<p>Нужные слова надо говорить вовремя, чтобы эффект был нужным, а не пустозвоном.</p> <p>Умение зажигать сердца – это дар, а зажигать любовь к Родине – искусство.</p>
Ситуации 22 %	Военные действия	<p>Интересы Отечества – это основа службы солдата.</p> <p>Долг и честь офицера на службе у Родины.</p> <p>Сила слова офицера равна его любви к Родине.</p>	Возвращение солдат с войны и их адаптация к мирной жизни	<p>Научиться жить после войны – большое дело, но еще большее, жить ради страны после войны.</p> <p>Быть верным догу и стране даже выйдя в отставку – это суть всех, кто по-настоящему верен стране.</p> <p>Наводя порядки в мирной жизни – надо не забывать о воинском долге и чести</p>
	Восстановление страны после войны	<p>Мало отвоевать Родину – ее надо восстановить.</p> <p>Сила в жизни после войны.</p> <p>Мирное небо требует упорного труда.</p>	Работа в силовых структурах бывших военных (полиция, спецназ, охрана)	<p>Придя с войны, мы ее продолжаем – приходя служить в силовые структуры.</p> <p>Наша работа продолжается всегда – на войне -вона, а в мирной жизни – поддержание порядка и оно тоже на нашей совести.</p> <p>Сила слова и сила дела близки, если ты из армии пришел служить и дальше своей Родине</p>
	Спортивные соревнования или тренировки к ним	<p>Наши победы – это победы Родины.</p> <p>Спортсмены – это звезды, которые блещут на погонах Страны.</p> <p>Сила воли спортсмена равна Силе Страны.</p>	Спортивные соревнования или тренировки к ним	<i>Идентичны патриотическим фильмам в целом</i>
	Научные открытия и путь к ним	<p>Путь исследователя путь открытия любви к Родине.</p> <p>Трудясь на благо Родины – каждый ученый меняет будущий мир.</p>	Научные открытия и путь к ним	<i>Идентичны патриотическим фильмам в целом</i>

		Наука – это сила страны, которая развивается, когда есть действия тех, кто может и знает, как менять мира.		
Места действия 16 %	Война (соответствует сюжету – 2 Мировая война, Афганская, Чеченские, Сирийская и т. д.)	Родина там, где говорят на родном языке и ходят по родной земле. Родина – это то, за что мы воюем и будем бечь после войны.	Наша страна после войны (соответствует сюжету – Вторая мировая, Афганская, Чеченские, Сирийская войны и т. д.)	<i>Идентичны патриотическим фильмам в целом</i>
	Научные лаборатории	Исследования – это процесс целенаправленной работы, которая дает плоды на благо Родины. Самопожертвование в науке приводит к тому, что увлеченные люди буквально живут там, где работают и результатами их труда гордится вся страна.	Научные лаборатории	<i>Идентичны патриотическим фильмам в целом</i>
	Спортивные клубы соревнования	спортивный клуб, где начинал карьеру каждый победитель – это легенда двора, города, страны. С этого и начинается любовь к Родине. Готовность заниматься в спортивном клубе формируется под влиянием кумиров и звезд, кто некогда вышел из него же и стал известным и знаменитым на всю страну, а то и мир.	Спортивные клубы соревнования	<i>Идентичны патриотическим фильмам в целом</i>

Помимо этого стоит расширить образы и сюжеты патриотических фильмов и фильмов, где конструируется противодействие экстремизму и терроризму. Так как это способно больше привлечь аудиторию и создать новые притягательные образы для массового зрителя.

Таким образом, противодействие терроризму и экстремизму осуществляется через визуальный ряд (символы) и смысловой ряд (слова). Патриотический кинематограф закладывает ключевые значимые образы, определяющие духовные ориентиры и практические стратегии реального поведения людей в обычной жизни. Патриотические фильмы воспитывают духовную культуру и солидарность общества, а противодействие экстремизму и терроризму становится следствием визуально-символического развития фильмов. Чем больше патриотических фильмов, обладающих значимой символической нагрузкой, формирующей установки противостояния экстремизму и терроризму в сознании граждан, тем более солидарным и единым будет наше общество.

Литература

1. Антонова Л. Л., Полюшкевич О. А. Социокультурная солидарность и национальная безопасность России // В мире научных открытий. 2013. № 5–1 (41). С. 231–248.
2. Ардашев Р. Г. Виртуализация в новых смысловых ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 130–134.
3. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 76–84.
4. Ардашев Р. Г. Метаморфозы сознания: образы идентичности в виртуальном пространстве // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 25–28.
5. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания россиян : монография. М. : РГСУ, 2021. 184 с.
6. Ардашев Р. Г. Феномен сознания в социально-философском аспекте : монография. М. : РГСУ, 2022. 160 с.
7. Иванов Р. В. Изменение смыслов патриотизма в молодежной среде (2010 и 2017 гг.) // Социология. 2018. № 2. С. 108–112.
8. Иванов Р. В. Индивидуальный терроризм в России на основе анализа терактов 2018–2021 гг. // В поисках социальной истины : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 216–218.
9. Иванов Р. В. Качество патриотизма в современной России // Социология. 2019. № 4. С. 21–26.
10. Иванов Р. В. Особенности противодействия экстремизму в молодежной среде // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 434–445.
11. Иванов Р. В. Толерантность, патриотизм и социальное неравенство // Социология. 2018. № 4. С. 20–22.
12. Иванов Р. В. Условия противодействия экстремизму в молодежной среде: результаты регионального исследования // Социология. 2020. № 1. С. 301–311.
13. Иванов Р. В. Экстремистские настроения молодежи: мифы и реальности провинциального региона // Социология. 2019. № 1. С. 130–135.
14. Иванов Р. В. Эмпирический анализ экстремистских настроений молодежи // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 232–242.

15. Иванов Р. В., Полюшкевич О. А. Патриотизм и идентичность в современных российских фильмах // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2016. Т. 18. С. 44–55.
16. Полюшкевич О. А. Идентичность и государственные символы: трансформация социальной эмпатии // Социология. 2014. № 1. С. 138–146.
17. Полюшкевич О. А. Иррациональные основы формирования социальной идентичности под влиянием виртуальности // Социология. 2020. № 5. С. 163–176.
18. Полюшкевич О. А. Новая идентичность в современном патриотическом кинематографе // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17. № 2. С. 192–202.
19. Шамурзаев Т. Т., Китаев Н. Н., Китаева В. Н. Использование судебных экспертиз в производстве по уголовным делам экстремистского и террористического характера // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию образования кафедры уголовного процесса : в 2 ч. / отв. редактор В. А. Семенцов. Краснодар : КГУ, 2022. С. 320–325.
20. Противодействие экстремизму и терроризму: проблемы законодательства и правоприменительной практики / Т. Т. Шамурзаев, Б. Г. Тугельбаева, А. Н. Архипова, В. Н. Туркова // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2021. Т. 21, № 11. С. 114–118.

УДК 316.754

О. А. Полюшкевич, *Иркутск*

Социальное моделирование: поствиртуальность городского пространства

Рассматриваются процессы социального моделирования городского пространства. Анализируются современные стратегии развития публичных мест через призму поствиртуальных процессов. Приводятся результаты качественного исследования развития поствиртуального пространства Иркутска, выделяются несколько типов поствиртуальных символов, определяющих трансформацию общественного сознания.

Ключевые слова: социальное моделирование, городское пространство, виртуальность, поствиртуальность, идентичность, самочувствие

O. A. Polyushkevich, *Irkutsk*

Social modeling: post-virtuality of urban space

The article deals with the processes of social modeling of urban space. Modern strategies for the development of public places are analyzed through the prism of post-virtual processes. The results of a qualitative study of the development of the post-virtual space of Irkutsk are presented, several types of post-virtual symbols are distinguished that determine the transformation of public consciousness.

Keywords: social modeling, urban space, virtuality, postvirtuality, identity, well-being

Поствиртуальность городского пространства начинается там, где в обычном городском континууме формируются новые сообщества, локации и форматы взаимодействия, чаще выступающие продолжением виртуальных миров (например, компьютерных игр, фильмов и прочих продуктов медиа индустрии). Это один из знаков и символов того, что окружающий реальный мир постепенно смешивается с продуктами виртуального мира, что в будущем приведет к новому формату поствиртуального взаимодействия в городской среде.

С одной стороны, данные процессы расширяют сознание всех участников этого взаимодействия, позволяя видеть дальше и больше, чем предлагает отдельно обычная повседневная реальность, либо отдельно цифровое пространство виртуального мира. Соединяясь, они не преумножают на два, а в десятки раз размножают новые форматы повствиртуального взаимодействия. Почему? Потому, что виртуальный мир безграничен, а соединяясь с реальным миром – формируются все новые и новые продукты этого симбиоза.

С другой стороны, поствиртуальное пространство меняет настолько сознание людей, что оно все меньше опирается на рациональные вещи и все больше становится иррациональным, строящимся на совершенно новой, альтернативной нашему миру логике, вернее отсутствию логики в обычном понимании, так как начинают действовать законы, нормы, правила тех виртуальных миров, которые соприкоснулись с повседневностью в обиходе обычного города и стали точкой отсчета новых координат мира, где действуют свои нормы и правила.

Но это более дальние следствия зарождающихся прямо сейчас процессов. Эта работа является следствием анализа поствиртуальных пространств города Иркутска. Исследование проводилось в рамках исследования социального моделирования общественных процессов, в частности сознания жителей тех районов, где вместе со студентами были обнаружены автором граффити и иные формы трансляции виртуальных смыслов в повседневной реальности города.

Данной тематике в современных исследованиях уделяется значимое место, начиная от изучения аффектов, которые трансформируют городскую реальность и формирования новых смысложизненных ориентиров и символов, и увеличения иррациональных смыслов в эпоху виртуальности (Р. Г. Ардашев [1–9]). До исследования психогеографии городских публичных пространств (А. В. Деменчук, Р. В. Иванов [10], В. А. Скуденков [14–18]), использования городского пространства как рекламы (С. В. Малых [11]) и поствиртуального городского моделирования (О. А. Полюшкевич [12; 13]).

В работе использовался метод включенного наблюдения, визуального анализа и глубинного интервью жителей районов, где находились символы поствиртуального пространства. В результате анализа нами было выделено несколько типов поствиртуальных символов, позволяющих судить о качественных трансформациях в общественном сознании.

Первый тип – реалистичное продолжение реальности (рис. 1), где соединяются элементы реальности и выдуманного виртуального мира, придающие месту новое пространство, объем и пространство. Часто, данный тип используется как пример развития воображения, смещение во вре-

мени (элементы архитектуры прошлых веков в сочетании с достижениями современности (машины, музыкальные инструменты) создают локальную неповторимую структуру, которая наполняет только это место в городском пространстве. Это само по себе привлекает внимание, но включенная в общую композицию реклама становится ярким примером ненавязчивой поствиртуальной коммуникации со зрителем / потребителем. И как результат, данное пространство становится новым полем социального взаимодействия продавцов и потребителей. Этот тип поствиртуальной реальности нацелен на выстраивание внешних коммуникаций в новом мире.

Рис. 1. Реалистичное продолжение реальности (здесь и далее фото автора)

Второй тип – придуманная реальность с конкретными персонажами (рис. 2), где сама реальность городского пространства является выдуманной и изображенные там персонажи также далеки от реальной жизни. Это мир «иной жизни», которая продолжается в образах на улицах города и позволяет додумать историю. Это также способ развития воображения, но способ, уводящий к внутренней рефлексии, к собственным историям и поискам самого себя. Этот тип поствиртуальной реальности направлен на внутренний поиск самого себя, поиск на ответ – Кто Я, какие Мои ценности и приоритеты, на что стоит обратить внимание и как оставаться собой в новом мире.

Рис. 2. Придуманная реальность с конкретными персонажами

Третий тип – мистическая реальность (рис. 3), где изображенные символы обладают тайными символами и знаками. Этот тип не просто уводит в самого себя, он уводит в мир мистики, таинственности и непостижимости того, что есть вокруг, о чем мы знаем или не знаем, но что можем чувствовать, находясь в определенном месте, в определенное время. Это поствиртуальное пространство также может быть способом привлечения своей аудитории, оно нацелено на поиск себя и внешние коммуникации, но с теми, кто умеет считывать «тайные знаки», впускают в это пространство только тех, кто «видит смыслы», где остальные проходят мимо. Иными словами, этот тип не для всех.

Рис. 3. Мистическая реальность

В каждом типе могут быть как рекламные символы, так и буквальные смыслы изменения реальности. Но общий посыл таков, что поствиртуальность выходит за границы мониторов в окружающую реальность. Поствиртуальность становится продолжением повседневности в реальном мире, а это означает не только символическое изменение социального пространства, но и реальные новые форматы социальных коммуникаций.

Жители окружающих районов и граждане, работающие рядом с образцами, использующими виртуальное пространство используют следующие термины, чтобы описать выделенными нами типы. Именно это позволяет говорить о том, что они верно считывают информацию через поствиртуальные символы и она становится для них повседневной реальностью их обычной жизни. Через эти процессы, поставиртуальность перестает быть уникальностью, она становится обыденностью.

В первом типе: *красота, волшебство, вдохновение, сказка.*

Во втором типе: *мир иллюзий, не здесь и не сейчас, другая реальность, иной мир.*

В третьем типе: *мистика, духи, вера, сила.*

Данные образы наполняют городские пространства новыми смыслами и символами, создавая неповторимый колорит районов. Эти публичные городские пространства, наполняющиеся дополнительным смыслом, изменяют саму городскую ткань, определяя новые сюжеты психогеографии города.

Ключевым выводом становится то, что поствиртуальность городского пространства становится новой социальной тканью для развития территории, наполняя ее новыми образами и смыслами, создавая новые формы солидарности и подчеркивая или формируя грани социальной идентичности горожан. Социальное моделирование через поствиртуальные символы влияет на социальное самочувствие, качество жизни и уровень социальной удовлетворенности жителей городов. Это становится основой нового мироустройства на обыденном повседневном уровне. И чем лучше мы будем осознавать воздействие поствиртуальных образов на сознание горожан, тем лучше сможем регулировать их социальное самочувствие и социальное взаимодействие.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Аффект через призму общественных настроений // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2021. № 12. С. 85–90.
2. Ардашев Р. Г. Виртуализация в новых смысложизненных ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 130–134.
3. Ардашев Р. Г. Городское сознание как показатель эфемерности // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города : сб. науч. тр. / науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск, 2021. С. 193–197.

4. Ардашев Р. Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы VI Междунар. науч.-практ. интернет-конф. : в 2 ч. Вологда : ВолНЦ РАН, 2021. С. 76–79.
5. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания россия : монография. М. : РГСУ, 2021. 184 с.
6. Ардашев Р. Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 152–156.
7. Ардашев Р. Г. Особенности развития сознания горожан в пандемическом обществе // Социология. 2022. № 1. С. 79–86.
8. Ардашев Р. Г. Трансформация мышления россиян в цифровую эпоху // Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Вологда : ВолНЦ РАН, 2021. С. 367–369.
9. Ардашев Р. Г. Трансформация сознания молодежи в эпоху виртуальности // Alma mater (Вестник высшей школы). 2021. № 5. С. 31–34.
10. Деменчук А. В., Иванов Р. В. Психогеография современного города в работах Ги Дебора // Вестник Иркутского университета. 2019. № 22. С. 80–81.
11. Малых С. В. Граффити-реклама как часть визуального пространства города // Креативные индустрии в региональном пространстве социальных услуг и бизнеса : материалы Первой региональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Иркутского государственного университета и 20-летию Института социальных наук. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. С. 153–156.
12. Полюшкевич О. А. Поствиртуальность повседневного публичного пространства города // Управление городом: теория и практика. 2019. № 3 (34). С. 3–10.
13. Полюшкевич О. А. Психогеографическое измерение публичного пространства города // Управление городом: теория и практика. 2022. № 2 (44). С. 31–35.
14. Скуденков В. А. Психогеографические притязания жителей Иркутска // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / отв. ред.: А. Д. Карнышев, В. А. Решетников. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 197–204.
15. Скуденков В. А. Психогеография в фокусе социальных притязаний горожан // DIXI-2019: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях : сб. науч. тр. / Хабаров. гос. ун-т экономики и права. Хабаровск, 2019. С. 117–124.
16. Скуденков В. А. Психогеография города: от архитектуры к социально-психологическому самочувствию // Философия здоровья: интегральный подход : межвуз. сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 69–79.
17. Скуденков В. А. Психогеография городского пространства // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : сб. науч. тр. / под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полюшкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 119–122.
18. Скуденков В. А. Психогеография публичного пространства в условиях постпандемического общества // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города : сб. науч. тр. / науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 180–182.

УДК 379.4(C18)

Н. В. Рудакова, *Иркутск*

Портал «Культура 38» как единый информационный региональный веб-ресурс сферы культуры Иркутской области

Статья презентует региональный информационный портал «Культура 38» министерства культуры и архивов Иркутской области. Дает представление о его задачах, структуре и перспективах развития.

Ключевые слова: информационный портал, культура и искусство, *Иркутская* область.

N. V. Rudakova, *Irkutsk*

Portal «Culture38» as a single information regional web resource of the Irkutsk region culture sphere

The article presents the regional information portal «Culture 38» of the Ministry of Culture and Archives of the Irkutsk region. Gives an idea of its tasks, structure and development prospects.

Keywords: information portal, culture and art, Irkutsk region.

Работа по созданию регионального информационного портала «Культура 38» начата министерством культуры и архивов Иркутской области в январе 2022 г. в соответствии с п. 3.8 Протокола заседания Координационного совета по культуре при Губернаторе Иркутской области от 11 января 2021 г. № КСО-1/21. Портал «Культура 38» (далее – Портал) задумывался как отраслевой официальный веб-ресурс о культуре Иркутской области, информационная и презентационная площадка сферы культуры региона.

Организацией, ответственной за разработку и ведение Портала, назначен Иркутский областной учебно-методический центр культуры и искусства «Байкал». Центр провел работу по подготовке документации, поиску технических исполнителей, разработке структуры Портала, координации действий всех участников проекта, подготовке и размещению контента. Портал «Культура 38» реализован в рамках государственного задания по направлению работы «Создание и развитие информационных систем и компонентов информационно-коммуникационной инфраструктуры».

Работа по созданию Портала началась в январе 2022 г., спустя 6 месяцев, 30 июня 2020 г., Портал получил свою «прописку» в сети Интернет и стал доступен для пользователей.

Создание Портала началось с разработки концепции, которая всегда основывается на большой исследовательской работе на «старте». На этом этапе проведен анализ 37 порталов о культуре в других регионах, определена целевая аудитория, дизайн, структура и контентное наполнение Портала. Итоги проведенного мониторинга, консультации с коллегами обеспечили формулировку основных положений концепции Портала: быть для пользователей навигатором в мире культурных событий Иркутской

области, стать представительством для профессионалов отрасли культуры.

В качестве целевой аудитории Портала выступают жители Иркутской области, интересующиеся вопросами культуры, а также специалисты сферы культуры.

Целью создания Портала является формирование единого информационного пространства, содержащего актуальную информацию о сфере культуры Иркутской области.

Главные задачи Портала:

- обеспечение доступа граждан и учреждений к информации о культурной жизни Иркутской области,
- вовлечение населения в общекультурные процессы региона,
- организация коммуникационного взаимодействия субъектов культуры,
- внедрение современных форм представления информации о состоянии и развитии сферы культуры Иркутской области,
- формирование положительного имиджа региона.

Портал имеет мобильную версию, которая адаптирована под любое разрешение экрана, и открывается на всевозможных гаджетах.

Архитектура Портала построена таким образом, чтобы он представлял интерес как для жителей области, так и специалистов отрасли. Она не является статичной и в процессе времени может подстраиваться под потребности и запросы посетителей.

Контент Портала включает в себя новостную информацию о состоянии сферы культуры, афишу проводимых в регионе мероприятий по всем видам учреждений, материалы о культурных региональных брендах, сведения о конкурсах и грантах разного уровня, лучшие практики реализации федеральных и региональных проектов, том числе нацпроекта «Культура», а также интерактивную карту учреждений культуры.

Остановимся на содержании каждого модуля портала «Культура38» более подробно.

1. Новости культуры занимают на Портале приоритетное место: они показывают происходящие, практически ежедневно, яркие события культурной жизни региона. Поскольку новости культуры должны быть представлены оперативно, качественно и в достаточном объеме, был сформирован перечень координаторов – ответственных лиц в государственных учреждениях и муниципальных образованиях Иркутской области. Для координаторов, осуществляющих взаимодействие при создании контента, подготовлены требования к новостным материалам.

2. Для широкой аудитории на Портале представлена афиша культурных событий (выставки, концерты, театральные представления, экскур-

сии, праздники, встречи, кинопоказы и другие формы мероприятий). Портал дает возможность познакомиться с анонсами культурных событий в разрезе муниципальных образований, форм мероприятий, даты проведения. Предусмотрен переход на приобретение билетов на мероприятия. Модуль Афиша имеет календарь, который позволяет при необходимости выбрать нужную дату.

На Портале предусмотрена интеграция с порталом «Культура. РФ», что позволит автоматизировать процесс размещения информации о мероприятиях учреждений культуры Иркутской области. Все события, которые учреждения размещают на портале «Культура. РФ», автоматически экспортируются и публикуются на портале «Культура38». Согласие на такую интеграцию было получено от представителей портала «Культура. РФ», реализация данной функции осуществляется. Уже сейчас на Портале установлен цифровой счетчик ПроКультура и счетчик ЯндексМетрика, что позволит анализировать поведение пользователей на Портале.

3. Модуль «Нацпроект» содержит информацию о реализации национального проекта «Культура» на территории Иркутской области, демонстрирует результаты модернизации (капитальный ремонт/строительство/оснащение) учреждений культуры. Портал «Культура38» – это единственный региональный ресурс, на котором будет представлена информация сразу по трем проектам: «Культурная среда», «Творческие люди» и «Цифровая культура».

4. Раздел «Проекты» содержит в себе информацию о таких проектах как «Культура для школьников», «Пушкинская карта», «Культура малой Родины».

5. Модуль «Конкурсы» позволяет получить информацию о проводимых международных, всероссийских, региональных конкурсах и грантах в сфере культуры.

6. Модуль «Учреждения» представляет собой интерактивную карту учреждений культуры Иркутской области с отображением всей сети учреждений культуры с учетом филиалов и структурных подразделений, справочной информацией о муниципальных образованиях и учреждениях культуры области. Раздел дает представление о количестве и видах учреждений в каждом муниципальном образовании, расположении учреждений на карте и контактных данных учреждений: адрес, телефон, электронная почта и сайт.

Сейчас скрыты от пользователей, поскольку находятся в стадии работы, еще два модуля.

7. Раздел «Бренды», здесь будет представлена информация о культурных брендах Иркутской области, показывающих уникальность нашего региона в сфере культуры. Это выдающиеся личности, фестивали

и праздники, архитектура, объекты нематериального культурного наследия и др.

8. Раздел «Блог» предполагает освещение деятельности людей, внесших вклад в сферу культуры, будет включать авторские колонки и статьи.

В ближайшей перспективе планируется наполнить Портал медиаконтентом, в первую очередь, это видео и аудиоматериалы: видеозаписи театральных постановок, концертов, видеофильмы, записи экскурсий, мастер-классов и пр.

Начата работа по взаимодействию с частными организациями в сфере культуры (в первую очередь, это кинотеатры и выставочные залы) с целью представления мероприятий данных учреждений на Портале.

Работа над Порталом продолжается, он будет наполняться новыми рубриками и материалами. Понадобится не менее года, чтобы отработать механизм взаимодействия со всеми участниками.

Мы уверены, что «Культура38», как единая точка доступа к информации о культуре Иркутской области, станет востребованным, интересным, удобным и содержательным ресурсом, будет способствовать вовлечению населения в общекультурные процессы региона и содействовать продвижению услуг, предоставляемых в сфере культуры.

ЭКОЛОГИЯ В ВИРТУАЛЬНОМ МИРЕ

УДК 004.9

Н. Г. Васильев, А. Г. Терещенко, *Иркутск***Цифровая экология как методологическая основа
концепции устойчивого развития экономики**

Рассматривается цивилизационная роль цифровой экологии в развитии человечества. Отмечается роль культуры, ориентированной на создание информационных кодов, т. е. на построение глобального и регионального виртуального информационного мира.

Ключевые слова: цифровая экология, экологизация науки, устойчивое развитие, экологическая парадигма, флуктуация, стохастические процессы.

N. G. Vasiliev, A. G. Tereshchenko, *Irkutsk***Digital ecology as a methodological basis for the concept of sustainable
development of the region**

The article deals with the civilizational role of digital ecology in the development of mankind. The role of culture focused on the creation of information codes, on the construction of a global and regional virtual information world, is noted.

Keywords: digital ecology, greening of science, sustainable development, ecological paradigm, fluctuation, stochastic processes.

Главной задачей научно-теоретического исследования экологической проблемы является введение в социально-экологическую картину мира глобальных и комплексных социоприродных больших систем. Современная экологическая картина мира является онтологическим основанием формирования стратегии перехода к устойчивому развитию основанному на широкомасштабной цифровизации все социально-технологических процессов. Объединение экологической проблематики и концепции устойчивого развития ставит перед обществом ряд принципиально новых задач, требующих соединения методологии системного подхода и возможностей цифровой экологии по работе с большими базами данных.

Специфика функционирования больших систем заключается в том, что она начинает определяться внутренними законами саморегулирования и самоорганизации и определить спрогнозировать логику дальнейшего развития трудно, а подчас и невозможно. Создание системы адекватного научного знания заставляет включать в нее все качественно различные

компоненты – гуманитарные, технические, естественно-научные – существование которых не диктуется проблемами наличного состояния экологической проблемы [1].

В развитии социальной экологии, ее влиянии на существующую науку в целом наметились две, внешне противоречивые тенденции. С одной стороны, ширится спектр собственно социально-экологических исследований, с отчетливо выделенным предметом, отчетливой проблематикой. С другой, развивается процесс экологизации традиционных областей знания. Происходит своеобразная модернизация традиционной науки. Внедрение социально-экологических подходов в сферы, напрямую несвязанные с экологической проблематикой, обусловлено рядом имманентно присущих социальной экологии атрибутов. Экологизация научного знания, в первую очередь, обусловлена присущей социальной экологии эвристичностью. Принципиальная нетрадиционность и незавершенность социальной экологии позволяет ей выявлять и решать принципиально новые научные проблемы. Существует имманентно присущая принципиальная неопределенность в системе связей общества и природы, закономерностях их взаимодействия, путях коэволюции человека и природы. Современная наука не располагает теоретическими средствами, концептуальным и математическим аппаратами для реализации достоверного экологического прогноза в глобальном масштабе. В системе «общество-природа» всегда присутствует субъективная неопределенность, появляются все новые структуры и связи [4].

Экологическая проблематика всегда опережает интеллектуальные возможности и наработки науки. Это и вызывает обращение к эвристическим возможностям социальной экологии. Традиционные методы ориентированы на жестко детерминированные процессы описание которых позволяет построить логические цепочки рассуждений и сделать события прогнозируемыми, а знания верифицируемыми. Экология имеет дело, в большей степени, со стохастическими процессами. Стохастические системы описываются законами нелинейной динамики и предполагают большую степень допущений и неопределенности. Каждая проблемная ситуация становится уникальной и требует специфического метода анализа и принятия уникального решения. Эвристика, которую можно определить, как науку о нестандартных подходах к нестандартным проблемам, отвечает экологической специфике. Развитие эвристической функции социальной экологии позволяет включить в экологические исследования интуицию и сделать каждое исследование творческим.

Цифровизация социальных процессов тесно связана с концепцией устойчивого развития, что предполагает соразвитие экономики, экологии и социума. Традиционно под экологизацией понимается использование экологических подходов для анализа влияния экологических факторов в различных сферах социальной деятельности.

Следует отметить, правомерность рассуждения о существовании экологического подхода. В данном контексте, он выступает средством экологизации науки, ориентации общественной мысли на объективную необходимость формирования нового представления о человеке и природе и их взаимосуществовании, т. е. формировании новой экологической парадигмы [2]. Экологический подход позволяет науке акцентировать внимание на социально-экологической проблематике, вводить в категориальный аппарат экологические и экологизированные понятия, а также, насытить методологический арсенал современного знания новые эвристические методы и подходы. Экологизация науки позволяет вырабатывать методологические средства, такие как, биоэкологические, эколого-синергетические, цифровые и т. д., адекватные комплексности и системности социально-экологических объектов.

Экологизация науки, с неизбежностью, требует ориентации исследования на некоторый, иногда даже гипотетический, метаобъект исследования. Это связано со спецификой объекта исследования социальной экологии, которая имеет дело с изменяющейся нестатичной коэволюционной системой.

Экологизация науки обусловлена дейтвием антропного принципа в эволюции мира, он устанавливает связь между глобальными фундаментальными физическими свойствами Вселенной и самоорганизацией материальных систем. Социально-экологическая проблематика достраивает здание современной науки и формирует новую парадигму, основанную на двух главных принципах – принципе системности и принципе развития. Логика подхода к анализу системы с позиции метасистемы и широкая экологизация науки требует создания отчетливой модели функционирования экосистем на каждом уровне организации материального и духовного мира. Это наглядно демонстрирует развитие достаточно нового комплексного научного направления – биосферологии.

Экологизация научного знания, а также, экологизация образа жизни, является следствием проявления закона незаменимости биосферы. Уникальность биосферы как системы заключается в том, что она обладает большим потенциалом устойчивости и способна гасить и приводить к равновесию факторы возмущения большой силы. Отчетливое разведение различных аспектов экологической проблемы позволяет идентифицировать их с предметами различных наук, что предполагает работу с большими базами цифровых данных. При этом особую значимость приобретает отделение теоретических аспектов от прикладных аспектов экологической проблемы. Это позволяет, с одной стороны, связать воедино результаты, полученные методами теоретического знания. С другой сто-

роны, придает целенаправленность экологическим исследованиям и повышает их прикладную результативность и дает возможность усилить региональную направленность науки.

Экологизация общенаучной сферы научного знания определила сферу распространения системных понятий, теоретических форм и средств познания, в обиход науки широко вошли общенаучные понятия, такие как, информация, модель, система, функция и т. п. С помощью экологических системных ориентаций в науке распространились общенаучные методы и подходы к познанию, такие как, системно-структурный, системно-функциональный, метод моделирования больших систем и т. п. Наиболее наглядно, иллюстрирует эвристичность процесса экологизации науки распространение эколого-информационного подхода, использование которого сопровождалось обретение статуса общенаучности [3].

Козволюционный процесс сопровождается качественным усложнением экосистем, которые насыщаются большим количеством социальной информации. Человек преобразовывает природу и создает мир культуры, мир «второй природы», которая необходима для раскрытия специфических человеческих качеств, таких как, насыщенность среды «виртуальными» образами, широкий спектр эмоциональных способностей, создание и адаптация к системе ложных связей. В ходе коэволюции общество и природа теряют элементы изоляции и становятся открытыми взаимодействующими системами. В силу того, что они существуют в качестве подсистем системы более высокого уровня энергетические и информационные потоки одной системы сплетаются с потоками другой. Согласно законам синергетики – это выражается в состоянии увеличения или уменьшения энтропии в системе. Усиление социальной энергетики как результат социального прогресса, с неизбежностью, понижает энергетику окружающей среды, увеличивает ее энтропии.

В биосфере заложен огромный потенциальный адаптивный потенциал. Становление человечества происходило в ходе извлечения информации и энергии из среды обитания. При этом, неизбежно происходило ухудшение состояния среды обитания, ее сознательная и бессознательная перестройка. В ходе коэволюционного развития, общество и природа сформировались как две материальные системы, взаимодействующие между собой в рамках целостной системы.

Концепция устойчивого развития отчетливо учитывает эту закономерность, так как она ориентирует на системное соединение экологии и экономики. Устойчивость системы определяется ее способностью оптимизировать происходящие изменения, обладать внутренним потенциалом для приведения системы в равновесие. Именно необходимость управления энергетическими и информационными потоками как на гло-

бальном, так и на локальном, региональном уровне определяет все усиливающуюся экологизацию науки. Производство как определенная характеристика цивилизационного процесса предполагает потребление негэнтропии из природы и отвод энтропии в окружающую среду [5].

Обращение современного общества к концепции устойчивого развития обусловлено необходимостью тесной увязки физических свойств и параметров общества с ее социальной природой, с основой ее существования – развитием материального производства, обменом веществ, энергии и информации с природой. Цивилизация, в ее этническом воплощении, находится в тесной связи с окружающей ее средой, которую общество изменяет, меняя параметры среды обитания. Таким образом, социальноэкологическая история человечества привела ее к необходимости сознательно формировать среду собственного существования. Состояние каждого этноса, в первую очередь, определяется его цивилизованность, т. е. степенью сознательного преобразования и управления экосредой. Связь общества со средой определяет принципиальную разницу между культурой и цивилизацией. Культура ориентирована на восприятие и создание информационных кодов, т. е. на построение виртуального информационного мира. Цивилизация предполагает воплощение информации в вещественной и энергетической реальности, перевода виртуальности в осязаемость.

Литература

1. Васильев В. Ю., Васильев Н. Г. Актуальные проблемы создания эвристичной электронной образовательной среды вуза. В сб. Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 20–23 сент. 2019 г. / под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 225–229.
2. Голованов В. И. Роль экологии в устойчивом развитии общества: диалектика и ретроспектива / Рос. гос. гуманитар. ун-т. М. : МАКС Пресс, 2021. 506 с.
3. Государство и бизнес. Экосистема современной экономики. Международная научно-практическая конференция. СПб. : Сев.-Зап. ин-т управления РАНХиГ при Президенте РФ, 2020. 73 с.
4. Журавлева И. А., Заварзина Ю. В. Подходы к внедрению социально-экологических инноваций в современном обществе // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Иркутск, 2021. С. 204–207.
5. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общества, культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 129 с.

УДК 316.454.52

Д. В. Гаврусева, *Иркутск*

Влияние СМИ и интернета на общественное мнение об обращении с безнадзорными животными

Статья посвящена освещению в СМИ и сети Интернет проблем обращения с безнадзорными животными на территории Иркутской области. Анализируются материалы, размещенные в средствах массовой информации, их влияние на общественное мнение, выявляет общие закономерности, противоречия и делает прогноз развития ситуации.

Ключевые слова: общественное мнение, СМИ, безнадзорные животные, жестокое обращение с животными.

D. V. Gavrusева, *Irkutsk*

The influence of the media and the Internet on public opinion about the treatment of stray animals

The article is devoted to the coverage in the media and the Internet of the problems of handling stray animals in the Irkutsk region. The author analyzes the materials posted in the media, their impact on public opinion, reveals general patterns, contradictions and makes a forecast of the development of the situation.

Keywords: public opinion, media, stray animals, cruelty to animals.

Вопросы влияния средств массовой информации (СМИ) на общественное мнение не теряет актуальность уже многие десятилетия. Средства массовой информации выполняют многообразные функции: информирование населения о событиях, происходящих в стране и мире; образование и социализация; сбор и распространение информации, распространение культуры, реклама. Они оказывают влияние почти на все стороны жизни общества.

С появлением радио, телевидения, интернета информация стала доступна широкому кругу пользователей, СМИ и в сети Интернет стали именовать «четвертой властью», поскольку с развитием науки и технологий появилось огромное количество методов и способов влияния на сознание людей с их помощью. Сегодня СМИ и Интернет играют важную роль в формировании общественного мнения и формулировании общественных интересов граждан.

Общественным мнением принято считать совокупное оценочное суждение, в котором выражается отношение социальной общности, коллектива к различным явлениям и событиям действительности [1; 2]. Существует оно практически во всех сферах и областях жизнедеятельности общества, но высказывается и разглашается далеко не по любому поводу и вопросу. В поле зрения общественного мнения попадают обычно проблемы, факты, события, которые актуальны, вызывают общественный интерес и допускают многозначное толкование, а также возможность проводить дискуссии на затрагиваемые темы [5].

Проблема безнадзорности животных является одной из таких дискуссионных тем, многоаспектным и актуальным социальным явлением. Основные сложности: совмещение мер гуманного и эффективного контроля численности бездомных животных; риски здоровью населения; выработка единой государственной и общественной позиции и модели решения. Это важный вопрос социальной и личной ответственности граждан.

В настоящее время все без исключения регионы Российской Федерации сталкиваются с серьезными проблемами, связанными с регулированием численности животных без владельцев и обеспечением контроля над ними. В России сейчас насчитываются десятки миллионов бездомных собак и кошек. Причем информация об их количестве довольно противоречива. Отсутствие официальной статистики объясняется невозможностью отследить увеличение их количества. Так, рост безнадзорных собак на улицах городов беспокоит жителей и зоозащитников. Из-за нарушений правил содержания некоторые питомцы превратились в угрозу для населения.

СМИ и сеть Интернет привлекают внимание общественности и властей к данной проблеме, публикуя материалы о нападении бездомных собак, инициируя обсуждения, советуя, как действовать в опасных ситуациях [3; 4; 12].

В обществе укрепилось мнение, что рост численности безнадзорных животных создает реальную угрозу санитарному благополучию, здоровью и жизни людей. Принятие Федерального закона «Об ответственном обращении с животными» явилось значимым событием и создало правовые предпосылки решения обозначенной проблемы [7; 10; 11].

Теперь владельцы приютов для животных и уполномоченные ими лица несут такие же обязанности, как и владельцы домашних животных. Закон категорически запрещает умерщвлять животных в приютах, кроме случаев, когда ветеринаром установлено, что животное страдает от «тяжелого неизлечимого заболевания или неизлечимых последствий острой травмы, несовместимых с жизнью» [8; 9]. Все безнадзорные животные должны проходить стерилизацию, вакцинацию, получать неснимаемую метку и возвращаться в места обитания. После отлова безнадзорное животное немедленно должно быть передано в приют, где ему проведут вакцинацию и стерилизацию, а сам процесс отлова и выпуска на прежнее место обитания будет фиксироваться на видео. Запрещен отлов животных с данными владельцами (например, со специальными бирками на ошейниках). Необходимо найти владельца и передать ему животное.

Однако с реализацией положений нового закона существует множество проблем. Их, конечно, тоже регулярно обсуждают в СМИ и сети Интернет, на сайтах зоозащитных организаций, в социальных сетях. В целом

люди поддерживают гуманные принципы, но осуждают коррупцию и грубые нарушения норм законодательства в данной сфере.

Рассмотрим это на примере Иркутской области. Органы местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области наделяются следующими отдельными государственными полномочиями:

- 1) отлов и транспортировка животных без владельцев
- 2) их передержка;
- 3) возврат в места прежнего обитания.

Однако переданные для реализации полномочий материальные средства не позволяют муниципальным образованиям решать поставленные перед ними задачи, в результате чего нарушается право граждан на безопасные санитарно-эпидемиологические условия проживания. Указанные полномочия реализуются за счет средств субвенций, предоставляемых из областного бюджета. Наибольшие объемы средств направляются в г. Иркутск, г. Ангарск, Шелеховский и Иркутский районы. Это наиболее населенные муниципальные образования. В Мамско-Чуйском и Катангском районах подобная работа вообще не ведется.

Динамика предоставления субвенции на осуществление ОГП по организации проведения мероприятий по отлову и содержанию безнадзорных животных представлена на рисунке.

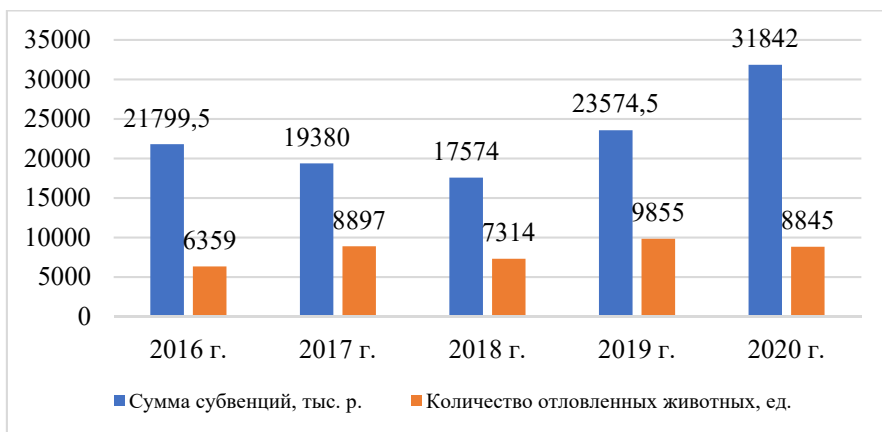

Рис. Финансирование и результат мероприятий по отлову и содержанию безнадзорных животных

Изучив итоги конкурсов на оказание услуг по отлову и содержанию животных без владельцев, мы выяснили, что поставщиком услуг в большинстве муниципальных образований стало ООО «Пять звезд», зачастую являясь единственным участником конкурса. В 2020 г. с ООО «Пять

звезд» заключили муниципальные контракты на 20 млн рублей – на 3400 безнадзорных собак. Других претендентов на выполнение муниципальных контрактов не устраивала сумма, выделяемая на отлов и содержание животных.

В конце 2020 г. из приюта ООО «Пять звезд» пришлось изъять больных и истощенных животных. Это происшествие получило большой резонанс в прессе: статьи, ролики и посты в социальных сетях несколько месяцев освещали эту проблему. Общественность стала требовать проведения проверок, были составлены различные петиции с призывом привлечь виновных к ответственности [6; 13]

Зоозащитная организация «ВИТА» обратилась в Генпрокуратуру РФ, СК РФ и МВД РФ по событиям с массовой гибелью животных в приюте «Пять звезд». Прокуратурой Иркутского района в связи с многочисленными обращениями граждан и публикациями в СМИ организована и проведена проверка по факту неправомерных действий ООО «Пять звезд», было возбуждено дело о жестоком обращении с животными.

Специалисты нашли в приюте множество нарушений. Начиная от ненадлежащего содержания животных, заканчивая неправильным ведением документации. Самые грубые замечания – по кормлению животных, по совместному содержанию больных и здоровых особей и по карантинированию. Неправильно формировался рацион, не было обязательного карантина в 10 дней, когда новые животные поступали в приют. Понятно, что никакой ветврач не осматривал собак, их просто подсаживали в вольер к уже имеющимся [11; 12].

В приюте отсутствовал план дезинфекции и уборки, судя по результатам проверки, чистоту там особо и не поддерживали. По словам специалистов, животные жили в тесных грязных вольерах по 8–10 особей в каждом, когда по правилам совместно могут находиться не более пяти животных.

В оформлении документации тоже полный беспорядок. В заявках на отлов не было описания животного, его характеристик, а также сведений о неснимаемой метке. В описях вакцинирования от бешенства нет идентификационных номеров – это уже привело к путанице среди привитых и непривитых животных. Часть документов вообще отсутствует, нет учетных дел, которые должны храниться в архиве до трех лет. Кстати, сайт заведения тоже проверили. Информации на нем практически нет, а по тем фотографиям, что размещены на странице, непонятно, живы ли вообще запечатленные на них собаки и кошки.

Территория приюта не отвечает нормам СанПин. Санитарно-защитная зона, которая по правилам должна быть не менее 100 метров, здесь чуть больше 50 метров. Территория не обнесена глухим сплошным забором, а на въезде нет специального барьера. Непонятно, как ООО «Пять

звезд» из года в год выигрывал тендеры на отлов бездомных животных, если там столько юридических и санитарных несоответствий.

Итак, ситуация с безнадзорными животными в городе Иркутске крайне сложная. В области работает всего три приюта, а компании, которые выигрывают контракты на отлов животных, не выполняют свои обязательства.

Компании-победители не находятся на территории Иркутска. Поэтому, куда эти собаки отправляются, большой вопрос. Много нарушений. И ситуация не стабилизируется на текущий момент. Финансирования хватает только на полгода. Еще одна проблема – слабый контроль за исполнением условий контракта. По сути, сегодня никто не проверяет подрядчиков, отлавливающих бродячих псов. Поэтому нередко выясняется, что животных не стерилизуют и не выпускают обратно, а просто усыпляют.

Считаем, что СМИ и сеть Интернет могут успешно влиять на ситуацию с безнадзорными животными, пропагандируя ответственное отношение к питомцам, поддерживая инициативы по поиску новых владельцев для брошенных собак и кошек, обличая недобросовестных исполнителей контрактов и чиновников-коррупционеров.

Органам власти и местного самоуправления также необходимо привлекать ресурсы СМИ и сети Интернет: средствами социальной рекламы и масс-медиа следует проводить разъяснительную и воспитательную работу с населением города. Повышение ответственности людей по отношению к животным снизит как количество безнадзорных животных, так и случаев жестокого обращения с животными.

Активная позиция СМИ и информационных ресурсов сети Интернет по вопросу гуманного обращения с безнадзорными животными будет способствовать формированию ответственного отношения к животным, реализации прав граждан на безопасные санитарно-эпидемиологические условия проживания, улучшению санитарно-эпидемиологической обстановки.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. № 15. № 2. С. 76–84.
2. Ардашев Р. Г. Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания // Социология. 2021. № 3. С. 53–61.
3. Бродячие хищники: как живет собачья стая. URL: <https://info.sibnet.ru/article/610641/?ysclid=16n1lzudt64959132> (дата обращения: 01.08.2022)
4. Голод ни при чем. Почему бродячие псы нападают на людей. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2021/12/30/14375101.shtml?ysclid=16n1ly2369790960439&updated>
5. Гуржий, Д. А. Влияние СМИ на формирование общественного мнения // Молодой ученый. 2015. № 12 (92). С. 991–993.
6. Живодерня «Пять звезд» // Новая газета. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/11/10/87899-zhivodernya-pyat-zvezd?ysclid=16ne10a490565388957>

7. Китаева В. Н. Некоторые аспекты противодействия жестокому обращению с животными // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 3. С. 568–578.
8. Китаева В. Н. Криминологическая характеристика жестокого обращения с животными // Сибирские уголовно-процессуальные и криминологические чтения. 2015. № 1 (7). С. 127–134.
9. Китаева В. Н. Животные и преступления: уголовно-правовое и криминологическое исследование : монография. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2010. 282 с.
10. Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
11. Полный бардак. Ветслужба озвучила итоги проверки в приюте «Пять звезд» // АиФ в Восточной Сибири. 09.12.2020 URL: https://irk.aif.ru/society/polnyy_bardak_vetsluzhba_ozvuchila_itogi_proverki_v_priyute_pyat_zvyozd (дата обращения: 08.08.2022).
12. Псы с городских окраин: почему на россиян продолжают нападать безнадзорные собаки // Известия. URL: <https://iz.ru/1045321/sergei-gurianov/psy-s-gorodskikh-okrain-pochemu-narossiian-prodolzhaiut-napadat-beznadzornye-sobaki?ysclid=16n1ltz1w9866916246> (дата обращения: 05.08.2022).
13. Совсем не «пять звезд»: в приюте под Иркутском массово уничтожали собак // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20201109/sovsem-ne-pyat-zvezd-v-priyute-pod-irkutskom-massovo-unichtozhali-sobak-1583785510.html?ysclid=16ndzri56i690695713> (дата обращения: 05.08.2022).

УДК 574.578

М. Н. Гордеева, *Шелехов*

Экологические проблемы в России: реальные условия и их виртуальное отражение

Проводится анализ существующих экологических проблем России. Выявляются основные зоны экологической проблематики, а также прослеживается динамика виртуального отражения экологических проблем с 2012 по 2022 г. Приводятся результаты контент-анализа интернет-публикаций по материалам экологических проблем, в результате которого выявляются общие закономерности и особенности формирования общественного мнения в сфере экологического сознания и экологических проблем россиян.

Ключевые слова: экологические проблемы, виртуальность, контент-анализ, общественное мнение, экологическое сознание.

M. N. Gordeeva, Shelekhov

Environmental problems in Russia: real conditions and virtual reflection

The article analyzes the existing environmental problems in Russia. The main areas of environmental issues are identified, and the dynamics of the virtual reflection of environmental problems from 2012 to 2022 is also traced. The results of the content analysis of Internet publications based on materials of environmental problems are presented, as a result of which general patterns and features of the formation of public opinion in the field of environmental consciousness and environmental problems of Russians are revealed.

Keywords: environmental problems, virtuality, content analysis, public opinion, environmental consciousness.

Проблемы экологии и охраны окружающей среды являются глобальными проблемами мирового масштаба. Так или иначе все государства планеты сталкиваются с одинаковыми факторами, оказывающими существенное влияние на окружающую среду. Развивается промышленность, человечество все больше и больше расширяет пространство для своей

жизнедеятельности за счет природных ландшафтов, агрессивно использует природные ресурсы, как следствие увеличивается антропогенная нагрузка в местах проживания человека. В этом смысле Россия не исключение. Проблемы экологии в нашей стране в последние несколько десятков лет являются предметом пристального внимания как со стороны общественности, прежде всего в лице различных общественных организаций по охране природы, так и со стороны научного сообщества.

Следует отметить, что огромный массив экологических проблем достался России в наследство от Советского Союза, когда вопросам охраны окружающей среды не уделялось должного внимания. Интенсивное развитие тяжелой промышленности, увеличение добычи и потребления природных ресурсов, аграрные реформы, испытание ядерного и водородного вооружения, последствия мировых войн – это неполный перечень основных факторов, оказывающих губительное воздействие на окружающую среду в СССР.

Изучая вопросы природоохранной политики советского государства середины XX в., отмечала, что в период, когда в СССР интенсивными темпами строились промышленные предприятия, осваивались новые территории, а индустриализация набирала обороты, влияние этих процессов на окружающую природную среду вообще никем не оценивалось и не учитывалось, что привело к возникновению множества экологических проблем в стране [5].

Впрочем, и на современном этапе в России экологическая обстановка вызывает большую тревогу и озабоченность у различных ученых, экологов и общественников. И во многом, считается, что темпы негативного влияния человека на окружающую среду в последние десятилетия существенно выросли.

Так, основные экологические проблемы в настоящий момент в России можно разбить на следующие группы:

- загрязнение промышленного характера воздуха, почвы, воды;
- утрата лесов в результате вырубок и пожаров;
- изменение природного ландшафта в результате деятельности человека: распашка земель, вырубка лесов, осушение болот и т. п. ;
- увеличение объемов отходов производства и потребления, отсутствие налаженной системы переработки и вторичного использования отходов;
- последствия техногенных аварий и катастроф.

На территории России действует огромное количество промышленных предприятий, деятельность которых зачастую отрицательно сказывается на состоянии целых регионов. Практически любое промышленное

предприятие наносит определенный вред окружающей среде, но наиболее проблемными для экологии являются следующие отрасли:

- добыча полезных ископаемых;
- энергетика;
- металлургия;
- деятельность военно-промышленных предприятий.

Выбросы промышленных отходов ухудшают состояние атмосферы. Негативное влияние на качество воздуха происходит в результате сгорания автомобильного топлива, а также сжигания таких ресурсов как уголь, нефть, газ, древесина. Так, крупнейшими источником загрязнения воздуха являются тепловые электростанции. В их котлах сжигают органическое топливо, в результате чего в воздух выбрасываются различные твердые частицы и парниковые газы. Считается, что эти процессы приводят к возникновению кислотных дождей, которые в свою очередь загрязняют землю и водоемы, поскольку в природе данные процессы взаимосвязаны. Также в результате работы тепловых электростанций происходит эффект теплового загрязнения из-за большого выделения неиспользуемой энергии.

Совсем недавно Федеральной службой по надзору в сфере природопользования был составлен своеобразный антирейтинг основных городов-загрязнителей на территории России. Основным фактором для составления данного рейтинга является концентрация крупнейших металлургических, нефтехимических и теплоэнергетических предприятий, которые используют грязные виды топлива. Так, в топ-10 таких городов вошли:

- Норильск;
- Череповец;
- Новокузнецк;
- Липецк;
- поселок городского типа Рефтинский (Свердловская область);
- Междуреченск (Кемеровская область);
- Магнитогорск;
- Воркута;
- Уфа;
- Ангарск (Иркутская область).

Согласно данным Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды за период с 2015 по 2019 г. в различных городах РФ проводилось наблюдение за качеством воздуха. Так, более чем в 60 % случаев концентрация одного или нескольких загрязняющих веществ в атмосферном воздухе превышала одну предельно допустимую концентрацию. Результаты исследования отражены на рис. 1.

Не только в нашей стране, но и во всем мире остро стоит вопрос с состоянием водных ресурсов, особенно источников пресной воды. Зачастую водные объекты используются различными предприятиями для сбросов в них отходов производства и сточных вод. Особенно сложная ситуация в крупных мегаполисах, расположенных возле рек. Загрязненная вода проникает глубоко в грунт и делает непригодными подземные источники. Впрочем, существенный урон экологии наносят не только промышленные предприятия, но и сельскохозяйственные производители, в результате деятельности которых водоемы загрязняются нитратами и отходами животноводства.

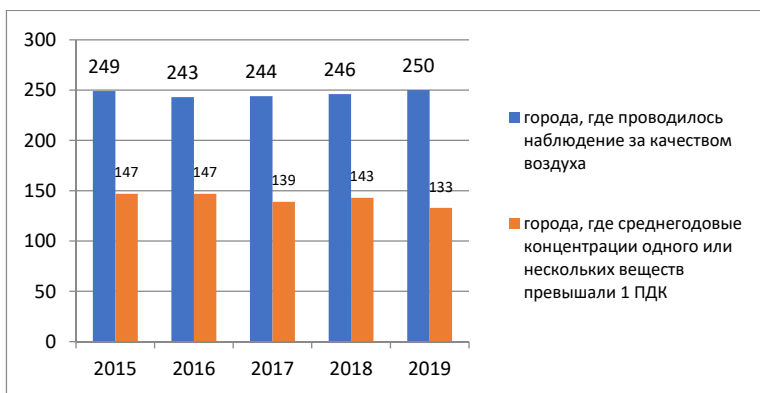

Рис. 1. Города со среднегодовой концентрацией загрязняющих веществ в атмосферном воздухе, превышающей 1 ПДК

Загрязнение водоемов уничтожает сложившиеся экосистемы, приводит к гибели животных, рыб, растений. Для человека загрязнение водных источников грозит обернуться дефицитом пригодных для использования водных ресурсов.

Согласно исследованиям Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, начиная с 2015 г., примерно 10 % населения России не обеспечено питьевой водой, отвечающей требованиям безопасности (рис. 2).

Одной из глобальных проблем также является сокращение лесных массивов. Согласно исследованиям, проводимым Всемирным фондом дикой природы России, ежегодно в нашей стране лесные массивы сокращаются в результате рубок более чем на 500 тыс. га.

При этом темпы сокращения лесов постоянно растут. Если в 2001–2002 гг. в нашей стране в результате лесозаготовительной деятельности

ежегодно терялось около 100 тыс. га, то в период с 2017 г. темпы сокращения лесов выросли в 5 раз. В результате этих процессов в научной среде появился такой термин, как «обезлесивание».

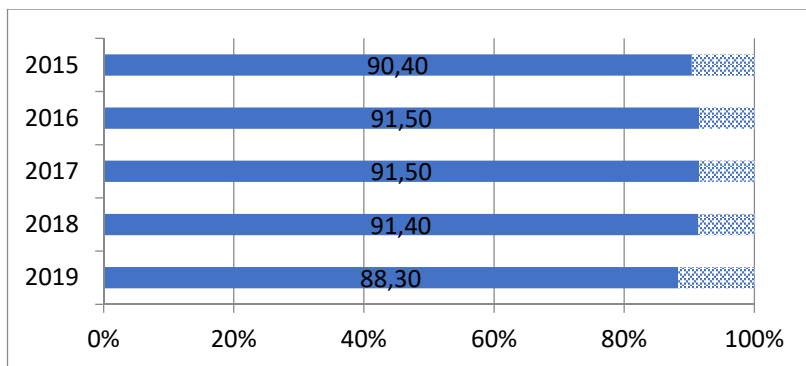

Рис. 2. Обеспечение населения питьевой водой, отвечающей требованиям безопасности

В научной среде существуют такие термины как первозданные или малонарушенные леса. То есть это такие участки экологических систем, которые практически не подверглись какому-либо значимому воздействию со стороны человека. Сохранение таких лесных территорий должно быть одной из главных задач в управлении природопользованием и охраной окружающей среды в нашей стране.

Россия одна из немногих стран планеты, где сохранились достаточно большие площади первозданных лесов. Леса, которые практически не подверглись воздействию человека, составляют около 20 % от общей лесной массы в мире. Согласно исследованиям Всемирного фонда дикой природы России, доля сохранившихся малонарушенных лесов в нашей стране составляет 1/5 часть от мирового запаса первозданного леса. Однако и в нашей стране их площадь быстро сокращается, впрочем, как и во всем мире. В среднем в мире безвозвратно исчезает около 8,7 млн гектаров дикого леса в год, из которых примерно 20 % приходится на нашу страну.

Согласно данным WWF, основными причинами потери малонарушенных лесов являются лесные пожары, вызванные человеком (около 60 %). Можно вспомнить относительно недавние события в Сибири в 2019 г., когда на территории Бурятии, Иркутской области, Красноярского края и Якутии бушевали лесные пожары на площади 5 млн. гектар. Считается, что за последние 20 лет этот пожар стал самым крупным.

Также причинами потери малонарушенных лесов называют вырубки (около 23 %), а также добыча полезных ископаемых (около 17 %), что, конечно, не может не вызывать тревогу у экологов.

Техногенные катастрофы в России также являются существенным фактором, влияющим на экологическую ситуацию в стране. Так, за последние 30 лет случились десятки происшествий, оказавших губительное воздействие на состояние окружающей среды.

Одна из самых страшных и масштабных экологических катастроф в нашей стране произошла в августе 1994 г., когда в Усинском районе Республики Коми в нескольких местах произошел прорыв нефтепровода, из-за чего нефть вылилась и попала на поверхность земли и в водоемы. По разным данным, объем сырья составил от 14 до 200 тыс. т. Ущерб от данного чрезвычайного происшествия был огромный. Загрязнение повлияло на экосистему целого региона. Произошел массовый падеж скота, в теле животных была найдена нефть, также был отравлен урожай и повреждены зеленые насаждения. Загрязнение почвы мазутом составило более 7 кв. км. О масштабе катастрофы говорит и тот факт, что работы по ликвидации ее последствий велись практически 16 лет.

Осенью 2007 г. в результате шторма в Керченском проливе потерпел крушение танкер «Волгонепфть», на борту которого было 4800 т мазута. Также пострадали сухогрузы «Ковель», «Вольногорск» и «Нахичевань», загруженные серой. В результате их повреждения произошел разлив в воду 7 тыс. т серы и 9 тыс. т нефти. На протяжении 250 км береговая линия Таманского залива, а также Украины и России была загрязнена нефтепродуктами. Порядка 35 тыс. птиц погибло.

В конце лета 2018 г. на Иреляжном водохранилище в Якутии произошел прорыв дамбы алмазодобывающей компании «Алорса». Считается, что причиной катастрофы стали ливни, которые размыли плотину. В результате прорыва в водах рек Ирелях, Вилюй и Малая Ботуобуя произошло скопление таких элементов, как: фенол, марганец, медь и железо. Так, р. Вилюй была загрязнена на протяжении порядка 200 км.

В отношении компании «Алорсы» было возбуждено уголовное дело. Нарушителю инкриминировалось загрязнение источников воды с нанесением вреда экологии. Власти Якутии оценили ущерб от прорыва дамб в 27 млрд руб. Однако предприятие-нарушителя оштрафовали всего на 600 тыс. руб., а позже еще на 50 тыс. руб. за загрязнение рек Республики Якутия.

По данным экологической организации Greenpeace, более 90 % всех аварий, связанных с разливом нефти, происходят из-за изношенного состояния труб и иного оборудования [5]. Следовательно, если бы нефтя-

ные компании своевременно производили мониторинг своего оборудования, а также осуществляли замену ветхого оборудования, то большинство экологических проблем можно было бы избежать.

Примечательно, что данная позиция поддерживается и в надзорных органах, в частности в Генеральной Прокуратуре РФ. Так, в своем докладе «Прокурорский надзор за исполнением законов о промышленной безопасности» представитель Генпрокуратуры РФ Основной причиной экологических катастроф является желание собственников предприятий и организаций получить максимальную прибыль от использования оборудования без осуществления затрат на его модернизацию и надлежащее техническое оснащение. Одной из наиболее частых причин техногенных аварий является эксплуатация оборудования за пределами срока его службы [4].

Одной из глобальных экологических проблем в России является рост быстрыми темпами количества отходов производства и потребления. Происходит это в результате нескольких причин: повышение уровня жизни населения и, как следствие, повышенный спрос на различные товары, высокий процент производства одноразовых товаров, отсутствие налаженной системы вторичной переработки отходов, в результате чего большая их часть размещается на полигонах, т. е. попросту закапывается в землю. В результате с каждым годом растет площадь существующих объектов размещения отходов, а также формируются новые земельные участки для создания очередных таких объектов.

По данным Федеральной службы по надзору в сфере природопользования, рост образованных отходов в 2019 г. по сравнению с 2015 г. составил более 50 % (рис. 3).

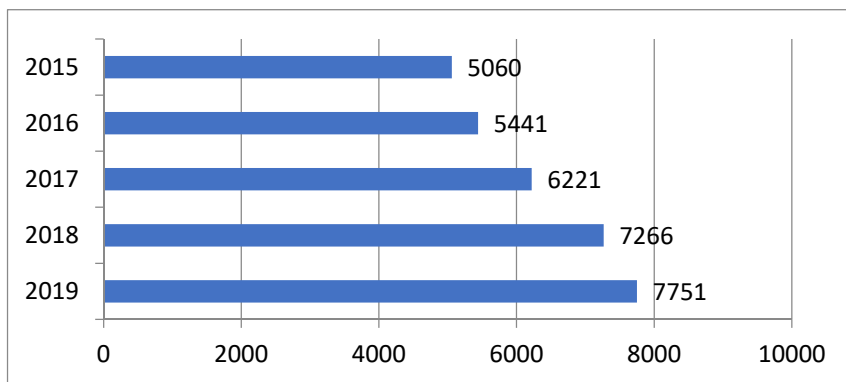

Рис. 3. Динамика образования отходов производства и потребления за период 2015–2019 (млн т)

Более подробно вопросы функционирования системы обращения с отходами производства и потребления на современном этапе мы рассмотрим в следующих главах нашего исследования.

Становятся актуальными вопросы государственного управления в сфере экологии [1], внедряются социально-экологические инновации [2], активизируется работа общественных экологических организаций [6] и все вместе это меняет экологическое сознание россиян [3], но это кардинально не меняет ситуацию. В сети интернет все больше и больше нагнетается информация о проблемах экологического состояния России, что формирует негативные установки и программы в сознании россиян.

В Сети интернет-данные явления также находят свое подтверждение через публикацию обозных, обличительных, агитационных и иных публикаций. Нами проведен анализ виртуальной представленности существующих экологических проблем. Исследование проводилось методом контент-анализа публикаций за последние 10 лет с 2012 по 2022 г. Всего в анализе приняло участие 6689 публикаций, поиск которых осуществлялся через ключевые слова в поисковых системах: «экологические проблемы», «экологическая катастрофа», «экология России», «экологический катаклизм». Скрипты материалов исследования анализировались через программу AskNET. В таблице представлены полученные результаты.

Таким образом, количество публикаций негативных публикаций об экологической обстановке в России с каждым годом все растет, количество положительных уменьшается. Сеть интернет выступает основой для развития общественного мнения Россиян об экологической ситуации, поэтому, данные процессы негативно сказываются на социальном развитии экологического сознания и в целом благополучия граждан. В России на сегодняшний момент существует огромный пласт проблем экологии. Безусловно, что на современном этапе развития общества полностью их решить и искоренить невозможно, однако вполне возможно минимизировать некоторые из них, и это должно быть ключевой задачей, как для органов власти, так и для всего общества в целом.

Таблица

Виртуальное отражение экологических проблем России (в %)

Категория Год	2022 г.		2021 г.		2020 г.		2019 г.		2018 г.		2017 г.		2016 г.		2015 г.		2014 г.		2013 г.		2012 г.	
	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-
Экологические проблемы	19	81	23	77	25	75	30	70	33	67	38	62	42	58	45	55	44	56	40	60	35	65
Экологическая катастрофа	15	85	20	80	25	75	27	73	30	70	32	68	33	67	35	65	40	60	45	55	50	50
Экология России	26	74	25	75	24	76	28	72	38	62	36	64	45	55	49	51	55	45	58	42	52	48
Экологический катаклизм	12	88	15	85	17	83	19	81	22	78	25	75	23	77	20	80	26	74	24	76	29	71

Литература

1. Борисова Ю. В., Кленкина О. В. Методы государственного управления в сфере экологии // XIII Королевские чтения : сб. тр. Междунар. молодеж. науч. конф. Самара : СамГУ, 2015. С. 267.
2. Журавлева И. А., Заварзина Ю. В. Подходы к внедрению социально-экологических инноваций в современном обществе // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Иркутск, 2021. С. 204–207.
3. Иванов Р. В. Экологическое сознание в культурной ретроспективе на территории Прибайкалья // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе : материалы VIII Всерос. науч. интернет-конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. С. 51–54.
4. Китаева В. Н. Судебно-экологическая экспертиза в России и за рубежом // Актуальные проблемы криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти д-ра юрид. наук, проф. В. И. Шиканова. Иркутск : БГУЭП, 2021. С. 59–65.
5. Китаева В. Н., Шилкина А. С. Актуальные вопросы судебно-экологической экспертизы в России // Закон и право. 2019. № 7. С. 178–180.
6. Полошкевич О. А. Просоциальные практики экологического активизма // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Иркутск, 2021. С. 199–203.

УДК 371.124+379.8.092(021).

А. Д. Карнышев, *Иркутск*

Информационные технологии и тенденции их влияния на психологическое здоровье и отношение человека к природе

Показывается, что психологическое здоровье проявляется, прежде всего, как ощущение гармонии с окружающей природой, близкими людьми, а также ощущения душевного равновесия в своем внутреннем мире. Доказывается влияние информационных технологий на здоровье человека и группы и его (влияния) восприятие, всех людей можно разделить на оптимистов и пессимистов. Анализируются противоположные подходы оценки информационного воздействия на психологическое здоровье людей. Делается вывод об изоморфности феноменов «психологическое здоровье» и «позитивное отношение к природе».

Ключевые слова: информационные технологии, киберпространство, природосообразность, психический мир, пандемия, эмоциональное благополучие.

A. D. Karnyshev, *Irkutsk*

Information technologies and trends of their influence on psychological health and human attitude to nature

The article shows that psychological health manifests itself primarily as a sense of harmony with the surrounding nature, close people, as well as a sense of peace of mind in one's inner world. The influence of information technologies on the health of a person and a group and its (influence) perception is proved, all people can be divided into optimists and pessimists. Opposite approaches to assessing the impact of information on the psychological health of people are analyzed. The conclusion is made about the isomorphism of the phenomena «psychological health» and «positive attitude towards nature».

Keywords: information technology, cyberspace, natural conformity, mental world, pandemic, emotional well-being.

В качестве рабочего варианта мы принимаем имеющуюся в Интернете формулировку: *виртуальное пространство* – область технических, технологических и социальных отношений, возникающих, изменяющихся и прекращающихся в процессе использования компьютерной или иной электронной технической сети по поводу информации и информационных ресурсов, информационных услуг и средств связи. Некоторые исследователи говорят о *синонимичности* понятий «*виртуальное*» и «*кибернетическое*» пространство. Термин «киберпространство» употребляется и в международных документах. В самом понятии одним из главных аспектов мы считаем изменяющийся характер соответствующих связей. Причем, существующие прогнозы нередко не приводят к соответствующим реалиям, в регулировании состояний людей и во влиянии на их здоровье. Например, в первом десятилетии XXI в. французские ученые сделали предположение, что к 2020 г., благодаря устройствам, управляющим эмоциями (подавляющим гнев и стимулирующим позитивные чувства), криминальная деятельность исчезнет. И хотя данное предположение принципиально не оправдалось, масштабы возможного влияния компьютерных технологий на реалии поведения человека все же увеличиваются. Другой пример касается того, что менее 10 лет назад ученые из США говорили, что они смогут загружать в информационное «облако» данные по заболеваемости в реальном времени, а затем их использовать для выявления пандемий на ранних стадиях и борьбы с ними. Реально же в период коронавируса 2020 г. США оказались не только не готовы к профилактике пандемии, но вышли на первое место по числу заболевших и умерших.

В научном плане связь современных ИТ с психическим миром людей и даже возможности в чем-то их интеграции обусловлены энергетическими концепциями развития Вселенной, о чем сегодня много говорят квантовые теории. Выдающийся врач и психофизиолог России В. Бехтерев писал: «психизм в живой природе, где бы он не проявлялся и в каких бы формах не обнаруживался, должен быть сведен также на особый вид энергии, разнообразные проявления которой мы имеем в телах окружающей нас живой природы». В то же время такие формы являются атрибутами Космоса, поскольку связаны «духовными проявлениями Вселенной» [1, с. 231–232]. Елена Рерих в книге «Основы буддизма» напоминала: «Буддизм не проводит определенной черты между психическими процессами и материей. Психические процессы рассматриваются как проявления тончайших свойств материи» [2, с. 62]. Эти мысли подтверждают, что такого рода взглядам неисчислимы века, и их продолжение наблюдается у многих исследователей мира. Кроме того, данные подходы позволяют более обоснованно говорить о психологическом здоровье. Психологическое здоровье – это ощущение гармонии с окружающей природой, близкими людьми, а также ощущения душевного равновесия в

своем внутреннем мире. Сложнее из трех составляющих пояснить последнюю реалию, но она становится явной, когда человек ради каких-то корыстных выгод изменяет основополагающим принципам своей связи с природой и внешним окружением. И тогда наступает ситуация, хорошо отраженная в словах песни: «нет на свете печальней измены, чем измена себе самому». И все потому, что такую измену не сложно скрыть от окружающих, но невозможно скрыть от себя. Такого рода тенденции, хочешь не хочешь, актуализируют необходимость разобраться в существе используемых понятий. В исследовании осени 2021 г. (N = 623) мы попросили респондентов подобрать аналогию содержанию понятия «психологическое здоровье», предоставив им 7 вариантов ответов. Результаты были следующими (сумма не равна 100 %, поскольку некоторые респонденты подчеркивали 2 варианта ответа):

- 1) эмоциональное благополучие – 38,7 %;
- 2) душевное равновесие – 34,0 %;
- 3) душевный комфорт – 29,4 %;
- 4) духовное здоровье – 28,3 %;
- 5) душевный покой – 27,9 %;
- 6) личностный комфорт – 12,2 %;
- 7) нравственное благополучие – 10,0 %.

Причем в вопросах определения значения данной категории существуют две позиции – связь психологического здоровья с отношением к природе со стороны личностей и групп и связь психологического здоровья с возможностями самовнушения регуляции психических процессов и состояний. Два с лишним года пандемии COVID-19 показали скачок значения категории «здоровье» для индивидуальных и коллективных субъектов в разных сферах их жизнедеятельности. Наш междисциплинарно-психологический анализ некоторых аспектов пандемии [см. 5] показал, что именно психологическое здоровье обусловило в стабильных коллективах в период пандемии отсутствие паники, крайних точек зрения в вопросах вакцинации, перехода на дистанционный режим и т. п. Не менее, а более важно, что осознание связи между здоровьем и состоянием природы становится мощным мотивирующим фактором экологических позиций и экологичного поведения людей. Попытаемся показать корреляцию двух отношений – к природе и здоровью – на результатах нашего социально-психологического исследования позиций молодежи. В таблице 3 установки по психологическому здоровью представлены цифрами: I – психологическое здоровье – это реалия, которая помогает сохранять спокойствие, самообладание, уверенность в себе и т. д. ; II психологическое здоровье – это понятие, в которое можно верить и не верить; III психологическое здоровье – это ничего не значащее, абстрактное понятие (см. табл.).

Таблица

Особенности отношения к природе в связи с позициями
по психологическому здоровью (в %)

Варианты ответа о связи человека с природой	Всего	Ответы в зависимости от позиций по психологическому здоровью		
		I	II	III
Природа над человеком: по своей сути человек – часть природы и во многом зависит от нее	42,6	48,2*	32,1**	20,0**
Человек в единстве с природой: больше распространено равнозначное партнерство, гармония в отношениях	44,4	45,2	43,1	46,7
Человек над природой: предназначение человека – изменять природу, совершенствовать ее	8,9	5,2**	21,1**	22,2**
Затрудняюсь ответить	4,1	1,5	3,7	11,1

Примечание: $p < 0,05^*$; $p < 0,01^{**}$

Позитивная взаимосвязь двух отношений более всего проявляется в двух первых вариантах ответов, причем лица с установками «природа над человеком» также чаще положительно настроены на сущность психологического здоровья. К этому целесообразно добавить, что и сама пандемия COVID-19 обусловила рост ценности здоровья. Все приведенные аргументы так или иначе отражают положение об изоморфности феноменов «психологическое здоровье» и «позитивное отношение к природе».

Вполне справедливы мнения, что в отношении последствий влияния ИТ на здоровье человека и группы и его (влияния) восприятие, всех людей можно разделить на оптимистов и пессимистов. Мнение пессимистов склоняется к признанию негативного влияния некоторых атрибутов ИТ и на психологическое здоровье общества, и на состояния человека. Например, что существуют утверждения о возвращении давних болезней типа рахита, поскольку дети, занятые смартфонами и электронными сетями, слишком много времени проводят дома и не получают необходимой дозы солнечного излучения – главного источника витамина D. Приведем в качестве примеров позитивные и негативные примеры, позволяющие зримо наблюдать соответствующие тенденции. Одним из главных «позитивов» выступает мнение, что в области психологического здоровья человечество находится на пороге возникновения дистанционной терапии, когда психологи и психиатры будут диагностировать, а затем и лечить больного на расстоянии. Причин в основном три: перегруженность клиник, очереди на лечение и пребывание пациента слишком далеко от больницы. Методы подобного лечения будут варьироваться, как считают некоторые из экспертов, от электронных писем и сообщений по мобильным телефо-

нам до использования интернета и видеоканалов на телевидении. С ультрасовременными компьютерами 6G будут решены проблемы нехватки профессиональных врачей на периферии. С объединением цифрового и биологического начал пациенты смогут общаться с врачом мысленно при помощи головных интеллектуальных повязок, считывающих электроэнцефалограмму. Радикально усовершенствованные смартфоны будут мониторить человека полностью – от состава крови и состояния гормонов до настроения, передавая нужную информацию прямо в мозг.

Но позитивные прогнозы не уходят от серьезных сомнений. Для профессионалов не ясно, что вносит не столько в сознание человека, сколько в его бессознательное и подсознательное общение с компьютерами и другими электронными устройствами с самых ранних лет. «Примитивный» подход позволяет высказать предположение, что часто неконтролируемое по объему и времени проникновение разной по сенсорному характеру информации на указанные уровни психики ребенка со временем может вызвать перегруженность его подсознания, поскольку природой вряд ли была предусмотрена возможность столь мощных потоков информации. Не случайно сегодня все больше и больше разного рода спонтанных «выходок», казалось бы, совершенно нормальных людей, особенно в подростковом возрасте. Психика забивается «мусором», который не дает возможности отделить главное от второстепенного. Известны процедуры, когда мы очищаем «внутренности» компьютера от лишней информации, тем более от вирусов. Но вот осуществлять аналогичные приемы с бессознательным и предсознательным в структуре психики люди пока не научились. Ранняя, и не только, перегруженность, перенасыщенность психики информацией через ИТ может приводить к неожиданным эффектам. Возможные изменения связаны с последствиями для психологического здоровья:

- амбивалентностью: минимум двойственностью отношений к явлениям, в голове человека причудливым образом уживаются установки с прямо противоположным содержанием;
- аутизмом: один из симптомов шизофрении, человек уходит в себя и виртуальный мир, разрывает устоявшиеся социальные связи и контакты с окружающими;
- алогичностью: ход мыслей зачастую теряет необходимую последовательность, исчезает логика размышлений;
- аффективной неадекватностью: проявление эмоций, чувств, настроения, не соответствующих внешним ситуациям.

Проблемность мнений связана с влиянием эмоциональности контактов на психологическое здоровье. В Дании группа авторитетных ученых изучала феномен социальных сетей. И пришла к неутешительному выводу: виртуальный мир наносит большой вред психическому здоровью.

Ведь любое общение здесь сводится к обмену текстовыми сообщениями и смайликами, а любое непосредственное общение неизмеримо богаче. В нем существенную роль играет генетически обусловленная потребность видеть и слышать собеседника, а в доверительных и интимных случаях также «осязать» его. В древности наличие соплеменника, тем более родственника рядом не только зачастую вызывало позитивные эмоции, но и повышало шансы на выживание. Да и тактильный контакт был к тому же важен. К примеру, рукопожатие не только ритуал, но и взаимный обмен энергией. А в социальных сетях человек зачастую общается с абстрактными, без «опознавательных знаков» личностями, смайлики которых нередко фиктивные или «подставные». Истинную удовлетворенность от таких контактов испытывают немногие.

Еще одна часть сомнений связана с тем, что медики большинства стран начали бить тревогу: все больше больных пользуются информацией, предоставляемой поисковыми системами, для самодиагностики и самолечения. Появление таких «конкурентов» вызывает большое раздражение врачей и руководителей органов здравоохранения не только из-за уменьшения обращений к специалистам, но и из-за непредсказуемости возможных последствий. В то же время высказываются суждения о влиянии экономики на становление таких медицинских взглядов. Специалисты считают, что причина пренебрежительного отношения официальной медицины к фактору влияния виртуальных технологий кроется не только в догматическом мышлении врачей, но и в соображениях финансового характера. Если от телесных недугов можно излечиваться силой собственной мысли при посредничестве кибернетических устройств, зачем тогда идти к врачу, и главное – зачем покупать лекарства.

Здоровье человека в разных возрастах и ситуациях тесно связано с природными явлениями. И здесь нельзя не упомянуть факт, что ИТ становятся своего рода посредниками между человеком и природой. В современном обществе постоянное и полноценное общение с природой, каким оно было у подавляющего большинства человеческих поколений, может подменяться виртуальными контактами и/или определенными «суррогатами» (не вкладывая в данное слово лишь негативные оценки). В нашем исследовании осенью 2021 г. ($n = 623$) мы задали респондентам вопрос: «Каким образом сказалось на восприятии природы и отношении к ней проникновение в жизнь каждого человека смартфонов, планшетов и других устройств?». Первые пять ответов (из 10 вариантов) выглядят следующим образом:

1. Увлечшись электронными средствами, люди гораздо меньше стали общаться с природой – 44,6 %.
2. Увеличилась возможность воспринимать природу через снимки и видео других людей, и это повышает ее значимость – 34,5 %.

3. Идущее от сердца общение с природой не нуждается ни в каких электронных «посредниках» – 27,4 %.

4. Появилась возможность постоянно фотографировать объекты природы, и люди чаще стали общаться с ней – 26,2 %.

5. Общение с друзьями и близкими через мобильные средства сокращает время для контактов с природой – 20,4 %.

Таким образом, однозначно сказать, что информационные технологии влияют на взаимосвязь с природой сугубо положительно или сугубо отрицательно невозможно, но в том, что с помощью создания ИТ образов природы (пункт 2) можно улучшать контакты с людьми и психологическое здоровье – в этом сомневаться не приходится.

Нет также сомнения, что в недалеком будущем в виртуальном пространстве будут развиты новые технологии, которые посвятят свои разработки взаимодействию человека и организаций с растительным миром. В условиях перехода к «цифровой» экономике и, скорее всего, к соответствующей экологии, искомая взаимосвязь вполне реальна. Профессор нейробиологии Флорентийского университета С. Манкузо, заглядывая в недалекое будущее, утверждает: «в эволюционной цепи роботов вслед за роботами, подражающими человеку (андроидами) и животным, вскоре должны появиться новые поколения роботов, подражающих растениям. Существуют также планы создания «растительных коммуникационных систем», использующих растения в качестве экологических коммутаторов...» [6, с. 264]. Таким образом, анализ перспектив таких возможностей говорит о развитии изоморфизма реальной и виртуальной природосообразности, которая станет основой совершенствования человека и его обществ. Например, создание и понимание цифровой модели, каким образом структуры лекарственных растений встраиваются в структуры человеческого организма и совершенствуют их, помогут эффективней управлять такими процессами.

Как в любом новом деле, в виртуальных технологиях появляются приемы и методы, которые не только идут вразрез с интересами человека и всего общества, но и характеризуют извращенность психического мира их инициаторов. К определенной психической патологии можно отнести агрессивные намерения некоторых «взломщиков» электронной техники, связанной со здоровьем человека. Ведь чем больше разработчики внедряют в жизнь различных киберустройств, тем больше рисков злоупотребления ими. К примеру, уже приведено много случаев, как недоброжелатели взламывают вживленный искусственный стимулятор сердечного ритма. Его можно остановить или запустить так сильно, что сердце человека не выдержит. Чем больше будет датчиков, тем легче их будет взламывать и управлять поведением их хозяина. Можно гипотетически при-

вести ситуацию, когда датчик по медицинским показаниям должен регулировать выделение гормонов. Если кто-то передаст ему команду на ускоренную выработку или, наоборот прекращение выработки тех или других веществ, инициатор таких действий может заставить человека испытать состояние бешеной эйфории или необоснованного страха.

Литература

1. Бехтерев В. Феномены мозга. М. : АСТ, 2020. 380 с.
2. Бехтерев В. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб. : Питер, 2001. 256 с.
3. Диамандис П., Котлер С. Изобилие: Будущее будет лучше, чем вы думаете. М. : АСТ, 2018. 389 с/
4. Карнышев А. Д. Восприятие Байкала и Сибири в контексте этнопсихологии отношения к природе // Сибирский психологический журнал. 2005. № 21. С. 43–49.
5. Карнышев А. Д., Иванова Е. А., Карнышева О. А. Кривые Гаусса пандемии COVID-19: попытка междисциплинарно-психологического анализа // Электронный журнал «ИПРАНСП». 2022. Т. 7, № 2. С. 126–151.
6. Манкузо С. О чем думают растения. Тайная жизнь, скрытая от посторонних глаз. М. : Эксмо, 2020. 288 с.
7. Рерих Е. И. Основы Буддизма. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1991. 493 с.
8. Фромм Э. Здоровое общество // Психоанализ и культура. Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. М. : Юрист. 1995. С. 273–611.

УДК 327.53

Д. Ю. Монок Оды, *Монголия, Улан-Батор*

Медиаэкология в современном мире

Рассматриваются практические аспекты медиаэкологии, направленной на виртуальное взаимодействие. Обозначаются основные проблемные зоны и перспективы развития цифровой среды виртуальных коммуникаций. Исследуются разнообразные аспекты поддержания психологического здоровья и экологической безопасности для личности и целых социальных групп и сообществ в цифровом мире на примере проведенного анализа публикаций улан-баторских студентов за 2021 г., посвященных процессу коммуникации в сфере инфраструктуры, быта, досуга, образования, подработки студентов и выявлены положительные, отрицательные и нейтральные контексты развития виртуального взаимодействия.

Ключевые слова: медиаэкология, виртуальные коммуникации, социальные сети, психологическое здоровье

D. Yu. Monok Ody, *Mongolia, Ulaanbaatar*

Media ecology in the modern world

The article deals with the practical aspects of media ecology aimed at virtual interaction. The main problem areas and prospects for the development of the digital environment of virtual communications are indicated. Various aspects of maintaining psychological health and environmental safety for the individual and entire social groups and communities in the digital world are explored on the example of the analysis of the publications of Ulaanbaatar students for 2021 devoted to the process of communication in the field of infrastructure, everyday life, leisure, education, students' side jobs and positive, negative and neutral contexts for the development of virtual interaction.

Keywords: media ecology, virtual communications, social networks, psychological health

Цифровизация мира за последние годы внесла множество стратегий и социальных норм восприятия обыденного как нормального. Виртуальные коммуникации стали частью обыденной повседневной жизни жителей разных стран. Начиная от телефонного общения, заканчивая коммуникацией в разнообразных мессенджерах (Viber, WhatsApp, Skype и др.), электронной почтой и целых виртуальных мирах. Это изменяет восприятие реальности, самих себя (идентичность) и других (понимание «своих» и «чужих»). И как следствие – встает вопрос об экологии виртуальных коммуникаций, медиаэкологии.

Междиаэкология – это условия конструирования социального взаимодействия, что строится по принципу соблюдения баланса внутренних и внешних условий в рамках информационного-сетевого взаимодействия пользователя виртуальных пространств. Практики повседневной коммуникации в виртуальной среде имеют прямое отношение к медиаэкологии. Психологическое здоровье пользователей виртуального пространства напрямую связано с практиками медиаэкологии в обыденном обиходе.

Вопросами изучения проблем медиаэкологии занимались такие авторы как М. В. Берендеев и М. М. Друкер [10], Е. А. Бондаренко [11], З. А. Милославская [20], В. Н. Степанов [24], различные аспекты поведения человека в информационном поле цифровых коммуникаций рассмотрены в работах Р. Г. Ардашева [1–9], Р. В. Иванов [13–19], О. А. Полюшкевич [21–23], социальные факторы организации социально-экологических инноваций отражены в работе И. А. Журавлевой и Ю. В. Заварзиной [12].

Одна и также информация, размещенная в сети Instagram, vkontakte, Facebook или где-то еще может по-разному восприниматься потребителями, по-разному влиять на общественное мнение и формировать социальные рамки и условности в зависимости от целевой аудитории. Еще одной чертой пользователей цифрового мира выступает то, что они в большинстве своем склонны доверять полученной информации, не проверяя ее в альтернативных источниках – это приводит к конструированию ложных представлений об истинности. В любой социальной сети закладывается «принцип доверия» – тут все свои, нам можно верить. И когда размещается информация – ей априори доверяют, попадая в систему ложных кодов и убеждений.

В целом деструктивный контекст (открытые и завуалированные призывы к агрессии), саморазрушительное поведение и т. д. негативно сказываются на психологическом здоровье пользователей сети и являются частью исследования медиаэкологии. Он может формироваться как форма отражения событий реальности, так и специально конструироваться для подрыва ментальных и социально-экологических самосохранительных практик, заложенных в обществе.

Важной угрозой медиаэкологических практик выступает цифровая дифференциация и / или игнорирование. Когда формируются закрытые сообщества или происходит целенаправленное игнорирование человека или группы людей (через блокирование его аккаунта, не «лайканье» постов и т. д.).

Или же разнообразные токсичные стратегии социальных коммуникаций, выражающимися в различных формах хейтерства, медиабуллинга, фейк-ньюсмейкерства и других феноменов. Токсичными способами передачи информации в медийном пространстве выступают спам, флуд, троллинг с флеймовым спором как цифровые аналоги неконструктивных тактик в устной коммуникации для создания эффекта «оффтопа» (отклонения от темы обсуждения).

В нашем исследовании участвовало 4500 сообщений за 2021 г., которые были связаны с процессом коммуникаций студентов улан-баторских вузов (Монгольский государственный университет, Университет науки и технологии «МИСИС», Монгольский государственный университет образования). Виртуальные коммуникации касались инфраструктуры, быта, досуга, образования, подработки студентов.

В результате анализа выяснилось, что не все из них имеют позитивный психоэмоциональный контекст, некоторые обладают деструктивным контекстом, токсичным, вирусным контекстом, который негативно сказывается на психике отдельных пользователей и в целом молодежи. В таблице представлено ключевое распределение, указывающее на современные виртуальные перекосы дискурса коммуникаций студентов.

Таблица

Медиаэкологический мониторинг коммуникации студентов улан-баторских вузов за 2021 г. (в %)

Сфера	Контекст		
	Положительный	Отрицательный	Нейтральный
Инфраструктура	34,3	45,8	19,9
Быт	35,5	42,2	22,3
Досуг	44,7	26,7	28,6
Образование / обучение	33,1	49,8	17,1
Подработка	22,2	46,7	31,1

Отрицательный дискурс преобладает во всех сферах, кроме досуга (26,7 %). В сфере подработки самый низкий процент положительных оценок (22,2 %). Эти данные указывают, что медиаэкология достаточно четко подчеркивает ключевые социальные проблемы, имеющие в современном монгольском обществе в среде студенческой молодежи. Закрепление этих проблем в цифровом мире через коммуникативные практики приводит к дополнительной фиксации деструктивных социальных процессов и может привести к психологическому отторжению, замкнутости

и дезадаптации как отдельных студентов, так и в целом молодежи как социальной группы.

Медиаэкологические маркеры показывают высокую долю выраженности тревожных моментов виртуального взаимодействия, которые могут привести к разрушению социальной и личной идентичности, разрушению социальных контактов, чувству одиночества и социального протеста, который выразится как в цифровом мире, так и в реальном социальном взаимодействии. Благодаря медиаэкологическому мониторингу можно регулярно анализировать виртуальную среду отдельных сообществ (в нашем примере молодежи). Эту информацию стоит использовать для регулирования социального напряжения и повышения уровня удовлетворенности жизнью.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Виртуализация в новых смысложизненных ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 130–134.
2. Ардашев Р. Г. Влияние пандемии коронавируса на особенности мышления россиян // Вестник развития науки и образования. 2020. № 1. С. 46–55.
3. Ардашев Р. Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы VI Междунар. науч.-практ. интернет-конф. : в 2 ч. Вологда : ВолНЦ РАН, 2021. С. 76–79.
4. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания: анализ повседневных практик // В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 112–115.
5. Ардашев Р. Г. Конфликт иррациональности сознания современного человека // Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке : сб. материалов XIV Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения – 2020». М. : Макс-Пресс, 2020. С. 13–15.
6. Ардашев Р. Г. Новые жизненные миры россиян после COVID-19 // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности : материалы XV Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения – 2021». М. : Макс-Пресс, 2021. С. 23–26.
7. Ардашев Р. Г. Особенности развития сознания горожан в пандемическом обществе // Социология. 2022. № 1. С. 79–86.
8. Ардашев Р. Г. Сознание горожан в постпандемическом обществе // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона : материалы Третьей региональной науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 125–128.
9. Ардашев Р. Г. Трансформация мышления россиян в цифровую эпоху // Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Вологда : ВолНЦ РАН, 2021. С. 367–369.
10. Берендеев М. В., Друкер М. М. Медиаэкология киберпространства как сфера безопасности потребления информации в российской интернет-среде // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2021. Т. 1, № 1 (34). С. 109–117.
11. Бондаренко Е. А. Медиаэкология: выбор пути // Медиа. Информация. Коммуникация. 2017. № 23. С. 8–13.
12. Журавлева И. А., Заварзина Ю. В. Подходы к внедрению социально-экологических инноваций в современном обществе // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Иркутск, 2021. С. 204–207.

13. Иванов Р. В. Виртуальное взаимодействие: истинность и ложность // Гуманитарное знание и духовная безопасность : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. Грозный ; Махачкала : ГГУ, 2020. С. 161–165.
14. Иванов Р. В. Влияние пандемии COVID-19 на социальное напряжение // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 311–313.
15. Иванов Р. В. Иррациональность общественного сознания россиян: реальность пост-пандемического общества // Социология. 2021. № 3. С. 148–149.
16. Иванов Р. В. Качество жизни в виртуальном мире // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России. Всероссийская научная конференция с междунар. участием: сборник материалов. М. : Макс-Пресс, 2020. С. 44–46.
17. Иванов Р. В. Мобилизационная солидарность во время пандемии // Социология. 2021. № 4. С. 92–105.
18. Иванов Р. В. Стратегии социально-психологической адаптации в условиях пандемии // Философия здоровья: интегральный подход : межвуз. сб. науч. тр. Иркутск : ИГМУ, 2021. С. 70–73.
19. Иванов Р. В. Экологическое сознание в культурной ретроспективе на территории Прибайкалья // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе : материалы VIII Всерос. науч. интернет-конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. С. 51–54.
20. Милославская З. А. Медиаобразование и медиаэкология // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 4. С. 116–118.
21. Полошкевич О. А. Виртуальная самопрезентация в период пандемии COVID-19 и после ее // Гуманитарное знание и духовная безопасность : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. Грозный ; Махачкала : ГГУ, 2020. С. 303–307.
22. Полошкевич О. А. Конструирование идентичности молодежи: визуальная презентация в социальных сетях // Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 139–143.
23. Полошкевич О. А. Формы просоциальных практик в виртуальном мире // Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 121–123.
24. Степанов В. Н. Медиаэкология и ее проблемное поле // Организационная психология. 2021. № 3 (15). С. 10–31.

УДК 574.63.2

М. В. Полуянова, *Республика Беларусь, Минск*

Ментальная безопасность: экологическая оценка городских и сельских поселений в виртуальном пространстве

Раскрываются принципы проведения экологической оценки городских и сельских поселений, обеспечивающие ментальную безопасность территории. Показывается в сравнении городских и сельских территорий как ментальная безопасность сообществ влияет на жителей данных территорий, определяя их идентичность, солидарность и социальное взаимодействие. Формируются перспективы развития и укрепления ментальной безопасности через проведение экологических оценок городских и сельских территорий на регулярной основе.

Ключевые слова: ментальная безопасность, экологическая оценка, город, село, идентичность, солидарность, социальное самочувствие, качество жизни, виртуальное пространство

M. V. Poluyanova, *Belarus, Minsk*

Mental security: environmental assessment of urban and rural settlements in virtual space

The article reveals the principles of environmental assessment of urban and rural settlements, ensuring the mental security of the territory. It is shown in the comparison of urban and rural territories how the mental security of communities affects the inhabitants of these territories, determining their identity, solidarity and social interaction. Prospects for the development and strengthening of mental security are being formed through environmental assessments of urban and rural areas on a regular basis.

Keywords: mental security, environmental assessment, city, village, identity, solidarity, social well-being, quality of life, virtual space

Благодаря экологической оценке возможна ментальная безопасность территории. Говоря о взаимодействии городского и сельского пространства, стоит указывать прежде всего экологическую оценку данных территорий, которая строится и на социокультурном воспроизводстве, и на реальных экологических рисках. Безусловно, сельские территории обладают более высоким экологически положительным потенциалом, в отличие от городов. Но возможность разработки и реализации экологических социокультурных программ развития городские территории имеют на порядок больше.

Поэтому мы можем говорить об экологической оценке развития территории города и села в сопоставимом ключе и рассматривать ее как перспективы единого социального развития территории как места жительства жителей региона. Это позволит сформировать ментальную карту безопасности проживания и развития жителей страны.

Ментальная безопасность напрямую отражается в виртуальном пространстве и позволяет регулировать социальное взаимодействие и социальную активность жителей России, оценивая условия экологической оценки и ментальной безопасности через информационные порталы виртуального пространства (поисковые браузеры, социальные сети, новостные ленты и проч.).

Данные вопросы рассматривались с позиции проведения экологических экспертиз (В. Н. Китаева [1], А. С. Шилкина [2]), перспективного развития экосреды (Н. В. Москвитина [3], А. В. Полношкевич [4]), социокультурного взаимодействия пространственных границ (О. А. Полношкевич [5–8]). Каждый из указанных авторов показывал свой взгляд на развитие комфортной экологически безопасной (как в ментальном, так и в физическом контексте) среды проживания. Поэтому, мы поставили целью своей работы проведение экологической оценки социокультурного взаимодействия городских и сельских поселений.

Экологическая оценка, позволяющая обеспечивать ментальную безопасность, проводится по нескольким уровням: технической обеспечен-

ности (фактических условий проживания), социальной удовлетворенности (развитость инфраструктуры, социальные перспективы, качество жизни) и мировоззренческой совместимости (смысложизненные ориентации, жизненные стратегии, ценности). Каждый из выделенных параметров оценки раскрывался через ряд вопросов, для этого мы провели опрос 300 жителей сел и 300 жителей городов в возрасте от 18 до 75 лет и сравнили по выделенным параметрам экологической оценки.

В таблице представлены полученные данные формирования ментальной безопасности городских и сельских поселений через экологическую оценку территориального потенциала развития.

Таблица

Сравнение условий ментальной безопасности городских и сельских поселений через экологическую оценку территории (в %)

Уровни	Сфера	Городские поселения	Сельские поселения
Техническая обеспеченность	Производства / предприятия, способные загрязнять эко среду	36	32
	Наличие рабочих мест	41	23
	Качество жилья, условия жизни	33	45
Социальная удовлетворенность	Инфраструктура	20	13
	Мобильность	46	17
	Карьерная удовлетворенность	34	70
Мировоззренческая совместимость	Духовная безопасность	21	65
	Личные перспективы развития	44	22
	Соответствие внутренних ценностей и взглядов внешним возможностям	35	33

Каждый уровень ментальной безопасности оценивался по 100 % и формировался тремя сферами именно это позволило нам сравнить городские и сельские поселения.

В рамках технической обеспеченности наличие производств и предприятий на территории городских и сельских поселений не сильно отличается (36 % в городе и 32 % в селе), хотя городские поселения обладают большим разнообразием и выбором работы, получения социальных благ от наличия того или иного предприятия на территории поселения (через поддержание им свой инфраструктуры) и т. д. Ожидаемо, что наличие рабочих мест как условие ментальной безопасности в городе выше в два раза чем в селе (41 и 23 % соответственно). А вот оценка качества и условий жилья в сельской местности выше, чем в городе (33 % в городе и 45 % в селе) несмотря на то, что в некоторых селах благоустройство находится на улице, но в оценку удовлетворенности жильем входит комфортность, площадь, удобство и т. д.

В оценках социальной удовлетворенности карьерная удовлетворенность из-за ограниченности выбора выше, чем в городе (большее разнообразие порождает постоянное сравнение себя с другими, что не повышает уверенности и удовлетворенности в себе) – 34 % в городе и 70 % в селе. Мобильность в городе выше, чем в селе в три раза (46 % и 17 % соответственно). Развитие городской инфраструктуры выше, чем сельской (20 и 13 % соответственно), но в целом эти показатели наименее развиты среди оценок ментальной безопасности.

Мировоззренческая совместимость также достаточно четко обозначает формы социального развития городских и сельских поселений. Духовная безопасность в городе в три раза ниже, чем в селе (21 % и 65 % соответственно). Личные перспективы развития в городе в два раза выше, чем в селе (44 и 22 % соответственно). А вот соответствие внутренних ценностей и взглядов внешним возможностям примерно одинаково (35 % в городе и 33 % в селе).

В виртуальном пространстве, по мнению участников исследования, чаще всего говорится о технической обеспеченности (47 % жителей городов и 38 % жителей сел), на втором месте социальная удовлетворенность (38 % жителей городов и 25 % жителей сел) и значительно уступает в информационной представленности мировоззренческая совместимость (15 % жителей городов и 37 % жителей сел). Данное распределение, на наш взгляд не совсем раскрывает условия развития ментальной безопасности.

Если говорить об условиях конструирования ментальной безопасности, то данное распределение должно быть обратным (на первом месте мировоззренческая совместимость, на втором – социальная удовлетворенность, на третьем – техническая обеспеченность). Только это может обеспечить ментальную безопасность и экологичность проживания не только на физическом, но и социальном и духовном уровнях.

Виртуализация общества существенно смещает фокус внимания, целенаправленно уводя внимание граждан с духовных ориентиров ментальной безопасности на технические условия выживания, что обесценивает и нивелирует важность данных моментов. И именно это становится условием прорыва ментальных связей нашего общества, обеспечивающих социальную идентичность, социальную солидарность сообществ.

Таким образом, проведение экологических экспертиз позволит отслеживать ментальную безопасность разных территорий. Сравнение городских и сельских поселений по разным уровням ментальной безопасности позволило выявить неоднозначную картину положительной экологической ситуации прежде всего на ментальном уровне. Данный факт требует более детальной разработки и развития исследований.

Подобные направления развития исследовательских фокусов вниманию потребуют привлечения экспертов из разных сфер общественной жизни: от социологов до психологов, от юристов до экономистов, от культурологов до политологов. Поэтому данная сфера исследований нам видится как междисциплинарное пространство развития научного и практического опыта.

Литература

1. Китаева В. Н. Судебно-экологическая экспертиза в России и за рубежом // Актуальные проблемы криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти д-ра юрид. наук, проф. В. И. Шиканова. Иркутск : БГУЭП, 2021. С. 59–65.
2. Китаева В. Н., Шилкина А. С. Актуальные вопросы судебно-экологической экспертизы в России // Закон и право. 2019. № 7. С. 178–180.
3. Москвитина Н. В. Эволюция экосистемы города // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города : сб. науч. тр. / науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 75–78.
4. Полошкевич А. В. Экопоселения как перспектива развития общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : сб. науч. тр. / под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 112–116.
5. Полошкевич О. А. Взаимодействие социальных и культурных границ в евразийском пространстве // Проблемы евразийства и интеллигенция : материалы X Междунар. науч. конф. («Байкальская встреча»). Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. С. 178–186.
6. Полошкевич О. А. Территориально-пространственные символы социокультурной солидарности Сибири // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. № 4 (47). С. 293–300.
7. Полошкевич О. А. Символы территориального единства сибиряков // Культура и взрыв: социальные смыслы в эпоху перемен : материалы IX Всерос. науч. интернет-конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. С. 87–92.
8. Полошкевич О. А. Территория как символ консолидации Байкальского региона // DIXI – 2017 : идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях : сб. науч. тр. Хабаровск : ХГУЭП, 2017. С. 129–135.

УДК 316.24

А. К. Полянина, *Нижний Новгород*

Риски потребления медиапродукции в фоновом режиме

Автор оценивает стрессогенное влияние работы экранов и проигрывателей в фоновом режиме на людей, находящихся в данном пространстве, влияния включенности детей в непрерывный поток медиа. Отмечается, что всепроникающие медиа посредством трансовых методов воздействия увеличивают потенциал психоэмоционального воздействия, затрагивающего когнитивную, аффективную и поведенческую сферу личности, и этим принуждают к потреблению информации, отягощают информационное пространство детей, качественно меняют социальную ситуацию их развития. В статье представлены выводы исследования медиазашумленности. Показано существование отношения между различными параметрами вынужденного фонового медиапотребления, приводятся основные ситуации потребления медиа в качестве фона, а также причины самостоятельного инициирования медиашума и его продолжительность. Отмечается усугубление негативного влияния потребления медиа в фоновом формате в связи с новыми жизненными реалиями человечества в период тотального погружения в медийное пространство.

Ключевые слова: медиапотребление, медиашум, информационный стресс, информационная гигиена.

A. K. Polyagina, *Nizhny Novgorod*

Risks of media consumption in the background

The author evaluates the stress-induced effect of screens and players in the background on people in this space, the influence of children's involvement in the continuous flow of media. It is noted that pervasive media through trance methods of influence increase the potential of psychoemotional impact affecting the cognitive, affective and behavioral sphere of personality, and thereby force the consumption of information, burden the information space of children, qualitatively change the social situation of their development. The article presents the conclusions of the media noise research. The existence of a relationship between various parameters of forced background media consumption is shown, the main situations of media consumption as a background are given, as well as the reasons for self-initiation of the media noise and its duration. The aggravation of the negative impact of media consumption in the background format is noted in connection with the new life realities of humanity during the period of total immersion in the media space.

Keywords: media consumption, media noise, information stress, information hygiene.

Сегодня мировое сообщество оказалось в ситуации мирового коллапса в результате необыкновенно мощного информационного «шторма». В России все нарастающая волна информационного потока, вызванного острым кризисом международных отношений, заставила массовую аудиторию погрузиться в состояние панического страха и тревоги, что привело к изменению формата потребления информации. В настоящее время мы имеем дело с пассивным, фоновым, деструктивным потреблением информации.

Фоновое медиапотребление – недостаточно изученный феномен, который интерпретируется нами в контексте информационного стресса. Поток информации от источника СМИ к получателю рассматривается как неопосредованный и вызывающий мгновенные отклики среди аудитории. Такая форма односторонней коммуникации представляет людей как пассивных и беспомощных перед лицом сильного коммуникационного воздействия. Увеличение степени медийного насыщения жизни может порождать рождает риски в отношении развития детей.

Мало изученным остается влияние на детей медиа, потребляемых ими неосознанно в качестве стереотипного фона жизнедеятельности. Не оценивалась рискогенность этого фактора и влияние его на развитие детей. Не исследованы корреляционные связи между параметрами практики фонового режима медиапотребления и психическими реакциями, а также социальным портретом воспринимающего субъекта. Пребывание в условиях трансляции медиасигнала, сопровождающего детей в любых общественных местах, торговых центрах, кинотеатрах, школе а, главное, дома, в ситуации привычной безопасности, эксплуатируют органы восприятия и стимулирует реакцию, включая изменение эмоционального состояния. Серьезное изменение образа жизни, особенно досуговой части,

современных детей требует анализа факторов рискогенности пространства жизнедеятельности детей. Назрела необходимость социальной артикуляции данной проблемы и позиции общества в отношении условий потребления медиасигналов на современных школьников. Смена общественного отношения к наполнению досуга ребенка, семье и домашнего пространства как источнику благополучия и защиты нуждается в измерении степени медийной концентрации среды развития ребенка.

Медиавоздействие в современном мире стало явлением тотальным, не имеющим границ времени и пространства (дискретным, диахронным, диатопным), лавина информационных сообщений, посылов и стимулов, обрушивается на индивида независимо от его санкций (запросов) на получение медиасигнала, без учета возраста и готовности к расшифровке, критическому анализу смыслов сообщений. В концептуальном смысле, научная цель исследования – выявление стрессогенных факторов влияния медиашума на детей, обусловлена социальным запросом на поиск адаптивных стратегий, применимых в современных образовательных коллективах; создание адекватного арсенала средств защиты от нежелательных и неосознаваемых воздействий медиасигнала на неокрепшее сознание школьников; выработку тактики охраны границ личного информационного пространства, автономии, неприкосновенности когнитивной и эмоциональной сферы ребенка. Феноменология виртуального мира требует постоянных исследований, поскольку медиaprостранстве идет наращивание технологий и расширение возможностей влияния на психоэмоциональные сферы индивида, на массовое сознание. Так, сегодня, говоря о развитии мировых медиа, мы делаем акцент на феномене мультимедийности, трансмедийности: ТВ реклама переходит на интернет-платформы, все информационное разнообразие ю-туба и иных площадок включается в классический репертуар телевизионного контента.

Информационная диффузия размывает границы внутри медиaprостранства, создает условия для тотального включения субъекта в медиапоток, диахронности и диатопности информационного воздействия. Исследования феноменологии медиашума с применением ресурсного подхода расширяет представление о возможностях включения детей в цифровое пространство, позволяет создать стратегии информационной безопасности детства, вооружает педагогов и детских психологов необходимыми знаниями и пониманиями стрессогенных характеристик медиашума.

Всепроницающие медиа, увеличивающие градус психоэмоционального воздействия, затрагивающего когнитивную, аффективную и поведенческую сферу личности, использующие трансовые методы воздействия и обеспечивающие вынужденное потребление информации, отягощают информационное пространство детей, качественно меняют соци-

альную ситуацию их развития. Доступность средств воспроизведения медиа каждому человеку (ребенку), вне зависимости от социального статуса и ответственности, отсутствие механизмов государственного и общественного регулирования проигрывания аудио и видео в общественных местах, недостаточность гигиенических норм и требований к информационной среде, ускорение движения информации (ускорение информационных потоков) и, главное, несформированность механизмов адаптации к новой медиасреде, а также сила устоявшихся в обществе шаблонов проведения времени досуга в сопровождении популярной музыки, априорное признание «ценности» любых музыкальных произведений, в совокупности представляет собой современные факторы рискогенности потребления медиа в качестве фона.

На сегодняшний день отсутствуют исследования степени медийной насыщенности (концентрации) жизненного пространства ребенка и существующей ситуации погружения ребенка в медиапоток, непрерывающийся, «текущий» параллельно с иными видами деятельности как необходимой эмпирической базы для разработки методических рекомендаций. Существует много исследований различных психологических состояний, в том числе состояний стресса и тревожности. Представляемая нами концепция опирается на имеющиеся теоретические и практические разработки: феноменология стресса [9]; теории адаптации [2]; теории информационно стресса [3]; медиатизации жизни [10]; властного потенциала медиа [11]; экспансии «логики медиа» [11]; информационная тревога; информационная гигиена [6]; адаптация к сетевому (информационному) обществу [8]; информационная перегрузка [5].

Феноменология медиашума соотносится с проблемой циркулирования большого числа информации разнообразного типа, «избыточности информации в коммуникативной среде, которая вызывает функциональное расстройство ее систем» [13]; «потребления коммуникации» и паттерна коммуникативного поведения [12].

Фоновое медиапотребление стало стереотипическим, сформирован социальный паттерн использования медиа в качестве фона в целях влияния на эмоциональное состояние потребляющего субъекта. Существуют ситуации наибольшей концентрации медиасигналов, а пребывания в этих ситуациях оказывает влияние на здоровье и развитие детей. Медиашум определяется нами как фактор среды, при котором плотные сигналы различных медиаисточников поступают в фоновом режиме, обычно неподконтрольны воспринимающему субъекту, принуждают его сенсорные системы (органы восприятия) к реакции, и к взаимодействию с медиаисточником, автоматически мобилизуют энергетические системы организма. Медиашум способствует развитию информационного (эмоционального)

стресса и тревожности. А медиазашумленность – это степень насыщенности жизненного пространства человека медиашумом, и определяется посредством вычисления частоты и продолжительности пребывания в ситуациях шума, возможностью субъекта по установления контроля над источником информации, характеристиками ситуации вынужденности фонового медиапотребления. Иными словами, это насыщенность жизненного пространства человека медиасигналами, принуждающими и эксплуатирующими органы восприятия.

Выявление рисковенных факторов влияния фонового медиапотребления на человека вытекает из социального запроса на поиск адаптивных стратегий, применимых в современных образовательных коллективах; создание адекватного арсенала средств защиты от нежелательных и неосознаваемых воздействий медиасигнала на неокрепшее сознание школьников, выработку тактики охраны границ личного информационного пространства, автономии, неприкосновенности когнитивной и эмоциональной сферы ребенка; выявление наиболее распространенных стратегий фонового медиапотребления, (изучение шаблонных поведенческих паттернов детей и родителей как привычки использования источника медиа в качестве фона жизнедеятельности); выявление типичных особенностей влияния фонового потребления на индивида.

Медиашум может быть следствием информационной перегрузки и пороговой эксплуатации органов восприятия, гиперстимуляции информационными стимулами органов восприятия человека, принуждения к реакции. Модель рисковенного влияния медиашума можно представить как такую последовательность явлений: пребывание в ситуации медиашума, появление состояния мезазашумленности, возникновение информационного стресса или тревожности.

Исследование 2019 г., проведенное среди студентов ($n = 42$) с целью выявления корреляционной зависимости между уровнем медиазашумленности и уровнем тревожности одновременно у одного респондента показало следующее. Уровень тревожности определялся по психодиагностической методике для многомерной оценки детской тревожности, разработанной ГУ «Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В. М. Бехтерева». Посредством корреляционной матрицы, была выстроена корреляционная плеяда критериев (параметров) медиазашумленности и установлено существование связи между отдельными параметрами (факторами). Подтвердилось наличие положительной связи, средней корреляционной зависимости, между уровнем тревожности и степенью медиазашумленности. Были соотнесены показатели по каждому из критериев медиашумленности с показателями тревожности и выявлены основные взаимно коррелирующие параметры медиазашумленности: продолжительность и частота фонового

медиапотребления в ситуациях медиашума (вынужденного медиапотребления); склонность к прерыванию основной деятельности (деятельности переднего плана) ради включения в активную коммуникацию (телефонный разговор, письмо, сообщение, чат); количество источников медиа, используемых одновременно; число имеющихся в личном распоряжении источников медиасигнала (устройств). Кроме того, в результате исследования были выявлены ситуации медиашума. Так, 76 % респондентов встречаются с медиашумом (вынужденным фоновым медиапотреблением) в торговых центрах, торговых пространствах. Второе место занимает дом, 13 % опрошенных указали, что именно там чаще всего имеет место вынужденное фоновое медиапотребление. На третьем месте по частоте встречи с медиашумом опрошенные указали транспорт – 6 %. На четвертом месте располагаются ситуации отдыха (прогулки, путешествия) – 2 %. При этом степень медиазашумленности дифференцируется и по половому признаку. Исследование показало, что девушки имеют большую медиазашумленность, чем юноши. Так, в два раза чаще чем юноши девушки сталкиваются с ситуацией медиашума в домашних условиях, 33 % против 16 % у юношей [14].

Таким образом, в условиях трансформации общества в цифровое и виртуальное пространство, появляются новые риски для здоровья человека, особенно детей. Статистика суицидов и девиантных проявлений на почве медиазависимости среди школьников является тому трагичным подтверждением. Интеллектуальные, эмоциональные и психофизиологические возрастные особенности детства: неустойчивые ценностно-смысловые конструкты, размытые или не сформированные нравственные, этические границы, не сложившиеся стратегии мышления и критического анализа, не позволяют в силу возраста раскрыть ресурс индивидуальных адаптационных механизмов, что делает детей беззащитными перед виртуальной средой. Оказываясь дома в условиях единого для семьи медиaproстранства, дети вынуждены потреблять медиасообщения, активным получателем которых становится старшие члены семьи. Именно в домашних условиях уровень влияния медиашума на детей значительно возрастает. При этом защитные ресурсы в домашней среде объективно слабее, что влечет диссонанс между представлением о доме как о безопасном месте и уровнем рискогенного медиашума. В других ситуациях человек часто не имеет возможности заблокировать источник медиасигнала, например, вынужден потреблять медиасигнал в торговых центрах, в транспорте, в парках, и иных общественных пространствах. Фоновое влияние в данном случае есть не что иное, как разновидность медианасилия: сенсорные каналы (визуальные-аудиальные) искусственно стимулируются, нередко преодолевая пороговые пределы чувствительности ребенка, оказывая на юного реципиента травмирующее воздействие. Существует

прочная связь между выделенными параметрами медиазашумленности – частоты встречи и продолжительности пребывания в ситуации вынужденного потребления медиа в формате фона, субъективными характеристиками потребляющего лица и негативными психологическими состояниями.

Спонтанность и рассогласованность социального контроля над распространением медиасигналов, в том числе в общественных местах, пробелы государственно-правового регулирования деятельности по использованию медиа в качестве фона, аудиозаполнение пространства жизнедеятельности, а также недостаточная изученность проблемы фонового медиапотребления актуализируют необходимость дальнейших исследований особенно в кризисной политико-экономической ситуации.

Литература

1. Gorban A. N., Pokidysheva L. I., Smirnova E. V., Tyukina T. A. Law of the minimum paradoxes // *Bull. Math. Biol.* 2011. Vol. 73, N 9. P. 2013–2044.
2. Абабков В. А., Перре М. Адаптация к стрессу. СПб. : Речь, 2010. 169 с.
3. Бодров В. А. Информационный стресс : учеб. пособие для вузов. М. : Пер Сэ, 2000. 352 с.
4. Войскунский А. Е. Психологические исследования деятельности человека в результате электронного воздействия. М. : МИР, 2005. 390 с.
5. Еляков А. Д. Информационная перегрузка людей // *Социологические исследования.* 2005. № 5. С. 114–121.
6. Еремин А. Л. Ноогенез и теория интеллекта. Краснодар : СовКуб, 2005. 356 с.
7. Денисов Э. И. Роботы, искусственный интеллект, дополненная и виртуальная реальность: этические, правовые и гигиенические проблемы // *Гигиена и санитария.* 2019. № 98(1). С. 5–10.
8. Игнатъев В. И. Информационная перегрузка социальной системы и ее социальные последствия // *Социологические исследования.* 2017. № 7. С. 3–12
9. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
10. Кокс Т. Стресс. М. : Медицина, 2011. 264 с.
11. Коломиец В. П. Социология массовой коммуникации в обществе коммуникационного изобилия // *Социологические исследования.* 2017. № 6. С. 3–14
12. Маклоэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Г. Николаева. М. : Гиперборей : Кучково поле, 2007. 464 с
13. Мионов Д. Ф. Информационный шум и образовательный процесс // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.* 2015. № 4. С. 24–30
14. Полудина В. П. Информационный шум в Интернете как проблема потребления коммуникации // *Журнал социологии и социальной антропологии.* 2011. Т. 14, № 5 (58). С. 386–394.
15. Полянина А. К. Феномен медиашума: рискогенность фонового медиапотребления // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология.* 2020. № 57. С. 215–223.

УДК 574.578

В. А. Шевчук, *Иркутск*

Виртуальное отражение государственной экологической политики

Рассматриваются основные понятия и структура развития экологической политики России. Приводятся результаты анализа виртуальных публикаций о государственной экологической политике, формирующие основные принципы государственной экологической политики.

Ключевые слова: виртуальность, интернет, экологическая политика, государственная политика

V. A. Shevchuk, *Irkutsk*

Virtual reflection of the state environmental policy

The article discusses the basic concepts and structure of the development of environmental policy in Russia. The results of the analysis of virtual publications on state environmental policy, which form the main principles of state environmental policy, are also presented.

Keywords: virtuality, Internet, environmental policy, public policy

В настоящее время государство осуществляет управление во всех сферах экономической и общественной жизни. Если обратиться к доктрине, то мы увидим, что государственное управление имеет следующую дефиницию: оно определяется как деятельность, направленная на управление в разных областях экономической, социальной, хозяйственной жизни гражданами и их правоотношениями с использованием специальных правовых средств. Указанная деятельность имеет своей целью решение целевых задач, преследуемых в интересах общества. Т. е. можно сказать, что государство – это определенная форма организации жизнедеятельности общества. При этом государство осуществляет управление как в целом, так по определенным направлениям за счет реализации стратегий и мероприятий в рамках государственной политики. Осуществление государственной политики подразумевает воздействие специального механизма, в структуре которого важное значение имеет правовое регулирование. Остальные компоненты такого механизма обусловлены характером направления политики; в число таковых входит направление в социальной сфере и в более узком направлении – политика государства в области охраны окружающей среды (ООС).

На сегодняшний день такая политика ориентируется на экологическое направление и контрольно-надзорную деятельность в этой области.

Само понятие «государственная экологическая политика» применяется законодателем в большом количестве нормативно-правовой документации. О ней говорится и в конституционных положениях: в ст. 114 о вопросах федеральной политики в сфере экологического развития страны, в ст. 71 о политике государства в сфере охраны природы в ввод-

ной части федерального закона «Об охране окружающей среды». Оно используется в программных документах, доктрине (Экологическая доктрина Российской Федерации), правовых источниках («экологическая политика РФ»; «государственная экологическая политика» и т. д.). Но даже с учетом повсеместного использования данного понятия, в отечественном законодательстве нет его легального определения. И этот факт, усложняет понимание по-разному интерпретированного правового термина.

По-другому обстоят дела в научной литературе, где мы наблюдаем различные подходы в формулировке понятия государственной экологической политики.

Данный термин определяется как концептуальная система о целевых задачах, ценностных ориентирах, принципах, методах, тенденциях природоохранной деятельности.

Указанное понятие представляет собой государственную деятельность, нацеленную на защиту, сохранность и поддержку естественных природных систем, и в первую очередь, их цельность, жизнедеятельность в целях стабильного общественного развития, улучшения качественного уровня жизни и здоровья людей, сохранение безопасности государства с точки зрения экологии и охраны природы.

Комплекс решений и процессов, реализуемых государственными управленческими и властными органами в сфере охраны окружающей среды в пределах страны в отношении разных вопросов в совокупности с правовыми и иными способами и средствами, применяемых для исполнения таковых составляют государственную экологическую политику.

Данное понятие является системным, интегрирующим в себе различные средства и меры правового, политического, организационного, экономического, идеологического характера, направленные на защиту и сохранение окружающей среды, целесообразное пользование естественных ресурсов, сохранение экологической безопасности людей, соблюдение прав и интересов граждан в сфере экологии, гарантируемых им конституционными и иными нормативными положениями законодательства.

Конечно, существует еще немало иных дефиниций, но уже приведенные наглядно показывают, насколько в научной практике по-разному определяют данное понятие.

Считаем, что каждый автор прав в своей интерпретации, но также следует отметить, что во всех определениях учеными акцентируется внимание на каком-либо элементе («деятельность», «комплекс решений и процессов», «различные способы и средства» и др.).

Логично заметить, что сама по себе экологическая политика – это не только концептуальная система, совокупность положений, ведь даже теоретический тезис нуждается в фактическом воплощении, что может быть

только при реальном осуществлении на практике. И, разумеется, что данное понятие нельзя рассматривать только как общность различных мер, методов и средств, применяемых на практике. Безусловно, они значимы, но являются именно инструментами для разрешения целевых задач.

Следовательно, термин «государственная экологическая политика» необходимо рассматривать в широком понимании, определяя его как системное понятие, включающее в себя принципы, идеи, концепции, видение тенденций, целей функционала и задач государственной деятельности в рамках взаимодействия социума и окружающей среды, применяемые для этого правовые и неправовые методы и средства, а также реальное функционирование государства в сфере экологии и охраны окружающей среды.

Экологическая политика строится на принципах государственного управления [1], внедряются социально-экологические инновации [2], проводится экологическая экспертиза [4,5]. С другой стороны, активизируется работа общественных экологических организаций [6], формируется экологическое сознание россиян [3]. Становится очевидной потребность в виртуальном отражении экологической политики России в сети Интернет, чтобы сформировать общественное мнение, экологическое сознание россиян, экологическую культуру и все вместе это смогло бы изменить социально-экологическое развитие нашей страны.

Говоря об экологической политике государства, следует рассмотреть первостепенный ее вопрос: цель реализации данной политики в стране. Мы считаем, что данная цель, представленная в содержании Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденных Президентом РФ 30 апреля 2012 г., определена несколько неверно.

Сделаем акцент внимания на важном моменте: на сегодняшний день в нашей стране содержание государственной экологической концепции устанавливается несколькими нормативно-правовыми актами (в частности, Государственной стратегией РФ по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития, Экологической доктриной и т. п.).

При этом осуществляется данная политика, в сущности, согласно положениям Основ, и это показательно демонстрируется переменами в нормативно-правовой базе об охране окружающей среды.

Так, по замыслу законодателя, данная политика стратегически нацелена на разрешение ключевых задач социального и экономического содержания, которые обеспечивают экономическое развитие страны с акцентом на экологическую направленность на сохранение экологического благополучия, рациональное пользование ресурсов, сохранность разнообразия биологических видов в природе, в целях осуществления прав и интересов граждан в вопросах их жизнедеятельности в благоприятных

природных условиях, обеспечения правопорядка, экологической безопасности, исполнения потребностей населения в сфере охраны природы и соблюдения требований экологического законодательства.

На полном основании появляется вопрос, действительно ли разрешение вышесказанных задач входит в стратегию экологической политики государства, в том числе в условиях нацеленности на экологически направленное экономическое развитие страны.

Если конкретизировать, то природные ресурсы полностью обеспечивают человеческие материальные потребности, удовлетворяют интересы в науке и духовном познании. А вот их экономические возможности обуславливают их значение в качестве первоосновы социально-экономического прогресса человеческого общества. Соответственно, акцент, который делается на последнем в отношении роли природных ресурсов, обоснован с научной точки зрения и не вполне разумно и логично указывается в Основах и другой документации, устанавливающей цели, задачи и методы осуществления экологической политики в стране (среди них: Государственная стратегия РФ по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития, Концепция перехода РФ к устойчивому развитию, Экологическая доктрина РФ).

Однако природные богатства, в первую очередь, служат именно удовлетворению человеческих первоосновных потребностей (воздух, вода, продукты для питания, материалы для обеспечения комфортной жизнедеятельности), за счет них человек существует и развивается.

Именно активное вмешательство человека, экономическое (в первую очередь) и социальное (во вторую очередь) динамичное развитие стало обстоятельством, приведшим к ухудшению экологического состояния планеты, истощению ресурсов, гибели биологических видов, и серьезным негативным изменениям в природе, что и обусловило появление экологической политики в государствах. Она стала результатом общественной инициативы, сигнализировавшей об ухудшении экологической обстановки не только в отдельных странах, но и во всем мире, и потребовавшей подключения государства для реализации соответствующих управленческих мер правового характера, чтобы снизить и предупредить отрицательное влияние экономической деятельности на состояние природы и окружающей среды в целом, и обеспечить рациональное пользование исчерпаемыми природными ресурсами.

В сети Интернет с 2015 по 2022 г. мы встретили 2784 упоминаний (статей) о государственной экологической политике и экологическом будущем России. Используя программу AskNET мы провели семантический и символический анализ данных публикаций. Результаты представлены в таблице.

Таблица

Виртуальное отражение экологической политики россии (в %)

Категория \ Год	2022 г.		2021 г.		2020 г.		2019 г.		2018 г.		2017 г.		2016 г.		2015 г.	
	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-
Контекст	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-
Экологическая политика	46	54	42	58	40	60	35	65	30	70	33	67	31	69	34	66
Экологическое будущее России	55	45	52	48	50	50	45	55	40	60	45	55	42	58	39	61

Другими словами, содержание экологической политики, в первую очередь было опосредовано общественной инициативой в сфере экологии, но не интересами общества социального и экономического характера. К 2022 г. экологическая политика все чаще употребляется в положительном ключе также как и экологическое будущее России.

Если обратиться к содержанию стратегической цели экологической политики в Экологической доктрине РФ, то мы видим, что она определяется как защита и обеспечение сохранности естественных природных систем, обеспечение их цельности и поддержания выполнения функций жизнеобеспечения в целях стабильного общественного развития, улучшения качественного уровня жизни и здоровья людей, создания позитивной динамики в демографическом вопросе, создания условий для поддержания и развития экологической безопасности государства.

Как нам кажется, с позиции интереса общества в сфере экологии данная стратегическая цель определена более верно и логично. Но и в этом определении не все сформулировано окончательно успешно.

В частности, на практике сложно представить полноценное соблюдение целостности природных систем. Как бы то ни было, человек ведет активную хозяйственную деятельность, что безусловно влияет на состояние природных систем, не позволяя сохранять их изначальную целостность (например, в процессе строительстве объектов или в процессе разработки месторождений нефти и др.).

Таким образом, можно объективно говорить о необходимости закрепления универсальной стратегической цели, которая стояла бы во главе многозадачной экологической политики страны и починала бы себе все эти задачи. Думается, что такой целью следует назвать сохранение, поддержку и восстановление благополучного состояния окружающей среды. Назначение такового как значимой стратегической цели нужно принимать, учитывая, что данная цель определяет потребность разрешения множества проблем и задач как в сфере экологии, так и экономике, находящихся во взаимосвязи.

К числу актуальных экологических задач, предопределяемых указанной целью, относятся: формирование условий для определенного состояния экосистем; обеспечение сохранности природного разнообразия видов; рациональное пользование природными ресурсами и поддержание их количественных параметров; достижение максимально качественных параметров, отражающих уровень чистоты воды, воздуха, земли и др.

При этом нужно понимать, что сохранение и восстановление определенного состояния природы и внешней среды требуют коренных изменений в отечественной экономике, а именно, обязательную модернизацию

предприятий, внедрение ресурсосберегающих технологий, методов безотходного производства, очистительных сооружений и других соответствующих инноваций.

При современном модернизированном подходе в стране будет разрешаться не только вопрос снижения и (или) предупреждения неблагоприятного влияния на окружающую среду, одновременно будет расти конкурентоспособность отечественных производственных компаний исходя из уменьшения ресурсоемкости различных экономических сфер деятельности.

Важно сделать акцент еще на одном: если установить законодательно такую универсальную стратегическую цель как сохранение, поддержку и восстановление благополучного состояния окружающей среды, то такой подход будет характеризовать государственную экологическую политику как ориентированную на осуществление прав и интересов граждан на жизнедеятельность в условиях благоприятной окружающей среды, что закреплено конституционными нормами.

Виртуализация мира требует и мониторинга цифровой представленности экологической политики государства. Эта задача комплексная и разового решения не предусматривает, необходима целенаправленная стратегий развития цифровой представленности экологической политики в виртуальном пространстве. Только тогда мы сможем говорить о формировании нового уровня и качества экологического сознания.

Литература

1. Борисова Ю. В., Кленкина О. В. Методы государственного управления в сфере экологии // XIII Королевские чтения : сб. тр. Междунар. молодеж. науч. конф. Самара : СамГУ, 2015. С. 267.
2. Журавлева И. А., Заварзина Ю. В. Подходы к внедрению социально-экологических инноваций в современном обществе // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Иркутск, 2021. С. 204–207.
3. Иванов Р. В. Экологическое сознание в культурной ретроспективе на территории Прибайкалья // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе : материалы VIII Всерос. науч. интернет-конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. С. 51–54.
4. Китаева В. Н. Судебно-экологическая экспертиза в России и за рубежом // Актуальные проблемы криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти д-ра юрид. наук, проф. В. И. Шиканова. Иркутск : БГУЭП, 2021. С. 59–65.
5. Китаева В. Н., Шилкина А. С. Актуальные вопросы судебно-экологической экспертизы в России // Закон и право. 2019. № 7. С. 178–180.
6. Полошкевич О. А. Просоциальные практики экологического активизма // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Иркутск, 2021. С. 199–203.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

УДК 004(077)

Е. А. Бухарова, Т. В. Гладкова, *Иркутск*

Использование цифровых инструментов в сфере образования и в рамках организации форсайт-сессий

Рассматриваются основные цифровые инструменты, используемые в условиях организации современного образовательного процесса, их классификация, а также представлены способы применения инструментов цифрового характера в рамках Форсайт-сессий.

Ключевые слова: Цифровые инструменты, образовательный процесс, цифровые технологии, Форсайт-сессия, виртуальные технологии.

E. A. Bukharova, T. V. Gladkova, *Irkutsk*

The use of digital tools in the field of education and in the framework of the organization of Foresight sessions

The article discusses the main digital tools used in the organization of the modern educational process, their classification, and also presents ways of using digital tools in the framework of Foresight sessions.

Keywords: Digital tools, educational process, digital technologies, Foresight session, virtual technologies.

Современные условия функционирования общества диктуют человеку совершенно новые способы социального взаимодействия и жизнедеятельности в целом. Рассматривая два ключевых аспекта, которые оказывают влияние на различные сферы жизни социума, необходимо отметить, что это, прежде всего, цифровизация и виртуализация большинства процессов, а также развитие форсайт-технологий. Под форсайт-технологиями в подобном случае следует понимать:

- Способ организации своей деятельности – выстраивание проектов изменений; вложение своего времени и усилий, поддержка людей и их активности, которые продвигают к желаемому образу будущего.

- Способ мышления – от будущего к настоящему, от образа будущего к сегодняшней ситуации через точки необходимого приложения усилий.

• Технологию (способ) организации групповой работы – определенные правила проведения работ по формированию образа будущего и способ его достижения, которые включают в себя правила сбора участников работы;

Форсайт-сессия – это инструмент для прогнозирования и формирования будущего, позволяющий получать за короткий срок прогнозы высокой точности относительно будущего, путей их достижения и объединять людей для реализации их представлений о будущем.

Цифровизация и виртуализация как два приоритетных вектора развития образовательной деятельности на данный момент приобретают все большую значимость, что в первую очередь отражается в использовании новых инструментов цифрового характера. Цифровые инструменты, как составляющий элемент виртуального пространства, представляют собой подгруппу цифровых технологий, которые в своей основе несут возможность развития качества, мобильности и наглядности передачи информации в рамках образовательного процесса [1]. Исходя из подобного понимания цифровых инструментов, стоит отметить, что за счет их использования возможно существенное облегчение коммуникативного взаимодействия в процессе обучения, как внутри группы обучающихся, так и в диалоге с педагогом. Кроме того, с помощью инструментов цифрового характера образование становится более доступным, что позволяет значительно расширить масштабы образовательной деятельности, а в некоторых аспектах улучшить его качество.

Рассматривая роль цифровых инструментов в образовательной деятельности, необходимо отметить, что их назначение и специализация в достаточной степени различается и в целом их можно разделить на следующие виды:

1. Инструменты для организации совместной деятельности: Padlet, Mentimeter, сервисы Google (Google Документы, Google Таблицы, Google Презентации и т. д.).

2. Инструменты для осуществления обратной связи: Google Form, Kahoot, Quizizz.

3. Инструменты для создания цифровой образовательной среды: Google Classroom, Learning Apps.

4. Инструменты для организации онлайн-уроков: Microsoft Teams, Zoom, Skype [4].

Каждая из представленных выше групп цифровых инструментов имеет свою целевую установку и специализацию, однако в данный список имеет смысл также включить средства для быстрой и оперативной коммуникации между участниками образовательной деятельности, к которым можно отнести различные социальные сети (ВКонтакте, Одноклассники и другие) и мессенджеры (WhatsApp, Viber и Телеграмм). Также в

рамках предложенной классификации имеет смысл расширить ряд цифровых сервисов, которые позволяют осуществлять социальное взаимодействие, создают цифровую образовательную среду и предоставляют возможность для организации совместной деятельности в рамках образовательного процесса, добавив к ним такие инструменты, как онлайн-доска для совместной работы Miro и портал для организации дистанционного обучения iSpring Learn.

В основе функционирования портала для организации дистанционного обучения iSpring Learn лежит возможность для содействия в адаптации специалистов, аттестации работников, продуктивном обучении и формировании кадрового резерва. Портал iSpring Learn является одним из цифровых инструментов, которые создают цельную и комплексную образовательную среду в цифровом формате, отвечая запросам системы дополнительного профессионального образования и может использоваться всем институтом образования в целом. Онлайн-доска для совместной работы Miro, в свою очередь представляет собой средство для ведения активной совместной работы, предоставляя педагогу и обучающимся возможность для проведения мозговых штурмов, планирования, итерации, дизайна, онлайн-встреч и непосредственно самого обучения. Использование онлайн-доски для совместной работы Miro в образовательном процессе является способом его цифровизации и виртуализации, она может применяться как инструмент в различных формах и видах образовательной деятельности и социального взаимодействия, в том числе в Форсайт-сессиях.

Форсайт-сессия как понятие появилось в научных источниках относительно недавно, около 30 лет назад, и в своей сути она является технологией, позволяющей определить и простроить стратегический вектор будущего развития. В рамках форсайт-сессии заинтересованные участники могут разработать желаемый сценарий развития событий, а главное создать между собой единое коммуникативное поле для взаимодействия. В современных условиях цифровизации, форсайт-сессия как инструмент осуществления социального коммуникативного процесса становится ключевым компонентом стратегического планирования дальнейшего развития организаций или сфер жизнедеятельности общества. В подобной ситуации онлайн-доска для совместной работы Miro, предоставляет возможность для группового взаимодействия, коммуникации, наглядного планирования собственных действий, формирования единой стратегии роста и развития.

Форсайт-сессия может быть организована как в физическом, так и в виртуальном пространстве одновременно либо проходить только в физическом пространстве, либо только в онлайн-формате. В каждом из вари-

антов организации форсайт-сессии важное значение имеют именно цифровые инструменты коллективной коммуникации, поскольку только они дают расширенные возможности модерации больших групп людей за короткий период времени. Зафиксировать мнения и предложения нескольких сотен или тысяч участников коллективной коммуникации невозможно без использования цифровых инструментов в отрезке времени, отведенном на форсайт-сессию. И такие инструменты, как доска Migo или создание облака тегов Mentimetr позволяют модератору Форсайт-сессии и всем участникам мгновенно реагировать на предложения друг друга и рождать новые смыслы и формы коллективной коммуникации и быстрее договориться о намерениях совместной проектной деятельности.

Таким образом, стоит отметить, что в текущей ситуации цифровизации, информатизации и виртуализации различных социальных процессов все сферы жизнедеятельности общества активно трансформируются и в их число также входит и сфера образования. Современная образовательная среда для того, чтобы отвечать на запросы социума и соответствовать имеющимся трендам изменяется, включая в свой арсенал новые технологии и инструменты цифрового характера.

Литература

1. Панюкова С. В. Цифровые инструменты и сервисы в работе педагога : учеб.-метод. пособие. М. : Про-Пресс, 2020. 33 с.
2. Катаева О. В. Цифровизация и виртуализация жизненного мира: оценки и позиции // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 6. С. 129–135.
3. Чуланова О. Л. Форсайт-сессии как инновационный инструмент стратегического управления и работы проектных команд // Материалы Афанасьевских чтений. 2018. № 1 (22). С. 28–36.
4. Шайхутдинова Л. М. Обзор цифровых инструментов педагога для организации дистанционного обучения // Скиф. 2021. № 4 (56). С. 155–159.

УДК 378.147

Т. В. Гладкова, Л. А. Гуринович, А. В. Копылова,
Е. А. Репин, А. С. Ануфриев, *Иркутск*

Социальное образование как фактор эффективности управления профориентацией студентов на пути их подготовки к сфере социального служения

Исследуется влияние социального образования на профессиональное становление участников и работников социальной сферы. Обозначено, что применение футурологического подхода проецирует развитие новых профессий и их функциональной нагрузки, необходимых при развитии общества в условиях социального риска. Подготовка специалистов социальной сферы в социальных науках рассматривается в свете профессиональной и образовательной стандартизации. Приводятся профессии из «Атласа новых профессий», обсуждается их представленность в профессиональном сообществе.

Ключевые слова: социальное образование, профориентационная работа, гибкие навыки, социальное мышление.

T. V. Gladkova, L. A. Gurinovich, A. V. Kopylova,
E. A. Repin, A. S. Anufriev, *Irkutsk*

**Social education as a factor of effective management of students' career guidance
on the way of their preparation for the field of social service**

The article analyzes the impact of social education on the professional development of participants and social workers. The application of the futurological approach projects the development of new professions and their functional load, necessary for the development of society in conditions of social risk. The training of social sphere specialists in the social sciences is considered in the light of professional and educational standardization. The authors analyze the information of the Atlas of New Professions and their representation in the professional community.

Keywords: social education, career guidance, flexible skills, social thinking.

Сфера образования в XXI в. продолжает оставаться в центре внимания интеллектуальной, профессиональной и властной элиты ведущих стран мира. Постоянно меняющиеся экономические условия, быстро развивающиеся процессы глобализации способствовали незамедлительному «запуску» ряда образовательных реформ в России, на которые современное общество отреагировало неоднозначно. В последние десятилетия система высшего образования Российской Федерации находится в стадии непрерывного реформирования. Причиной тому является необходимость постоянного развития общества, в частности, совершенствования интеллектуального ресурса человека, являющегося базовым компонентом социально-экономического благополучия государства. Социальный аспект развития отражается в моделях построения взаимодействия, в создании и расширении социальных связей, в увеличении числа активностей в группах и социальных классах.

В. А. Никитин и Г. П. Медведева акцентируют внимание на том, основным результатом социального образования становится социальное мышление, ориентирами которого становятся равенство, справедливость, защищенность и позитивная свобода [1, с. 333]. Неформальное образование не способно на формирование целостного представления о стратегии социального образования и воспитания подрастающих поколений, частью которого является профессиональное становление, заключающееся не только в выборе направления подготовки, но и социально активизирующее начало будущего гражданина своей страны.

В действующих государственных стандартах не только сохранены, но и расширены права вузов в профессиональной подготовке будущих специалистов. Вузы сами принимают решения проводить или не проводить в той или иной форме испытания профессиональной направленности, формируют программы практико-ориентированных курсов и заключают договоры с партнерами социальной сферы по подготовке новых кадров. Профессиональный отбор, формирование профессионального и социального сознания специалиста требуют наличия образца, ориентира,

своего рода стандарта, при достижении которого можно было бы говорить о готовности выпускника высшего (или СПО) к профессиональной и социальной деятельности.

Одним из способов повышения качества социального образования является усиление профориентационной работы, а именно организация процесса профсамоопределения и внедрение индивидуальных программ обучения. Нам видится, что готовность получить одну профессию, о чем полагают представители родительской общественности, не совпадает с трендами развития рынка труда, где комплексность и трансформация в рамках одной сферы – не только ожидания, но уже реалии. Следовательно, при подготовке специалистов по социальной работе важно не только формирование определенных компетенций, но и готовности освоения новых аспектов.

Цель развития в учебных заведениях СПО и ВО социальных технологий сопровождения профессионального самоопределения – это создание условий для формирования крепкого, мультифункционального набора компетенций, которые принято называть международными терминами *Hard skills* и *Soft skills*. Это позволит выпускникам учебных заведений СПО и ВО овладеть сквозными, метапрофессиональными и надпрофессиональными навыками, что существенно повышает конкурентоспособность молодого специалиста в условиях постоянно изменяющегося рынка труда. Гибкость мышления, креативность, эмоциональный интеллект позволяет не только быстро и эффективно адаптироваться в трансформационных процессах, но и управлять ими. А значит идти в авангарде и помогать людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

В созданном российскими учеными научного центра «Сколково» атласе профессий будущего четко описаны тренды развития рынка труда и даны ориентиры для выпускников 2025, 2030 и 2050 гг. [2].

К описанным трендам предлагается рассмотреть несколько примеров конкретных профессий «из будущего». «Атлас новых профессий» предлагает рассмотреть несколько новых профессий.

1. Модератор по общению с государственными органами. Это специалист, который организует онлайн- и офлайн-диалог между общественными активистами и чиновниками, отвечающими за конкретные сферы (например, образование, ЖКХ, строительство, пенсионное обеспечение и др.), для выработки совместных решений. Этот специалист может работать как внутри государственных структур, так и быть общественным активистом (народным дипломатом). Одной из его специализаций является организация взаимодействия с профессиональными сообществами.

2. Модератор персональных благотворительных программ. Это специалист, создающий базу личных запросов на помощь (например, дети больные раком или одинокие пенсионеры) и обеспечивает связь между

нуждающимися в помощи и благотворителями, которые оказывают помощь в различной форме (деньги, натуральные взносы, совместное времяпровождение и др.). Можно привести в пример известного блогера, филантропа и врача Елизавету Глинку, которая вела блог, отчитываясь в нем о деятельности собственного фонда «Справедливая помощь». Там она также размещала информацию о других проектах и людях, которые нуждаются в помощи, – детях, больных раком, одиноких пенсионерах и др.

3. Социальный инженер. Это специалист, осуществляющий деятельность в области социальной инженерии, которая, в свою очередь, включает в себя задачи и функции как социологии, так и инженерии.

Социальная инженерия – это молодая наука, которая находится на стыке знания психологии людей и их поведения в критических ситуациях. Ее также можно назвать «копилкой человеческих ошибок», так как эта наука вбирает в себя все, что связано с человеческим фактором и его использованием. В качестве социолога социальный инженер анализирует и объясняет различные социальные явления и процессы; использует принципы и методы анализа, обработки и обобщения данных социологических исследований; разрабатывает программно-методическое обеспечение исследовательского процесса; организует деятельность социологической службы. А как инженер он владеет инженерным стилем мышления и деятельности.

Профессиональная реализация социальных инженеров ориентирована на решение конкретных социальных проблем.

4. Специалист по организации государственно-частных партнерств в социальной сфере помогает передавать государственные функции в социальной сфере (например, уборку помещений и территорий, водоснабжение и теплоснабжение, энергосбережение, переработку твердых бытовых отходов, ремонт зданий и коммуникаций, муниципальный транспорт, детские сады и др.) под ответственность социальных предпринимателей, которые организуют эти функции в формате государственно-частного партнерства.

Наиболее часто взаимодействие бизнеса и государства встречается в таких сферах, как управление государственной собственностью, региональное развитие, рынок недвижимости, инфраструктура поддержки технологического развития, транспортная инфраструктура, коммунальное хозяйство, медицинские и образовательные услуги. Однако в большей степени государственно-частное партнерство (ГЧП), применяется в сфере транспорта и непосредственно в дорожном строительстве. Подобная практика достаточно широка, накоплен богатый опыт.

5. Социальный работник по адаптации людей с ограниченными возможностями через интернет. Эта профессия возникла из-за необходимости появления социальных работников. Нужно понимать важность таких

специалистов, так как сама поддержка людей с ограниченными возможностями всем, чем они нуждаются – важная гуманитарная задача. В нашем обществе живут люди с совершенно разными возможностями, и каждый достоин получить должное образование, стать полноценным реализовавшимся членом общества. Но людям с ограниченными возможностями самостоятельно проделать такую работу тяжело, поэтому социальный работник нужен для содействия людям в преодолении личностных и социальных трудностей посредством поддержки, защиты. Данный эксперт занимается тем, что помогает людям с ограниченными возможностями вести полноценную жизнь. Он обучает их навыкам удаленной работы, способствует выбору сферы профессиональной деятельности и поддерживает их в организации рабочего процесса. Социальный работник по адаптации людей с ограниченными возможностями также помогает подбирать онлайн-сообщества, платформы для общения, специальные образовательные курсы.

6. Медиатор социальных конфликтов. Медиатор выступает как нейтральная и незаинтересованная в данном конфликте сторона, которая в процессе переговоров помогает участникам спора лучше понять свои истинные интересы и интересы оппонента. Медиатор содействует сторонам в сохранении конструктивного подхода к поиску решения и помогает поддерживать атмосферу взаимного уважения, в которой стороны объединяют усилия в совместном поиске выхода из конфликта и ведут борьбу с проблемой, но не друг с другом. Тем самым медиатор помогает нахождению сторонами спора взаимовыгодного и добровольно ими исполнимого решения по спору, т. е. содействует полному и окончательному исчерпанию конфликта.

Профессиональные медиаторы, прошедшие обучение в Центре медиации и права, владеют особой технологией разрешения спора, позволяющей им оказать сторонам всю необходимую помощь для достижения удовлетворяющего обе стороны результата.

7. Специалист по краудсорсингу общественных проблем. Профессионал, который управляет краудсорсинговой платформой по сбору информации о проблемах семей, домов, районов, дорог, парков и других общественных пространств и т. д., передает запросы в государственные организации или НКО и отслеживает их решение. Например, в России уже несколько лет существует проект «Демократор» – электронная площадка для взаимодействия граждан с органами государственной власти и местного самоуправления, организациями, партиями и общественными движениями. Сервис модерировается командой профессиональных юристов, которые помогают пользователям оформлять официальные запросы в разные инстанции и добиваться результатов

8. Специалист по адаптации мигрантов. Это профессионал, который помогает адаптироваться иностранцам, уже прибывшим или только собирающимся переехать в нашу страну. Он знакомит их с культурой, обучает языку, отвечает на интересующие вопросы. Такая деятельность сейчас активно развивается в крупных городах.

Если внимательно рассмотреть перечисленные профессии, можно сказать, что это предполагаемые профессиональные ниши для выпускников направления подготовки «социальная работа». Однако, по сути, функциональные обязанности специалистов, занимающихся такими обязанностями, нуждаются в применении социальных технологий, следовательно, получении социального образования. Коль скоро специалисты миграционных служб одновременно ведут учет иностранных граждан и вникают в подробности личной жизни мигрантов, при этом реализуют программы поддержки и адаптации, занимаются профилактикой девиаций, то им важны отдельные курсы по социальным технологиям.

Авторы могут отметить, что благотворительность современного общества переходит от адресного стихийного сбора средств к реализации четкой технологии социальной помощи людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации и нужны специально подготовленные модераторы.

Очень сильно эволюционировала система оказания государственных услуг, чтобы сориентироваться в механизмах и сроках их получения через специальные порталы, нужны специалисты по социальной работе, которые вводят картину целиком и смогут быть «навигатором» для отдельных, нуждающихся категорий граждан. Таким своеобразным навигатором призван быть модератор общения с госорганами.

Государственно-частное партнерство – это современная технология социального партнерства, которая после законодательного закрепления в течение нескольких лет не могла найти способов практической реализации. Благодаря подготовке в вузах страны и ИГУ, в частности, специалистов, владеющих навыками организации партнерских сетей, эта технология стала популярной и используется для решения самых острых социальных проблем в сфере транспорта, ЖКХ и др.

Как видим, социальные изменения в трансформации социальных профессий ставят вопрос о подготовке многопрофильных специалистов, готовых заниматься социальным служением, независимо от того, управленцы это и законодатели или волонтеры и специалисты других социальных форм организации жизни

Таким образом, футурологический подход к подготовке специалистов по социальной работе в Институте социальных наук ИГК, оправдан полностью, поскольку позволяет выпускникам быть востребованными на текущем рынке труда, но и идти «в авангарде», опережать потребности рынка труда и быть готовыми к новым, профессиональным задачам в условиях постоянных трансформационных процессов, происходящих в обществе.

Литература

1. Никитин В. А., Медведева Г. П. Направления и проблемы развития социального образования в современной России // Журнал исследований социальной политики. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-i-problemy-razvitiya-sotsialnogo-obrazovaniya-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 30.04.2022).

2. Атлас новых профессий. URL: <https://atlas100.ru/catalog/sotsialnaya-sfera/> (дата обращения: 27.04.2022)

УДК 374.1

Н. С. Гуринович, *Иркутск*

Виртуализация процесса вовлечения в олимпиадное движение на примере Иркутской области

Рассмотрены предметные олимпиады как средство популяризации науки и помощи в профессиональном самоопределении. Показана важность виртуализации олимпиадного движения для расширения его доступности. Приведены примеры виртуализации на примере дистанционных образовательных курсов в Иркутской области.

Ключевые слова: олимпиадное движение, дистанционное образование, виртуальное образовательное пространство.

N. S. Gurinovich, *Irkutsk*

Virtualization of the process of engagement in Olympiad movement as in the case of Irkutsk region

Subject Olympiads as a tool of science popularization and helping with professional self-determination are reviewed in the article. The importance of Olympiad movement virtualization for its accessibility increase is demonstrated. The examples of virtualization as in the case of Irkutsk region online educational courses are shown.

Keywords: Olympiad movement, online education, virtual learning environment

Актуальность развития профессионального образования в области естествознания подтверждается отдельным вниманием к этому процессу со стороны органов власти нашей страны и региона. В то же время школьное образование в силу различных причин: разделение классов по специализации, нехватки специалистов и учебных часов, отведенных в рамках учебной программы, расширение числа учебников и другое – сужают число молодых людей, обладающих повышенным интересом к естественнонаучным дисциплинам. Тем не менее, в образовательной сфере проводится определенный пул олимпиадных мероприятий, а также организуются компьютериады, хакатоны, образовательные курсы и прочие виды реализации научного интереса молодежи. И эти площадки всегда привлекательны для школьников, что требует расширения аудитории обучающихся и материалов для обучения. Это актуально и для развивающейся промышленности региона, ждущей креативно-развивающихся и знанию-ориентированных специалистов.

В настоящее время развитие в Иркутской области предприятий фармацевтической, нефтяной, пищевой промышленности значительно увеличило спрос на специалистов с высшим образованием в области химии. Министерство просвещения РФ в ответ на данную потребность утверждает увеличенное количество бюджетных мест в учебных подразделениях естественнонаучных специальностей, однако интерес школьников к изучению химии и получению соответствующих профессий остается низким. Так, согласно сообщениям Министерства образования Иркутской области, в 2020 г. Единый государственный экзамен по химии сдавало 11 % от всех обучающихся, зарегистрированных на экзамен [4], в 2021 г. эта цифра составила 9,6 %, в 2022 г. – 7,4 %. Увеличение интереса школьников к изучению химии и выбору соответствующего направления при получении высшего образования является чрезвычайно актуальным вопросом.

Предметные олимпиады в течение более 80 лет выступают средством развития у школьников интереса к углубленному изучению отдельных общеобразовательных предметов. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 27.11.2020 № 678 «Об утверждении Порядка проведения всероссийской олимпиады школьников» [8] закрепляет в числе целей ВсОШ вовлечение обучающихся в научную и научно-исследовательскую деятельность, развитие творческого потенциала и пропаганду научных знаний. В свою очередь И. А. Тюльков и др. [9], цитируя профессора МГУ А. П. Терентьева, демонстрируют, что, в частности, олимпиады по химии с самого начала были нацелены на привлечение к углубленному изучению предмета как можно большего числа школьников. Эта педагогическая цель напрямую коррелирует с социальной потребностью в увеличении числа специалистов, прошедших подготовку в соответствующей области образования. Также исследователи отмечают, что ранее среди основных целей олимпиад по химии упоминались помощь учащимся в профессиональном самоопределении и улучшение подготовки по предмету в школах. Таким образом, популяризация олимпиад по химии может послужить способом повысить интерес выпускников к получению химических специальностей. В Перечень олимпиад школьников и их уровней на 2021/22 учебный год, утвержденном Приказом Минобрнауки 27 октября 2021 г., включено, помимо Всероссийской олимпиады школьников, 16 химических олимпиад различных уровней [7]. Вместе активно развивающимися межпредметными естественнонаучными олимпиадами этот список может служить примером возрастающего интереса к химии и химическим наукам.

В. В. Еремин отмечает, что важнейшими социальными принципами олимпиадного движения являются бесплатность и общедоступность [1]. Но вместе с тем стоит отметить, что круг вовлеченных в движение школьников остается сравнительно узким: зачастую участниками различных

олимпиад становятся одни и те же одаренные учащиеся, а цель популяризации науки среди большего числа людей не выполняется. Несмотря на декларируемую общедоступность, многие олимпиады требуют от учащихся поездок в другие учебные заведения, другие города и регионы, что требует временного отстранения от учебы, сопровождения педагогом и накладывает материальную нагрузку на семьи. Наиболее эффективным решением данной проблемы в настоящее время является постепенная виртуализация олимпиадного движения.

С момента начала пандемии коронавируса и более активного развития онлайн-обучения происходит активная виртуализация олимпиад различных уровней. Так, согласно Положению о проведении всероссийской олимпиады школьников, с 2020 г. проведение школьного, а в отдельных случаях муниципального и регионального этапов осуществляется с применением дистанционных образовательных технологий. Многие другие олимпиады из Перечня Минобрнауки, в частности, олимпиада «Ломоносов» и междисциплинарная олимпиада «Нанотехнологии – прорыв в будущее!» осуществляют отборочные этапы в дистанционном формате. Подобные нововведения расширяют охват обучающихся, имеющих возможность принять участие, и одновременно снижают нагрузку на учителей и родителей.

На примере Всероссийской олимпиады школьников можно проследить рост вовлеченности школьников Иркутской области в олимпиадное движение за прошедшие годы. По данным Центра олимпиадного движения Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Институт художественного образования и культурологии Российской академии образования», в 2019/20 учебном году в школьном этапе ВсОШ приняли участие 174962 человека, в 2020/21 учебном году – 221 503 чел., в 2021/22 учебном году – 196 862 чел. [3]. Число учащихся, прошедших в муниципальный этап, составило соответственно 24 383, 60 254 и 29 266 чел. Как видно, в 2020 г. при проведении олимпиады с применением дистанционных технологий наблюдались пиковые значения количества учащихся. Несмотря на спад в 2021 г., связанный с частичным обратным переходом на очный формат проведения, количество вовлеченных в олимпиадное движение человек все же превысило аналогичное количество в 2019 г.

Виртуализация олимпиадного движения позволяет расширить возможности учащихся не только для подготовки к участию в олимпиадах различного уровня, но и для подготовки к ним. В. В. Еремин в своих лекциях делает основной упор на самоподготовку учащихся, изучение учебной литературы и решение задач олимпиад прошлых лет. Однако многие заинтересованные школьники обладают различной способностью к самомотивации, необходимой при самостоятельной подготовке. При этом

обучение навыкам решения олимпиадных задач с репетиторами не является общедоступным, как и возможность поездок в учебные лагеря и центры подготовки, так как требует значительных финансовых затрат. Кроме того, во многих случаях прием на учебные программы в образовательных центрах осуществляется из числа учащихся, уже являющихся победителями высокоуровневых олимпиад или проявивших успехи в проектной научной деятельности. Примером тому являются учебные программы для старшеклассников в образовательном центре «Сириус» [6]. Тогда как появление и развитие общедоступных виртуальных курсов подготовки к решению олимпиадных задач позволяет расширить круг заинтересованных школьников. В случае, если подобные курсы реализуются в рамках дополнительного образования, это обеспечит возможность школьникам и родителям выбирать из большего числа курсов, не ограниченного школой, и формировать индивидуальную образовательную траекторию в рамках олимпиадного движения. Примером ресурса, который позволяет самостоятельный выбор курсов, в нашем регионе выступает Навигатор дополнительного образования детей Иркутской области [2]. Так, в 2021/22 учебном году в Навигаторе осуществлялась запись школьников на 86 курсов дополнительного образования по направлению «Химия», среди которых восемь были направлены на обучение решению задач повышенной сложности, из них три курса – непосредственно на подготовку к олимпиадам по химии. Примером курса дистанционной подготовки может служить программа, организованная образовательным центром «Персей», который является официальным организатором региональных этапов ВсОШ по химии в Иркутской области [5]. Как прохождение подобных дистанционных программ влияет на число участников олимпиад и качество выполнения ими предлагаемых заданий, является целью нового исследования. Однако факт расширения уровня доступности новых курсов любому обучающемуся является доказанным в случае адекватного управления информационным ресурсом, обеспечения его доступности с помощью социальной рекламы в сетях и мессенджерах, а также сотрудничества всех заинтересованных сторон, обучающихся и родительской аудитории.

Таким образом, виртуализация олимпиадного движения как с точки зрения проведения предметных олимпиад, так и с точки зрения подготовки к ним, позволяет более эффективно популяризировать изучение химии среди большего числа учащихся, в том числе из отдаленных районов области, и тем самым достичь целей, изначально поставленных перед олимпиадным движением и системой подготовки новых профессионалов.

Литература

1. Еремин В. В. Современное состояние системы химических олимпиад. URL: http://www.nanometer.ru/2017/12/01/olimpiada_528232.html (дата обращения: 31.08.2022).
2. Навигатор дополнительного образования детей Иркутской области. URL: <https://p38.навигатор.дети/> (дата обращения: 02.09.2022).
3. Олимпиада в субъектах Российской Федерации. URL: https://vserosolimp.ed-soo.ru/olimp_region (дата обращения: 03.09.2022)
4. Официальный сайт Министерства образования Иркутской области. URL: https://irkobl.ru/sites/minobr/news/901559/?sphrase_id=26058228 (дата обращения: 02.09.2022)
5. Официальный сайт образовательного центра «Персей». URL: <http://perseusirk.ru/всош-2022-2023/> (дата обращения: 03.09.2022)
6. Официальный сайт образовательного центра «Сириус». URL: <https://sochisirius.ru/kak-ropast/science-programs> (дата обращения: 02.09.2022)
7. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 31.08.2021 № 804 «Об утверждении перечня олимпиад школьников и их уровней на 2021/22 учебный год». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110270027> (дата обращения: 03.09.2022)
8. Приказ Министерства просвещения РФ от 27.11.2020 № 678 «Об утверждении Порядка проведения всероссийской олимпиады школьников». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202103050027?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 03.09.2022)
9. Тюльков И. А., Архангельская О. В., Павлова М. В. Система подготовки к олимпиадам по химии // Материалы курса «Система подготовки к олимпиадам по химии»: лекции 1–4. М.: Первое сентября, 2008. 72 с.

УДК 374.1

Н. В. Деренко, В. М. Максимова, *Иркутск*

Комбинация неформального и информального видов – рецепт успешности онлайн-обучения

Статья посвящена анализу особенностей самоорганизующегося в информационно-коммуникационной сети Интернет образовательного процесса в сфере подготовки российских школьников к сдаче единого государственного экзамена (11-й класс), основного государственного экзамена (9-й класс). Выделены специфические учебные технологии, полезные для развития учебных компетенций будущих студентов университетов, а также слияние неформального и информального видов онлайн-обучения.

Ключевые слова: онлайн-обучение, неформальное обучение, информальное обучение.

N. V. Derenko, V. M. Maksimova, *Irkutsk*

The combination of non-formal and informal types is a recipe for successful online learning

The article is devoted to the analysis of the features of the educational process self-organizing in the information and communication network Internet in the field of preparing Russian schoolchildren for the unified state exam (grade 11), the main state exam (grade 9). The authors identify specific learning technologies that are useful for developing the learning competencies of future university students, as well as the fusion of non-formal and informal types of online learning.

Keywords: online learning, non-formal learning, informal learning.

В период пандемии, длящийся третий год, произошли существенные изменения в организации учебной работы системы дополнительного образования детей и взрослых. Тотальная цифровизация данной сферы, по мнению авторов [2; 3], приводит к институциональной трансформации

образовательного пространства, к развитию студентоцентрированного образования в открытой образовательной среде, к появлению системы краткосрочного самообразования, приобретения навыков on demand вследствие дистанционного характера работы. Образование в самом деле становится непрерывным, огромный спрос на него получил новую самоорганизующуюся в интернете инфраструктуру с большим количеством педагогических инноваций.

Ограничим свое внимание одним из массовых сегментов дополнительного образования детей (школьников 9-х и 11-х классов, готовящихся к сдаче ОГЭ, ЕГЭ) и взрослых (педагогов, репетиторов, родителей, помогающих школьникам подготовиться к экзаменам). Причины такой избирательности понятны – в данной ситуации обучающиеся мотивированы не получением сертификата, а реальными знаниями и навыками, имеют жесткие «дедлайны», выбирают наилучшие варианты вне зависимости от географического положения образовательных структур или стоимости обучения. Это передняя линия новых процессов, широко востребованная в российском обществе на всех уровнях.

Даже поверхностный анализ особенностей работы лидеров среди информационных интернет-платформ по численности учеников демонстрирует общую характерную черту организации образовательной деятельности – интеграция неформального и формального видов подготовки убедительно одерживает верх над формальными системами. Данная классификация видов обучения в деталях понятна только профессионал-педагогам, поэтому кратко охарактеризуем ее, следуя логике [1].

Формальным обучением в Российской Федерации занимаются традиционные образовательные учреждения, имеющие лицензию на образовательную деятельность и государственную аккредитацию, следовательно, выдающие документы о различных уровнях образования. Именно аттестат, диплом, свидетельство являются целью обучающегося, он готов «пакетом» получить образовательную траекторию, на которой идет массовая типовая стандартизированная подготовка.

Для неформального обучения не требуются образовательные учреждения, оно не обязательно завершается официальной сертификацией. Его признаки: системность, наличие целей, результата обучения, конкретного срока обучения. Как пример можно привести курсы, тренинги, короткие обучающие программы, обучение в клубах, кружках. Преподавателями в такой системе могут быть люди без специальной профессиональной подготовки, документы либо выдаются неформальные, либо их вообще нет.

Информальное обучение отличается от неформального – оно не организовано в виде какого-то модуля, не структурировано, не ведет к офи-

циальному документу. Никаких процедурных формальностей, образовательную траекторию выстраивает сам обучающийся, он же самостоятельно выбирает источники знаний и навыков, предпочитая бесплатную передачу опыта. Это обучение «в жизни», в семье, в дружеской компании, в свободное от формальных обязанностей время. Это стихийное самообразование. И именно наступившая эпоха цифровизации всех сфер нашей жизни многократно увеличила возможности неформального обучения через информационно-коммуникационную сеть Интернет, социальные сети, коммуникаторы и т. п.

Ключевой особенностью рассматриваемого нами процесса подготовки школьников к сдаче ОГЭ, ЕГЭ является незначительный размер доли учеников, выходящих за рамки школьных занятий, в формальных структурах – на подготовительных курсах вузов и т. п. Гораздо большее количество школьников обращается к репетиторам, параллельно еще поселяясь на двух-трех онлайн-платформах. Отнесем сферу репетиторства к неформальному виду обучения, нас больше интересует новое явление, онлайн-обучение. И здесь мы обнаруживаем (впрочем, как и в репетиторстве) широкий спектр исполнителей, от талантливых профессионалов с выверенными методиками и технологиями обучения в сети до предприимчивых продавцов образовательных услуг без признаков профессионального мастерства, компенсирующих данный изъян социальными аспектами взаимодействия. Налицо существенный риск для юных граждан, на который пока государство не обращает никакого внимания. Однако если «неэффективные» традиционные репетиторы находятся «в тени» и зарабатывают благодаря большой «текучке» среди быстро разочаровывающихся учеников, то онлайн-платформа гораздо больше рискует обанкротиться, так как в Интернете мгновенно распространяются недовольство и разочарование учеников. Вследствие этого возникла характерная особенность онлайн-платформ, к сожалению, позволяющая маскировать предметный непрофессионализм учителей, – появление мощного пласта коммуникации (рис. 1), стороннего от учебного контента общения с учениками. Конечно, наличие такого общения не является признаком плохого качества обучения, но маскировать слабую позицию учителя позволяет.

Итак, кто и что требуются онлайн-платформе для популярности, для привлечения большого количества благодарных учеников? Заметим, что свой сайт не требуется, можно базироваться в социальных сетях, открыть канал на youtube.com, в TikTok и т. п. А вот яркий преподаватель, харизматичный и интересный – остро необходим, именно его видеозаписи являются основным учебным контентом. Если речь идет о математике, где очень важна четкая подача записей и чертежей, то преподаватель должен решить проблему качественной видеотрансляции доски или графического планшета (очень мало онлайн-платформ, которым не предъявишь

претензию о плохой картинке). И, конечно, нужны методматериалы, задания на занятие, домашние задания, готовые решения для работ над ошибками (рис. 2). На ведущих платформах представлены каталоги со всеми типами заданий с решениями. Требуется обязательное сопровождение занятий рекламой и рабочей информацией в социальных сетях, в коммуникаторах WhatsApp, Telegram и других. Все указанное характерно и для формального, и для неформального обучения, а в чем же «информальность»?

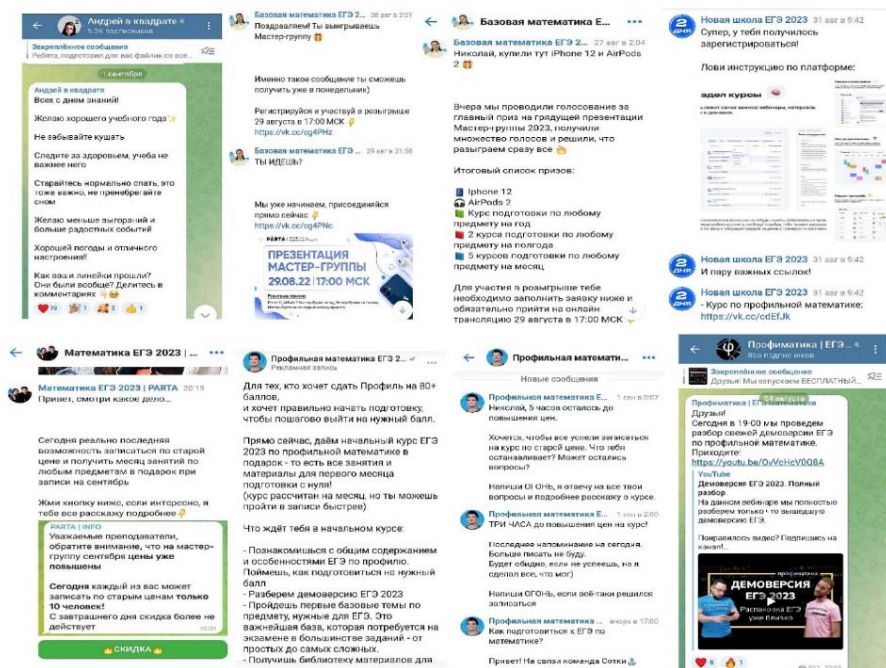

Рис.1. Признаки информального подхода – коммуникация в социальных сетях и мессенджерах

Исчерпывающего ответа на этот вопрос не дадим, но некоторые интересные элементы обсудим.

Главное, на что обращаемся внимание – атмосфера общения. Вот типичный отзыв (сохраняем грамматику автора): «... ты лучший препод, вот серьезно... На вебчиках нет никакого напряжения, все происходит на лайте, а по итогу усвоенный материал... Ты волшебник чертов ♥ благодаря тебе и 8миле я затащила матешу на 92!!! Я о таком и подумать не могла. ...без лишнего слов... Тебе нет аналогов, ты цепляешь своей хариз-

мой, подачей материала, что мне в тебе нравится так это то что ты общаешься на равных с учениками (чего только стоят твои тусы с кураторами и учениками... Ни у кого такого нет) Я поступила в губку! Крч жди в кураторы!! Будем ... дальше...» (см. рис. 2). Становится ясно, что это основной плюс данного проекта, хотя традиционного университетского преподавателя наверняка оттолкнут и встречающиеся на отдельных онлайн-платформах гламурно-мещанский характер общения, и обценная лексика, недопустимая в формальной образовательной системе, и частые попытки эпатировать учеников неприличными шутками. К счастью, есть большое количество достойных образцов неформального общения учителей с учениками, где налицо и высокая культурная планка, и эмпатия, и товарищество.

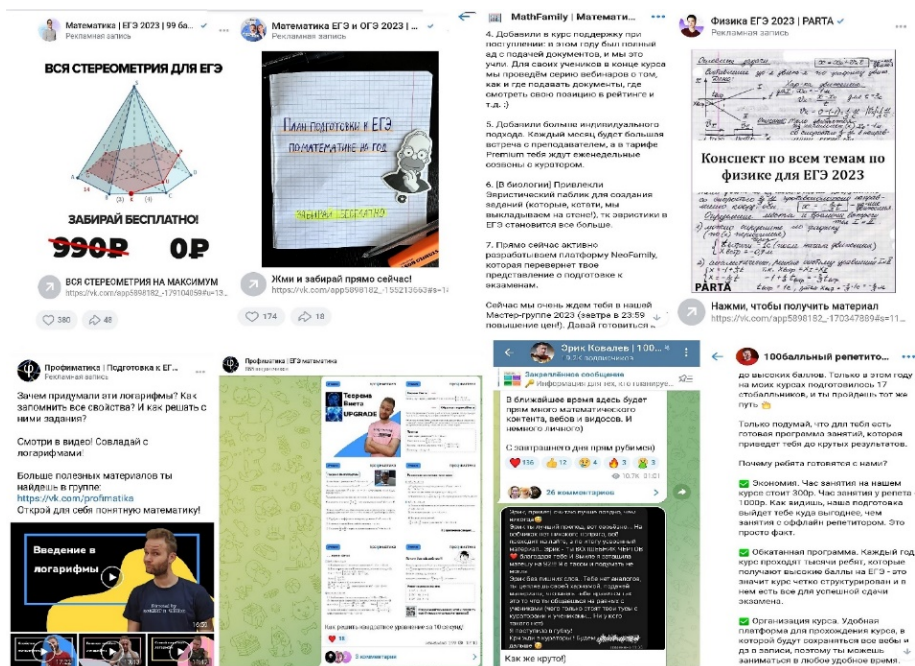

Рис. 2. Особенность неформального подхода – обилие бесплатного образовательного контента

Продолжаем список «информального».

Оказывается, на популярных платформах вовсе не обязательно платить за занятия. Можно купить, весьма недорого, синхронный видеокурс занятий с домашними заданиями и хорошим методобеспечением, с кура-

тором (тьютором), дающим личные консультации и проверяющим домашние задания, а можно обойтись и полноценным опубликованным бесплатно асинхронным видеокурсом, каталогами всех заданий с решениями. Мало того, ведущие преподаватели чуть ли не ежедневно, без отпусков и каникул, бесплатно проводят видеоконсультации, разборы новых материалов, анализ типичных ошибок и т. п. При необходимости подробных консультаций ученик бесплатно получает большое количество видео с разбором либо затруднений, либо подобных задач – из архива уже проведенных занятий.

И что не менее важно – обратная связь. Все видеолекции идут обязательно с сопровождением общения в чате. По каждому примеру на все вопросы ученики получают достаточную информацию, что требует от преподавателя большого опыта как во владении компьютером, так и в параллельном с лекцией общении с зачастую очень большой, многотысячной аудиторией. Плюс ученик получает еще и консультации своих товарищей.

Еще одна «информальная» особенность – при рекламном продвижении своих курсов в социальных сетях и мессенджерах преподаватели своевременно и бесплатно распространяют качественные и актуальные, пользующиеся именно в текущий момент повышенным спросом материалы типа шпаргалок, справочников, конспектов, шаблонов и алгоритмов решения, «лайфхаков» для решения затруднительных проблем. Одновременно идет розыгрыш призов, скидок на оплату обучения, в результате которых ученик может купить качественный курс подготовки в 5–10 раз дешевле услуг репетитора (по состоянию на 2022 г. одно занятие репетитора по подготовке к ЕГЭ по математике стоит от 600 – простая консультация – до 3000 руб.).

Ученик, погрузившись в информальное образовательное пространство нескольких онлайн-платформ, формирует индивидуальную максимально дешевую и достаточно успешную траекторию обучения, приобретает не характерные для средней школы и университетов навыки *on demand*. И это еще один вызов для российских образовательных учреждений высшего образования, подавляющее большинство которых не могут предоставить студенту подобной современной и привлекательной, высокотехнологичной и доступной, понятной и привлекательной образовательной технологии.

Литература

1. Бугайчук К. Л. Формальное, неформальное и информальное дистанционное обучение: сущность, соотношение, перспективы // Материалы XX юбилейной конференции представителей региональных научно-образовательных сетей RELARN-2013, 1–6 июня 2013 г., Санкт-Петербург. СПб., 2013. С. 114–121. URL: <http://www.e-learning.by/Article/Formaljnoe-neformaljnoe>

i-informaljnoe-distancionnoe-obuchenie-suschnostj-sootnoshenie-perspektivy/ELearning. html (дата обращения: 03.09.22).

2. Дополнительное и неформальное образование школьников в условиях пандемии COVID-19 / А. В. Павлов, М. Е. Гошин, С. Г. Косарецкий, И. Ю. Иванов, В. С. Ершова // Современная аналитика образования. М. : НИУ ВШЭ, 2021. № 1(50) 88 с.

3. Травкин И. Ю. Неформальное образование в Интернет: от сетевых сообществ к массовым открытым онлайн-курсам // Образовательные технологии и общество. 2015. Т. 18. № 2. С. 441–471. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neformalnoe-obrazovanie-v-internet-ot-setevykh-soobshchestv-k-massovym-otkryтым-onlayn-kursam> (дата доступа: 03.09.2022).

УДК 37.014.3

К. П. Ермоченко, *Смоленск*

Инновационная цифровая платформа S24 как пример современного сетевого взаимодействия субъектов социального института образования

Представлен теоретический анализ возможности эффективного использования цифровой платформы S24 для достижения поставленных образовательных целей и задач. Показывается, что возникновение современных способов и технологий взаимодействия как между субъектами образовательного процесса, так и между различными социальными группами, принадлежащими к категориям людей самого разного возраста, продиктовано запросами сегодняшнего информационного общества. Доказывается, что только используя современный инструментарий коммуникации и взаимовлияния, можно в полной мере решить актуальные проблемы современного мира «цифры».

Ключевые слова: виртуальное пространство, информационное общество, образовательная платформа, инновации.

K. P. Ermochenko, Smolensk

Innovative digital platform «S24» as an example of modern network interaction of subjects of the social institute of education

The article presents a theoretical analysis of the possibility of effective use of the digital platform «S24» to achieve the set educational goals and objectives. The emergence of modern methods and technologies of interaction both between the subjects of the educational process and between various social groups belonging to categories of people of all ages is dictated by the demands of today's information society. Only by using modern tools of communication and mutual influence, it is possible to fully solve the current problems of the modern world of «numbers».

Keywords: virtual space, information society, educational platform, innovation.

Инновации подразумевают под собой возникновение новых форм и методов протекания того или иного процесса, современных способов и умений в той или иной сфере жизнедеятельности человека.

В условиях информационного общества [3], широко-развитой коммуникационной среды вопрос о внедрении инноваций и новых идей в сферу образования и науки становится ключевым связующим элементом, который способствует быстрому появлению новых практически-значимых открытий и явлений в условиях быстро изменяющейся реальности трансформируемого мира.

Инновации характерны для любой профессиональной деятельности человека, в связи с этим они становятся предметом изучения для многих ученых, а также являются результатом их научного поиска. Современному миру присуще внедрение новых идей, способов мышления во все сферы человеческой жизни.

Следует отметить, что инновации можно сравнить с процессом извлечения выгоды из знания для обеспечения конкурентоспособности и лидерства, что, по нашему мнению, вполне имеет прямое отношение и к инновациям в образовании в контексте их значимости и недостаточной проработанности данного ресурса.

Инновации в образовании [2] представляют собой обеспечение инновационного характера всей системы образования, а также формирование инновационной культуры руководителей, учителей и учащихся.

В свою очередь, инновационная деятельность в образовании направлена на решение комплексной проблемы, порождаемой несоответствием традиционных норм новым социальным ожиданиям, целью которой является изменение личности учащегося с развитием у него умения мотивировать свои действия, вырабатывать алгоритм решения поставленной задачи, ориентироваться в получаемой информации.

В конечном счете инновационная деятельность имеет своей целью максимально раскрыть их природные способности, используя новейшие достижения науки и практики. Достижение цели, которая даст возможность конкурировать на международной образовательной арене, напрямую связано с проводимой государством политикой.

В связи с этим президент РФ Владимир Владимирович Путин поставил общегосударственную задачу, а именно: вывести Россию в десятку лучших стран по качеству образования к 2024 г. Официально и юридически это было подкреплено Указом Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [1].

В данном документе говорится о возможности обеспечения глобальной конкурентоспособности российского образования, вхождении Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования.

Достижение поставленной цели в сфере образования, которая направлена на совершенствование научно-педагогического, учебно-методического обеспечения системы образования, будет реализовано благодаря созданию инновационных образовательных проектов, к числу которых можно отнести инновационную образовательную цифровую платформу S24 университета «Синергия». Реализация данного проекта рассчитана на период 2021–2025 гг.

Данный образовательный проект представляет собой совокупность организации условий для реализации образовательных программ с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий, обеспечивающих повышение квалификации молодых специалистов, а также создание дополнительной мотивации для включения в социально-значимую и актуальную профессиональную деятельность.

Участниками проекта могут стать молодые люди в возрасте от 14 до 35 лет, молодежные объединения, творческие сообщества, волонтерские корпуса и добровольческие объединения.

Данный образовательный проект направлен на развитие у его участников предпринимательских компетенций, а также актуализацию и совершенствование профессиональных компетенций с использованием междисциплинарных связей в процессе онлайн-работы над кейсами.

S24 – уникальный способ организации коммуникации междисциплинарных команд для реализации действительных кейсов на коммерческой и рейтинговой основе внутри региона и за его пределами с целью организации эффективного взаимодействия между молодежными креативными индустриями для совершенствования уровня компетенций молодых профессионалов [4].

На ранних этапах реализации проекта кураторство над платформой осуществляют преподаватели университета Синергия, контролируя процесс привлечения на платформу специалистов из области креативных индустрий, а также сопровождая формируемые междисциплинарными командами кейсы, учитывая уровень участников проектной группы.

Создание инновационной цифровой платформы, поддерживающей вовлечение молодежи [2] в сферу развития креативных индустрий посредством проведения образовательной практико-ориентированной программы, включающей в себя создание междисциплинарных команд, работающих над реальными проектами в режиме онлайн.

Таким образом, инновационный проект S24, созданный на правах образовательной организации, отнесенной к числу федеральных инновационных площадок, имеет существенное значение для модернизации образовательной системы с учетом ключевых направлений социально-экономического развития страны.

На сегодняшний день интерес к платформе уже проявили некоторые компании, студенты и опытные профессионалы в сфере креативных индустрий. Однако отсутствие в большинстве школ инновационной среды как таковой, которое связано с методической неподготовленностью преподавателей, их слабой информированностью и незаинтересованностью учащихся тормозят процесс внедрения педагогических нововведений.

Литература

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020) // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 13.08.2022)
2. Ермоченко К. П. Духовно-нравственные ценности и риски педагогической деятельности в современных социокультурных условиях // Драйверы развития общего и профессионального образования : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Павлово : Павлово, филиал ФГАОУ ВО «Нац. исслед. Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского», 2021. С. 206–210.
3. Ермоченко К. П. Цифровая трансформация отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления российских регионов: итоги 2020 Г. И перспективы развития // Пространственное развитие территорий : сб. науч. тр. IV Междунар. науч.-практ. конф. Белгород, 25 нояб. 2021 г. / под общ. ред. Е. А. Стрябковой, А. М. Кулик. Белгород : Эпицентр, 2021. С. 71–75.
4. Юсуфбекова Н. Р. Общие основы педагогических инноваций: Опыт разработки теории инновационного процесса в образовании. М. : Пед. общество, 1991. 91 с.

УДК 378.85

И. А. Журавлева, *Иркутск*

Виртуальные образовательные технологии в оценках преподавателей

Приводятся результаты качественного исследования оценки преподавателями современных виртуальных образовательных технологий. Выделяются личностно-профессиональные черты применения виртуальных технологий обучения, а также методически-организационные формы организации образовательного пространства.

Ключевые слова: виртуальность, образование, преподаватели, эксперты, обучение, блокчейн, виртуальные технологии, искусственный интеллект

I. A. Zhuravleva, *Irkutsk*

Virtual educational technologies in teacher assessments

The article presents the results of a qualitative study of teachers' assessment of modern virtual educational technologies. Personal and professional features of the use of virtual learning technologies, as well as methodological and organizational forms of organizing the educational space, are highlighted.

Keywords: virtuality, education, teachers, experts, training, blockchain, virtual technologies, artificial intelligence

Виртуальные образовательные технологии выступают ответом на требования времени. Все больше дистанционного обучения становится нормой из-за ограниченности доступа личного времени, из-за более удобной организованной формы социальной коммуникации, из-за возможности взаимодействия через виртуальных посредников и т. д. При этом, в обществе сложилось два полюса восприятия данных технологий. Первый – это безусловное одобрение и принятие, он вызван тем, что виртуальные образовательные технологии упрощают жизнь, позволяют быстро и качественно восполнять пробелы в знаниях. Второй – это тотальное неприятие и обесценивание, он вызван тем, что качество получаемого

виртуального образования значительно ниже очного, недостаточный уровень технических параметров также ограничивает возможности воспринимать и усваивать необходимую информацию.

В любом случае образовательные технологии за последние два десятилетия существенно обновились, особенно это стало очевидно после начала пандемии COVID-19, когда дистанционное обучение стало нормой для школы и вузов, а также большей части дополнительных образовательных продуктов (повышения квалификации, переподготовке и т. д.).

В литературе с разных сторон подходят к образовательным процессам в цифровом мире. Одни рассматривают вопросы необходимости особых образовательных технологий в виртуальном пространстве (И. А. Журавлева [6–10], Р. В. Иванов [11], О. А. Полюшкевич [18], Ш. Ф. Фарахутдинов [19; 20]), другие говорят о новой идентичности в виртуальном мире, которая требует альтернативных методов и технологий обучения (Р. Г. Ардашев [1–5], С. В. Малых [13; 14], В. А. Колесников [12], О. А. Полюшкевич [15–17]), но и первых и вторых объединяет уверенность в неизбежности применения новых методов и технологий обучения.

Для оценки значимости образовательных технологий, требующих нового методологического обеспечения, важна роль преподавателей, непосредственно участвующих в создании данного контекста и формата работы. Поэтому, мы провели качественное исследование преподавателей, участвующих в создании виртуальных образовательных сред или просто онлайн-курсов для студентов. Исследование проходило в Иркутске, в нем приняли участие 26 человек, в возрасте от 25 до 65 лет, 55 % женщины и 45 % мужчины, каждый из них подготовил и преподает минимум два и более онлайн-курса, 6 человек создали отдельные образовательные среды, которыми пользуются другие преподаватели и преподают свои онлайн-курсы внутри их.

Эксперты выделили личностно-профессиональные черты преподавания с использованием виртуальной реальности.

Первое – это удобство работы. Всегда есть заранее подготовленная лекция, по которой можно проводить занятие. Хотя, некоторые указывали на двойную нагрузку в том, что сначала надо подготовить саму лекцию, потом ее выложить к сети или прочитать в виде видеоконференции.

Виртуальная образовательная среда требует предварительной серьезной подготовки, но, когда уже все сделано – очень удобно и практично работать. Ты всегда готов к занятию, все задания известны, тематика, план, а то и сама лекция выложена – остается только обозначить основные интересные или проблемные моменты. Это развязывает руки в плане преподавания и полагаю, привлекает интерес студентов. (М. Ю., доктор технических наук, 52 года).

Работа в онлайн-формате требует концентрации и внимания на первых порах, когда готовишь и выкладываешь курс в онлайн-среду, но когда все сделано – остается только озвучить то, что уже есть. Это продуманно, продуктивно и качественно трансформирует сам процесс обучения, дает больше возможностей для интерактивного общения со студентами и более качественной работы в принципе. (С. М., кандидат исторических наук, 35 лет).

Второе – это интерактивная связь со студентами. Удобно мобильно взаимодействовать через чаты или форумы для обсуждения.

Виртуальное пространство позволяет взаимодействовать со студентами оперативно и мобильно, быть всегда на связи – это стирает определенные границы формализации и позволяет более тесно общаться по предмету и актуальным вопросам, предполагающим раскрытие в рамках лекционного или практического курса. Полагаю, виртуальная открытость порождает больший интерес у студентов и воодушевляет и вдохновляет преподавателей на дальнейшую научно-исследовательскую и преподавательскую работу. (Т. А., доктор биологических наук, 48 лет).

Открытость и интерактивность – это требования современного времени к виртуальным образовательным программам и курсам, без использования этой возможности любое онлайн-обучение приобретает формальный характер. Именно интерактивность взаимодействия преподавателя и студента создает уникальную педагогическую ситуацию, когда благодаря открытости взаимодействия порождается новый форм научного, исследовательского, да и педагогического поиска. Интерактивность – это инструмент и повод для личностного и профессионального развития любого педагога. (Н. Н., доктор химических наук, 56 лет).

Третье – это дополнительная нагрузка при оценке домашних заданий и фиксация их в электронной системе из-за накладок и каких-то сбоев. О сложностях говорили эксперты в два раза чаще, чем о достоинствах и преимуществах.

Увеличение онлайн-сопровождения студентов по выполнению, проверке и корректировке домашних заданий увеличивает нагрузку на преподавателя, не давая возможности гибче подходить к процессу преподавания. (Т. Н., кандидат психологических наук, 42 года).

Домашние задания студентов в рамках онлайн-занятий увеличивают педагогическую нагрузку для любого преподавателя, формируя дополнительное напряжение в рамках педагогического процесса. (О. Е., кандидат социологических наук, 45 лет).

Эксперты выделили три методических инструмента работы в онлайн-пространстве, которые накладывают свою специфику на весь образовательный процесс и формируют технически-организационные условия работы.

Первое – преподаватели онлайн-курсов отдельно выделяют особенности работы искусственного интеллекта в процессе онлайн и дистанционного обучения.

Методы искусственного интеллекта продолжают развиваться при решении самых разных групп задач: игры (шахматы, покер, Го и др.), взаимодействие с компьютером на естественном языке, распознавание зрительных образов и рукописного текста, построение экспертных систем, систем для автоматического управления автомобилем, машинного перевода, конструирование интеллектуальных роботов и т. п.

Можно сказать, что искусственным интеллектом обладает любое техническое устройство, которое:

- разработано для взаимодействия с окружающим миром (например, с помощью визуального восприятия или распознавания речи);

- демонстрирует интеллектуальное поведение, обычно присущее человеку (например, оценку доступной информации и принятие решений для достижения своей цели).

Облачные вычисления, мобильный интернет и высокая скорость доступа к глобальной сети сделали системы с использованием искусственного интеллекта доступными массовым пользователям.

Хотя педагогические разработки с использованием искусственного интеллекта появились сравнительно недавно, уже выделилось несколько направлений их применения.

- Интеллектуальные обучающие системы и чат-боты, применяемые в ряде школ и университетов: персонализация учебной работы, обеспечение быстрой обратной связью непосредственно в ходе учебной работы.

- Автоматическое оценивание: использование методов распознавания образов и общение на естественном языке позволяет автоматизировать оценивание таких образовательных результатов, которые обычно требуют экспертной оценки (например, эссе).

- Настраиваемые учебные материалы: искусственного интеллекта помогает обучаемым формировать свои собственные лекционные материалы, разбивать учебники на удобные фрагменты информации и генерировать краткое изложение содержания книг и другой учебной литературы.

- Образовательная аналитика: использование методов искусственного интеллекта для работы с большими данными и подготовки образовательной аналитики с целью повышения результативность образовательной деятельности.

- Консультационные системы: методы искусственного интеллекта применяют при построении информационно-консультационных систем, которые помогают эффективно использовать возможности цифровой образовательной среды.

– Геймификация и виртуальная реальность широко используются для организации игровых ситуаций, повышения наглядности обучения, повышения мотивации обучающихся, проведения виртуальных экспериментов.

Возможности искусственного интеллекта расширяют возможности для преподавателей показать свой уровень и мастерство работы, качественный срез того, что может сделать только он сам, а что можно поручить машине, кто этой технологией овладел – существенно смог снизить собственную нагрузку и сформировать пространство для личного творчества. (Л. А., кандидат физических наук, 47 лет).

Технологии искусственного интеллекта в образовании безграничны. И я по максимуму стараюсь их применять для разнообразия педагогического взаимодействия со студентами. Это возможности будущего, которые уже меняют настоящее. (Г. А., кандидат географических наук, 40 лет).

Второе – это технологии виртуальной реальности в обучении.

Первые опыты в области построения виртуальной реальности (VR) с использованием цифровых технологий начались в США в Массачусетском технологическом институте более полувека назад. С тех пор принципиальная идея VR практически не изменилась:

– компьютер генерирует образ (трехмерное изображение, звуковой фон и т. п.);

– система отображения передает этот образ на органы чувств оператора VR-системы (пользователя);

– закрепленные на пользователе датчики собирают и передают в компьютер информацию о действиях пользователя (например, о повороте головы или изменении его положения в пространстве);

– компьютер использует получаемую информацию для изменения формируемой им виртуальной реальности и ее генерируемого образа, который поступает (передается) на органы чувств пользователя.

Сегодня VR – быстро развивающаяся компьютерная технология. Современные компьютеры способны формировать для пользователя живую виртуальную (моделируемую вычислительной системой) среду, с которой пользователь взаимодействует с помощью широкого набора специализированных устройств ввода/вывода информации: наушников, микрофона, компьютерных очков, специализированных перчаток и костюмов для передачи тактильного взаимодействия. Используемое оборудование для контакта с виртуальной реальностью позволяет пользователю погружаться в искусственный компьютерный мир, перемещаться в нем, видеть его и слышать, взаимодействовать с виртуальными предметами и т. п.

В настоящее время существует несколько вариантов систем виртуальной реальности:

– обычная (классическая) виртуальная реальность (Virtual Reality – VR), где пользователь взаимодействует с виртуальным миром, который

генерируется компьютером (существует виртуально, в виде компьютерной программы);

– дополненная, или компьютерно-опосредованная, реальность (Amended Reality – AR), где информация, генерируемая компьютером, накладывается поверх изображений реального мира;

– смешанная реальность (Mixed Reality – MR), где виртуальный мир связан с реальным и включает его в себя.

Виртуальные технологии – это инструменты вовлечения студентов в цифровую реальность, какими именно средствами это осуществляется – зависит от преподавателя и самого предмета. Но в любом случае – использование виртуальной реальности расширяет сознание студентов и позволяет выйти за рамки привычного, а стало быть, создает условия для научного прорыва в будущем. Например, очки виртуальной реальности позволяют обучающимся оказаться в научных лабораториях, наблюдать и проводить реалистичные виртуальные эксперименты, взаимодействовать с макро– и микрообъектами, совершать путешествия в мир математических объектов и проч. (С. В., кандидат физико-математических наук, 35 лет).

Виртуальные технологии обучения расширяют навыки и инструменты освоения информации, определяя то, что может и должно стать основой для социального моделирования общественного развития. Обучаемые получают возможность посетить музеи и места исторических событий, общаться с виртуальными моделями исторических личностей, реконструировать события прошлого и т. д. (О. А., кандидат философских наук, 40 лет).

Третье – это технологии блокчейн в обучении.

Блокчейн – технология хранения данных, которая основана на создании распределенного реестра, была предложена для работы с цифровой валютой биткоин. Данная технология гарантирует безопасный и недорогой способ хранения записей в цифровом формате, а также контроля за их изменениями. Чтобы добавить новый элемент, нужно обладать соответствующими правами или выполнить некоторый набор действий.

Сам блокчейн – это цепочка блоков данных (тексты, изображения, видео, программные приложения), которые связаны друг с другом и хранятся в виде идентичных копий на множестве различных компьютеров. К главным достоинствам технологии блокчейн относят ее способность формировать у пользователей:

– уверенность в себе (возможность публично заявить о себе и в то же время контролировать и управлять доступом к накапливаемой информации и персональным данным);

– доверие к ней (технология дает уверенность пользователям в выполняемых ими операциях и их результатах, включая платежи и выдачу сертификатов);

– ощущение прозрачности ее работы (пользователь, осуществляющий транзакцию, уверен, что все адресаты получают к ней доступ);

– ощущение стабильности (все записи хранятся неограниченно долго, и изменить их невозможно);

– чувство самостоятельности (для управления транзакциями или ведения записей не нужен центральный контролирующий орган).

Блокчейн может с успехом применяться в сфере образования для формирования цифрового портфолио хранения аттестатов и дипломов, экзаменационных и творческих работ, результатов экзаменов и образовательных достижений (тексты выполненных контрольных работ, видеозаписи с выступлениями экзаменуемых и проч.) в виде уникальных цифровых записей в распределенной базе данных. Блокчейн позволяет продемонстрировать хранящиеся здесь результаты и творческие работы всем, кому это необходимо, защищать авторство, подавать заявки на изобретения и получать признание. (В. А., доктор философских наук, 66 лет).

Ценность этой технологии для образования состоит в том, что она гарантирует надежность и безопасность, а сами записи могут содержать разные типы данных. Например, с помощью блокчейн можно хранить информацию об экзаменах, выданных дипломах и сертификатах вместе с информацией о том, кто и когда их проводил или выдавал. Таким образом, бумажный документ теряет свою уникальность – здесь все желающие могут незамедлительно, не обращаясь к архивам выдавшей его организации, убедиться в его подлинности и получить его заверенную копию. (Р. Ю., кандидат биологических наук, 30 лет).

Таким образом, эксперты выделили два крупных блока особенностей преподавания в виртуальном пространстве: это личностно-профессиональные и методически-формальные инструменты. Каждый из выделенных блоков обладает своими особенностями, условиями и чертами, которые требуют подготовки, освоения и практического закрепления в работе любого преподавателя. Можем с уверенностью утверждать, что профессионализм и качественная подготовка преподавателя в будущем будет опираться на выделенные экспертами черты.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 152–156.

2. Ардашев Р. Г. Виртуализация в новых смысловых ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 130–134.

3. Ардашев Р. Г. Трансформация мышления россиян в цифровую эпоху // Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Вологда : ВолНЦ РАН, 2021. С. 367–369.
4. Ардашев Р. Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы VI международной научно-практической интернет-конференции : в 2 ч. Вологда : ВолНЦ РАН, 2021. С. 76–79.
5. Ардашев Р. Г. Трансформация сознания молодежи в эпоху виртуальности // Alma mater (Вестник высшей школы). 2021. № 5. С. 31–34.
6. Журавлева И. А. Восприятие студентами удаленного обучения в университете // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 8. С. 12–15.
7. Журавлева И. А. Виртуальное образование: выбор современной молодежи // Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 368–372.
8. Журавлева И. А. Дистанционное образование в современном университете: оценки студентов // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 475–480.
9. Журавлева И. А. Информационные технологии в образовании: эволюция к новому качеству // Инновационные формы и методы в системе высшего профессионального образования в России : науч.-метод. материалы. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2010. С. 81–85.
10. Журавлева И. А. Образовательные стратегии в информационном обществе // Философия и культура информационного общества : материалы 8-й Междунар. науч.-практ. конф. / С.-Петербург. гос. ун-т аэрокосм. приборостроения. СПб. : СПбГУ, 2020. С. 361–363.
11. Иванов Р. В. Дистанционное высшее образование: роль виртуальных составляющих // Роль социального образования в развитии института общественного мнения в условиях глобальных вызовов : науч.-метод. материалы. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. С. 107–109.
12. Колесников В. А., Полошкевич О. А. Высшее образование в нелинейном обществе // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 12. С. 28.
13. Малых С. В. Виртуальная идентичность современных студентов // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 29–34.
14. Малых С. В. Цифровизация обучения в университете: социальные эффекты и риски // Философия и культура информационного общества : материалы 8-й Междунар. науч.-практ. конф. / С.-Петербург. гос. ун-т аэрокосм. приборостроения. СПб. : СПбГУ, 2020. С. 412–413.
15. Полошкевич О. А. Виртуальная самопрезентация в период пандемии COVID-19 и после ее // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. Грозный ; Махачкала : ГГУ, 2020. С. 303–307.
16. Полошкевич О. А. Виртуальная составляющая социальной идентичности // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 10–25.
17. Полошкевич О. А. Иррациональные основы формирования социальной идентичности под влиянием виртуальности // Социология. 2020. № 5. С. 163–176.
18. Полошкевич О. А. Искусственный интеллект: перспективы развития классического университета // Классический университет: история и современность : материалы II Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Удмурт. гос. ун-та. Ижевск : УГУ, 2021. С. 405–409.
19. Фарахутдинов Ш. Ф. Использование технологий виртуальной реальности в образовательной среде // Вузовская наука: проблемы подготовки специалистов : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. М. Л. Белоножко. Тюмень : ТИГУ, 2021. С. 192–198.
20. Фарахутдинов Ш. Ф. Современные тенденции в использовании технологий виртуальной реальности в образовании // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 469–474.

УДК 004.378

М. И. Кузнецов, *Рязань*

Цифровые платформы в современном высшем образовании и науке

Рассматривается целесообразность внедрения цифровых платформ в образовательную и научную среду высших учебных заведений. Изучается взаимосвязь развития цифровых платформ с внедрением экосистем, направленных на развитие образовательно-научной деятельности.

Ключевые слова: цифровая платформа образования, экосистема, научная библиотека, ФСИН.

M. I. Kuznetsov, *Ryazan*

Digital platforms in modern higher education and science

The article discusses the feasibility of introducing digital platforms into the educational and scientific environment of higher educational institutions. The relationship between the development of digital platforms and the introduction of ecosystems aimed at the development of educational and scientific activities is considered.

Keywords: digital education platform, ecosystem, scientific library, Federal Penitentiary Service.

Внедрение цифровых платформ в образовательную среду зарекомендовало себя как инструмент социализации пользователей, находящихся удаленно, в период пандемии вирусной инфекции. Доступность информации является востребованным направлением развития образовательных платформ в рамках государственной программы цифровизации, представляет формы развития образовательного процесса, например, в направлении доступной среды для инвалидов. Важной функцией цифрового образования является доступность к интеллектуальным ресурсам, научным разработкам, при использовании сети интернет, из любого уголка огромной страны. Целевые задачи построения модификации цифровой платформы образования обозначены на сайте Министерства науки и высшего образования РФ в рамках деятельности Совета по цифровому развитию и информационным технологиям (ИТ), программы по цифровизации образования [6, с. 1]. Для усиления возможностей цифровой трансформации пазлы платформ образования свободно интегрируются в среду с применением принципов построения бизнес экосистемы.

Идея построения бизнес-модели на основе биологических процессов, происходящих в любой экологической системе, предусматривает непрерывное взаимодействие, интегрированность процессов, совместную защиту от захватнических групп, конкурентов. Она подтвердила свои высокие качества и возможности выживания в условиях соперничества на рынке услуг. Джеймс Мур определил новую стратегию развития бизнеса и предложил рассматривать экономическую деятельность как экоси-

стему, где пользователи и производители услуг выполняют взаимодополняющие роли, совместно эволюционируя в направлении, определяемом компаниями, расположенными в центре системы [8, с. 34].

В настоящее время бизнес модель широко применяется в цифровой среде, поскольку имеет высокую степень защиты от конкурирующих стратегий организаций, что актуально в нынешних политических условиях при применении агрессивных атак к разрушению фундаментальных морально-ценностных основ нации иностранными агентами. Система совмещает высокие стабилизационные свойства с возможностями снижения потребляемых ресурсов. Например, эффективно применяется в сфере обучения цифровым профессиям жителей отдаленных регионов нашей страны. Зарегистрированные пользователи платформы «Госуслуги» могут воспользоваться возможностями государственной программы «Цифровые профессии». Технологический переход внутри сайта на платформы образовательных организаций осуществляется быстрее, без применения дополнительных кодирующих программ [7, с. 1].

В целях развития государственных платформ, поскольку социальные сферы деятельности государства, в частности образование, всегда будут дотационной статьей бюджета, используется грантовая поддержка системы [2, с. 1]. Целевое предоставление бюджетных средств на развитие и продвижение национальных проектов в сфере образования способствует сохранению культурных фундаментов, кодированных на основе ценностных ориентиров с учетом этнических особенностей не только многочисленных коренных народов, но и учитывает выживание культурного кода малых этносов, проживающих на территории Российской Федерации.

Неразрывно с образовательным процессом высших учебных заведений существует научная деятельность, выраженная в проведении конференций, форумов, публикационной деятельности профессорско-преподавательского состава, научной жизни диссертационных советов и других форм реализации творческой мысли. Развитие национальной системы научных платформ образования жизненно особенно необходимо в период активного возникновения внешних угроз, влияющих на умы молодежи, склонной жадно впитывать новые формы и достижения научно-технического прогресса. Каждому новому поколению присуще желание ставить под сомнение признанные достижения национальной научной мысли. Двигатель внутренних противоречий побуждает искать необычные пути реализации идей, построенных не только на технических новинках, но и различных взглядах на моральные аспекты. Внедрение возможностей научно-технического прогресса в симбиозе с другими образовательными цифровыми системами повышает привлекательность обучения для молодежи в национальной цифровой образовательной среде.

Научная жизнь высших учебных заведений в области публикационной деятельности отображается на портале российской научной электронной библиотеки eLIBRARY, в которую входит проект в области наукометрии Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). В мае 2022 г. Научная электронная библиотека стала резидентом Инновационного научно-технологического центра (ИНТЦ) МГУ «Воробьевы горы» [4, с. 1].

ИНТЦ МГУ «Воробьевы горы», в свою очередь, является инновационной экосистемой мирового уровня, создаваемой в целях реализации приоритетов научно-технологического развития России. Проект ориентирован на повышение инвестиционной привлекательности сферы исследований и разработок, коммерциализации их результатов, расширения доступа граждан и юридических лиц к участию в перспективных, экономически привлекательных научных и научно-технических программах [3, с. 1]. Вхождение в экосистему предоставляет преференции, доступные ведущему университету страны в области научно-технологической деятельности, включающие девять кластеров, помощь в интеграции технологических идей в структуру компании, что образует симбиоз, превышающий в разы ресурсы резидента. Научная деятельность существенно обогащается техническим оснащением лабораторий МГУ, катализируется возможностями консультирования с научным сообществом и профессорским составом университета. Этот пример наглядно показывает усиление возможностей цифровых платформ при взаимодействии с крупными научными экосистемами.

Цифровая платформа Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России), как структурная единица, является частью экосистемы УИС, в которую входят не только образовательные организации, но и все исправительные учреждения на всей территории Российской Федерации. Официальный сайт Академии ФСИН России в открытом доступе размещает информацию, необходимую для обеспечения образовательного процесса. Сайт служит для информирования потенциальных абитуриентов о правилах поступления в бюджетное учреждение на конкурсной основе, демонстрирует новостной контент, освещает научную деятельность, информацию о проводимых научных мероприятиях, доступных для участия научного сообщества не только ФСИН, но и других вузов страны [1, с. 1]. Цифровая экосистема ФСИН России регулярно проходит реорганизацию в соответствии с нормативными требованиями, предъявляемыми для государственных структур исполнительной власти РФ.

Внедрение цифровых платформ в образовательную среду учебных организаций как этап развития технологического прогресса, активизиру-

вавший свою деятельность в период биологических угроз, является объективной необходимостью сегодняшнего времени. В рамках международного права признано значение получение информации в цифровой среде. 3 июня 2011 г. принята резолюция ООН, признающая доступ в интернет базовым правом человека [5, с. 1]. Право на получение достоверной информации реализуется при обращении на официальные цифровые платформы, обладающие безупречной информационной репутацией. Объективный мониторинг цифровой среды демонстрирует наличие огромного количества фейковой информации на просторах интернета.

Таким образом, создание цифровых порталов, обладающих общественным влиянием, несущих ответственность на государственном уровне за информационную безопасность своих контентов, является объективной необходимостью в условиях вызовов сегодняшнего времени.

Литература

1. Академия ФСИН России //Официальный сайт ФСИН России. URL: <https://apu.fsin.gov.ru/> (дата обращения: 01.09.2022).
2. Грантовая поддержка // Официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://old.minobrnauki.gov.ru/ru/activity/digitalcouncil/digitalobr/> (дата обращения: 01.09.2022).
3. ИНТЦ МГУ «Воробьевы горы» // Официальный сайт ИНТЦ МГУ «Воробьевы горы». URL: <https://residents.ac-vo.ru/> (дата обращения: 01.09.2022).
4. Научная электронная библиотека стала резидентом ИНТЦ МГУ «Воробьевы горы» //Официальный сайт российской научной электронной библиотеки eLIBRARY. URL: https://www.elibrary.ru/news_library.asp (дата обращения: 01.09.2022).
5. ООН признала право на доступ в Интернет неотъемлемым // Российская газета. URL:<https://www.kdmid.ru/> (дата обращения: 01.09.2022).
6. Цифровизация образования // Официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://old.minobrnauki.gov.ru/ru/activity/digitalcouncil/digitalobr/> (дата обращения: 01.09.2022).
7. Цифровые профессии // Официальный портал государственных услуг ГОСУСЛУГИ. URL: <https://profidigital.gosuslugi.ru/> госуслуги/цифровые профессии (дата обращения: 01.09.2022).
8. Moore James F. The Deaty of Competition: Leadership & Strategy in the Age of Business Ecosystems. New York : HarperBusiness, 1996. 339 p.

УДК 378.18

С. В. Малых, *Иркутск*

Виртуальные перспективы образовательного потенциала россиян

Рассматриваются особенности формирования виртуальных перспектив образовательного потенциала россиян. Выявляются возрастные и гендерные отличия виртуализации образовательного процесса. Приводится оценка процессов цифровизации среди россиян разного пола и возраста, а также выделяются перспективы развития виртуального развития образовательного потенциала россиян.

Ключевые слова: виртуальность, образование, перспективы, оценка.

S. V. Malykh, *Irkutsk*

Virtual perspectives of the educational potential of Russians

The article discusses the features of the formation of virtual prospects for the educational potential of Russians. Age and gender differences in the virtualization of the educational process are revealed. An assessment of the processes of digitalization among Russians of different sex and age is given. It also highlights the prospects for the development of the virtual development of the educational potential of Russians.

Keywords: virtuality, education, prospects, evaluation.

Образование становится ресурсом общественного развития при условии целенаправленного общественного развития. Социальные трансформации общественного развития, происходящие в социальной структуре в первой четверти XXI в. указывают не только на внешние, но и на внутренние перемены целей, ценностей, норм, критериев, качества и иных показателей образовательного потенциала граждан.

При этом образование все еще продолжает быть одним из показателей социальных лифтов как горизонтального, так и вертикального характера. Для одних целью получения образования выступает получение диплома, для других реальных знаний. Отличия опираются на разный путь социализации и личных приоритетов социального развития.

Более того, процессы глобализации и виртуализации изменяют формы и характер образовательного пространства и все больше граждан выбирают альтернативные формы образования, нацеленные на качество знаний, а не количество корочек. Хотя бы потому, что наличие официального диплом требует от 2 лет (магистратура) до 4 (бакалавриат) или 5 (специалитет). За это время, существенная часть знаний устаревают. Тогда как предметные, краткосрочные курсы становятся практически востребованным прикладным инструментом общественного образовательного потенциала.

Виртуальное пространство становится ключевым источником получения образовательных услуг, так как классические институты более ри-

гидные и инертны, не могут оперативно подстроиться под внешние условия, поэтому теряют свои позиции в сфере приоритетного моделирования общественного развития через образовательные перспективы населения.

Говоря об исследовательском потенциале виртуализации образовательных процессов, можно указать исследовательские проекты Р. Г. Ардашева [1–3; 10], касающиеся усиления процессов иррационализации и изменения сознания в условиях виртуализации, работы И. А. Журавлевой [4–9] в аспектах дистанционного виртуального образования, О. А. Полюшкевич [15–17] в вопросах перспективного развития университетов и роли образования в жизненном мире, особенностях социального образования В. А. Решетников, В. С. Федчин, О. А. Полюшкевич [18], а также ряде работ автора [11–14], в которых рассматривается роль виртуализации в развитии имиджа университетов и изменения сознания современников под влиянием цифровизации.

Мы провели исследование оценки образовательного потенциала россиян. В исследовании приняли участие 1200 человек в возрасте от 18 до 75 лет, проживающие в разных субъектах РФ, 55 % женщин и 45 % мужчин.

В результате анализа полученных данных мы выявили, что образовательный потенциал формируется по нескольким типам.

Первый тип – образование как самоценность (26 %). В этот тип входят представители традиционного типа образования, нацеленные на энциклопедичность и приращение фундаментальности в знаниевом подходе. Виртуальность в первом типе проявляется через возможность самостоятельного выбора образовательного периода, вуза, формы обучения и оплаты и т. д. Во многом зависит от материальных возможностей семьи.

Второй тип – образование как инструмент (37 %). Этот тип предполагает, что способ и форма получения знаний, как образования как такового не имеет значения, имеет лишь большую роль и значимость – умение его применять на практике. Но в любом случае – образование становится формой социальной реализации. Во втором типе виртуальность выступает инструментом личного развития (чаще саморазвития), что способствует выбору сферы обучения с позиции на личные интересы и хобби.

Третий тип – образование как творчество (30 %). В рамках этого подхода образование трактуется как непрерывный процесс приращения знаний, требующий импровизации, сочетания разных вариантов и подходов. В третьем типе виртуальность помогает найти новые формы творчества через открытый доступ обучающих видео, возможность самостоятельного выбора и применения полученных знаний в практике.

Четвертый тип – образование как дань традиции (17 %). Традиционное образование воспринимается как рудимент прошлого, как то, что сегодня может быть интересно и полезно с позиции истории, но не с позиции современных актуальных проблем. В четвертом типе виртуальность

наименее выражена, так как предполагает противодействие цифровизации как веянию нового времени. Но при этом даже как дань традиции виртуальности в данном типе реализуется через образовательный ресурс личных образовательных стратегий.

При этом виртуальность в выделенных четырех типах имеет существенную роль и занимает более половины образовательного потенциала. Образовательный ресурс развития строится на социальном моделировании общественного развития, которое направлено:

- при первом типе (образовании как самоценности) на развитие технологий и практических объектов, которые могут изменить мир;
- при втором типе (образование как инструмент) на развитие навыков, которые могут изменить реальность, являются механизмом для реализации потенциала индивида и сообщества;
- при третьем типе (образование как творчества) на развитие прорыва, выхода за рамки привычного и обычного, научно-технический прогресс и инновации;
- при четвертом типе (как дань традиции) направлено на формальные показатели образованности (количество закончивших то или иной образовательное учреждение или получивших тот или иной уровень образования в какой-либо отрасли или в целом, характеристики образования той или иной социальной группы).

Каждый из выделенных типов имеет возрастные отличия. Например, среди четвертого типа (82 %) людей старше 60 лет, 62 % женщин; среди третьего типа нет четкого выделения возрастного критерия (18–35 лет – 33 %, 36–55 лет – 32 %, 56 лет и старше – 35 %), гендерное распределение также равномерно (54 % женщин и 46 % мужчин); среди второго типа доминируют мужчины (72 % мужчин и 28 % женщин) причем более молодого возраста (18–35 лет – 47 %, 36–55 лет – 33 %, 56 лет и старше – 20 %); среди первого типа преобладают женщины (75 % женщин и 25 % мужчин), также более молодого возраста (18–35 лет – 40 %, 36–55 лет – 45 %, 56 лет и старше – 15 %).

Таким образом, виртуальные перспективы россиян неоднозначны. Для людей старшего возраста, которые более ограничены формальными критериями (возраст, пол, уровень интеллекта), виртуальность выступает дополнением развития образовательного потенциала россиян. Для более молодых людей виртуализация образования – это не дополнение, это основное качество развития образовательного процесса. Для молодежи виртуализация становится форматом получения и применения полученных знаний и навыков, для представителей старших поколений – только формой повышения квалификации, о практическом применении и готовности работать в виртуальном пространстве по полученному там же образованию готовы единицы.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания россиян : монография. М. : РГСУ, 2021. 184 с.
2. Ардашев Р. Г. Особенности сознания россиян: стратегии восприятия будущего // Социология. 2021. № 2. С. 60–67.
3. Ардашев Р. Г. Трансформация сознания молодежи в эпоху виртуальности // Alma mater (Вестник высшей школы). 2021. № 5. С. 31–34.
4. Журавлева И. А. Виртуальное образование: выбор современной молодежи // Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 368–372.
5. Журавлева И. А. Восприятие студентами удаленного обучения в университете // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 8. С. 12–15.
6. Журавлева И. А. Дистанционное образование в современном университете: оценки студентов // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 475–480.
7. Журавлева И. А. Образовательные стратегии в информационном обществе // Философия и культура информационного общества : материалы 8-й Междунар. науч.-практ. конф. СПб. : СПбГУАП, 2020. С. 361–363.
8. Журавлева И. А. Проблемы российской системы высшего образования: качественный анализ // Социология. 2022. № 2. С. 134–142.
9. Журавлева И. А. Ресурсы классического университетского образования для «модернистов» и «традиционалистов» // Классический университет: история и современность : материалы II Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Удмурт. гос. ун-та. Ижевск, 2021. С. 262–269.
10. Кармадонов О. А., Ардашев Р. Г. Социальное бессознательное как условие и фактор социальной конъюнкции // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2021. Т. 46, № 3. С. 605–609.
11. Малых С. В. Виртуальность в сознании современников // Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 118–121.
12. Малых С. В. Имидж университета в городском сообществе // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города : сб. науч. тр. / науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 147–149.
13. Малых С. В. Механизмы конструирования репутации ИГУ в общественном сознании жителей региона // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 523–529.
14. Малых С. В. Роль виртуальности в формировании репутации вуза // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 320–322.
15. Полошкевич О. А. Искусственный интеллект: перспективы развития классического университета // Классический университет: история и современность : материалы II Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Удмурт. гос. ун-та. Ижевск : УГУ, 2021. С. 405–409.
16. Полошкевич О. А. Образование в жизненном мире современной молодежи: региональный аспект // Иркутская социологическая школа на рубеже XXI века : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2008. С. 69–77.
17. Полошкевич О. А., Колесников В. А. Роль образования в жизненном мире молодежи // В мире научных открытий. 2013. № 3–1 (39). С. 312–327.
18. Решетников В. А., Полошкевич О. А., Федчин В. С. Основные направления социального образования // Социодинамика. 2016. № 4. С. 52–58.

УДК 316.35:004

В. И. Огородников, Н. Н. Трихина, *Рязань*

Роль социальных образовательных сообществ в цифровой среде

Обозначена актуальность деятельности социальных образовательных сообществ в цифровой среде. Рассмотрены примеры проведения деловых игр социальной направленности, образовательные сообщества людей разных поколений.

Ключевые слова: социальные образовательные сообщества, цифровая среда, деловые игры.

V. I. Ogorodnikov, N. N. Trikhina, *Ryazan*

The role of social educational communities in the digital environment

The article discusses the relevance of the activities of social educational communities in the digital environment. Examples of conducting business games of a social orientation, educational communities of people of different generations are considered.

Keywords: social educational communities, digital environment, business games.

Социальные образовательные сообщества достаточно активно осуществляют свою деятельность в рамках поля виртуального пространства. Расширение возможностей просветительской деятельности, направленной не только на обучающихся, но и на учителей, позволяет привлечь внимание потенциальных участников, пользователей компьютерных систем. Стремительный переход общественных, образовательных, волонтерских организаций в поле коммуникаций интернет среды обусловлен желанием увеличить социальную активность молодежи, взаимодействие людей разных поколений в деятельности и выполнении важнейших задач, стоящих перед страной.

Социальная активность, является показателем целеустремленности личности, ее сущности, места и роль в обществе. Формы проявления ее деятельности и цели, и все другие особенности социальной активности порождены обществом, той социальной средой, в которой формируется личность. В этом смысле социальная активность является показателем степени социализации личности, свойственным соответствующим социальным общностям и социальным группам. Общественное значение социальной активности определяется ее содержанием и направленностью, тем, насколько она отвечает объективным интересам, потребностям общества в стратегической перспективе [5, с. 134].

Социальное сообщество (общность) – это реальное объединение людей, объективно заданное способом их устойчивой взаимосвязи, при которой они выступают (проявляют себя) как коллективный субъект социального действия [7, с. 1]. Объединение людей в социальные образовательные сообщества в цифровой среде предоставляет возможности быст-

рого обмена информацией. Приоритетами цифровой среды, на фоне привычных средств коммуникации, является глобальное улучшение качества связи, обеспечиваемое развитием технического прогресса, объединенная структура интернет пространства, отсутствие национальных и других границ между территориальными единицами.

Например, Всероссийское общественное движение «Волонтеры Победы» организует проведение образовательной программы Всероссийский исторический квест «Первый. Космический» [4, с. 1]. Участниками исторической игры являются молодые люди старше 14 лет желающие изучать историю России, интересующиеся национальными космическими исследованиями. В концепцию деловой игры включены реальные истории, рассказанные действующими космонавтами, героями России Сергеем Волковым и Сергеем Рязанским. Техническая поддержка, предоставление научной информации осуществляется госкорпорацией «Роскосмос», Объединенной ракетно-космической корпорацией. Исторический квест «Первый. Космический» охватывает все регионы РФ. Девизом движения, образовательного сообщества является сохранение исторической правды в глазах подрастающих поколений России.

Другим примером организации социального образовательного сообщества в цифровой среде служит ежегодное проведение медиашколы по созданию новых трендов сохранения истории [2, с. 1]. Как и первый, проект создан на базе технических и медиа возможностей общественного движения «Волонтеры Победы». Информационно-методическое сопровождение организации и проведение участия в Медиашколе осуществляется на сайтах: медиапобеда.рф, волонтерыпобеды.рф и telegram-канале https://t.me/media_pobeda [6, с. 1]. Медиашкола будет транслироваться в формате 8 вебинаров и 1 онлайн-встречи. Прямые эфиры, включающие лекции с экспертами, запланированы на сайте Медиашколы осенью 2022 г. В программу тематических блоков включены чек-листы с практическими заданиями, творческими композициями, обширный информационный блок. Акция проводится в форме командного участия под наблюдением кураторов из волонтерского корпуса Медиашколы. В процессе игры участники научатся наблюдать изменения в международном медиа пространстве, направленные на искажение значения исторических событий, разрабатывать стратегии нивелирования нападков агрессивной информационной среды. Главная идея игры – выстраивание взаимоотношений общества и медиасфеды в целях популяризации современных социальных проектов России, сохранения исторической правды. Работа общественного движения «Волонтеры Победы» по продвижению в виртуальной среде проектов ориентированных на защиту национальных интересов, объяснения исторических процессов и событий крайне важна для понимания современных противостояний на мировой политической арене.

Затуманивание умов подрастающей молодежи, навязывание чуждых ценностей, искаженных представлений о мироустройстве является одним из самых действенных ловушек информационной борьбы против нашей страны за ее будущее.

Организатором деловых управленческих игр для людей активного среднего возраста выступает Общероссийский народный фронт (ОНФ) – это общественное движение, созданное в мае 2011 г. по инициативе президента РФ Владимира Путина, которое объединяет социально активных жителей страны [1, с. 1]. Серия региональных игр проходит по всей стране в форме чемпионатов школьных управленцев «Команда школы большой страны». На протяжении квеста свои управленческие компетенции проверяют директора и завучи школ. В ходе игры ставятся условия: справиться с управленческими задачами не превысив бюджет условной школы, сохранив педагогический коллектив. Игровое внедрение в административный процесс школ современных управленческих стратегий и научных разработок бизнес-школ мирового уровня помогает объективно оценить потенциал исследуемой образовательной системы. Участников деловой игры «Команда школы большой страны» курировали тренеры-наставники, подготовленные на платформе Московского центра развития кадрового потенциала образования.

Проведение образовательных игр позволяет поделиться опытом, необходимым для формирования инфраструктуры, в рамках национального проекта «Образование», обеспечивающего резерв сильных педагогов, наполненные образовательные программы. Проведение деловых игр является самым эффективным способом обучения, повышения квалификации для людей трудоспособного возраста, обладающих образованием, опытом работы, личными коммуникативными навыками. Повышение профессиональных компетенций в области управленческих технологий, актуальных технических разработок в формате увлекательного квеста многократно повышает возможности усвоения материала, внедрения в профессиональную практику.

Люди старшего возраста, в рамках программ просветительской деятельности, обмена опытом объединяются в ветеранские организации. Например, на цифровых платформах образовательных организаций ФСИН России освещают свою деятельность комитеты ветеранов. Например, ветераны не только организуют функционирование «Музея истории УИС», виртуальная экспозиция которого размещена на официальном сайте Академии ФСИН России, но и проводят воспитательные беседы с курсантами, активно участвуют в общественных мероприятиях академии, организуют помощь ветеранам на дому и др. [3, с. 1]. Отчет о деятельности комитета транслируется в новостной ленте цифровой платформы ака-

демии. В контексте образовательного сообщества комитет ветеранов осуществляет задачи просвещения молодежи об исторической правде деятельности уголовно-исполнительной системы со всеми плюсами и минусами трудной работы сотрудника ФСИН. Ветеранские организации играют огромную роль в поддержании морально-нравственных основ нашего общества, показывают пример жизненной стойкости в преодолении кризисов государства, освоения новшеств технического прогресса преодолевая внутреннее сопротивление к изменениям и трансформации условий жизни, окружающей среды.

Обратим внимание, что в цифровой среде формируется новый социокультурный, социально-коммуникативный тип связи. Он объединяет не только людей, являющихся участниками образовательного сообщества, но и формирует информационные основы активного гражданского общества нашей страны. Возможности социальных образовательных сообществ в цифровой среде имеют огромный потенциал для развития. Динамичность создания групп для обучения, возможности смены формы деловой игры, смешивания групп участниками из разных регионов позволяет усилить коммуникационные связи, добавить особенности местного колорита, нивелировать влияние межнациональных отличий. Объединяющий гражданский потенциал, получаемый в результате деятельности социальных образовательных сообществ, выступающих для защиты и продвижения национальных интересов нашей страны, не всегда явно заметен, но он значителен и важен и имеет влияние на судьбу всех подрастающих поколений молодежи России.

Литература

1. В Иркутске прошел чемпионат проекта ОНФ «Школы большой страны». URL: <https://regnum.ru/news/society/3059071.html> (дата обращения: 09.08.2022).
2. В России пройдет медиашкола по созданию новых трендов сохранения истории // Волонтеры Победы. URL: <https://xn--90abhd2amfbbjx2jf6f.xn--p1ai/news/id/5826>(дата обращения: 09.08.2022).
3. Виртуальный музей по истории УИС //Академия ФСИН России/3D-панорама музея истории УИС и Академии ФСИН России. URL:<http://apu-fsin.ru/vtour/index.html> (дата обращения: 09.08.2022).
4. Всероссийский исторический квест «Первый. Космический» // Волонтеры Победы. URL: <https://xn--90abhd2amfbbjx2jf6f.xn--p1ai/news/id/3798> (дата обращения: 09.08.2022).
5. Демина В. А. Социальная активность членов сетевых сообществ как элемент системы формирования социального капитала местного сообщества // Диагностика и прогнозирование социальных процессов: материалы Всерос. конф. Белгород, 18–19 окт. 2018 г. Белгород : БГУ, 2018. С. 131–136.
6. Положение об организации и проведении Международной медиашколы Волонтеров Победы // Волонтеры Победы. URL: <https://xn--90abhd2amfbbjx2jf6f.xn--p1ai/news/id/5826>(дата обращения: 09.08.2022).
7. Социальная общность URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/> (дата обращения: 09.08.2022).

УДК 337.54

А. Н. Пружинин, *Иркутск*

Корпоративное обучение в условиях виртуализации

Рассматриваются особенности корпоративного обучения в условиях виртуализации общества. Приводятся результаты экспертного опроса оценки качества и перспектив развития корпоративного обучения в цифровом пространстве. Делаются выводы о перспективах развития корпоративного обучения крупных организаций в нашей стране.

Ключевые слова: корпоративное обучение, развитие персонала, виртуализация, цифровизация, человеческие ресурсы, социальный капитал, человеческий капитал

А. N. Pruzhinin, *Irkutsk*

Corporate training in the conditions of virtualization

The article discusses the features of corporate training in the conditions of society virtualization. The results of an expert survey for assessing the quality and prospects for the development of corporate training in the digital space are presented. Conclusions are drawn about the prospects for the development of corporate training for large organizations in our country.

Keywords: corporate training, personnel development, virtualization, digitalization, human resources, social capital, human capital

Корпоративное обучение становится инструментом развития и одновременно критерием качества сотрудников крупных компаний. Требования современного общественного развития строятся на постоянном повышении квалификации специалистов, на новых механизмах развития и моделирования социального капитала и человеческих ресурсов организаций. Корпоративное обучение способно стать тем сплачивающим элементом социального воспроизводства, что сформирует единство и корпоративную идентичность сотрудников.

Корпоративное обучение:

– повышает лояльность персонала и его вовлеченность в рабочие процессы;

– благотворно влияет на производительность труда;

– обеспечивает компании конкурентное преимущество на рынке труда;

– повышает качество персонала (знания, навыки).

Изменения мира в сторону виртуализации усилили работу социальных структур в механизмах получения образования и повышения квалификации. Цифровизация мира стала поводом для того, чтобы часть управленческих решений и рабочих механизмов перешла в виртуальный мир, другая часть стала осуществляться дистанционно, что также предполагает цифровые технологии. И следствием этого стало то, что корпоративное обучение стало меняться по форме, механизмам и социальному приращению (см. таблицу).

Таблица

Изменения механизмов корпоративного обучения до и во время виртуализации

До виртуализации	Во время виртуализации
Обучение в реальном времени	Обучение в режиме онлайн или дистанционном режиме
Обучение ограниченными группами / потоками / курсами	Нет ограничений по работе в потоке
Обучение комплексным навыкам по теме (работа по основным целям)	Обучение одному навыку или механизму в одной теме (сужение проработки задач)
Постановка целей корпоративного обучения руководством	Постановка целей корпоративного обучения
Последовательное (поэтапное) корпоративное обучение	Индивидуальные стратегии корпоративного обучения (сотрудники могут выбрать самостоятельно модули обучения и их последовательность)
Опора на реальные знания, техническую базу компании	Опора на потенциал и возможности будущего социального моделирования развития компании

Корпоративное обучение – это подготовка и переподготовка сотрудников с учетом задач, которые компания решает сейчас или планирует решать в будущем. По сути, это инвестиция в развитие полезных навыков и приобретение необходимых для эффективной работы знаний. Повышая квалификацию и лояльность своего персонала, работодатель прежде всего вкладывается в свой экономический успех. Виртуальное пространство многие задачи упрощает, открывая новые перспективы.

То, что в современном мире произошли изменения, которые коснулись общественного сознания, стратегий восприятия реальности и это повлекло за собой новую оценку перспектив корпоративного обучения отражено в работах Р. Г. Ардашева [1–5]. Выбор виртуальных образовательных стратегий рассматривается в работах И. А. Журавлевой [6–10], Р. В. Иванова [11], перспективы развития человеческих ресурсов в условиях корпоративного обучения исследованы А. Н. Пружининым и О. А. Полюшкевич [12–17].

По нашему мнению, оценка возможностей виртуального корпоративного обучения выступает перспективой развития многих организаций. Поэтому, мы провели экспертный опрос ($n = 22$) руководителей крупных организаций или руководителей образовательных центров корпоративного обучения крупных организаций, с целью выяснения перспектив развития корпоративного обучения в условиях виртуализации мира. Все эксперты занимают свою должность 5 и более лет, работают с программами

корпоративного обучения не менее 5 лет. Из всех опрошенных 60 % мужчины и 40 % женщины в возрасте от 30 до 60 лет, проживают в разных регионах РФ.

Все эксперты подтвердили, что виртуализация изменила условия корпоративного обучения (100 %). При этом 60 % оценивают эти перспективы как положительные, 25 % как отрицательные и 15 % как нейтральные.

Комментарии тех, кто в виртуализации видит перспективы и возможности для обучения достаточно убедительно показывают их воодушевление и готовность реализовывать себя и других в этих проектах.

Виртуализация расширила границы, убрала рубежи на горизонтах личного развития. Корпоративное обучение уже не станет таким, каким оно было до виртуализации. Сейчас время возможностей и перспектив, которыми надо пользоваться, чтобы быть на коне в любых условиях. (С. В., 46 лет, руководитель службы корпоративного обучения Химического завода, Нижний Новгород).

Виртуальность создает не просто перспективы для личной и профессиональной реализации, она определяет возможности развития компании через вкладывание ресурсов в развитие человеческого капитала, через программы корпоративного обучения. (Ю. Н., 55 лет, руководитель крупной нефтехимической компании).

Те, кто негативно оценивает перспективы корпоративного обучения в условиях виртуализации в основном говорят об обезличивании, потере своей индивидуальности и возможностей передачи личного опыта социального роста и социального взаимодействия.

Виртуальность обучения уничтожила в самом зародыше возможность личного контакта учителя и ученика, что стало поводом для эмоциональной отстраненности, а в отдельных случаях и безразличия. Эти процессы обесценивают обучение и самих людей, получающих это обучение. (И. А., 56 лет, руководитель центра корпоративного обучения крупной химической компании, Ангарск).

Социальные перспективы роста и развития компании строятся на человеческих ресурсах. Виртуализация мира на порядок их обесценила, не создав даже малейшей лазейки для изменения ситуации в организации и обществе в целом. (С. С., 47 лет, руководитель службы корпоративного обучения крупной строительной компании, Ангарск).

Те, кто нейтрально оценивает данные перспективы, в основном указывают на то, что особо ничего не поменялось и важна мотивация конкретного человека, а не внешняя среда и условия не стабильных перспектив развития.

Я не вижу в виртуализации мира того, что может как-то нарушить нашу работу, ограничить возможности использования образовательных ресурсов жителей региона, представителей конкретной отрасли или компании. (Н. Г., 32 года, руководитель службы корпоративного обучения крупной телефонной компании, Новосибирск).

Те, кто раньше работал – продолжают и сейчас работать. Виртуализация мира не настолько сильно поменяла суть корпоративного обучения сейчас. Хотя и признаю, что виртуализация существенно изменила векторы, формы и форматы обучения и в будущем, вероятно, станет одним из обязательных инструментов социально-профессионального развития. (Д. Д., 44 года, руководитель крупного холдинга, Красноярск).

Также стало очевидно то, что корпоративное обучение находится под влиянием разных факторов, помогающих ему осуществиться:

- давление внешней среды (социальные рамки, требования, нормы) – 35 %;
- давление сотрудников компании (их личные амбиции и возможности) – 23 %;
- приоритеты развития руководства компании – 42 %.

Да, виртуальность развивается, но нормы и стандарты обучения остаются, более того, дополняются дополнительными требованиями к цифровому корпоративному обучению. Система усложняется. И это означает, что давление внешних условий ставит в более жесткие рамки тех, кто организует процесс корпоративного обучения и развития персонала. В будущем, думаю, требования будут еще более жесткими. (С. В., 47 лет, руководитель центра корпоративного обучения информационного холдинга, Санкт-Петербург).

Не стоит говорить, что только руководство или общество подталкивает сотрудников к обучению. Но и их личное желание идти в ногу со временем, готовность осваивать новое позволяет быть на плаву. И многим компаниям, занимающимся корпоративным обучением, прежде всего стоит слышать запросы сотрудников на предмет того, что они хотят, к чему стремятся и каких знаний им не хватает. Виртуализация корпоративного обучения позволяет максимально оптимизировать запрос и результат. И как итог: обоюдная удовлетворенность корпоративным обучением. (А. В., 35 лет, руководитель компании корпоративного обучения, Москва).

Наиболее частно именно руководителям компаний, понимающих перспективы развития их детища понятно то, чему стоит учить сотрудников, каких знаний и опыта им не хватает. Руководители ставят задачи и четко понимают, что хотят получить в итоге. Это упрощает процесс корпоративного обучения и усложняет его одновременно. Упрощает, потому что четко сформулирована цели и задачи, а усложняет,

что множество подводных камней не могут урегулировать механизмы корпоративного обучения в условиях цифровизации мира. (О. А., 39 лет, руководитель компании корпоративного обучения, Красноярск).

Виртуализация создает множество вариантов, но не позволяет структурировать получаемую информацию. Поэтому, личный опыт, мировоззрение и планы развития зачастую являются формами социального моделирования общественного воспроизводства и корпоративного обучения в целом. Невозможно контролировать то, что постоянно меняется, является гибкой стратегией адаптации и формой конструирования новых смыслов.

75 % экспертов указывали на личную ответственность и осознанность руководителей компаний, занимающихся корпоративным обучением. И отсюда можно сделать вывод, что внешняя среда в виде виртуализации – создает условия, но стратегии и формы адаптации в этих условиях руководители определяют сами, беря на себя ответственность за себя, компанию и всех ее сотрудников.

Виртуализация общества лишь создала особые условия, но способы адаптации в них – всегда выбирают конкретные люди. Корпоративное обучение как пример пересечения личных представлений, организационных возможностей и внешних условий выступает поводом для оформления новых стратегий развития человеческого капитала, где знания, навыки и опыт могут быть применены не когда-нибудь потом, а прямо сейчас и прямо сейчас можно будет увидеть результат этой работы.

Таким образом, корпоративное обучение в условиях виртуализации обладает большими возможностями, но не все из них могут быть реализованы прямо сейчас из-за технических и инфраструктурных ограничений и не готовности принять новые условия. При этом, эксперты указывали на неустоявшиеся возможности, гибкость и мобильность образовательной среды корпоративного обучения. То, что это одно из передовых направлений развития персонала не вызывает сомнений, но какими путями оно будет идти пока остается открытым вопросом. Что является для нас поводом проведения регулярных замеров оценки качества корпоративного обучения в условиях цифровизации мира.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы VI международной научно-практической интернет-конференции: в 2 ч. Вологда : ВолНЦ РАН, 2021. С. 76–79.
2. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания россиян : монография. М. : РГСУ, 2021. 184 с.
3. Ардашев Р. Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 152–156.

4. Ардашев Р. Г. Трансформация мышления россиян в цифровую эпоху // Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Вологда : ВолНЦ РАН, 2021. С. 367–369.
5. Ардашев Р. Г. Трансформация сознания молодежи в эпоху виртуальности // Alma mater (Вестник высшей школы). 2021. № 5. С. 31–34.
6. Журавлева И. А. Виртуальное образование: выбор современной молодежи // Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 368–372.
7. Журавлева И. А. Образовательные стратегии в информационном обществе // Философия и культура информационного общества : материалы 8-й Междунар. науч.-практ. конф. СПб. : СПбГУАЭП, 2020. С. 361–363.
8. Журавлева И. А. Особенности экспертного сообщества в высшем образовании // Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура : сб. науч. тр. / науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 47–50.
9. Журавлева И. А. Оценка развития государственной образовательной политики (экспертный анализ) // Социология. 2021. № 4. С. 63–74.
10. Журавлева И. А. Рекламные стратегии образовательных учреждений в условиях виртуализации общества // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. сборник научных трудов. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 128–130.
11. Иванов Р. В. Дистанционное высшее образование: роль виртуальных составляющих // Роль социального образования в развитии института общественного мнения в условиях глобальных вызовов : науч.-метод. материалы. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. С. 107–109.
12. Полошкевич О. А., Пружинин А. Н. Ресурсы развития человеческого потенциала в крупных нефтяных компаниях Иркутской области // Активизация интеллектуального и ресурсного потенциала регионов : материалы 4-й Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 ч. / под науч. ред. Н. Н. Даниленко, О. Н. Басовой. Иркутск : БГУЭП, 2018. С. 341–346.
13. Пружинин А. Н. Ключевые этапы внедрения корпоративного образования в средний бизнес // Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 384–387.
14. Пружинин А. Н. Корпоративное обучение среднего бизнеса в Иркутской области // В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 344–349.
15. Пружинин А. Н. Социальное моделирование развития человеческого капитала в виртуальном обществе // В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 126–130.
16. Пружинин А. Н. Эффект отсутствия: корпоративное обучение среднего бизнеса в современной России // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полошкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 194–196.
17. Пружинин А. Н., Полошкевич О. А. Влияние академической мобильности на воспроизводство человеческого капитала региона // Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс : сб. науч. тр. по итогам 2-й Всерос. науч.-практ. молодеж. конф. / отв. ред. О. Ф. Русакова. Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2019. С. 24–38.

УДК 37.01

М. А. Пугачев, *Оренбург*

Медиаобразовательный опыт Оренбургского региона

Предлагается переосмысление медиаобразовательного опыта Оренбургского региона, в накоплении которого участвуют как образовательные организации, так и профессиональные СМИ. Описывая различные практики, ставится задача проанализировать наиболее эффективные из них, чтобы способствовать выстраиванию системной работы в медиаобразовании. Используется комплекс методов: систематизация, сопоставительный анализ, прогнозирование. По итогам проведенного исследования делается вывод, что в обществе в настоящее время присутствует высокий запрос на повышение медиаграмотности. Следовательно, медиаобразовательные практики достойны того, чтобы быть синхронно внедренными в образовательную среду и медиаиндустрию и в последующем реализованными.

Ключевые слова: медиаобразование, аудитория, медиаграмотность, медиакомпетентность, медиакультура

M. A. Pugachev, *Orenburg*

Media Educational Experience of the Orenburg Region

In the article, the author proposes a rethinking of the media education experience of the Orenburg region, in the implementation of which both educational organizations and professional media participate. Describing various practices, the task is to analyze the most effective of them in order to contribute to building a systematic work in media education. A set of methods is used: systematization, comparative analysis, forecasting. Based on the results of the study, it is concluded that in society there is currently a high demand for increasing media literacy. Therefore, media education practices deserve to be synchronously introduced into the educational environment and the media industry and subsequently implemented.

Keywords: media education, audience, media literacy, media competence, media culture

Регионы России имеют различный накопленный медиаобразовательный опыт как с точки зрения его продолжительности (внедрение соответствующих программ, их реализация), так и содержания. Российское медиаобразование, оставаясь все еще новым направлением в образовательной сфере, не демонстрирует единства формы и программного наполнения. Да и в мире «не было и нет единой теоретической концепции медиаобразования» [5, с. 12], по мнению А. В. Федорова, который при описании теоретических подходов проанализировал теорию и практику международного опыта. Медиакультура помогает распознавать искусственно насаждаемую картину мира, однако в обучении ставятся разные цели, используются различные средства и результаты оцениваются, исходя из того, на какие задачи был сделан упор.

А. В. Боговиз, С. В. Лобова, Ю. В. Рагулина, А. Н. Алексеев и В. Ю. Гарнова, рассматривая медиаобразование с позиций региональной экономики, заключают, что оно должно отличаться на региональном уровне, так как именно в этой диспозиции идет его развитие, обусловливаемое потребностями конкретного региона: «Федеральные стандарты должны быть ориентированы на качество медиаобразования, а его направления и стоимость должны определяться на региональном уровне»

[1, с. 8]. В этой связи региональные практики представляют интерес, поскольку могут быть обобщены и экстраполированы на будущее развитие медиаобразования, востребованность которого имеет тенденцию к усилению.

Так, в 2015 г. в Оренбургском государственном педагогическом университете была запущена магистерская программа «Медиаобразование». По словам автора одного из курсов А. А. Ефанова, занятия разрабатывались как «синтез психологических, философских, культурологических, педагогических, лингвистических и медиалогических знаний (изучение механизмов медиавосприятия, уровней медиакомпетентности, проблем современной медиакультуры, овладение методикой создания и обучения написанию медиатекстов, технологиями анализа готового медиапродукта)» [3, с. 88]. Соглашаясь с А. В. Федоровым в том, что медиаобразование способствует развитию навыков осознания ирреальности насаждаемой через СМИ картины мира, отметим важность того факта, что А. А. Ефанов имеет практический опыт в журналистике и использует его в педагогической работе, в частности, на занятиях, посвященных моральным паникам как результату манипулирования массовым сознанием. Но участие в образовательном процессе специалиста с журналистским опытом, скорее, исключение, чем норма. Подобные магистерские программы создаются для учителей, которые курируют школьные медиа, для руководителей специализированных кружков и студий, для организаторов медиаконкурсов и всех, кто в своей работе сталкивается с медиаконтентом и цифровыми технологиями, но чья деятельность не предполагает глубокого погружения в медиапроизводство. Оренбургские выпускники магистерской программы «Медиаобразование» работают в системе среднего, дополнительного, дошкольного образования, в некоммерческих организациях. Результаты развития этого направления бесспорны, если рассматривать медиаобразование с практической точки зрения – как приобретение навыков работы с техникой.

В пандемию COVID-19 организовывались вебинары, посвященные переходу на дистанционную форму обучения; педагогическое сообщество Оренбургской области своевременно освоило цифровые платформы в системах высшего, среднего и дополнительного образования. Благодаря растущему числу преподавателей, владеющих медиааппаратурой, в регионе реализуется национальная образовательная инициатива «Наша новая школа», которая предусматривает способность учеников создавать медиатексты. Все больше общеобразовательных организаций открывают свои телестудии, радио, каналы в социальных медиа. Однако пока сложно утверждать, что подобные медиацентры играют существенную роль в медиаобразовании, которое не исчерпывается практическими навыками. Школьное медиапроизводство пока только встраивается в общую си-

стему образования – и на этом этапе существует риск, что подобные студии превратятся в школьные пресс-центры, которые будут заняты формированием репутации учебного заведения, а не развитием критического мышления учащихся. Производство собственных материалов – лишь элемент в процессе формирования у школьников самостоятельных суждений и аналитических способностей. Важнейшее значение имеет и навык адекватного восприятия материалов медиа. Демонстрировать и анализировать небезопасный для духовно-нравственного здоровья контент должны специалисты из медиаиндустрии, профессионально владеющие способами проверки информации на достоверность, навыками продюсирования, медиапланирования, со знанием законодательного регулирования производства и распространения материалов. Пандемия COVID-19 показала, что современное общество довольно быстро может освоить новые средства коммуникации, но по-прежнему бессильно перед кибермошенниками и теми, кто использует фейки и дезинформацию как манипулятивный инструмент информационных атак.

Государственная телевизионная и радиовещательная компания «Оренбург» стала использовать свой медиаобразовательный потенциал задолго до появления медиастудий в школах. В 1990-х гг. компания нуждалась в молодых сотрудниках и новых идеях, которые бы позволили ей идти в ногу со временем. Профессиональной подготовки журналистов в Оренбургской области на тот момент не было. После изучения опыта обучения журналистов в ведущих вузах страны руководство ГТРК «Оренбург» и Оренбургский государственный университет приняло решение начать такую подготовку, и в 1999 г. в вузе открылся факультет журналистики. Теоретические занятия проходили в стенах университета, а практические – в телерадиокомпании. ГТРК «Оренбург» создала на своей базе экспериментальную творческо-производственную лабораторию и предоставила в год около 500 часов эфирного времени для контента студентов-журналистов. Компания выделила для этого гонорарные и постановочные средства и назначила руководителями лаборатории опытных журналистов и режиссеров, освободив их от остального эфира. Это был многолетний эксперимент, за время которого компания успешно решила кадровый вопрос. Еще до защиты дипломной работы девять студентов стали штатными сотрудниками СМИ. Но это не единственный результат. По словам на тот момент заместителя директора ГТРК «Оренбург» и доцента ОГУ Ю. М. Карасевича, практическая значимость эксперимента заключалась и «в постановке и решении задачи определения форм и методов целенаправленной подготовки высококвалифицированных кадров во взаимодействии «университет – государственная телерадиокомпания», в раскрытии перспектив дальнейшего совершенствования образовательного процесса на факультетах журналистики российских университетов»

[4, с. 69]. После эксперимента Оренбургский государственный университет оборудовал на своей базе производственные площадки, где студенты должны были продолжить практическое освоение специальности. По мнению автора, который сам является выпускником факультета журналистики ОГУ, созданный медиацентр довольно быстро превратился в пресс-центр, занимающийся позиционированием учебного заведения, и он не стал важным звеном в учебном процессе. Медиаобразование не ограничивается одними только практическими навыками, оно не может быть эффективно без защитной, эстетической, культурологической и прочих функций. Без осознания этого руководством технологические компетенции учащихся будут использоваться для удовлетворения потребности учебных заведений, а не для раскрытия творческого потенциала и роста личности учащихся. Этот процесс будет эффективнее при активном привлечении профессионалов из медиаиндустрии, владеющих производственными навыками, методами воздействия на аудиторию через медиатексты, способностью определять потребности этой аудитории и с опытом, позволяющим выявлять и анализировать небезопасный контент.

ГТРК «Оренбург» продолжает реализацию медиаобразования. Компания по-прежнему остается востребованной площадкой для производственной практики студентов факультета журналистики, но уже не ограничивается этим. В 1990-е гг. была цель получить сотрудников со свободным мышлением и владением профессиональной техникой, теперь же этим требованиям должна соответствовать и аудитория. На современном этапе развития медиа аудитория из пассивной превратилась в активную – она не просто потребляет контент, но и с большим интересом участвует в его создании. Сейчас компания организует экскурсии и мастер-классы для всех желающих, где журналисты не только знакомят с производственным процессом, но и рассказывают о фейках в социальных сетях, которые они выявили в результате верификации. Такая работа способна ограничить распространение лживых новостей в социальных сетях, в чем заинтересованы профессиональные журналисты, которые вынуждены проверять на истинность каждую громкую новость вне зависимости от источника. Сотрудники компании рассказывают о продвижении материалов в социальных сетях, знакомят с алгоритмами их работы. ГТРК «Оренбург» заинтересована в этом, поскольку распространяет материалы не только в телевизионных и радиоэфирах, но и в социальных медиа, где активность и компетенции аудитории особенно ценны. Указанные мастер-классы регулярно проводятся как для детей, так и взрослых, тем самым уже повысив медиаграмотность нескольких сотен человек – рядовых медиапотребителей.

Подобные знания журналисты дают и через свои программы. В качестве примера можно привести ток-шоу «Во всем виноват контрабас», которое идет в региональном эфире телеканалов «Россия 1» и «Россия 24». В программе используется технология совмещения реального и виртуального изображений, популярная в кино– и телепроизводстве. Но, в отличие от художественных фильмов, в ток-шоу зрителям показывают принцип работы хромакея. Виртуальные декорации за ведущими иногда пропадают, обнажая реальную обстановку в телевизионной студии. Этот прием обыгран на уровне сценария и привязан к теме каждого выпуска. Для зрителей в павильоне установлены экраны, где они наблюдают за тем, что потом увидят телезрители. ГТРК «Оренбург» знакомит аудиторию с телевизионной кухней и в других проектах. В публицистической программе «Телевышка» зрители видят суфлер, с которого телеведущий читает текст, а также выдающую творческую группу за спиной ведущего, в составе режиссера, звукорежиссера, техника, инженера и др. Программа одновременно идет в телевизионном эфире, а также в социальных сетях, при этом на экран выводятся сообщения и комментарии зрителей вне зависимости от того, на какой платформе они смотрят эфир. Как следствие, программа формирует медиакомьюнити – объединение единомышленников из разных социальных сетей и телезрителей.

Таким образом, в Оренбургской области используются различные средства распространения медиаобразования. Данный процесс не ограничивается университетами, но и журналисты уже не могут считаться единственными специалистами в области медиа. Медиа – это не только «традиционные» СМИ, но и сетевые издания, социальные сети, мессенджеры, кино, музыка, компьютерные игры и т. д. Однако опыт профессиональных СМИ нельзя игнорировать. Он может быть бесценным в том, что касается анализа медиатекстов, способах их воздействия на аудиторию, а также информирования о самых современных технических средствах. Вместе с тем не вызывает сомнений верность того, что распространение медиаобразования началось с подготовки школьных педагогов. Специалисты сходятся во мнении, что «обратная корреляция уровней цифровой грамотности школьника и педагога – основная коллизия, препятствующая гармоничному развитию медиакомпетентности общества» [2, с. 392]. Без сокращения этого разрыва медиаобразование не даст глубокого и разностороннего эффекта. В повышении медиаграмотности заинтересовано все российское общество, следовательно, медиаобразовательные практики достойны того, чтобы быть синхронично внедренными в образовательную среду и медиаиндустрию и в последующем реализованными.

Литература

1. Медиаобразование в регионах России: проблемы и перспективы / А. В. Боговиз, С. В. Лобова, Ю. В. Рагулина, А. Н. Алексеев, В. Ю. Гарнова // Медиаобразование. 2017. № 3. С. 7–14.
2. Ефанов А. А., Буданова М. А., Юдина Е. Н. Уровень цифровой грамотности школьника и педагога: компаративистский анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 2. С. 382–393.
3. Ефанов А. А. «Лед тронулся...», или О медиаобразовании как технологии декультулирования моральных паник // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 4 (26). С. 88–93.
4. Карасевич Ю. М. Взаимодействие университета и телерадиокомпаний как фактор формирования профессиональной компетентности студентов-журналистов : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Оренбург, 2004. 171 с.
5. Федоров А. В. Медиаобразование: история, теория и методика. Ростов-на-Дону : ЦВВР, 2001. 708 с.

УДК 316.614.3

В. И. Репникова, В. А. Голуб, Л. А. Гуринович, *Иркутск*

Семейное образование как вариативная форма обучения детей в аспекте влияния виртуального пространства на социальное научение молодежи

Исследуется тенденция обучения детей в форме семейного образования в России, его возможности и практики функционирования, а также положительные и отрицательные стороны этого процесса. Изучаются основные группы детей и подростков, являющихся участниками процесса семейного образования. Делается попытка определить место виртуального пространства в семейном обучении.

Ключевые слова: домашнее образование, семейное образование, социальное научение, социализация.

V. I. Repnikova, V. A. Golub, L. A. Gurinovich, *Irkutsk*

Family education as a variable form of teaching children in the aspect of the influence of virtual space on the social learning of young people

The article analyzes the trend of teaching children in the form of family education in Russia, its possibilities and practices of functioning. The authors consider the positive and negative sides of this process. In addition, the main groups of children and adolescents who are participants in the process of family education are considered. The authors made an attempt to determine the place of virtual space in family education.

Keywords: home education, family education, social learning, socialization.

Социальные изменения, происходящие в системе социальных отношений в XXI в., повлекли серьезные последствия в процессе обучения. Технологизация этого процесса привнесла в школьные образовательные учреждения процесс компьютеризации и сопровождения электронными инструментами, что отразилось на различных сторонах учебной и внеучебной жизни. Одним из следствий можно считать расширение аудитории семейного образования, в которую включены и обучающиеся, и родители, и учителя, и администрация органов управления образованием.

Исследователи отмечают, что с каждым годом родители все чаще переводят своих детей на семейное обучение. По данным аналитиков, количество таких семей увеличивается вдвое. Так, К. А. Любичкая с коллегами приводят статистические данные об увеличении в три раза количества обучающихся в 2019/2020 учебном году в сравнении с данными трехлетней давности [1].

Большинство исследователей склоняется к тому, что семейное образование действительно выступает эффективным методом обучения, если переход на него обоснован некоторыми факторами. Факторы перехода включают такие, как: способность детей к быстрому усвоению материала, что не соответствует общему плану ведения занятий; одаренность детей, влекущая за собой отсутствие интереса к другим предметам либо отсутствие на занятиях из-за участия в конкурсах; высокая результативность в спорте, искусстве, участие в конкурсах и соревнованиях; трудность посещения школы из-за синдрома дефицита внимания, гиперактивности, ОВЗ; частая смена места жительства (например, дети военнослужащих); религиозный уклад жизни семьи. Усиление внимания к прививочным мерам и возникновение группы семей с родителями-антипрививочниками добавило число детей в этой аудитории.

У такого метода образования есть свои плюсы и минусы. К плюсам семейного образования исследователи отнесли увеличение количества свободного времени у ребенка, которое можно эффективнее тратить на обучение и на соблюдение режима дня; возможность дополнительного объединения родителей и детей при выполнении учебных заданий, сплочение семьи, укрепление традиций и семейных ценностей; гуманистический характер такого типа обучения. К минусам семейного образования относят чаще социальные и педагогические причины, например, проблемы социализации ребенка, обусловленные с невозможностью дальнейшего вхождения в социум; трудности с процессом адаптации при изменении средовой обстановки; недостаточный охват познания всех предметов, по сравнению со школьным уровнем, т. к. обучение строится в основном по тем дисциплинам, которые интересны ребенку; не каждый родитель может составить грамотный учебный график, который будет равномерно распределять нагрузку ребенка.

Семейное обучение – это форма получения образования вне школы (ст. 17 закона «Об образовании в Российской Федерации») [2]. Этот процесс подразумевает самостоятельное освоение основной образовательной программы. Ответственность за качество обучения лежит на родителях как заявителях о смене формы образования.

Несмотря на то что семейное образование достаточно дорогая услуга и не может быть распространена на широкий круг людей, современные ученые и педагоги отмечают ряд преимуществ такой формы образования,

предлагая сделать его более доступным для населения. Причины перехода на семейное образование, которые чаще всего называют, таковы: родители недовольны академической неуспеваемостью детей, самой системой образования, взрослые хотят оградить ребенка от негативного влияния, вырастить его в своей системе ценностей, папы и мамы выбирают для ребенка индивидуальный график обучения из-за занятий спортом, музыкой, искусством. Также родителям важно оградить от неблагоприятной обстановки в школе, помочь ребенку вырабатывать независимое мышление и социально-психологический иммунитет. Социальное научение сопровождается формированием идентичности в структуре личности молодого человека, самоуважения, которое базируется на реальной самооценке, и способности анализировать социальную реальность, сопоставляя свое мнение с мнением референтных групп, что отражается в процессе самопрезентации.

Процесс перехода на семейное образование достаточно прост, полагают авторы закона «Об образовании в Российской Федерации» (ч. 5 ст. 63): достаточно подать заявление директору школы, известить о переводе местный отдел или департамент образования. После издания директором школы приказа заключить договор.

Семейная форма не предусматривает бесплатных визитов педагогов на дом и согласования с методистами учебной программы. Она оставляется на усмотрение родителей. Контроль соответствия получаемого в семье образования требованиям ФГОС осуществляют аккредитованные государством учебные заведения или общеобразовательные школы, центры. Семейное образование могут давать сами родители или нанимать для этого репетиторов. Форму выбирают с учетом мнения ребенка. Он может учиться очно-заочно или заочно. В Москве, например, работают центры домашнего обучения, работающие в удаленном режиме.

Местные органы управления образования ведут учет детей и форм, в которых они обучаются. Если ребенок не посещает школу, а родители не уведомили о том, что он теперь на семейное образование, эти органы могут предпринять меры.

Ученик должен освоить программу, утвержденную ФГОС, и пройти несколько форм аттестации: промежуточную, например, за четверть или год, для перевода в следующий класс; итоговую – в форме ОГЭ или ЕГЭ для получения документа об образовании. Для допуска к выпускным экзаменам обучающийся должен успешно пройти все промежуточные аттестации. Для всех обучающихся, независимо от того, где и в какой форме они обучались, устанавливаются единые дни сдачи выпускных экзаменов.

Промежуточные аттестации разрешено проходить с использованием удаленных технологий и серверов дистанционного обучения, то ОГЭ и ЕГЭ сдаются исключительно очно, фактически так же, как и обычными

школьниками. Если обучающийся не аттестован, он должен ликвидировать задолженность в установленные школой сроки, иначе ему придется вернуться в класс и получать образование в очной форме. Аттестат о среднем общем образовании, выдаваемый детям, получившим семейное образование, ничем не отличается от аттестата, который получают учащиеся по традиционной системе.

Примеров тех, кто обучался в форме семейного образования, известных в стране, не слишком много. Это дети семьи Тепляковых из Москвы, чья старшая дочь Алиса в 9 лет поступила на психологический факультет МГУ (обнажив ряд правовых казусов системы перехода на высшее образования, что не является задачей нашего исследования); сын Алены Водонаевой, журналистки и телеведущей, Богдан. Мы связываем этот факт с нежеланием нейтрального освещения процесса.

Эксперты отмечают, что сегодня вокруг семейного образования распространено множество предрассудков. Главный из них – ребенок не сможет стать полноценным субъектом общества вне школьного коллектива. Эксперты по семейному образованию убеждены, что все страхи относительно того, что без школы дети плохо социализируются, не более чем миф. По их мнению, каждый «семейный» ребенок неизменно открыт, коммуникабелен и социально активен. Причем данные качества у них проявляются иногда сильнее, чем у их ровесников, посещающих обычные школы. По наблюдениям, школьникам порой намного труднее общаться, так как они более «отформатированы» под определенные принципы поведения в обществе. У детей на семейном обучении таких проблем, зачастую, не наблюдается. Как показывает практика, на сегодняшний день отношение к семейному обучению в социуме пока довольно настороженное. К примеру, почти все опрошенные родители детей на домашнем обучении рассказали, что хотя бы однажды, но сталкивались с непониманием со стороны родных, друзей и чаще всего администрации школы. Кроме этого, случаются ситуации, когда стремление родителей учить детей самостоятельно воспринималось в качестве асоциальности и учителя сообщали об этом в комиссии по делам несовершеннолетних. Безусловно, семейное образование подходит всем детям и родителям. Однако те, кто убедился в преимуществах семейного образования, уже не захотят от него отказываться. Это здоровая альтернатива, не противопоставленная школе, а взаимодействующая с ней, помогающая и школе развиваться, улучшаться, находить новые современные формы обучения.

По вопросу социализации детей исследователи делают вывод, что недостатка в общении со сверстниками они тоже не испытывают: посещают кружки, спортивные секции, музыкальные или художественные школы. У них больше возможностей для гармоничного развития. Их социализа-

ция проходит более естественно и менее травматично вследствие нахождения в разных коллективах, если такому процессу не препятствуют окружающие.

Семейное образование мы определяем как вариативную форму обучения, при котором учащийся может и имеет право посещать образовательную организацию, но по тем или иным обстоятельствам (например, медицинские показатели) или по волеизъявлению родителей или законных представителей обучается в домашних условиях. Такая форма зачастую основана на желании родителей дать своему ребенку образование в семье либо самих детей наиболее полно изучать предметы. Родители обычно принимают такое решение, когда уверены в том, что семейное обучение будет намного эффективным, более удобным для ребенка, по сравнению с традиционным. На наш взгляд, цель домашнего обучения заключается в создании комфортных условий для получения качественного образования, в том числе, и на основании индивидуального подхода, что способствует к всестороннему гармоничному развитию личности. Обучение ребенка в семье позволяет также родителям контролировать качество и количество поступающей к ребенку информации, производить отбор учебных материалов. Исследование показало, что роль родителей в семейном образовании не в том, чтобы заменить учителей-предметников, а в том, чтобы так организовать процесс обучения, подобрать методы и педагогические технологии, чтобы образование ребенка было качественным. Такая форма приемлема для представителей среднего и высшего класса.

Виртуальное пространство в такой форме чаще выступает в качестве помощника, потому что образовательные подкасты социальных сетей вполне апробированы и приемлемы. Отдельной задачей других исследований необходимо поставить изучение качества образования в среднестатистическом показателе, а не на примерах отдельных школьников.

Литература

1. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.07.2015 (ред. от 13.07.2015) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 19.04.2022)
2. Семейное образование в России: барьеры и механизмы их преодоления / К. А. Любичкая, С. В. Янкевич, Н. В. Княгинина, Е. В. Петякин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1. С. 143–157. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1820>
3. Семейное образование как альтернативная форма обучения детей: мнения студентов – будущих учителей / А. Ф. Матушак, Н. А. Белоусов, О. Ю. Павлова, А. В. Зырянова // Перспективы науки и образования. 2020. № 3 (45). С. 126–139.
4. Мингазов И. Ф., Яркова Т. А., Милованова Н. Г. Модели и опыт организации семейного образования // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2019. № 4. С. 102–109.

УДК 37. 08

Т. Н. Чунихина, М. С. Ходякова, *Краснодар*

Новые подходы к содержанию и формам наставничества в образовательных учреждениях в условиях цифровизации образования

Раскрывается суть наставничества как системы ускоренного развития кадрового потенциала организаций любых форм собственности и организационно-правовых форм. Показывается, что в сфере образования наставничество приобретает свойства востребованной и актуальной практики. А также реализация этой формы взаимодействия опытного и квалифицированного педагога и подопечного позволяет нейтрализовать большинство негативных факторов внутренней среды образовательной организации в области групповой динамики коллектива, предотвратить текучесть кадров, повысить производительность труда. Делается вывод о том, что в цифровом образовательном пространстве наставничество приобретает новые формы, в рамках которых молодой специалист может быть более компетентен в «цифровых» навыках и стать наставником более опытному, методически грамотному коллеге.

Ключевые слова: наставничество, цифровизация образования, виртуальное наставничество.

T. N. Chunikhina, M. S. Hodykova, Krasnodar

New approaches to the content and forms of mentoring in educational institutions in the context of digitalization of education

The article reveals the essence of mentoring as a system of accelerated development of the personnel potential of organizations of any form of ownership and organizational and legal forms. It is shown that in the field of education mentoring acquires the properties of a demanded and relevant practice. And also, the implementation of this form of interaction between an experienced and qualified teacher and a ward allows you to neutralize most of the negative factors of the internal environment of an educational organization in the field of group dynamics of the team, prevent staff turnover, and increase labor productivity. It is concluded that in the digital educational space, mentoring takes on new forms, in which a young specialist can be more competent in «digital» skills and become a mentor to a more experienced, methodically competent colleague.

Keywords: mentoring, digitalization of education, virtual mentoring.

Сотрудники организации, их реальные и потенциальные способности, навыки, умения, накопленный опыт являются главной ценностью любой организации.

Важнейшей проблемой становится создание и развитие системы адаптации работников в сложившийся трудовой коллектив. Наставничество, по своей сути, направлено на развитие прикладных профессиональных компетенций. Многие образовательные организации столкнулись с необходимостью адаптации к новым условиям труда как со стороны вновь принимаемых сотрудников, так и уже находящихся в трудовых отношениях работников [5].

Для молодых сотрудников образовательного учреждения наставничество выступает эффективной практикой социализации в образовательной среде. В соответствии с Национальным проектом «Образование», 70 % учителей в возрасте до 35 лет будут вовлечены в различные формы

поддержки и сопровождения в первые три года работы [3]. В образовательном учреждении любого уровня использование системы наставничества позволит молодым специалистам быстро и четко выявлять причины своих профессиональных затруднений, выбирать методы их устранения, учиться планировать работу, выстраивать психологический контакт как с коллегами, так и с обучающимися, достойно презентовать себя как специалиста и профессионала, постоянно самосовершенствоваться и саморазвиваться. Главной целью такой формы наставничества, как «опытный педагог – молодой специалист» становится формирование у молодого педагога, преподавателя внутренней мотивации на успех, эмоциональной стрессоустойчивости.

Для опытных педагогов наставничество со стороны молодых специалистов актуально при внедрении и реализации современных средств обучения. Это форма, так называемого. Реверсивного наставничества, при котором высококвалифицированный профессионал, как правило, старший по возрасту или стоящий выше по карьерной лестнице, становится подопечным младшего сотрудника. И именно младший сотрудник становится наставником. По мнению И. А. Эсауловой, «такая модель наставничества помогает решить проблему недостаточной компетентности сотрудников старшего возраста в области информационных технологий и интернет-коммуникаций» [7]. Овладение современными «цифровыми» компетенциями позволит обеспечить высококачественное содержание образовательных программ, внедрять современные средства обучения.

Как правило, молодой наставник помогает старшему коллеге с цифровым воплощением учебного материала при разработке электронных образовательных ресурсов, значимость которых не вызывает сомнения в эпоху тотального перехода на онлайн-обучения и реализации принципов доступности образования и расширения системы непрерывного образования. В данном случае речь идет о ситуационном наставничестве, когда молодой наставник предоставляет необходимую помощь подопечному всякий раз, когда тот нуждается в рекомендациях. Отметим, что именно молодой наставник может обеспечить немедленное реагирование на проблемную ситуацию, значимую для подопечного. Главной проблемой в данной форме взаимодействия может выступать разностатусность в паре «наставник – подопечный» из-за принадлежности к разным поколениям.

Другое направление в помощи – содействие в организации образовательного процесса в дистанционном режиме с помощью мессенджеров Zoom, Skype, VK, Viber и др. Молодой преподаватель может разработать демонстрационную инструкцию по работе в этих мессенджерах, провести мастер-класс, обучающий семинар.

Практически каждое учебное заведение сегодня имеет свою специальную образовательную платформу. В ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет» в рамках Программы развития университета на 2020–2030 годы [4] действуют различные формы электронного обучения, включающие в том числе «Электронную кафедру», интерактивную систему взаимодействия «преподаватель-студент» и т. п. Старшие коллеги испытывают затруднения в работе в этой системе и нуждаются в поддержке со стороны более продвинутых молодых коллег.

Также отметим, что молодой педагог быстро устанавливает современные каналы связи с обучающимися для оперативной организации и повышения продуктивности работы [6].

Однако не только овладение новыми технологиями и цифровыми компетенциями формирует положительный эффект от наставничества со стороны более молодого педагога. Сотрудники образовательных учреждений, имеющий небольшой стаж работы, как правило, имеют новый взгляд на устоявшиеся вещи, быстро и легко осваивают постоянно совершенствующиеся компьютерные технологии, готовы меняться, имеют склонность к поиску педагогической индивидуальности.

Отметим возрастающую роль виртуального наставничества. Оно предполагает использование информационно-коммуникационных технологий: видеоконференций, платформ для дистанционного обучения, онлайн-сервисы социальных сетей и сообществ практиков. Особенностью виртуального наставничества является ориентация на обмен знаниями, а не на помощь со стороны наставника и поддержку подопечного. Важно подчеркнуть, что особенностью развития любых процессов в нашей стране является высокий эмоциональный настрой на прорыв [1]. Прорыв обеспечивает движение, и, в первую очередь, обращает внимание на разрешение проблем, в данном случае, как раз на уровне наполняемости содержания и корректировки форм наставничества в образовательных учреждениях в условиях цифровизации. Виртуальное наставничество приобрело особую значимость в период дистанционного формата обучения в последние годы.

Создание и эффективная реализация различных программ наставничества является достаточно сложным, но, в ряде случаев, необходимым механизмом функционирования современного образовательного учреждения, когда администрация нуждается в специальных инструментах, обеспечивающих интегрированный и индивидуально ориентированный подход к формированию профессорско-преподавательского состава, если речь идет о вузе, либо педагогического коллектива школы, колледжа и т. п.

Анализ локальных правовых актов трех высших учебных заведений г. Краснодара: ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологиче-

ский университет», ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет», ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина» показал, что на данный момент, в этих учебных заведениях отсутствуют специализированные документы, регламентирующие наставническую деятельность в ее инновационных формах и методиках. В КубГТУ и КубГУ вообще нет документов, посвященных вопросам наставничества. А положение КубГАУ «О наставничестве», утвержденное 23 мая 2022 г. ректором вуза, регламентирует типичную модель наставничества, когда наставником выступает «опытный преподаватель, старше 60 лет», в должности профессора или доцента, обладающий высокими профессиональными и нравственными качествами, знаниями в области методики преподавания и воспитания», «молодым специалистом» определяется начинающий педагог в возрасте до 30 лет [2].

Использование различных форм наставничества среди сотрудников учебных заведений должно привести, с одной стороны, к увеличению потенциала молодого, начинающего специалиста, а с другой стороны, раскрыть новые возможности самореализации у опытных педагогов. В любом случае, оно приведет к развитию навыков soft-skills, обмену опытом, росту корпоративной культуры, выравниванию педагогического мастерства, взаимопыту. А также выступает одним из факторов обеспечения профессиональной надежности педагогов, т. е. ими действий на должном уровне качества, уменьшая риски профессионального выгорания годы [8].

Литература

1. Бочкарева А. С. К вопросу о электронном PR в России // PR и коммуникационные процессы : материалы IV Межвуз. науч.-практ. конф. 2010. С. 9–12.
2. О наставничестве : Положение СМК ФГБОУ ВО «КубГАУ». Введено в действие приказом ректора от 23.05.2022 № 128. URL: <https://kubsau.ru/upload/university/docs/pol/sig/177-20220620.pdf?270>. (дата доступа: 17.07.2022)
3. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г. : указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 // Российская газета. 2018. 9 мая.
4. Программа развития университета на 2020–2030 годы : принята конференцией работников и обучающихся ФГБОУ ВО «КубГТУ». Протокол № 1 от 10.11.2020. URL: https://kubstu.ru/data/struct/0762/%D0%A2%D0%B8%D1%82%D1%83%D0%BB_1.pdf?a093u5 (дата обращения: 14.07.2022).
5. Хлабыстова Н. В. Ценность образования в системе взаимодействия «вуз – потребитель образовательных услуг – работодатель» : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2016. 28 с.
6. Чунихина Т. Н., Крылова А. Е. Особенности поведения абитуриентов как потребителей на рынке образовательных услуг // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2019. № 7. С. 237–244.
7. Эсаулова И. А. Новые модели наставничества в практике обучения и развития персонала // Стратегии бизнеса. 2017. № 6. С. 120–152.
8. Современные методы оценки профессиональной надежности педагога / И. П. Яковлева, М. Л. Романова, Е. С. Киселева, Л. А. Матвеева // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2017. № 2. С. 259–269.

УДК 378.1

А. Д. Шишкина, Т. Н. Чунихина, *Краснодар*

Корпоративные ценности участников образовательных правоотношений в виртуальном пространстве

Статья посвящена изучению влияния норм корпоративной культуры на формирование социальных этических взаимоотношений и личного комфорта всех участников университетской деятельности в условиях распространения использования информационных технологий и сетевого взаимодействий. Доказывается, что реальная действенность, улучшение и структурирование норм корпоративной этики должны способствовать достижению наилучших социально-психологических условий для научной и творческой активности, социального партнерства, повышения качества высшего образования. Целью работы стали: изучение и сравнение локальных актов высших учебных заведений г. Краснодара, закрепляющих нормы корпоративной культуры субъектов образовательной деятельности в сфере сетевого взаимодействия; выявление общих черт, повторений; определение пробелов нормативного регулирования и направлений их устранения.

Ключевые слова: корпоративная этика, субъекты образовательной деятельности, университетская культура, обучающиеся, образовательные правоотношения.

A. D. Shishkina, T. N. Chunikhina, *Krasnodar*

Corporate values of participants in educational legal relations in virtual space

The article is devoted to the study of the influence of corporate culture norms on the formation of social ethical relationships and personal comfort of all participants in university activities in the context of the spread of the use of information technologies and network interactions. It is proved that the real effectiveness, improvement and structuring of the norms of corporate ethics should contribute to the achievement of the best socio-psychological conditions for scientific and creative activity, social partnership, and improving the quality of higher education. The aim of the work was: to study and compare the local acts of higher educational institutions of Krasnodar, fixing the norms of the corporate culture of the subjects of educational activities in the field of networking; identification of common features, repetitions; identification of regulatory gaps and ways to eliminate them.

Keywords: corporate ethics, subjects of educational activity, university culture, students, educational legal relations.

Важнейшими категориями цивилизованного социального взаимодействия являются гуманизм, достоинство, справедливость, честность, долг, ответственность. Подобные начала универсальной этики одинаковы для всех людей, независимо от их социальной принадлежности, национальности, вероисповедания, уровня обучения и сферы профессиональной деятельности. Корпоративная этика как система определенного набора ценностей, способов взаимодействия, общения и моделей поведения, регулирующих этические отношения в рамках организации, является ключевым фактором в формировании коллектива этой организации в единый социальный организм. А корпоративная культура университета направляет потенциал сотрудников и обучающихся на выполнение задач, поставленных перед высшим учебным заведением: мотивирует на улучшение качества преподаваемых дисциплин и сам процесс обучения; служит механизмом налаживания контактов между преподавательским со-

ставом и обучающимися. Корпоративная этика вуза также рассматривается как один из аспектов, влияющих на профессиональную надежность педагогов [7]. Все это в конечном итоге приводит к получению достойного образования и устойчивому развитию университета, повышает его престиж и конкурентоспособность.

Для того чтобы полнее представить себе, что собой представляет корпоративная культура университета, мы рассмотрели локальные нормативные акты трех гражданских вузов г. Краснодара: Кубанского государственного аграрного университета (далее – КубГАУ); Кубанского государственного университета (далее – КубГУ); Кубанского государственного технологического университета (далее – КубГТУ). Субъектами локального правотворчества выступают: ученый совет университета, ректор и иные органы управления в соответствии со своей компетенцией. Акты, затрагивающие права обучающихся, принимаются с учетом мнения студенческого совета и первичной профсоюзной организации студентов. Однако позиция последних носит только рекомендательный характер, так как ее отсутствие или предложения по корректировке в целом либо отдельных положений, обязательной силы не имеют.

Во всех трех высших учебных заведениях приняты специализированные правовые документы в области корпоративной культуры: в КубГАУ – Кодекс корпоративной этики университета [4], в КубГТУ – Кодекс этики и служебного поведения [5], в КубГУ – Кодекс корпоративной культуры [3].

Кодекс этики и служебного поведения КубГТУ определяется как внутриорганизационный документ, регламентирующий общие принципы профессиональной служебной этики работников и основные правила поведения, которыми надлежит руководствоваться обучающимся и работникам КубГТУ, независимо от должности КубГАУ определяет статус своего кодекса как свода принципов саморегулирования деятельности вуза. Кодекс корпоративной культуры КубГУ представлен как документ, создающий единое нормативное деятельностное пространство на основе общих ценностей и корпоративной идеологии вуза, определяющей идентичность и индивидуальность КубГУ в российском и мировом академическом пространстве.

Самым кратким в изложении принципиальных положений является Кодекс этики и служебного поведения КубГТУ, он направлен на создание максимально комфортных условий учебы и работы, повышение эффективности деятельности субъектов образовательного процесса, рост общественного сознания и нравственности, укрепление авторитета сотрудников вуза, имиджа и деловой репутации образовательного учреждения. Наиболее развернуто сформулированы принципы и цели этического взаимодействия в КубГУ. Специальным разделом в этом документе вводятся

базовые понятия, такие как: «корпоративная культура», «корпоративный дух», «корпоративный стиль», имидж и миссия вуза, «деловая этика» и прочее. Отдельными пунктами развернуто сформулированы миссия, цели и задачи университета, корпоративные ценности и принципы, выделены этические основы внутривузовского взаимодействия.

Анализ кодексов позволяет выделить две составляющих их предписаний: идеологическую и нормативную. Идеологическая часть норм формирует духовные установки сотрудников и обучающихся, закрепляя миссию, цели и ценности. Так, изучение положений кодексов позволяет сделать вывод, что главная задача реализации его статей сводится к укреплению имиджа и деловой репутации учебного заведения. К принципам построения взаимоотношений обучающихся и сотрудников отнесены: взаимоуважение, справедливость, сплоченность, доброжелательность, чувства товарищества, взаимопонимания и взаимопомощи, доверия друг к другу. Нормативная часть положений кодекса устанавливает стандарты поведения субъектов образовательной деятельности. Они касаются внешнего вида («соответствовать общепринятому деловому стилю, который отличает официальность, сдержанность, традиционность, аккуратность»), соблюдения дисциплины труда («приходить на работу и учебу без опоздания»), форм общения («обращаться друг к другу на «Вы», «не допускается фамильярность, громкая речь, ненормативная лексика»), моделей уважительного поведения («при входе в помещение обучающиеся должны пропустить работников, мужчины – женщин»).

При сравнении локальных нормативных актов в области университетской корпоративной культуры мы также сделали вывод, что наиболее заметные различия в их содержании связаны со способами, через которые корпоративная культура вуза транслируется.

Все акты предусматривают процедуру предотвращения и разрешения этических конфликтов. Сотрудники, преподаватели и обучающиеся вузов обязаны принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликтов интересов. Предотвращению конфликтов в КубГАУ способствует политика равных возможностей, отсутствия дискриминации, открытости, честности взаимоуважения как главных приоритетов в образовательных и трудовых отношениях.

Вузы нормативно закрепляют меры поощрения за соблюдение требований кодексов корпоративной этики, как морального, так и материального характера.

В отличие от достаточно общих этических правил поведения КубГТУ, общая культура и правила КубГУ формулируются конкретно, они сгруппированы по сферам действия. Четко описать кодекс КубГУ по-

могают слова Л. О. Евдокимова о том, что «важнейшими категориями современной универсальной этики являются справедливость, долг, совесть, ответственность, достоинство, честь, гуманизм» [2].

Кодекс КубГУ направляет сотрудников и обучающихся на изучение и внедрения в повседневную жизнь не только отечественного, но и зарубежного опыта, что говорит об открытости политики вуза по отношению к любым организациям, органам власти.

Хотелось бы указать на еще один, очень важный аспект установления комфортной среды обучения и научного творчества в вузе – факт знания корпоративных норм самими субъектами их применения. Чтобы кодексы действительно работали, необходимо предусмотреть алгоритм ознакомления всех адресатов с его предписаниями. Обязательство по доведению до сведения работников и обучающихся положений корпоративных актов четко закреплен в актах КубГАУ и КубГУ и различается по субъектам исполнения: для преподавателей, это – обязанность отдела кадров, о чем делается соответствующая запись в трудовом договоре, для обучающихся – руководителями и студенческими советами структурных подразделений. В КубГТУ обязательство довести до сведения сотрудников и обучающихся правил корпоративного кодекса возложено на проректоров, директоров институтов, руководителей.

Изложенные выше положения регламентируют основы непосредственного общения преподавателей, сотрудников учебного заведения и обучающихся. Теперь перейдем к анализу норм локальных актов, затрагивающих сетевые отношения субъектов университетской деятельности. Отметим, что все проанализированные локальные акты размещены на официальных сайтах вузов в разделе «Документы» и «Сведения об образовательной организации».

В акте КубГТУ виртуальные формы взаимоотношений преподаватель – студент закреплены только в нормативах, обязывающих преподавателя заранее информировать студентов о возможностях и источниках получения информации для самостоятельной подготовки, а также своевременно формировать электронные источники информации и ссылки на учебный материал.

Кодекс корпоративной культуры КубГУ в разделе «Общие положения» указывает, что деловой этикет определяет нормативы поведения сотрудников и обучающихся, в том числе и при деловой переписке, а среди принципов университетского сообщества называет «инновационность», как постоянный поиск новых, более эффективных научных подходов и технологий, их внедрение как в образовательный процесс, так и в различные области социально-культурного развития.

В локальном акте КубГТУ закреплена обязанность и сотрудников, и обучающихся постоянно совершенствовать свои профессиональные компетенции, овладевать современными информационными технологиями, уважать и защищать интеллектуальную собственность вуза, авторские права, в вузе «недопустимы подлоги и плагиат».

Только в «классическом» университете четко прописано, что все члены университетского сообщества «используют корректные формы общения и подачи информации в сети Интернет, в том числе на личных страницах в социальных сетях, с учетом понимания возможности негативного влияния личных действий в сети Интернет на деловую репутацию Университета».

Вопросам сетевого взаимодействия посвящен раздел кодекса КубГТУ, регламентирующий отношения сотрудников и самого учреждения с внешними структурами и средствами массовой информации: КубГТУ «выступает за открытые и честные взаимоотношения», достоверность предоставляемой информации, «информационную прозрачность». В документе КубГУ такой пункт отсутствует. А в Кодексе КубГАУ определено, что в общедоступном режиме на корпоративном сайте вуза размещена информация о его деятельности и структуре; взаимодействие со СМИ осуществляют только сотрудники пресс-службы с согласия руководства. На каждого члена университетского сообщества возлагается обязанность ответственно относиться, понимать «и всегда помнить», что любая высказанная «им как обучающимся, сотрудником, преподавателем Университета точка зрения (или распространенная информация) непосредственно соотносится с самим Университетом, его имиджем и влияет на его репутацию в обществе».

Изучив локальные нормативные акты вузов на предмет закрепления основ поведения в виртуальном пространстве, нами сделаны следующие выводы. Во-первых, отсутствие четкой регламентации указанных отношений, применение норм по аналогии. Во-вторых, основными принципами виртуального взаимодействия, по смыслу кодексов, являются «чувство меры», «корректные формы общения», «порядочность», «доверительность, ответственность и взаимная вежливость». В-третьих, не допускается проявление негативных эмоций, слов и выражений, исключаемых деловым этикетом. Все перечисленное составляет понятие «социальной ответственности», которая, в отличие от юридической, делает акцент на социальных проблемах и имеет отношение к тому, что лежит вне минимума, определенного законом [1].

Анализ положений этих документов позволяет делать вывод, что правовая формализация внутривузовских отношений нуждается в закреплении единообразного подхода, разграничении трудового законодатель-

ства и этических норм. В условиях востребованности подобного локального правотворчества и отсутствия каких-либо общих подходов и рекомендаций к формированию этических кодексов высших образовательных учреждений, целесообразно разработать типовую модель этического кодекса [6]. Однако при создании типового документа не стоит забывать об уникальности, самобытности каждого образовательного учреждения, его традициях, ценностях и особенностях, которые оказывают огромное влияние на абитуриента при выборе учебного заведения.

Литература

1. Бочкарева А. С., Лаврентьева М. А. Формирование образа социально ответственной организации // PR в России: образование, тенденции, международный опыт : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар : Дом-Юг, 2009. С. 14–17.
2. Евдокимова Л. О. Социально-этические аспекты корпоративных отношений в России // Общество. Среда. Развитие. 2009. № 1 (10). С. 16–24.
3. Кодекс корпоративной культуры : утв. решением Ученого совета КубГУ от 26.03.2021. URL: https://www.kubsu.ru/sites/default/files/news/kodeks_korporativnoy_kultury_ot_26.03.2021.pdf (дата обращения: 16.07.2022).
4. Кодекс этики и служебного поведения : утв. Ученым советом КубГТУ от 02.10.2018. URL: https://kubstu.ru/data/struct/0621/kodeks_etiki_i_sluzhebnogo_povedeniya.pdf (дата обращения: 14.07.2022).
5. Кодекс корпоративной этики университета : утв. решением Ученого совета КубГАУ от 26.09.2016. URL: <https://kubsau.ru/upload/university/docs/pol/sig/64.pdf?582> (дата обращения: 18.07.2022).
6. Фастовец А. А., Чунихина Т. Н. Университетская культура как разновидность корпоративной культуры // Молодые ученые в решении актуальных проблем науки : материалы XI Международ. науч.-практ. конф. Владикавказ : ВлГУ, 2021. С. 395–399.
7. Современные методы оценки профессиональной надежности педагога / И. П. Яковлева, М. Л. Романова, Е. С. Киселева, Л. А. Матвеева // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2017. № 2. С. 259–269.

ВОПРОСЫ ВИРТУАЛИЗАЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ И УПРАВЛЕНИИ

УДК 347.45/47

О. А. Карпенко, *Самара*

Проблемы правового регулирования и охраны современных инновационных технологий на примере больших данных

Статья посвящена изучению вопросов больших данных и проблем их правового регулирования. Выбор в качестве предмета исследования больших данных обусловлен тем, что в них могут содержаться многочисленные объекты интеллектуальной собственности, а также при обработке больших данных могут быть нарушены исключительные права третьих лиц. Среди существующих проблем больших данных называются высокие барьеры входа на рынок больших данных, необходимость анализа и обработки данных в целях получения конкурентных преимуществ, кратковременность и возможность замены. Обозначается, что охрана больших данных предполагает охрану коммерческой тайны, их содержимого как объекта баз данных, их охрану как объекта смежных прав, защиту авторским правом и нормами договорного права.

Ключевые слова: большие данные, объект гражданских прав, сетевой эффект, охраноспособность, конкурентоспособность.

О. А. Karpenko, *Samara*

Problems of legal regulation and protection of modern innovative technologies on the example of big data

The article is devoted to the study of big data issues and problems of their legal regulation. The choice of big data as the subject of research is due to the fact that they may contain numerous intellectual property objects, as well as the exclusive rights of third parties may be violated when processing big data. Among the existing problems of big data are high barriers to entry into the big data market, the need for data analysis and processing in order to gain competitive advantages, short duration and the possibility of replacement. At the same time, the protection of big data involves the protection of trade secrets, their contents as an object of databases, their protection as an object of related rights, protection by copyright and contractual law.

Keywords: big data, object of civil rights, network effect, security capability, competitiveness.

Современные технологии демонстрируют стремительное инновационное развитие и требуют соответствующего правового регулирования. Для этого необходимо изучение их технической составляющей, возможностей перевода основных моментов функционирования новых технологий в правовую систему, а также соотнесения их с интеллектуальной собственностью и местом в рыночной конкурентной среде.

Выбор в качестве предмета исследования больших данных обусловлен тем, что в них могут содержаться многочисленные объекты интеллектуальной собственности, а также при обработке больших данных могут быть нарушены исключительные права третьих лиц. При этом использование больших данных может существенно влиять на состояние конкуренции на отдельных рынках.

До настоящего момента понятие больших данных (Big data) не получило единого определения. Одни исследователи определяют их как процесс обработки большой информации с целью получения данных о возможных будущих действиях людей или компаний. Другие под ними подразумевают простую совокупность информации, для обработки которой необходимо создание большой базы данных.

В настоящее время в России существует законопроект о больших пользовательских данных, под которыми понимают совокупность не содержащей персональных данных информации о физических лицах и (или) их поведении, не позволяющей без использования дополнительной информации и (или) дополнительной обработки определить конкретное физическое лицо, собираемой из различных источников, в том числе сети Интернет, количество которых превышает тысячу сетевых адресов. [9]

Большие данные определяются пятью основными характеристиками: объемом, достоверностью, скоростью сбора, разнообразием и ценностью.

Создание больших данных можно условно разделить на две фазы – сбор данных и обработка с помощью различных электронных средств. И возникает вопрос, необходимо ли охранять полученные в результате обработки результаты как интеллектуальную собственность.

Они, несомненно, обладают существенными преимуществами, которые заключаются в том, что это более точно таргетированная реклама; улучшения как в работе поисковых сервисов, так и в сфере обслуживания; возникновение новых продуктов – например, программы, отображающие информацию о ситуациях на дорогах, изучение информации сторон судебных споров. На основе информации больших данных потенциально возможна разработка нормативно-правовых актов.

Особенность больших данных проявляется и в том, что они взаимосвязаны со множеством других данных и совокупность информации в них позволяет получить статистически и логически достоверные сведения о лице или группе лиц. Вместе с тем информация, полученная в результате

обработки больших данных, не может априори считаться объективной и достоверной, ведь в сети Интернет встречается всякая информация.

Наряду с этим не вся информация одинакова по своему качеству, она может обладать разными характеристиками и иметь иную смысловую нагрузку. Даже если два похожих набора данных могут быть получены схожим путем, это не обязательно означает, что они будут одинаковы по качеству и по возможностям анализа.

Теперь определим признаки и роль больших данных в современной экономике, а также воздействие, которое обладание ими может оказывать на рынки.

1. Наличие барьеров на рынке больших данных.

Здесь в первую очередь необходимо решить, можно ли говорить о рынке больших данных. В соответствии с антимонопольным законодательством товарный рынок – это сфера обращения товара, который не может быть заменен другим товаром, или взаимозаменяемым товаром, в границах которой, исходя из экономической, технической или иной возможности, целесообразности, приобретатель может приобрести товар, и такая возможность отсутствует за ее пределами. Под товаром же понимается объект гражданских прав (в том числе работа, услуга), предназначенный для продажи, обмена или иного введения в оборот. Несмотря на исключение информации из перечня объектов гражданских прав, поскольку гражданское законодательство состоит в том числе из федеральных законов (п. 2 ст. 3 ГК РФ), а Закон об информации упоминает возможность информации выступать в качестве объекта гражданских прав (ст. 11), в теории возможно заключение договора, объектом которого будет являться информация. [6]. Следовательно, информацию можно признать объектом гражданского права [10] и товаром, а также вести речь и о рынках больших данных.

Исследователи полагают, что для выхода на рынок больших данных существуют низкие входные барьеры и даже небольшая фирма может вытеснить с рынка компании с большим оборотом данных. Любая фирма может, разработав свой уникальный продукт или алгоритм анализа, успешно конкурировать на рынке больших данных, к примеру, с такими гигантами, как Google или Microsoft, ведь при входе на рынок больших данных нет нужды в том же количестве и качестве данных, которые уже приобретены или накоплены действующими субъектами.

Вместе с тем исследователи упускают из виду то, что отдельный рынок больших данных не находится в отрыве от других рынков сбыта, например от рынка рекламных услуг, на которых идет основная прибыль с больших данных для небольших фирм. И наличие на рынке крупных компаний снижает вероятность получения инвестиций на развитие собственного, но сходного с конкурентом продукта.

Можно выделить три основных вида барьеров вхождения на рынок больших данных:

а) технологические барьеры – к примеру, конкуренты или субъекты данных могут использовать шифрование, недоступное другим, которое сделает невозможным сбор данных;

б) правовые барьеры для отдельных категорий персональных данных, которые запрещено собирать и обрабатывать, либо эта возможность ограничена. Помимо этого, правовыми нормами предусмотрена необходимость более серьезной охраны для некоторой информации, что повышает стоимость сбора и хранения;

в) договорные барьеры – соглашения, ограничивающие сбор, использование или распространение данных, в том числе положения о неконкуренции, которые трактуются как положения об эксклюзивности. [3]

2. Сетевой эффект больших данных.

Воздействие больших данных на конкуренцию возможно только на основе сетевого эффекта в зависимости потребительской ценности товара и от количества пользователей одной и той же группы (прямой сетевой эффект), либо как изменение ценности товара для одной группы пользователей при уменьшении или увеличении количества пользователей в другой группе (косвенный сетевой эффект). Чем больше у оказывающего услуги субъекта больших данных, тем больше он может привлечь клиентов, тем самым улучшая качество своих услуг (прямой косвенный эффект), собирая больше данных, которые может предоставлять, например, рекламодателям для таргетированной рекламы (косвенный сетевой эффект) [2].

3. Легкость сбора, доступа и распространенность данных. Пользователи сети Интернет постоянно создают огромное количество данных, собираемых компаниями. И при существовании рынка больших данных их приобретение заинтересованными лицами не составляет особого труда. Несмотря на то что хранение и обработка данных требуют высоких финансовых и временных вложений, сам их сбор не является высокочеловеческим, а фирмы тратят большую часть своих ресурсов на обработку.

4. Необходимость анализа и обработки данных для получения конкурентного преимущества. Фактическое обладание большим количеством информации не дает фирмам преимущества, поскольку далее ее необходимо обработать для дальнейшей обработки и использования.

5. Кратковременная ценность больших данных, а устаревшая информация куда менее ценная, чем новая. В среде быстро утрачивающейся ценности информации участники рынка не имеют особых конкурентных преимуществ перед новыми. И поэтому отсутствует необходимость в создании такого же объема больших данных, а достаточно собрать лишь необходимую информацию для успешной конкуренции.

6. Возможность замены данных. Ни одна фирма не может контролировать все мировые данные, в том числе и потому, что во всем мире фирмы и граждане пользуются, как правило, несколькими социальными сетями. Также невозможно предотвратить получение схожих или одинаковых данных с помощью других технических способов и средств. Это теоретически делает невозможной монополию на рынке больших данных. Получение информации не ведет к ее сосредоточению в одних руках при существовании невозможности получить ее иным способом иными участниками рынка. Кроме того, одни и те же данные можно использовать множество раз различными способами.

Вместе с тем на основе больших данных крупные компании получают существенное конкурентное преимущество – они могут предсказывать будущее состояние конкуренции – эта деятельность, как разновидность любого краткосрочного экономического прогноза, получила за рубежом название *nowcasting* (по аналогии с краткосрочным прогнозом погоды), – препятствовать появлению конкурентов до того момента, когда они попадают в сферу действия антимонопольного законодательства, причем отдельные данные являются настолько эксклюзивными, что это не позволяет их использовать конкурентам.

7. Неуниверсальность. Для каждой услуги, оказываемой компанией, необходим специфический набор больших данных. В этой связи компаниям необходимо находить те сферы, в которых они будут наиболее эффективными, что также препятствует монополизации рынка больших данных.

Коммерциализация больших данных позволяет компаниям предоставлять пользователям бесплатные услуги в обмен на предоставление ими своих данных компаниям. Вместе с тем, несмотря на преимущества бесплатных услуг для пользователей, у такой системы бизнеса имеются недостатки. Многие исследователи, анализируя бесплатное предоставление услуг большими корпорациями, указывают на то, что в действительности это создает высокие барьеры для входа на рынок, поскольку конкуренты не смогут также эффективно коммерциализировать собираемые ими данные.

Коммерциализация больших данных оказывает положительное влияние на качество рекламы (особенно таргетированной), которая посредством специальных технологий направляет персонализированные предложения конкретному пользователю, исходя из его поисковых запросов, просмотра определенных сайтов и прочего. [4] Улучшение качества не ограничивается только рекламой. С помощью больших данных поисковые сервисы также могут предоставлять более персонализированные результаты анализа и обработки.

Таким образом, обладание большими данными наделяет фирму определенной рыночной властью и может влиять на состояние конкуренции на различных рынках. В связи с этим потенциальная монополизация больших данных может повлечь совокупность негативных последствий как для рыночной конкуренции, так и для потребителя, которые перечислим:

1. Снижение качества и инновационной активности. Как следствие любой монополизации, в случае больших данных это может привести к снижению качества обработки, например, работы поисковых сервисов. При отсутствии конкурентов поисковые сервисы могут показывать больше рекламы при осуществлении поиска. Монополисты также не стремятся к улучшению качества своих услуг, являясь единственными субъектами на рынке. Вместе с тем на рынке больших данных эти последствия имеют важную особенность, поскольку их выявление представляет определенные трудности с учетом рынка больших данных и связанных с ними рынков. К примеру, невозможно определить, снизилось ли качество поиска при том, что цена на него не может вырасти в связи с бесплатностью поисковых сервисов.

2. Незащищенность неприкосновенности частной жизни. Потребители по общему правилу не имеют полного контроля за тем, как используются их персональные данные в случае их обработки большими данными. Сейчас охрана личной информации, персональных давно превратилась в одну из форм неценовой конкуренции, в особенности на рынках товаров с нулевой ценой. Субъекты рынка могут конкурировать путем предоставления большей защиты персональных данных или оказания услуг при большей прозрачности их сбора и обработки. При этом при монополизации больших данных хозяйствующим субъектам не выгодно активно инвестировать в защиту персональных данных, даже с учетом вступивших в силу нормативных актов, в частности Общего регламента о защите персональных данных ЕС. [8]

3. Воздействие на иные рынки. При условии занятия доминирующего положения на рынке больших данных, хозяйствующий субъект потенциально может распространить свое положение на смежные рынки, в том числе рынки верхнего и нижнего пределов, что связано с сетевым эффектом больших данных. Особенно ярко такое воздействие проявляется на так называемых многосторонних рынках – платформах (рынках), привлекающих две и более взаимосвязанные группы пользователей с посредником в виде определенной платформы [11]. В таких многосторонних рынках прибыль одной группы тем больше, чем больше присутствие другой группы участников этой платформы. Ярким примером такого рынка служит рынок поисковых сервисов Google, который привлекает как рекламодателей, так и пользователей поиска. Для рекламодателей и для самой

платформы выгоднее, чем больше людей пользуются поисковыми сервисами Google.

Большие данные состоят из двух взаимосвязанных, но самостоятельных частей – данных и результата их обработки. Наиболее простой способ охраны – это охрана информации и результата ее обработки посредством введения в ее отношении режима коммерческой тайны. Нормы национального и международного права содержат нормы, посвященные охране коммерческой тайны. К примеру, в США в соответствии с Законом о коммерческой тайне 1985 г. коммерческая тайна определяется как информация (включая формулы, модели, программы, механизмы, способы, технологии), которая обладает самостоятельной экономической ценностью (действительной или потенциальной) и недоступна для других лиц, которые могли бы извлечь экономическую выгоду из ее использования или разглашения, и в отношении которой приняты меры по защите ее секретности.

Также в июне 2016 г. была принята Директива Европейского парламента и Европейского совета от 08.06.2016 № 2016/943 «О защите нераскрытых секретов производства и деловой информации (коммерческой тайны) от их незаконного приобретения, использования и раскрытия», направленная на гармонизацию законодательства стран – членов ЕС, регулирующего охрану и защиту коммерческой тайны. Преимущество охраны больших данных в рамках этого правового режима заключается в том, что к коммерческой тайне предъявляются лишь минимальные требования новизны содержания (а в некоторых случаях могут и не предъявляться). Кроме того, коммерческую тайну может составлять информация, отдельные элементы которой являются общеизвестными и, следовательно, неохраноспособными в качестве объектов права интеллектуальной собственности, но в совокупности представляют собой определенную коммерческую ценность.

Для того чтобы содержание и результаты обработки больших данных могли составлять коммерческую тайну, необходимо соблюдение определенных условий: информация не должна быть известна широкому кругу лиц, обладать экономической ценностью и охраняться как коммерческая тайна. При соблюдении перечисленных условий допускается предоставление такой охраны. Вместе с тем в некоторых случаях невозможно держать все содержание больших данных и результаты их обработки в секрете от конкурентов, и в связи с этим возникает вопрос о том, какие нормы применимы при охране больших данных.

Одной из целей предоставления охраны результатам интеллектуальной деятельности на примере больших данных, является стимулирование творческой и экономической деятельности субъектов оборота и, следова-

тельно, максимизация общественного достояния. При этом некоторые исследователи полагают, что производство и распределение больших данных осуществляется практически бесплатно. Несмотря на то что хранение и обработка данных требуют высоких финансовых и временных вложений, сам сбор данных не является затратным процессом. Фирмы тратят большую часть своих ресурсов именно на обработку больших данных в целях получения соответствующих результатов, нежели на их сбор. Отсюда вытекает необходимость охраны именно результатов обработки данных и информации.

Здесь также необходимо рассмотреть возможность охраны содержимого больших данных как базы данных, которой является представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и др.), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью ЭВМ. В отечественном законодательстве (применительно к базам данных) охраняется не содержание базы данных, а их структура и расположение материала. При этом по судебной практике база данных как объект авторского права не тождественна совокупности материалов, составляющих ее содержание (ст. 1260 ГК РФ). В классических базах данных, или SQL [7] базах, содержание структурировано, что позволяет распространить охрану этой структуры как объекта авторского права. Но большие данные представляют собой прямую противоположность SQL баз, поскольку слишком велики для создания, обработки, хранения, управления и анализа с помощью традиционных средств. В связи с этим структура больших данных не может быть охраняема как нечто оригинальное. К примеру, Google Books представляет собой всего лишь отсканированные страницы книг с возможностью поиска по словам, что совсем не оригинально.

В России и странах ЕС базы данных охраняются как объекты смежных прав, либо им еще предоставлены *suī generis* права. В соответствии с нормами отечественного законодательства база данных может являться как объектом авторского права, так и объектом смежного права.

В Европейском союзе правовой режим охраны баз данных регулируется нормами Директивы 96/9/ЕС «О правовой охране баз данных» (далее – Директива). В соответствии с Директивой база данных – это сборник независимых произведений, данных или других материалов, упорядоченных системным или методическим способом и индивидуально доступных электронными или иными средствами. [5] Директива предусматривает два вида режима охраны баз данных – *suī generis* (ст. 7 Директивы) и нормами авторского права (ст. 3 Директивы). При режиме *suī generis* охране подлежат инвестиции лица, создавшего базу данных. В соответствии с нормами ст. 7 Директивы охране подлежат права такого создателя

базы данных, который внес качественно и/или количественно существенное вложение в получение, проверку или презентацию содержимого базы данных. При рассмотрении дела Европейский суд дал толкование ст. 7 Директивы. Так, под существенным вложением в получение данных необходимо понимать те ресурсы, которые были затрачены на поиск и включение данных в базу, без учета ресурсов, затраченных на создание материалов, составляющих ее содержание. Под вложением в проверку содержимого понимаются те ресурсы, которые были затрачены на проверку достоверности информации, содержащейся в базе данных, без учета ресурсов, затраченных при ее начальном создании.

Отличие от законодательства ЕС в российском законодательстве установлена минимальная планка охраноспособности баз данных. В соответствии со ст. 1334 ГК при отсутствии доказательств иной базы данных, создание которой требует существенных затрат, признается база данных, содержащая не менее десяти тысяч самостоятельных информационных элементов, составляющих ее содержание. Однако иное можно доказать в суде, поскольку количество самостоятельных информационных элементов, равное десяти тысячам и более, все же не является обязательным признаком охраноспособной базы данных [1], что расширяет сферу применения судейского усмотрения при разрешении споров о правах на базы данных. В рамках этого права создателю базы данных предоставлена возможность предотвращения извлечения и/или повторного использования целого или существенной части, оцениваемой качественно и/или количественно, содержимого этой базы данных. Европейский союз, принимая во внимание, что несанкционированное извлечение и/или повторное использование содержимого базы данных составляет действия, влекущие серьезные экономические и технические последствия, допускает возможность охраны содержимого больших данных в том числе с помощью *sui generis* прав.

Таким образом, содержимое больших данных вполне допустимо охранять как объект смежных или *sui generis* прав, поскольку на собрание большого количества их элементов требуются существенные затраты. И неструктурированность содержимого больших данных, а также неоригинальность такой структуры не является препятствием для распространения на них такого режима охраны.

Результат обработки данных, к примеру существующий в виде таблиц, диаграмм, текстов, рисунков и прочего допустимо охранять нормами авторского права.

Здесь возможны два основных варианта – предоставить исключительные права правообладателю больших данных, либо охранять такие результаты нормами конкурентного права. К примеру, в США применя-

ется связанная с запретом недобросовестной конкуренции доктрина «горячих новостей», впервые примененная Верховным Судом США в 1918 г. В соответствии с ней, для того чтобы информация, составляющая содержание базы данных и результаты обработки больших данных, могла быть защищена и подпадала под действие этой доктрины, должны быть одновременно соблюдены пять условий: 1) истец несет расходы на получение или сбор информации; 2) ценность информации существенно теряется со временем; 3) использование информации ответчиком представляет собой недобросовестное и бесплатное использование информации (*free-riding*), на получение которой были затрачены средства истца; 4) ответчик использует информацию в целях конкурирования с истцом; 5) возможность осуществления таких действий со стороны ответчика или иных лиц настолько снижает стимул для производства продукта или оказания услуги, что его качество или существование ставятся под угрозу. Несмотря на практическую сложность доказывания соответствия содержимого базы данных указанным условиям, эта доктрина может применяться при защите прав обладателя больших данных.

Даже если охрана соответствующими правовыми нормами (как объекта смежных прав или объекта авторских прав) недоступна в силу несоответствия критериям оригинальности или отсутствия соответствующего режима охраны (к примеру, в США базы данных охраняются исключительно как объекты авторского права), существуют и иные способы защиты прав правообладателя больших данных.

Не меньший интерес представляет исследование роли больших данных в сфере промышленной собственности. Алгоритмы обработки персональных данных могут использоваться для улучшения качества патентных заявок, а также предоставить более совершенные способы интерпретации информации, содержащейся в существующих патентах. Кроме того, большие данные можно использовать для определения патентоспособности изобретения. Ожидается в будущем потенциально с помощью больших данных можно будет создавать и новые изобретения.

Таким образом, среди существующих проблем больших данных можно назвать высокие барьеры входа на рынок больших данных, необходимость анализа и обработки данных в целях получения конкурентных преимуществ, кратковременность и возможность замены. При этом охрана больших данных предполагает охрану коммерческой тайны, их содержимого как объекта баз данных, охрану больших данных как объекта смежных прав, защиту авторским правом и нормами договорного права.

Литература

1. Архипов В. В. Интеллектуальная собственность в индустрии компьютерных игр: проблемы теории и практики // Закон. 2015. № 11. С. 61–69.
2. Борзило Е. Ю. Эволюция определения «доминирующее положение» в российском анти-монопольном законодательстве // Закон. 2018. № 10. С. 120 – 126.
3. Буркова А. Ю. Некоторые концепции иностранного договорного права // Международное публичное и частное право. 2014. № 3. С. 28–32.
4. Гуляев К. С. Право человека на Интернет, права в Интернете и при использовании интернет-вещей: новые тенденции // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2018. № 1. С. 29 – 37.
5. Директива № 96/9/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза «О правовой охране баз данных» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Иношкин А. А. Информация в системе объектов гражданских прав и ее взаимосвязь с интеллектуальной собственностью на примере баз данных // Информационное право. 2016. № 4. С. 4–7.
7. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24.03.2014 № С01-122/2014 по делу № А40-46227/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Регламент № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий регламент о защите персональных данных)» (принят в г. Брюсселе 27.04.2016) // СПС «КонсультантПлюс»
9. Романова А. Ю. К вопросу о правовом режиме больших данных // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 20 – 25.
10. Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Большие данные: в поисках места в системе гражданского права // Закон. 2018. № 11. С. 106–123.
11. Яблонский С. А. Многосторонние платформы и рынки: основные подходы, концепции и практики // Российский журнал менеджмента. 2013. № 4. С. 57 – 78.

УДК 330.1

И. Д. Котляров, *Санкт-Петербург*

Накопление нематериального капитала: новая эра в развитии капитализма

Показано, что современные формы организации хозяйственной деятельности (платформы и экосистемы) связаны с накоплением нематериального капитала (в отличие от традиционных фирм, которые были основаны на материальном капитале). Обозначено, что нематериальный капитал платформ и экосистем создается в том числе и за счет потребителей. В результате платформы и экосистемы формируют цепочки присвоения ценности.

Ключевые слова: платформы, экосистемы, нематериальный капитал, накопление капитала.

I. D. Kotliarov, *St. Petersburg*

Accumulation of intangible capital: a new era of evolution of capitalism

The paper demonstrates that modern form of organization of economic activity (platforms and ecosystems) are related to accumulation of intangible capital (unlike traditional firms that were based on material capital). It is demonstrated that intangible capital of platforms and ecosystems is created at the expense of customers. Thanks to accumulation of intangible capital form chains of capture of value

Keywords: platforms, ecosystems, intangible capital, accumulation of capital

В ходе первоначального накопления капитала мелкие производители разорялись и лишались собственных средств производства, что вынуждало их устраиваться на наемную работу к капиталистам (и тем самым попадать в зависимость от них). В результате процесса первоначального накопления капитала формировались крупные производственные мощности (фабрики в терминологии К. Маркса [1]), предназначенные для массового выпуска продукции, находившиеся в собственности у капиталистов. Сохранившиеся мелкие домашние производства утрачивали самостоятельность и функционировали в качестве придатка к фабрикам [1].

Таким образом, отличительными признаками первоначального накопления капитала является то, что он заключался в лишении мелких производителей собственных средств производства и в формировании производственного, физического капитала, контроль над которым со стороны капиталистов служил основой для контроля над рабочими (не имевших собственных средств производств) и для их эксплуатации. Отметим этот важный момент – производственный капитал был нужен капиталистам не сам по себе (хотя на первый взгляд может показаться, что они в были заинтересованы в нем для организации производства), а как инструмент получения контроля над экономическими агентами, собственно, и обеспечивавших производственный процесс (рабочими), и, как следствие, получения прибыли от деятельности этих экономических агентов.

Происходящая в настоящее время цифровая трансформация экономики [2] позволяет, по нашему мнению, говорить о новом периоде накопления капитала. При этом, в отличие от эпохи первоначального накопления капитала, когда капиталисты формировали физический (материальный) капитал, сейчас формируется нематериальный капитал, который позволяет контролировать экономических агентов (как производителей, так и потребителей). Благодаря контролю над нематериальным капиталом капиталисты могут получать прибыль, непосредственно не занимаясь производственной деятельностью (этот феномен получил название инверсии фирмы – производство продуктов или услуг происходит не внутри фирмы, а вовне ее [5]).

Контроль над производителями достигается в рамках платформ, которые предоставляют этим производителям доступ к потребителям (т. е. контролируют каналы сбыта). Благодаря удобству сотрудничества с платформами производители утрачивают самостоятельные навыки организации сбыта (т. е. теряют нематериальный капитал) и фактически передают соответствующие процессы на аутсорсинг платформами (Е. В. Устюжанина назвала этот феномен утраты компетенций их атрофией [3]). В результате возникает феномен зависимого предпринимательства [4], когда формально независимые экономические агенты (производители) с точки

зрения организации своей хозяйственной деятельности полностью зависят от платформ (которые, благодаря этому, получают возможность диктовать свои условия сотрудничества и пресекать попытки поставщиков вести самостоятельную деятельность). С организационной точки зрения инструментом контроля является то, что платформы владеют каналами сбыта (т. е. цифровой инфраструктурой), а с технологической – то, что платформы активно используют алгоритмы для организации взаимодействий участников. Поскольку и цифровая инфраструктура, и алгоритмы представляют собой нематериальный капитал, можно говорить о накоплении нематериального капитала. К нематериальному капиталу относятся и компетенции по организации сбыта, которыми также владеют платформы. Ситуация во многом аналогична описанной К. Марксом применительно к домашней промышленности – формально независимые производители становятся придатками платформы. При этом своих производственных мощностей производители не лишаются (они утрачивают нематериальный капитал в сфере организации сбыта). Платформы не заинтересованы во владении производственными активами, они предпочитают, чтобы производством товаров и услуг занимались участники платформ, а сами платформы получают прибыль от контроля над сотрудничеством производителей и потребителей. Это наглядно показывает, что цель капиталиста состоит не во владении материальными производственными активами, а во владении тем нематериальным капиталом, который позволяет им контролировать деятельность экономических агентов, занимающихся производственной деятельностью и получать прибыль за счет этого контроля. В эпоху первоначального накопления капитала этот нематериальный капитал был неотделим от материального (производственного). В настоящее время они могут быть разделены.

Что касается потребителей, то платформы и экосистемы также стремятся добиться у потребителей атрофии компетенций в сфере самостоятельного выбора товаров и услуг и принудить их совершать покупки только в рамках определенной экосистемы (поскольку экосистемы стремятся предложить потребителям максимально широкий спектр товаров и услуг в разных областях). Инструментами такого записания потребителей в рамках экосистем служит контроль над каналами сбыта (потребителям трудно приобрести нужный им товар за пределами платформ и экосистем), комплексные предложения (экосистемы предлагают единый канал приобретения разных товаров и услуг, что удобно для потребителя), рекомендательные системы (которые анализируют запросы потребителей и формируют для них персонализированные предложения) и т. д. В результате потребителям проще и удобнее довериться рекомендациям плат-

форм, чем самостоятельно выбирать нужный им товар или услугу. Благодаря этому платформы и экосистемы встраивают потребителей в свои каналы сбыта и трансформируют их в гарантированный источник выручки.

Важным отличием процесса накопления нематериального капитала является его квази-добровольный характер. Экономические агенты утрачивают свои компетенции в пользу платформ и экосистем по причине большего удобства платформенной (экосистемной) модели организации хозяйственной деятельности, а не в силу принуждения или экономического давления (как это происходило при разорении мелких производителей в ходе первоначального накопления капитала).

Таким образом, отличительными характеристиками происходящего процесса накопления капитала является то, что в его ходе формируется нематериальный капитал (в его специфической форме сетевого капитала [3]), источником которого выступают нематериальные активы, которых лишаются производители (путем их атрофии), и нематериальные компетенции, которые утрачивают потребители. Большое значение имеет то, что в процессе накопления нематериального капитала задействованы как производители товаров и услуг, так и потребители. В результате платформы и экосистемы формируют цепочки присвоения ценности. Именно в создании таких цепочек, по нашему мнению, и заключается сущность процесса накопления нематериального капитала.

Литература

1. Маркс К. Капитал // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1960.
2. Плотников В. А. Цифровизация как закономерный этап эволюции экономической системы // Экономическое возрождение России. 2020. № 2. С. 104–115. DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-104-115.
3. Устюжанина Е. В. Сетевая экономика как социально-экономическая модель // Экономика и математические методы. 2022. Т. 58, № 1. С. 27–37. DOI: 10.31857/S042473880018967-2.
4. Cutolo D., Kenney M. Platform-Dependent Entrepreneurs: Power Asymmetries, Risks, and Strategies in the Platform Economy // Academy of Management Perspectives. 2021. Vol. 35, N 4. P. 584–605. DOI: 10.5465/amp.2019.0103.
5. Parker G. G., Van Alstyne M., Choudary S. P. Platform Revolution. N. Y. : W. W. Norton and Company, 2016. 352 p.

УДК 338.439

Г. Ю. Митяшин, *Санкт-Петербург*

Межличностные сетевые контакты как способ совместного потребления продуктов питания

Показывается, что в современном мире наблюдается экспансия трендов осознанного потребления, одновременно с этим люди проводят все больше времени в социальных сетях. На пересечении указанных тенденций находится феномен фудшеринга, который представляет собой практику распределения еды между членами общества. Перечисляются способы организации взаимодействия между субъектами в рамках фудшерина. Особое внимание уделяется P2P фудшерингу, который основан на самоорганизации людей в социальных сетях. Представлен анализ его преимуществ для благотворителей и нуждающихся.

Ключевые слова: фудшеринг, продовольственная безопасность, социальные сети, благотворительность, самоорганизация, межличностные коммуникации, экология.

G. Yu. Mityashin, *Saint Petersburg*

Interpersonal network contacts as a way of joint food consumption

In the modern world, there is an expansion of trends in conscious consumption, at the same time people spend more and more time on social networks. At the intersection of these trends is the phenomenon of food sharing, which is the practice of distributing food among members of society. This article lists the ways of organizing interaction between subjects within the framework of foodsharing. Special attention is paid to P2P foodsharing, which is based on the self-organization of people in social networks. The paper presents an analysis of its benefits for philanthropists and those in need.

Keywords: foodsharing, food security, social networks, charity, self-organization, interpersonal communication, ecology.

В современном мире использование социальных сетей как основного элемента межличностных коммуникаций стало обыденным и привычным для людей явлением, что отражает общую тенденцию к цифровизации общества [6]. Более молодые члены общества (представители поколений Y и Z) используют цифровые средства связи для общения по естественным причинам: период их жизни совпадает с периодом стремительного развития технологий, позволяющих обмениваться информацией дистанционно. Для них общение с использованием различных средств связи (преимущественно социальных сетей) равноценно «живому» общению. Поколение X также частично переключилось на использование различных средств связи для межличностного общения. Это произошло, преимущественно, по рациональным причинам, таким как повышение эффективности коммуникации в ходе рабочего процесса, пандемия коронавируса и т. д. Таким образом, одной из привычек большей части современного общества является использование социальных сетей на ежедневной основе [9].

С другой стороны, в настоящее время, развитие общества происходит под влиянием глобальных трендов, связанных с экологической и социальной ответственностью граждан. В социальных сетях и на иных цифровых площадках представлено неизмеримое количество текстового,

аудио и видео контента, связанного с информированием людей о важности приобщения к данным трендам и их дальнейшей популяризации.

В данной статье предлагается рассмотреть взаимосвязь двух описанных выше общественных привычек: общению в социальных сетях и развитию идей социальной и экологической ответственности.

Идея социальной ответственности заключается в том, что обеспеченные члены общества должны оказывать посильную помощь нуждающимся, т. е., фактически заниматься благотворительностью. Экологическая ответственность заключается в том, что люди должны наносить минимум вреда окружающей среде в процессе жизнедеятельности. На пересечении указанных выше интересов современного общества находится феномен фудшеринга.

Фудшеринг – это актуальная практика совместного потребления еды, которая выражается в добровольном распределении между членами общества и фирмами продуктов питания с целью минимизации их потерь [1]. Соответственно, фудшеринг оказывает положительное влияние одновременно на экологическую составляющую жизнедеятельности за счет снижения вырабатываемых отходов, с другой стороны, он помогает людям, нуждающимся в помощи с получением продуктов питания.

В зависимости от количества участников в цепочке распределения товаров по фудшерингу и их статуса выделяют следующие типы фудшеринга:

1. B2B2P фудшеринг подразумевает передачу коммерческими структурами (например, предприятиями общественного питания или продовольственными магазинами) продуктов питания, срок годности которых подходит к окончанию (но не истек) [3], в пользу некоторой благотворительной структуры, которая, как правило, представлена фондом, для их дальнейшего распределения между нуждающимися в кратчайшие сроки с применением труда волонтеров [2; 7].

2. P2B2P фудшеринг по форме организации идентичен B2PB2P фудшерингу с той разницей, что благотворительное пожертвование может быть сделано в маленьком объеме любым человеком. Отметим, что многие фонды ведут работу по приему пожертвований как от крупных игроков на рынке, так и от людей. Такую форму организации взаимодействия между звеньями цепочки товародвижения фудшеринговых товаров можно обозначить как (B+P)2B2C.

3. P2P фудшеринг подразумевает передачу продуктов питания от человека к человеку без участия посредников [8].

Отметим, что B2B2P и P2B2P фудшеринг не согласуется с третьей обозначенной в данной статье привычкой современных людей – развитием общения в социальных сетях (так как данные типы фудшеринга под-

разумевают наличие посредника, который функционирует как физическая точка, занимающаяся распределением). Поэтому в контексте данной статьи мы уделим особенное внимание P2P фудшерингу.

Рассмотрим механизм взаимодействия людей, желающих прибегнуть к P2P фудшерингу. Человек, который хочет поделиться каким-то продуктом, выкладывает объявление в тематической группе в социальной сети и указывает как с ним связаться (как правило, через комментарии к объявлению или личные сообщения). Люди, которые хотели бы забрать этот продукт, отзываются на объявление оговоренным способом. Затем они согласовывают время и место передачи товара [12].

Таким образом, люди, со схожими интересами используют функционал социальных сетей для удовлетворения личных потребностей [10; 11]. То есть мы имеем дело с феноменом самоорганизации двух групп людей (благотворителей и нуждающихся) в цифровой среде. Обозначенные группы находятся в зависимости друг от друга, поэтому стараются следовать негласным правилам, которые дополняют понятие фудшеринга:

- продукты передаются безвозмездно;
- коммуникация ведется в цифровой среде;
- продукты должны быть пригодны к употреблению;
- люди не должны брать больше продуктов, чем могут потребить;
- переданные по фудшерингу продукты не могут быть перепроданы после получения;
- человек, который забирает продукты, может быть любого возраста и иметь любой уровень дохода.

Важно рассмотреть преимущества организации фудшеринга в цифровой среде над его традиционными формами (рис.).

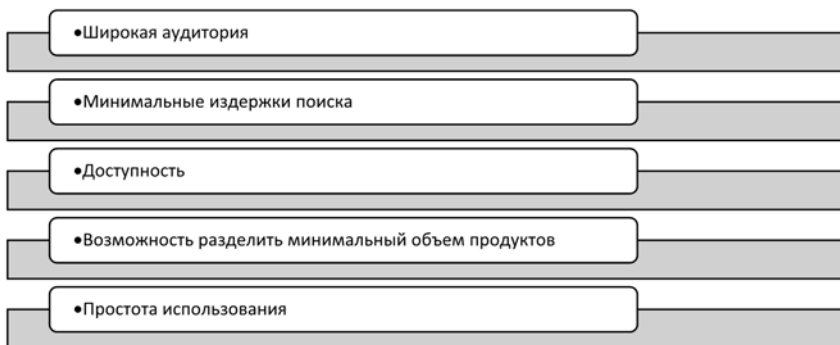

Рис. Преимущества сетевого фудшеринга

Социальные сети объединяют миллионы людей со схожими интересами, поэтому найти группу единомышленников не составит труда. По мнению автора, сетевой фудшеринг может разветвляться двумя способами: на базе крупных городских сообществ, которые имеют большое количество подписчиков, и, соответственно, высокое количество просмотров каждого поста, что повышает шансы успешного распределения продуктов. С другой стороны, в крупных городах, таких как Москва или Санкт-Петербург люди могут столкнуться с необходимостью преодоления больших расстояний для обмена продуктами. Другим вариантом развития сетевого фудшеринга является объединение людей по локальным группам. Они могут быть созданы на базе муниципального образования, квартала, выделяющегося ориентира и т. д. С учетом особенностей строительства жилья в современной России наибольшую перспективу с точки зрения фудшеринга представляют группы жильцов жилых комплексов. Отметим, что данные сообщества значительно меньше по количеству подписчиков, однако их активность более высокая. Более того, передача продуктов между жильцами одного жилого комплекса не займет много времени и усилий. По мнению автора, второй вариант развития является наиболее перспективным, так как позволяет выстраивать долгосрочные добрососедские отношения, основанные на взаимопомощи (отметим, что еда – не единственный предмет шеринга для таких групп: в них можно встретить множество объявлений о совместном использовании бытовых принадлежностей).

Следующим преимуществом сетевого фудшеринга являются минимальные издержки времени и сил как благотворителя, так и нуждающегося. Для успешного разделения еды благотворителю достаточно потратить пару минут на создание поста, а нуждающемуся лишь быть подписанным на нужные группы и включить уведомление на мобильном телефоне. Отметим, что смартфон является неотъемлемым атрибутом современной жизни, поэтому их имеют люди с любым уровнем дохода, поэтому сетевой фудшеринг можно назвать общедоступным.

Другим важным достоинством фудшеринговых групп является возможность разделить любое количество продуктов. В ходе мониторинга тематических групп в социальных сетях автор встречал объявления о готовности отдать тарелку супа и несколько кусков хлеба. Настолько малые объемы фудшеринговых продуктов не являются недостатком, так как P2P фудшеринг не является глобальным инструментом помощи нуждающимся, а является лишь вспомогательным элементом [4; 5].

Подводя итоги, следует отметить, что сетевой фудшеринг набирает популярность из-за своего удобства. Он предлагает выгоду для обоих его участников. С одной стороны, благотворитель имеет возможность сни-

зять количество отходов и одновременно помочь нуждающимся, что повышает его социальный статус и приносит удовлетворение. С другой стороны, нуждающиеся имеют возможность получать дополнительную помощь. Положительный эффект социальных сетей для фудшеринга заключается в максимальном упрощении данного механизма.

Можно предположить, что дальнейшее развитие трендов осознанного потребления и благотворительности, дополненные комфортной цифровой средой, приведут к дальнейшему развитию и популяризации идей фудшеринга.

Литература

1. Бахарев В. В., Митяшин Г. Ю. Управление ценообразованием на товары с истекающим сроком годности как новый инструмент маркетинга // Экономический вектор. 2021. № 1(24). С. 50–56. DOI 10.36807/2411-7269-2021-1-24–50–56
2. Бахарев В. В., Митяшин Г. Ю. Фудшеринг в торговле как инструмент управления товарами с истекающим сроком годности // Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли : сб. тр. Всерос. науч.-практ. и учеб.-метод. конф. : в 4 ч. Санкт-Петербург, 1–4 июня 2021 г. СПб. : Политех-пресс, 2021. С. 92–96.
3. Давлетбаева Л. Ф. Жизненный цикл товара // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 13 (119). С. 26–30.
4. Ильина О. В., Капустина И. В. Методические подходы к разработке Концепции продовольственной безопасности региона на примере г. Санкт-Петербурга // Экономика и предпринимательство. 2016. № 11–1(76). С. 797–804.
5. Социальное питание, его организация и потребности в контексте продовольственной безопасности Санкт-Петербурга / И. В. Капустина, Б. В. Барсукова, Е. Л. Иванов, А. Н. Шаронов // Вестник Российской академии естественных наук (Санкт-Петербург). 2015. № 3. С. 94–101.
6. Котляров И. Д. Тенденции эволюции электронной коммерции // Интернет-маркетинг. 2012. № 4. С. 252–258.
7. Митяшин Г. Ю. Коммерческий фудшеринг как инструмент монетизации товаров с истекающим сроком годности // Молодежная неделя науки ИПМЭИТ : сб. тр. Всерос. студ. науч.-учеб. конф. Санкт-Петербург, 2–4 дек. 2021 г. СПб. : Политех-пресс, 2021. С. 58–61.
8. Митяшин Г. Ю. Фудшеринг как инструмент социально-ориентированного управления излишками продовольственных товаров // Роль науки и технологий в обеспечении устойчивого развития АПК : сб. науч. тр. по итогам IX Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти засл. деятеля науки РФ и КБР, проф. Б. Х. Жерукова. Нальчик, 25–27 нояб. 2021 года. Нальчик: Кабард.-Балкар. гос. аграр. ун-т им. В. М. Кокова, 2021. С. 353–357.
9. Плотников В. А., Нгуен В. Л. Последствия цифровизации для современного социума // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2022. № 1. С. 212–215. DOI 10.37882/2223–2974. 2022.01.35.
10. Тагаров Б. Ж. Специфика экономики совместного потребления и условия ее развития // ЭКО. 2019. № 7. С. 140–155.
11. Шилюсова Н. В., Бутрина Ю. В. Анализ развития онлайн-платформ в условиях шеринговой экономики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2019. Т. 13, № 4. С. 167–179.
12. Mindlin Y., Mityashin G., Tikhomirov E. Innovative forms of organization of food provision for low-income and no-income people // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. Yekaterinburg, 15–16 октября 2021 г. Yekaterinburg, 2022. P. 012125. DOI 10.1088/1755-1315/949/1/012125.

УДК 331.1

Н. В. Москвитина, *Иркутск*

Значение цифровизации в реализации функций управления персоналом

Рассматриваются различные функции управления персоналом с позиции виртуализации общества. Выделяются риски, сильные и слабые стороны данного процесса. Обозначаются перспективы развития управления персоналом в цифровом мире.

Ключевые слова: цифровизация, функции управления персоналом, стратегия управления персоналом, система вознаграждений.

N. V. Moskvitina, *Irkutsk*

The value of digitalization in the implementation of personnel management functions

The article discusses various functions of personnel management from the perspective of society virtualization. The risks, strengths and weaknesses of this process are highlighted. The prospects for the development of personnel management in the digital world are considered.

Keywords: digitalization, personnel management functions, personnel management strategy, reward system.

В настоящее время процессы цифровизации внедряются во все отрасли экономики, в том числе и в процессы управления человеческими ресурсами. Несмотря на то что управление персоналом является особенной сферой, связанной с человеческими ресурсами, внедрение процессов автоматизации может качественно изменить многие процессы и функции в крупных и средних и малых организациях.

Управление персоналом становится более технологичным, эффективным, интеллектуальным, точным. При этом у сотрудников появляется возможность уделять больше внимания творческим вопросам и разработке новых бизнес-идей. Новые кадровые стратегии, основанные на цифровых технологиях повышают эффективность управленческих решений.

В то же время автоматизация сферы управления персоналом имеет свои недостатки: автоматизация, не всегда учитывает индивидуальные особенности работников, автоматизация трудовых процессов приводит к негативным процессам на рынке труда, так как высвобождается рабочая сила, стремительно меняющиеся изменения технологий, требующие постоянного обучения, не равномерное распределение цифровых технологий. [4]

Цифровизация имеет важное значение в сфере реализации функций управления персоналом [3]. Рассмотрим ее значение в разрезе основных функций управления:

– Подбор персонала, управление эффективностью, управление корпоративным обучением, управление талантами. Наибольшее значение цифровизация повлияла на процессы управления крупных компаний, где происходит массовый найм работников [1]. Рекрутинговые процедуры

являются одной из наиболее трудоемких функций, требующих больших временных и материальных затрат. С цифровым переходом многие рутинные операции были автоматизированы, например, рассылки приглашений кандидатам на собеседование на основе заранее подготовленных списков, ранее это осуществлялось через телефонные звонки.

– Отбор кандидатов осуществляется на основе оценочных онлайн-интервью с кандидатами. Это сокращает число собеседований, упрощает процесс найма и сокращает количество сотрудников, отвечающих за найм. Существует множество программных продуктов, в которых назначается дата собеседования, хостинг документов и т. д. Это упрощает и ускоряет выполнение многих функций и позволяют сосредоточить внимание на инструментах оценки. Так же существует множество различных программ, проверяющих будущих сотрудников в социальных сетях. В них размещаются заявки в сети, поиск сотрудников, массовые рассылки, синхронизация с социальными сетями, автоматизация подготовки отчетов, ведение календаря и т. п.

– Обмен информации между руководством и подчиненными осуществляется на основе обратной связи, благодаря чему оперативные указания о деятельности своевременно доходят до подчиненных. Современные информационные технологии позволяют использовать совершенно новую систему оценки эффективности работы сотрудников и системы постановки целей. Автоматизация процессов управления позволяет непрерывно управлять рабочим процессом и своевременно предоставлять обратную связь за счет сокращения процедур согласования и обобщения целей и задач [5].

– Обучение сотрудников. В связи с цифровизацией многих процессов меняется обучение многих сотрудников. Для крупных компаний обучение часто переходит в дистанционный формат на основе корпоративного обучения и внедрения программ непрерывного образования и повышения квалификации. Цели и приоритеты организационного обучения тесно связаны со спецификой стратегического управления компанией и человеческими ресурсами. Следует отметить, что обучение не ограничивается ресурсами компаний, существует множество онлайн-курсов, которые предоставляют различные образовательные порталы учебных заведений и образовательных центров. Компании все чаще поощряют сотрудников к саморазвитию посредством внешнего обучения. За рубежом работники компаний обучаются постоянно, в нашей стране мы постепенно переходим к этой практике и благоприятную почву для этого создают цифровые технологии.

– Развитие карьеры сотрудников. Многие компании внедряют корпоративные мобильные приложения для работы с кадрами, которые позволяют сотрудникам добиваться успехов в профессиональном развитии.

Существует множество корпоративных программ, направленных на развитие потенциала сотрудников, но это не снижает потребности в обучении, но в то же время существует множество корпоративных программ, нацеленных на развитие потенциала сотрудников. Распространение цифровизации предъявляет к работникам новые требования к приобретению новых общих, дополнительных и профессиональных навыков использования цифровых технологий. Общие навыки включают использование цифровых технологий в повседневной работе, а дополнительные навыки позволяют выполнять новые задачи, такие как использование социальных сетей для общения с клиентами, и анализ больших объемов данных с помощью различных приложений. Профессиональные навыки нацелены на разработку программного обеспечения и навыки программирования.

Важным направлением развития карьеры сотрудников является цифровизация процессов управления кадровым резервом [2]. Данная функция включает цифровизацию на всех этапах: процесса подготовки резервистов(обучение, контроль успехов, автоматизация контроля эффективности функционирования системы кадрового резерва) работы с резервом кадров(цифровизация планов развития, взаимодействие команды развития), цифровизация процесса мониторинг и планирования резерва кадров на основе Больших данных и искусственного интеллекта.

– Стратегическое управление компанией. Процесс цифровизации предъявляет свои требования к руководителям и к службе персонала организаций. Переход работы на дистанционный формат требует новых навыков для руководства коллективом в виртуальной среде и изменения стиля модели управления компанией. В стратегическом планировании важно внедрить информационные технологии, разработать стратегию развития компании и довести ее до сотрудников, автоматизировать рабочие процессы и сформировать удаленные формы работы. Так же важно уделять внимание формированию развития человеческого капитала в компании и созданию условий, когда интересы и ценности компании совпадают с интересами и мировоззрением сотрудников [7]. Данные подходы будут способствовать привлечению и сохранению сотрудников в организации. Управление человеческими ресурсами сближается с управлением знаниями, которое помогает компании адаптироваться к новым условиям, что создает условия для обмена знаниями, создания отделов управления талантами, помогает компании адаптироваться к новым условиям путем инноваций базовых технологий.

Цифровая трансформация влечет за собой изменение роли и функций отдела кадров компаний. Они становятся стратегическими и участвуют в управлении компанией. Повышается роль кадровых служб при принятии и оценке управленческих решений компании [6].

– Система вознаграждений. Цифровые изменения влияют на количество услуг, (включая соцпакеты, бонусы, и различные виды вознаграждений), которые помогают автоматизировать социальную сферу компаний.

Процесс управления человеческими ресурсами являются частью бизнес-процессов. В условиях цифровизации человеческие ресурсы помогают компаниям адаптироваться к цифровому мышлению за счет обновления базовых технологий, обучения, качественного подбора персонала, разработки хорошо продуманной кадровой политики и стратегии.

Таким образом, значение цифровизации в управлении персоналом организации состоит в том, что инструменты цифровизации охватывают бизнес-процессы, кадры, и непосредственно функции управления персоналом. Внедрение новых цифровых технологий будет способствовать привлечению молодых специалистов в области информационных технологий и кадровых процессов, и окажет положительное влияние на рынок труда. Внедрение цифровизации способствует снижению трудоемкости большинства функций управления персоналом и ускоряет процессы принятия решений и эффективности бизнес-процессов.

Литература

1. Демидова А. А. Управление персоналом в условиях цифровой экономики // Актуальные вопросы экономики : сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 25 мая 2020 г. Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2020. С. 26–29.
2. Калугина М. В., Плутова М. И. Цифровизация процессов управления кадровым резервом // Human Progress. 2020. Т. 6, № 4. С. 6. DOI: 10.34709/IM.164.6.
3. Носырева И. Г., Москвитина Н. В. Функционально-стоимостной анализ как инструмент совершенствования системы управления персоналом в бюджетном образовательном учреждении высшего образования // Экономика труда. 2019. Т. 6. № 2. С. 971–990. DOI: 10.18334/et.6.2.40597.
4. Москвитина Н. В. Цифровая трансформация государственного управления // Социология. 2021. № 4. С. 114–128.
5. Москвитина Н. В. Качество жизни и цифровизация государственных услуг после пандемии // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием. М. : МАКС-Пресс 2020. С. 109–110.
6. Герасимова Т. А., Москвитина Н. В. Содержание понятий «цифровая экономика» и «цифровизация в сфере государственного управления» // Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 310–315.
7. Заварзина Ю. В., Батьянова Л. Н. Международный опыт цифровизации государственного управления // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 90–96.

УДК 130.2.178

А. Н. Пружинин, *Иркутск*

Применение информационных систем в организации корпоративного обучения

Рассматривается роль информационных систем в развитии корпоративного обучения среднего бизнеса, в частности группы подобных систем и их функции. Обобщается опыт юридической компании на территории Иркутской области в применении подобных программ.

Ключевые слова: корпоративное обучение, человеческий капитал, персонал, информационная система.

А. N. Pruzhinin, *Irkutsk*

Application of information systems in the organization of corporate training

The article discusses the role of information systems in the development of corporate training for medium-sized businesses. In particular, groups of such systems and their functions are considered, as well as the experience of a law firm in the Irkutsk region in the application of such programs.

Keywords: corporate training, human capital, personnel, information system.

Применение информационных систем в обучении персонала явление привычное в современной экономике, сам ее уклад, предполагающий необходимость обработки и структуризации большого объема информации обязывает создавать «электронных помощников», которые становятся неотъемлемой частью интеллектуального капитала компании. Сегодня главный ресурс развития в бизнесе – это знания, принцип экономики – инновации, те кто успешно создают и развивают корпоративное обучение, добиваются стабильного роста прибыли и устойчивости на своем рынке.

Роль информационных программ резко возросла в период пандемии COVID-19 и режима самоизоляции, в это время предприниматели увидели, что информационные программы могут служить опорой бизнес-процессов, т. е. быть ресурсом организации компании «на удаленке», сюда входит электронный документооборот, информационная безопасность, управление деятельностью сотрудников, организация обучения персонала и разработки курсов повышения квалификации и т. д. Корпоративное обучение становится все более значимым моментом продвижения и развития организации [4–6].

В данной работе мы подробно рассмотрим функционал информационных систем, обеспечивающих цели корпоративного обучения персонала в среднем бизнесе. Для начала подробно изучим структуру спроса корпоративного обучения в бизнесе в целом и конкретно в среднем, также рассмотрим понятие корпоративного обучения и его роль в бизнесе и программное обеспечение, которое обеспечивает работу корпоративного обучения.

Согласно современным исследованиям сегодня почти весь сектор бизнеса имеет обучение сотрудников в разных видах. Малые компании предпочитают сразу нанимать специалистов с необходимыми компетенциями, средние компании в большинстве случаев организуют обучение персонала с помощью отдела по работе с персоналом, в свою очередь крупные компании создают сложные системы подготовки и переподготовки сотрудников. Эти выводы совпадают и с нашими исследованиями [1; 7].

В 2021 г. нами было проведено исследование на предмет наличия корпоративного обучения персонала в среднем бизнесе и способов его организации в Иркутской области. В результате нами было определено, что 30 % предпринимателей обучают своих сотрудников на регулярной основе, еще примерно 30 % от раза к разу и оставшиеся часть учит по принципу «жаренного петуха», когда произойдет промышленная авария или дорогая управленческая ошибка – тогда и учат. Конечно, эффективно только то обучение, которое организовано на постоянной основе. Иными словами, мы можем утверждать о наличии спроса на корпоративное обучение у среднего бизнеса, но что оно из себя представляет?

В узком смысле корпоративное обучение направлено на распространение специальных корпоративных компетенций, которые востребованы только в конкретной предпринимательской структуре. Оно должно иметь конкретную цель и обозначенные задачи, т. е. кого, когда чему и как учить, каким способом проверять полученные знания и навыки (компетенции). Способов его организации множество, на них мы заострять внимание не будем. Перейдем к организации электронного обучения персонала.

Специалисты в области электронного обучения выделяют четыре ключевые группы программного обеспечения, с помощью которого можно поддерживать и организовать корпоративное обучение [3].

Первая группа по управлению обучением (LMS) это то программное обеспечение, которое используется для автоматизации, организации и администрирования процесса обучения. Эти программы отслеживают образовательные мероприятия, регистрируют участников, фиксируют процесс обучения. Иными словами, выступают «хранителем времени и событий»

Вторая группа – это инструменты управления знаниями (LCMS) которые позволяют создавать образовательные курсы, т. е. накапливать, сохранять, организовывать необходимые знания, создавать тестирование и использоваться в разных форматах обучения, например вебинар или тренинг и т. д.

Третья группа – системы управления и развития талантов (TMS) в подобные системы входит планирование и отбор персонала, стратегию набора персонала, управление эффективности персонала, формирование и развитие кадрового резерва. Особая роль этих программ в составлении карт компетенций для каждой должности и подразделения, а также составлять индивидуальные траектории обучения.

Четвертая группа относится к поддерживающим системам и инструментам (SS) суть этой технологии обеспечить интеграцию всех перечисленных (LMS, LCMS, TMS) их функционал подстраивается под потребности конкретно взятой компании.

Опыт применения подобных систем есть даже у Иркутских предпринимателей, например CRM система Битрикс. Она используется юридическим предприятием FortLex уже в течении двух лет и за это время ее функционал прочно прижился в структуре компании, он состоит преимущественно в организации исполнения задач [2]. Каждый новый проект, который принимается в работу максимально подробно расписывается и разбивается на этапы, у каждой задачи свои временные интервалы и ресурсное обеспечение. На еженедельных планерках при необходимости описание проекта редактируется для того, чтобы описанные задачи адекватно отражали реальность исполнения, ключевое преимущество такого подхода – это контроль большого объема задач и информации.

Но ключевое применение системы Битрикс – это организация обучения персонала и аттестация по тогам пройденного курса. Логика обучения проста специалист отдела проходит прикладное обучение по юридическим дисциплинам и сдает экзамен, начальник юридического отдела также проходит прикладное обучение, но и курсы по управлению персоналом, директор и учредители проходят курсы по стратегическому развитию предприятия. Все моменты связанные с обучением контролируются CRM системой.

Учитывая принцип развития экономики – разрабатывать и внедрять инновации, можно уверенно предполагать, что электронные системы, организующие корпоративное обучение, будут находить более широкое применение.

Литература

1. Герчиков В. И. Типологическая концепция трудовой мотивации (часть 2) // Мотивация и оплата труда. 2005. № 3. С. 2–6.
2. Знакомство с рекомендательными системами. URL: <https://habr.com/comp/ru/piter/blog/350346/> (дата обращения: 03.09.2022).
3. Ингланд Р. Введение в реальный ITSM. М. : Лайвбук, 2011. 132 с.
4. Пружинин А. Н. Ключевые этапы внедрения корпоративного образования в средний бизнес // Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 384–387.
5. Пружинин А. Н. Корпоративное обучение среднего бизнеса в Иркутской области // В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 344–349.
6. Пружинин А. Н. Эффект отсутствия: корпоративное обучение среднего бизнеса в современной России // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полошкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 194–196.
7. Чанько А. Д., Баснер А. А. В. Корпоративные университеты: анализ деятельности в международных исследованиях // Российский журнал менеджмента. 2015. № 3. С. 79–110.

УДК 339.9(519)

П. Д. Симашенков, А. А. Рогалева, *Самара*

Виртуализация креативной экономики

Статья освещает актуальные вопросы «ценностного менеджмента» и креативной экономики в аспекте их виртуализации. Анализируя концепцию «хрупкого и непостижимого» (BANI) мира, делается вывод, что широко провозглашенная эра экономики знаний – не более чем утопия. Обозначается, что ценностная трансформация возможна, если подход к ней будет не виртуальным, а комплексным и системным, для чего требуются масштабные преобразования, иницируемые и поддерживаемые властными структурами. Креативная экономика, как полагают авторы, в большей степени экстенсивна, чем традиционная, а потенциал ее развития весьма ограничена, а парадигма «виртуального креатива», по сути, нацелена на обеспечение занятости и удовлетворение потребностей населения стран «золотого миллиарда».

Ключевые слова: креативная экономика, инновации, управление по ценностям, цифровизация, виртуальная реальность.

P. D. Simashenkov, A. A. Rogaleva, *Samara*

Virtualization of the Creative Economy

The article covers current issues of “value-based management” and creative economy in the aspect of their virtualization. Analyzing the concept of the “fragile and incomprehensible” (BANI) world, the authors conclude that the widely proclaimed era of knowledge economy is nothing more than utopia. A value-based transformation is possible if the approach to it is not virtual, but comprehensive and systemic, which requires large-scale transformations initiated and supported by the power structures. The authors believe that the creative economy is more extensive than the traditional economy, and its development potential is very limited. The paradigm of “virtual creativity”, in fact, is aimed at providing employment and meeting the needs of the population of the “golden billion” countries.

Keywords: creative economy, innovation, value-based management, digitalization, virtual reality.

Актуальность темы обусловлена обострением полемики вокруг понятия «человеческий капитал» и способности цифровой экономики реализовать креативный потенциал нового поколения. Вопрос осложняется еще и тем, что, по утверждению западных социологов [6], последнее десятилетие знаменует собой переход от VUCA-мира к BANI-варианту, характеризующемуся как хрупкий, тревожный, нелинейный и непостижимый. Объект исследования – модели креативной экономики и управления по ценностям, предмет – механизмы их виртуализации.

Правительственная Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года отождествляет творческое с креативным, обозначая последнее в скобках – вероятно, как полноправный синоним. С позиции методологии, подобное уравнивание выглядит спорным. Оригинальность для творчества является важной составной частью: безусловно, необходимой, но отнюдь не достаточной, тогда как для креатива оригинальность – самоцель. Креатив чаще всего довольствуется просто выдумкой (иногда, впрочем, не лишенной остроумия). Следовательно, меседж креатива «в чистом виде» примитивен и ограничивается внешней непохожестью. Можно сказать, это желание не отличаться, а лишь обособиться. Таким

образом, творчество есть поиск оригинальных форм воплощения вечного содержания, а креатив – приспособление содержимого к модной и доступной для восприятия форме.

Важно подчеркнуть: расплывчатость дефиниций изрядно затрудняет их разграничение: в частности, экономики цифровой, креативной, инновационной и инклюзивной. Приведенные термины являются маркерами «эры развитого цифрозоя», в которой максимально потребительски-ориентированная индустрия 5.0 непременно обеспечит высокий уровень жизни [3]. Безусловно, закономерности производства, спроса и потребления нужно учитывать. В то же время неразумно считать их соблюдение главной предпосылкой совершенствования людской породы и природы. Глобализация наглядно продемонстрировала, насколько повсеместно упрощается и беднеет круг интересов, мышление утрачивает историчную перспективность, мельчает и сводится к плоским приколам стендапа в духе science slam [5]. Характерный для капиталистического производства стихийный анархизм усугубляется спонтанностью одноразовых, вырванных из социального контекста проектов, выдаваемых за свежие мысли новоявленными гуру креатив-экономики.

Масскульт, как и любое заигрывание с обывателем, не преследует цели воспитания вкусов или культурного развития. Трендовая суета – характерный симптом дезориентации, которую адепты Economics of Knowledge окрестили осцилляцией и считают несомненным достоинством [9]. Ценится наглядность и возможность использования продукта без сбоев и проблем. Необходимо заметить: саморазвитие декларируется социологами как приоритетная ценность поколения зумеров [1], но в саморазвитии generation-Z предпочитает навыки вовремя «закрывать гештальт» и смаковать плоды достигнутого успеха: отдых как *modus vivendi*.

Доступность виртуальных ресурсов усугубляет нравственный хаос. Полагаем, цифровую экономику допустимо назвать присваивающей и даже паразитической. Быстрота реагирования и встроенный механизм подсчета лайков и репостов практически сводят к нулю инерцию, столь необходимую для осмысления происходящего и принятия взвешенных решений. Психическая лабильность и ажитация требуют моментальной обратной связи. В самом деле, виртуализацию самомнения можно считать отличным средством извлечения сверхприбыли. Тем более что издержки сведены к минимуму: арсенал SMM-менеджмента изобилует трюками для искусственного повышения рейтингов. Виртуальное пространство одномерно: тут ценится количество, а о качестве речь вовсе не идет. Страх устареть морально и (главное) технологически (по нашему мнению, искусственно обостренный) заставляет расширять ассортимент сервисов, что ускоряет частоту обновлений, но мало улучшает качество продукта: имитация деятельности создает иллюзию развития.

Изменяя опции доступности, коммерция реализует огромный потенциал опошления. Она, как всегда, намертво привязана к понятию дефицита. В BANI-реальности, насыщенной симулякрами, растет спрос на подлинное и человеческое [2]. Спрос породил предложение: появилась теория «управления по ценностям» – паллиатив, сфабрикованный на основе постмодернистских рассуждений об относительности истины. Названная модель управления имеет в приоритете оперативное реагирование [4], что идет вразрез с несуетной и созерцательной природой творчества. К тому же, value-based management предполагает делегирование полномочий, но допустимо ли разделять творческий процесс на стадии и скрам-спринты? Все это осложняется отношениями прекаритета, усилившего свои позиции за счет диджитализации и работы «на удаленке». А где отсутствуют гарантии, обязательства и ответственность, там в цене принуждение и жесткий контроль.

Чем проще способ производства, тем больше ресурсов он потребляет. Громкие слова о преодолении ресурсного дефицита (за счет неисчерпаемости знаний) и стирании границ благодаря глобализации предвосхищают формирование инклюзивной версии экономики, где от каждого по возможности и каждому по амбициям. Тем не менее, понятия инклюзии и человеческого капитала можно интерпретировать в ином ключе: как осознание уникальности, каждого, а еще проще – как включение всех и вся в оборот продаж. Циничная прагматика all inclusive, когда ничего не стесняются, эксплуатируя знания и талант ради медийной популярности. В сущности, парадигма коммерческого креатива – один из способов озадачить и развлечь население стран «золотого миллиарда» [8].

Пожалуй, единственным достоинством цифровизации можно признать динамизм, но он сходен с ускорением свободного падения. Провозглашение принципа «ценности человека» в рыночной экономике не более чем псевдо-идеологическая фикция, скрывающая безучастность цифры к человечности. Торг опошляет ценности, устанавливая их цену. И вопрос не в классификации форм хозяйствования на развитые и догоняющие: по сути, все это новые варианты отношений между метрополиями и колониями.

В том же духе – дискуссии об индустрии 4.0 и обществе 5.0 [10]. Важно подчеркнуть: новая доктрина добавляет в смесь креатива и экономики экологические и социальные компоненты, обозначая трансформацию индивидуальных технологий как некий «системный ответ на вызовы» (среди которых, в частности, конфронтация мира материального и духовного). Примирить миры, по мнению исследователей, способны виртуальные технологии и нейроинтеллект. С одной стороны, образуется нео-синкретизм, интерпретирующий экологическую терминологию в контексте экономики [7]. С другой стороны, разговоры про экосистемы

смыслов и облака брендов грешат популистской эклектикой и не разъясняют главного: как рынок в одночасье преобразится в нечто рачительно-гуманное. Заметим, экологические системы непременно очерчены естественными барьерами, а такое уже не в тренде глобализации знаний. Выходит, грядет «битва экосистем», после которой вряд ли останутся ниши для мелких собственников креатива. Так, правительственная концепция развития креативных индустрий прямо указывает на «формирование экосистем для концентрации талантов... посредством реализации амбициозных сетевых общественно-государственных проектов». Разумеется, ценностная трансформация возможна только на основе системного и комплексного подхода, для чего потребны сплоченные действия властных структур и крупной индустрии. Получается, сама идея кустарных осциллирующих «интернет-промыслов» расходится с целями намеченных преобразований.

По нашему мнению, креативная экономика является очередной утопией; в пользу этого – множество разнотолков в ее осмыслении и реальном и виртуальном воплощении. Во-первых, непонятно, как она соотнобразуется с остальными модными направлениями: нужно ли креативной экономике становиться инновационной, или же можно быть просто цифровой? И какая роль в ценностном преобразовании отводится экономической инклюзии? Во-вторых, глобальный характер «экономики знаний» иллюзорен: по факту за триумфальное шествие креатива выдается масса одноразовых прожектов, инициированных «цифровыми аборигенами», у многих из которых проблемы с социализацией в мире реальном. Формализм и потеря чувства реальности, как нам представляется – характернейшие особенности доктрины knowledge economy. И дифирамбы управлению по ценностям и цифровым экосистемам – вероятно, вызваны нежеланием учитывать диалектику общественного развития.

В Советском Союзе утверждали: любой труд почетен. Как видим, не «всякий» – и именно труд, а не «род занятий» или разновидность активностей. Созидательный, творческий элемент есть ценность, что облагораживает усилия трудящегося и затрудняет их подсчет в меркантильном эквиваленте – это ставит труд выше просто «работы». Ценность представляется нам категорией преимущественно духовной, а вовсе не виртуальной; она не эквивалентна стоимости, ценность сложно поддается регулированию, в том числе и законами рынка. Посему считаем, что современные российские ученые могли принести большую пользу Родине, если бы меньше увлекались модой на абстракции value-driven management и посвятили себя реальному делу. В частности, возрождению и творческой переработке лучших традиций и достижений русской и советской экономической мысли.

Литература

1. Алешина И. В. Инновации как новая потребительская ценность // Инновации. 2016. С. 84–88
2. Амосова А. И., Кузнецова Е. А. Креативная экономика и ее знамение // Бизнес-образование в экономике знаний. 2022. № 2. С. 4–7
3. Гаврилова Т. А., Кудрявцев Д. В., Муромцев Д. И. Инженерия знаний. Модели и методы. СПб. : Лань. 2020. 324 с.
4. Сазанова, С. Л. Управление на основе ценностей: эволюция и перспективы // Вестник МИРБИС. 2018. № 4 (16). С. 32–40.
5. Симашенков П. Д., Торопыгина А. А. О феномене «профессионального одичания» // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Поллошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 206–212.
6. Хокинс Дж. Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги / пер. с англ. М. : Классика-XXI, 2011. 203 с.
7. Cusumano M., Iansiti M., Jacobides M. G., Cennamo C., Feiler D. Gawer A., Rietveld J. Ecosystem, platform and industry architecture research: re-focusing the agenda. *Academy of Management*, 2015. N 1. P. 4–49.
8. Reinert E. S. How rich countries got rich – and why poor countries stay poor. N. Y., 2007. 365 p.
9. Schleicher A. The Economics of Knowledge: Why Education is Key for Europe's Success // Policy brief. The Lisbon Council. 2006. P. 28–43.
10. Schumacher A., Schumacher C., Sihn W. Industry 4.0 operationalization based on an integrated framework of industrial digitalization and automation. In Proceedings of the International Symposium for Production Research. Vienna, Austria, 2019. P. 301–310.

УДК 007.51+502.45+630

С. К. Удалых, *Иркутск*

Виртуальное управление и регулирование в экономике и социальной сфере российского лесопрмышленного комплекса

Рассматриваются вопросы одновременного внедрения виртуальных (электронных) методов управления и регулирования деятельностью лесопромышленного комплекса и возрождения реальной «низовой» охраны и содержания лесного фонда усилиями лесничих, т. е. подлинных хранителей лесов. Исследуется пакет современной нормативно-цифровой документации, которая используется заинтересованными партнерами в электронной сети в целях оценки состояния лесного фонда, учета, отгрузки и переработки леса, его восстановления и содержания, решения социальных проблем населения лесных территорий и т. д. Изучается проблема кибербезопасности виртуального пространства и рекомендуются меры по восстановлению в лесном хозяйстве страны «института» лесничества и созданию в лесных районах новых высокооплачиваемых рабочих мест.

Ключевые слова: цифровизация, виртуальное управление, информационная система, лесопромышленный комплекс, лесное хозяйство, электронная документация, кибератака, лесничий.

S. K. Udalykh, *Irkutsk*

Virtual management and regulation in the economy and social sphere of the Russian timber industry

The issues of simultaneous introduction of virtual (electronic) methods of management and regulation of the activities of the timber industry and the revival of the real “grassroots” protection and maintenance of the forest fund by the efforts of foresters, i. e. genuine keepers of forests, are considered.

A package of modern regulatory and digital documentation is being investigated, which is used by interested partners in the electronic network in order to assess the state of the forest fund, accounting, shipment and processing of forest, its restoration and maintenance, solving social problems of the population of forest territories, etc. The problem of cybersecurity of virtual space is being studied and measures are recommended to restore the "institute" of forestry in the forestry sector of the country and create new highly paid jobs in forest areas.

Keywords: digitalization, virtual management, information system, timber industry, forestry, electronic documentation, cyberattack, forester.

Современное эффективное управление национальной экономикой и социальной сферой в России осуществляется с широким использованием цифровизации и внедрением мощных электронных средств информации. В стране сформировано устойчивое информационное пространство, позволяющее быстро и успешно разрешать любые технические, технологические, финансово-экономические и социальные вопросы тактического и стратегического характера в промышленности, сельском хозяйстве, транспорте, энергетике, лесопромышленном комплексе. Государственные органы управления, все отрасли хозяйствования и социального развития создали и поддерживают свои специальные пространственные части, органично входящие в общее российское виртуальное пространство.

Особое место в этом пространстве отведено лесопромышленному комплексу, включающему лесное хозяйство, лесной транспорт, деревообрабатывающее производство и специальную инфраструктуру. Промышленно-сырьевой базой комплекса является лесное хозяйство, которое занимается вопросами сохранения лесов, их восстановления, оздоровления и расширения, а также обеспечением древесины деревообрабатывающих и лесохимических производств, созданием и содержанием рабочих мест, решением в лесных регионах многих социальных проблем. В лесопромышленном комплексе за последние годы достигнута масса производственных и социальных достижений и успехов; отмечается также много серьезных упущений и проблем. Имеются реальные резервы разрешения упущений и проблем, в том числе путем внедрения новейших технологий восстановления и охраны лесов, совершенствования управления лесным хозяйством, повышения эффективности использования лесных ресурсов, увеличения вклада в экономику и социальную сферу страны. Кроме традиционных методов менеджмента для решения проблем лесного хозяйства перспективным является формирование управленческих решений с использованием виртуального пространства и современных электронных средств. Такой подход является для лесного хозяйства совершенно новым и креативным, который должен при условиях его дальнейшего расширения и углубления привести к резкому повышению эффективности деятельности этой отрасли.

Результаты авторского исследования нижеследующие.

1. Лесное хозяйство является особым видом деятельности, который много последних лет находится в сложной хозяйственной и социальной ситуации. В 2022 г. отечественное лесное хозяйство вынуждено работать в особых условиях санкционного давления со стороны Европейского союза. Государство и деловое сообщество длительный период постоянно ищут направления улучшения лесной деятельности, в том числе создается и принимается ряд Лесных кодексов России, которые были предназначены для управления и регулирования деятельностью лесного хозяйства; последний их указанных Кодексов был принят в 2006 г. [2]; по мнению большой группы специалистов и экспертов в течение всего периода действия этот документ является наиболее неудачным и спорным.

2. На территории России произрастает огромный объем лесных массивов. По данным Росстата, общая площадь земель страны, на которых расположены леса, составляют 1188 млн. гектаров; общий запас древесины определен в количестве 82,8 млрд. кубометров [3, с. 371]. Россия возглавляет список стран-лидеров по запасам древесины. Леса занимают 46 % территории нашей страны и 82 % лесного фонда приходится на Сибирь и Дальний Восток, где активно ведется заготовка деловой древесины. Несмотря на богатый лесной фонд, Россия по объемам лесозаготовки уступает некоторым ведущим странам: за 2020 г. в нашей стране было заготовлено 217 млн кубометров древесины – это 5,5 % от мирового объема (3915 млн кубометров). В этом рейтинге Россия уступила таким странам, как США (430 млн кубометров), Индия (352 млн кубометров), Китай (342 млн кубометров) и Бразилия (266 млн кубометров). В 2021 г. объем лесозаготовки по сравнению с 2020 г. вырос и составил 225 млн кубометров древесины; вырос также экспорт леса и лесной продукции из России. В 2022 г. продажам российской лесопроductии на внешних рынках активно мешают введенные Европой санкции в отношении России. Вопреки ограничениям экспорт пиломатериалов и бруса из России в первое полугодие 2022 г. вырос на 10 % (до 11 млн кубометров). Основными покупателями российских пиломатериалов стали Узбекистан и Китай; на долю китайского рынка приходится около 50 % поставок.

3. Россия характеризуется относительно низким уровнем управления лесным хозяйством, где почти нормой стало слабое лесовосстановление, неэффективная охрана лесных массивов, масштабные лесные пожары, незаконные и истощительные рубки. В лесных регионах страны регулярно выявляются серьезные нарушения лесного и природоохранного законодательства. Для осуществления незаконных рубок древесины используются десятки криминальных схем, позволяющих отдельным фирмам и предпринимателям-личностям незаконно «обезлесивать» большие участки лесного фонда. Кроме действий человека изменения климата приводят к распространению болезней и вредителей в лесах. Ситуация с

российскими лесами обостряется: площадь сплошных рубок устойчиво превышает площадь лесов, на которых происходит лесовосстановление, все больше леса погибает из-за пожаров.

4. Серьезный урон лесному хозяйству наносит отсутствие в последние полтора десятка лет подлинной наземной охраны лесов. Так, до начала 2006 г. система охраны лесов в стране основывалась на «обходах», т. е. на участках леса, персонально закрепленных за работниками лесной охраны (лесниками). Штатная численность лесников по всей стране составляла по разным источникам от 70 до 100 тыс. чел.; сейчас численность сотрудников лесной охраны уменьшилась в несколько раз (их осталось от 17 до 20 тыс. чел.). В результате леса России почти не охраняются и для населения и общественности выглядят практически бесхозными; неподконтрольные участки леса подвержены заболачиванию, обрастанию сухостоем, пожарам и нападению вредителей.

5. Отмечается слабое и неполное административное обследование лесов. Под таким обследованием лесов понимается изучение состояния лесов, их количественных и качественных характеристик; для этого используются разнообразные сведения, которые содержатся в информационных системах, архивных фондах, материалах государственной инвентаризации лесов и федерального государственного лесного надзора и др. Даже не полное административное обследование вскрывает многие серьезные проблемные вопросы, в том числе недостаточную эффективность лесовосстановления, охраны и защиты лесов, низкую актуальность сведений о лесных ресурсах, низкую степень использования лесного сырья; низкую инвестиционную привлекательность отрасли и низкий уровень технического, научного и кадрового обеспечения [5, с. 18].

Авторские выводы и предложения нижеследующие.

1. Современный период характеризуется началом реализации новой экономической модели развития страны, объявленной Президентом РФ В. В. Путиным на Петербургском международном экономическом форуме – 2022 (форум состоялся 15–18 июня 2022 г.). Эта модель определяет шесть ключевых принципов дальнейшего стратегического развития России и ее экономики: открытость, предпринимательские свободы, сбалансированная макроэкономическая политика, социальная справедливость, опережающее развитие инфраструктуры, технологический суверенитет [1]. Лесопромышленный комплекс и его лесное хозяйство должны быть органично включены в реализацию указанных принципов.

2. Рекомендуются резкое сокращение бумажной документации и расширение электронных методов управления и регулирования лесопромышленным комплексом, в том числе лесным хозяйством. Вместе с тем параллельно с виртуальными системами необходимо возрождение «низовых» систем управления и регулирования, т. е. непосредственной охраны,

контроля и содержания лесного фонда. Поэтому в настоящее время вырождаются два направления, связанные с преобразованием лесопромышленного комплекса:

– дальнейшее совершенствование электронной системы управления и регулирования в лесопромышленном комплексе;

– введение подлинно надежной, т. е. «наземной», человеческой системы наблюдения и охраны лесов.

При этом под каждым из указанных направлений понимается следующее:

– виртуальное управление и регулирование означает не только решение назревших промышленно-производственных проблем (рубки леса, лесовосстановление, транспорт заготовленной древесины, переработка древесины, противопожарные меры и борьба с пожарами лесов и пр.), но и многих социальных проблем населения, проживающего в лесных районах страны и работающего в лесном хозяйстве;

– возврат к весьма удачной «низовой» системе охраны леса, существовавшей в СССР; речь идет введении «института» лесников, которые ранее были подлинными хранителями лесного богатства территорий.

3. В настоящее время коренным образом модернизируется Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года [4]. Главная задача новых мер в этой Стратегии, по нашему мнению, должна состоять в наведении должного порядка в лесном хозяйстве и, в первую очередь, в следующих основных направлениях:

– совершенствование лесного законодательства;

– совершенствование управления лесным хозяйством на всех уровнях – от федерального до самого низового (лесничеств);

– эффективное лесосохранение, т. е. пресечение незаконных рубок, охрана леса от болезней и вредителей;

– сокращение площадей лесных пожаров, в результате которых ежегодно выгорают миллионы гектаров лесов и выбрасываются в атмосферу массы углекислого газа;

– эффективное лесоразведение и лесовосстановление, т. е. увеличение лесного фонда страны;

– ускоренное развитие современной инфраструктуры и преобразование социальной сферы лесных районов и др.

4. В России уже принят и реализуется пакет новых директивных документов по лесному хозяйству, которые действуют, как правило, в электронном виде и пополняют виртуальное пространство всей страны и ее лесопромышленного комплекса. Поэтому рекомендуется детально проверить на практике последние решения по изменению лесного законодательства, определенные в самых «свежих» директивных документах (Фе-

деральные законы, Постановления Правительства РФ, приказы и постановления Минприроды РФ) от 2020–2022 гг. Речь идет о некоторых следующих самых важных последних документах, которые формируются в основном в электронном виде:

- «Лес – Единая государственная автоматизированная информационная система (ЛесЕГАИС), сделки с древесиной и отчеты по сделкам»;
- «Учет древесины до ее вывоза из леса»;
- «Электронный сопроводительный документ»;
- «Отчет о балансе древесины на складе»;
- «Отчет о переработке древесины»;
- «Электронные лесные декларации»;
- «Электронный отчет об использовании лесов»;
- «Федеральный надзор в сфере оборота древесины»;
- «Регистрация внебиржевых сделок с древесиной» и прочие электронные документы.

Требуется срочное и целенаправленное обучение большого числа работников разных специальностей лесопромышленного комплекса новым методам и приемам деятельности в условиях цифровизации отрасли, широкого использования новейших информационных платформ и расширяющегося оборота весьма сложных электронных документов. Практика внедрения в первые месяцы 2022 г. виртуальной системы управления и регулирования деятельностью лесопромышленного комплекса показала неготовность большей части работников к условиям виртуального пространства и появлением многочисленных и долговременных сбоев в программном обеспечении этого пространства.

5. Рекомендуется усиленная модернизация и дальнейшее комплексное развитие виртуального пространства в лесных регионах. Это означает, что электронная и другая информационная среда в этих регионах должна быть надежной, устойчивой и защищенной от «кибератак»; она также должна освещать не только промышленно-производственные вопросы, которые интересуют отдельные слои населения, но насущные вопросы социального характера (состояние и перспективы развития самого лесного района и конкретного лесничества, уровень безработицы, движение населения, средняя зарплата, жилищное строительство и жилищно-бытовое хозяйство, дороги, связь и пр.). Существующие электронные и печатные информационные средства в лесных регионах и в лесных административных районах пока весьма слабо и неполно, а в отдельных случаях совсем не освещают многие социальные проблемы жителей лесных районов.

6. В связи с тем, что в России находится свыше 20 % всех лесов планеты, российские леса играют огромную роль для климата земли. По мне-

нию отечественных и зарубежных экспертов, российские леса имеют решающее значение для смягчения последствий глобального климата и разрешения так называемой «климатической повестки», одобренной всеми государствами-членами ООН. В России принят пакет директивных документов по реализации долговременных мер, направленных на снижение углеводородных выбросов и сокращения объемов парниковых газов. Одним из ведущих направлений такого сокращения является использование поглощающей способности лесов. Большой вклад в реализацию этой повестки должно внести расширяющееся виртуальное пространство и электронные методы управления российским лесным хозяйством. Для подобного долговременного положительного воздействия лесов России на климат мира автором рекомендуется [5, с. 19]:

- формирование надежных электронных данных о лесах и методах оценки их способности к поглощению углерода, которые примет международное сообщество;

- создание научной системы и практической электронной технологии учета вклада лесов России в поглощение углеродного баланса на мировом уровне;

- создание на территории страны многочисленных научно-производственных точек (полигонов, вышек) долговременного наблюдения за поглощением углерода;

- завершение формирования электронной системы «Национальная инвентаризация лесов» и начало ведения на ее основе Единого национального Кадастра парниковых газов;

- определение федерального органа, который будет интегрировать все полученные данные (в том числе и в электронном виде), отвечать за государственную стратегию и тактику, координировать работу участников углеродного регулирования в лесах;

- достижение международного признания мер, методов и приемов, которые базируются на поглощающей способности российских лесов.

7. Рекомендуется возврат лесного хозяйства России к ранее действовавшей системе охраны леса с участием лесников, т. е. возрождение «института» лесников и решение проблемы значительного увеличения численности подлинных хранителей леса. В российском лесном хозяйстве в настоящее время действует трехуровневая организационная система управления: верхняя ступень (Правительство РФ и Министерство природных ресурсов и экологии РФ с Федеральным агентством лесного хозяйства), средняя ступень (в субъектах Федерации региональные Правительства, региональные министерства или агентства лесного хозяйства), низшая ступень (на территории каждого региона в структуре региональных министерств или агентств лесного хозяйства выделены лесничества

и лесопарки). Все вышеуказанные три ступени управления лесным хозяйством заняты повседневной работой, результатом которой является масса различных бумаг (документов) и большая занятость сотрудников разного профиля. Внешне вся система менеджмента выглядит вполне эффективной, но в самой системе упущена (отсутствует) четвертая важная ступень – сам непосредственный хранитель леса, т. е. профессиональный человек, постоянно занятый реальным делом управления лесным хозяйством в рамках определенного по размерам конкретного лесного участка. Для такого возрождения, как минимум, необходимо следующее: подбор кадров на должность лесников с профильным образованием и честным отношением к лесному делу, создание на лесных участках достойной материально-технической базы (в том числе дом для постоянного проживания семьи, баня и другие надворные постройки), грузовой и легковой автомобили, обеспечение горючим, электроэнергией, водой, телефонной связью, компьютерной техникой и пр.). Рядовой лесник, которому поручено управлять конкретным лесным участком («лесным обходом»), должен быть включен в общую виртуальную систему управления и регулирования развитием лесного хозяйства.

8. Рекомендуется разработка устойчивой системы электронного безопасности для успешной деятельности виртуального пространства лесопромышленного комплекса. Это пространство является не только эффективным инструментом и обширной сферой влияния на ускоренное развитие национальной экономики и социального сектора, но и важным объектом повышенного «внимания» ряда недружественных государств, которые заинтересованы в блокировании виртуального российского лесного пространства и в итоге в спаде экономики и ухудшении социальной сферы. Для этого одним из наиболее «эффективных» способов является организация так называемых «кибератак» на виртуальное лесное пространство России, что должно приводить к регулярным сбоям в работе как отдельных предприятий, фирм и компаний лесопромышленного комплекса, так и в деятельности лесной отрасли в отдельных регионах, группах регионов и в целом отрасли.

При сбоях функционирования виртуального пространства прекращается работа с «цепочками» поставок, в том числе порядок оформления деклараций о сделках с древесиной и других электронных документов при учете древесины и продукции переработки в ЛесЕГАИС, порядок ввода отчетов о фактически переданной древесине, порядок корректировки и исправления сведений в ЛесЕГАИС. Не проходят в виртуальную систему отчеты для объектов лесоперерабатывающей инфраструктуры, отчеты для мест складирования древесины, нарушаются правила подачи лесных деклараций, а также приостанавливается во всей стране Федеральный государственный надзор в сфере транспортировки, хранения

древесины, производства продукции переработки древесины и учета сделок с ними. Не воспринимаются лесной виртуальной системой сотни тысяч таких важных первичных документов как «электронные сопроводительные документы» (ЭСД) при транспортировке древесины и продукции ее переработки. Такой электронный сопроводительный документ включает в себя: сведения о собственнике, грузоотправителе, грузополучателе, перевозчике древесины; сведения об объеме древесины, видовом (породном) и сортиментном составе; сведения о пунктах отправления и назначения; реквизиты сделок с древесиной; сведения о номере государственного регистрационного знака транспортного средства, на котором осуществляется перевозка древесины и др. В итоге вся производственная система лесопромышленного комплекса и с ним связанных отраслей останавливается и все элементы технологической «цепочки» прекращают работу. Информационная система ЛесЕГАИС из-за недостатков функционирования с 01.01.2025 будет заменена разрабатываемой сейчас Единой федеральной государственной информационной системой лесного комплекса (ФГИС ЛК), которая также станет объектом кибератак и должна иметь мощную виртуальную устойчивость .

Заключение. Российский лесопромышленный комплекс является важной составной частью экономики. В настоящее время этот комплекс переводится на масштабное использование электронных систем управления и регулирования, которые требуют новых знаний, умений и навыков всего персонала работников, а также использования современной вычислительной техники и программного обеспечения. В то же время виртуальное развитие лесного менеджмента не может происходить без участия на самом «низу» (т. е. в лесу) конкретных профессиональных людей – лесников.

Литература

1. Выступление Президента РФ В. В. Путина на ПМЭФ-2022 от 17.06.2022. URL: krem-lin.ru/events/president/news/68669 (дата обращения: 14.08.2022).
2. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ. URL: <https://legalsacts.ru/kodeks/LK-RF> (дата обращения: 14.08.2022).
3. Россия в цифрах. 2020: Краткий статистический сборник / Росстат. М., 2020. 550 с.
4. Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 11.02.2021. № 312-р. URL: www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400235155 (дата обращения: 14.08.2022).
5. Удалых С. К. Участие российского лесного хозяйства в мировой климатической повестке // Трансформация информационно-коммуникативной среды общества в условиях вызовов современности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Комсомольск-на-Амуре : ФГБОУ ВО «КНАГУ», 2021. 429 с.

УДК 338.2

М. Н. Хойна, Ж. В. Доможилкина, *Симферополь*

Управление проектами в условиях современного VUCA-мира

Рассмотрена сущность управления проектами, выделены его основные компоненты. Обоснована востребованность реализации управления проектами в настоящее время. Изучены методологии управления проектами, выбор которых зависит от конкретных потребностей организаций. Представлены этапы современного процесса управления проектами. Сделан вывод о необходимости управления проектами в условиях современного VUCA-мира.

Ключевые слова: управление проектами, методология управления проектами, VUCA-мир, динамическая среда проекта.

M. N. Hoyna, Zh. V. Domozhilkina, *Simferopol*

Project management in a modern VUCA-world

The article considers the essence of project management, highlights its main components. The demand for the implementation of project management at the present time is substantiated. Project management methodologies are studied, the choice of which depends on the specific needs of organizations. The stages of the modern project management process are presented. The conclusion is made about the need for project management in the modern VUCA-world.

Keywords: project management, project management methodology, VUCA-world, dynamic project environment.

В условиях современного VUCA-мира, динамично изменяющегося и развивающегося, появляется необходимость дополнения стандартного понимания управления. Становится востребованным управление проектами, поскольку бизнес в настоящее время в основном является проектно-ориентированным.

Управление проектами – это применение процессов, методов, навыков, знаний и опыта для достижения конкретных целей проекта в соответствии с его критериями в рамках согласованных параметров. Особенностью управления проектами и главным отличием от простого «управления» является то, что любой проект имеет конечный результат и ограничен временными и финансовыми ресурсами, что необходимо учитывать при реализации управления [6].

Основными компонентами управления проектами являются:

- определение того, почему проект необходим или важен;
- сбор требований к проекту, определение качества результатов, оценка ресурсов и сроков;
- обоснование инвестиций путем подготовки бизнес-кейса;
- обеспечение корпоративного соглашения и финансирования;
- разработка и внедрение плана управления проектом;
- руководство и мотивация команды реализации проекта;
- управление рисками, проблемами и изменениями по проекту;
- мониторинг прогресса по плану;

- управление бюджетом проекта;
- поддержание связи с заинтересованными сторонами и проектной организацией;
- закрытие проекта контролируемым образом, когда это необходимо [3; 6].

Востребованность управления проектами в VUCA-мире вызвана тем, что в сегодняшнюю цифровую эпоху происходит постоянное столкновение организаций с проблемами, которые требуют ввода новшеств. Конкуренция становится все более жесткой, ресурсов становится все меньше, а потребители более требовательны, чем когда-либо. В соответствии с чем, грамотное управление проектами в VUCA-мире позволит понять последствия проблем и действий, оценивать взаимозависимость переменных, быть готовым к альтернативным реалиям и вызовам, интерпретировать и использовать соответствующие возможности [5].

Для удовлетворения конкретных потребностей определенных организаций были разработаны методологии управления проектами. К ним относятся следующие:

1. Waterfall («Водопад»). «Водопад» является классической методологией управления проектами. Ее особенностью является то, что каждая задача должна быть завершена до начала следующей. Шаги линейны, и прогресс течет в одном направлении – как водопад. В соответствии с чем, внимание к последовательности задач и срокам очень важно в данной методологии управления проектами. Стоит отметить, что размер команды, работающей над проектом, использующим данную методологию, увеличивается по мере того, как более мелкие задачи выполняются и начинаются более крупные задачи.

2. Гибкое управление проектами. Данное управление проектами представляет собой итеративный процесс, ориентированный на непрерывный мониторинг и улучшение результатов. Все методы Agile имеют общие принципы: требования формируются динамически, рабочие группы из нескольких специалистов обеспечивают реализацию проектов за счет взаимодействия и самоорганизации. Agile не включает практик, а определяет ценности и принципы, которыми руководствуются успешные команды. Кроме того, в гибком управлении проектами не используется последовательный поэтапный подход. Вместо этого фазы проекта выполняются параллельно друг другу различными членами команды в организации. Такой подход позволяет находить и исправлять ошибки без перезапуска всей процедуры.

3. Бережливое управление проектами. Данная методология управления проектами направлен на предотвращение временных и ресурсных потерь. Ее принципы были почерпнуты из японской производственной

практики. Основная идея – создать большую ценность для клиентов с меньшими ресурсами [1; 2].

Эффективное управление проектами гарантирует минимизацию рисков и рациональное использование имеющихся ресурсов. Кроме того, оно помогает членам команды понять свои обязанности, ожидаемые от них результаты и график проекта, которому все должны следовать, чтобы завершить проект вовремя и в рамках запланированного бюджета.

Современный процесс управления проектами можно разделить на пять этапов:

1. Инициирование. На данном этапе определяется идея и цель проекта, осуществляется бизнес-обоснование. После чего создается устав проекта и документация по запуску проекта (PID), в которой изложены цель и требования проекта, бизнес-потребности, указаны заинтересованные стороны и выполнено экономическое обоснование.

2. Планирование проекта. Этап является ключевым для успешного управления, поскольку направлен на разработку действий по достижению результата проекта. Для этого используются такие методы, как SMART и CLEAR. Метод SMART дает возможность четко понять последствия процесса постановки целей, а метод CLEAR позволяет убедиться в точности постановки целей, учитывая среду, в которой развивается бизнес.

Кроме того, на данном этапе определяется масштаб проекта и разрабатывается план управления проектом. План включает в себя определение стоимости, качества, доступных ресурсов и графика реализации проекта, а также установление базовых показателей или показателей эффективности. В плане определяются роли и обязанности каждого участника, а также указываются способы коммуникации.

3. Реализация проекта. Этап предполагает непосредственную реализацию проекта, а именно – знакомство всех участников проекта, объяснение требований и заданий, работу над проектом. После чего в случае необходимости изменения, вносятся коррективы в план проекта и т. д.

4. Мониторинг проекта. Данный этап предполагает использование ключевых показателей эффективности (KPI) для определения эффективности проекта. Обычно выбирается от двух до пяти ключевых показателей, среди которых наиболее популярными являются:

– оценка целей проекта – оценка того, соответствует ли проект графику и бюджету, что в результате является показателем того, будет ли проект соответствовать целям заинтересованных сторон;

– качество результатов – определяется, выполняются ли конкретные задачи;

– отслеживание усилий и затрат – учитываются усилия и стоимость ресурсов, чтобы увидеть соответствие изначальному бюджету проекта;

– производительность проекта – отслеживаются изменения в проекте, учитываются количество и типы возникающих проблем, что может произойти из-за непредвиденных препятствий и изменения объема работ, а также то, как быстро они решаются.

5. Завершение проекта. На данном этапе происходит увольнение сотрудников. Организуются небольшие рабочие мероприятия для людей, которые участвовали в проекте, с целью благодарности за их усилия. Кроме того, обсуждаются удаchi и неудачи в проекте для улучшения эффективности работы в последующих проектах [4].

Таким образом, быстрые темпы изменений в условиях VUCA-мира противоречат традиционному подходу к управлению и требуют более динамичного подхода. Управление проектами разработано для планирования, координации и контроля сложных и разнообразных видов деятельности современных коммерческих проектов. Адаптация к VUCA-миру может «раскрыть» несколько традиционный образ мышления в управлении проектами и помочь будущим руководителям проектов лучше оценивать динамическую среду проекта и прогнозировать ее воздействие.

Литература

1. Баширова М. М. Технология управления проектами и проектными командами на основе методологии гибкого управления проектами // Наука: общество, экономика, право. 2020. № 2. С. 178–183.
2. Водопад (Waterfall) модель управления проектами. URL: <https://changellenge.com/article/ne-tolko-agile-kak-ustroena-model-waterfall-i-v-kakikh-proektakh-ee-ispolzovat/> (дата обращения: 27.06.2022).
3. Управление проектами (Project Management). URL: <https://www.your-mentor.ru/management/135-upravlenie-proektami> (дата обращения: 27.06.2022).
4. Demystifying the 5 Phases of Project Management. URL: <https://www.smartsheet.com/blog/demystifying-5-phases-project-management> (дата обращения: 27.06.2022).
5. How to Deal With VUCA in Project Management? URL: <https://www.mybeeye.com/blog/vuca-project-management> (дата обращения: 27.06.2022).
6. What is project management? // Association for Project Management. URL: <https://www.apm.org.uk/resources/what-is-project-management/> (дата обращения: 27.06.2022).

УДК 316.37

В. П. Чебунин, *Иркутск*

Экономическая безопасность в условиях информационного вакуума виртуального мира

Рассматриваются вопросы экономической безопасности в условиях виртуализации мира и как следствия информационного вакуума. Приводятся результаты исследования поведения россиян, показывающие вовлеченность и осведомленность в различные формы оппортунистического поведения и противоправных действий, но не готовность противостоять им в повседневной жизни, на личном примере.

Ключевые слова: экономическая безопасность, информационный вакуум, виртуальный мир, оппортунистическое поведение, противоправные деяния, иррационализация мышления

V. P. Chebunin, *Irkutsk*

Economic security in the information vacuum of the virtual world

The article deals with the issues of economic security in the conditions of virtualization of the world and as a consequence of the information vacuum. The results of a study of the behavior of Russians are given, showing involvement and awareness in various forms of opportunistic behavior and illegal actions, but not a willingness to resist them in everyday life, by personal example.

Keywords: economic security, information vacuum, virtual world, opportunistic behavior, illegal acts, irrationalization of thinking

Виртуализация мира привела к многократному увеличению информационных потоков, что послужило основой для информационного вакуума. Информационный вакуум – это пересечение больших потоков информации (зачастую противоречащих друг другу) и не позволяющих принимать взвешенных, рациональных решений. Из-за сложности в принятии решений под угрозой становится экономическая стабильность и безопасность как отдельных социальных групп, так и всего общества в целом.

Экономическая безопасность опирается на внешние условия (решения политиков, экономические кризисы, политические санкции и проч.), а также на внутренние предпосылки адаптации к внешним событиям, стратегии, которые выбирает население для реализации собственных надежд, решения проблем и взаимодействия на принципиально новом уровне социальных коммуникаций. Внешняя среда во многом определяет особенности социальной адаптации и коммуникации в условиях информационного вакуума виртуального мира.

Следствием информационного вакуума становится иррационализация сознания, увеличение влияния и роли конспирологических теорий (об этом более подробно изложено в работах Р. Г. Ардашева [1–8], О. А. Кармадонова [13]), воздействие СМИ на конструирование ложной информации отражено в работах Т. Т. Шамурзаева [17; 18], давление виртуальности на сознание и качество жизни отражается в ряде работ Р. В. Иванова [9–12], особенности просоциального поведения в цифровую эпоху изучены в исследованиях О. А. Полюшкевич [14–16].

Мы провели опрос россиян ($n = 880$), проживающих в разных регионах РФ, в возрасте 18–75 лет, 55 % женщин и 45 % мужчин с целью выявления основных рисков экономической безопасности в условиях усиления роли виртуальности и противоречивости информационных потоков.

В результате анализа полученных данных, мы выявили, что изменение роли посредников, появление новых виртуальных механизмов торговли создает предпосылки для появления новых форм оппортунистического поведения, противоправных деяний, таких как:

– мошенничество с использованием кредитных карт (лично сталкивались 56 % респондентов и 99 % знают об этом от близкого круга знакомых; 90 % знают об этом из сети Интернет или СМИ);

– вторжение в личную жизнь (лично сталкивались 18 % респондентов (в основном молодые люди до 35 лет, из-за распространения личной (иногда ложной) информации о себе в социальных сетях) и 45 % знают об этом от близкого круга знакомых, которые с этим сталкивались; 65 % знают об этом из сети Интернет или СМИ);

– кража личностных идентификационных характеристик (лично сталкивались 22 % респондентов и 38 % знают об этом от близкого круга знакомых; 75 % знают об этом из сети Интернет или СМИ);

– продажа имени и адреса покупателя распространителям товаров и др. (лично сталкивались 15 % респондентов (в основном молодые люди до 35 лет) и 34 % знают об этом от близкого круга знакомых, которые с этим столкнулись; 44 % знают об этом из сети Интернет или СМИ).

Причиной этого становится распространение ложной информации в сети Интернет и СМИ (об этом более подробно рассмотрено в работах Р. Г. Ардашева, О. А. Кармадонова, Т. Т. Шамурзаева), неготовность населения рационально принимать решения в условиях изменения социальных условий жизни (виртуализация и глобализация процессов) и отсутствия стратегий критического осмысления любой поступающей информации.

Респонденты также указали еще на одно проблемное направление в современной экономике – противоречие между формальными и неформальными институтами, регулируемыми транзакции в сетевом пространстве, что принимает форму нарушения авторских и смежных прав: не санкционированное правообладателем распространение материала, защищенного авторским и смежными правами, такого как программное обеспечение, музыкальные композиции, фильмы, книги.

Россияне в 95 % случаях осведомлены о том, что есть лицензионные и не лицензионные программы (антивирусы, графические и музыкальные, тестовые и иные редакторы и проч.) и иные продукты, защищенные авторскими правами и лицензиями и такими, что созданы в обход лицен-

зий («взломанные»), но при этом лицензионными пользуется только четверть опрошенных (26 %). Интересно, что 74 % предпочитают пользоваться нелицензионными копиями, даже если они не могут обеспечить полного пакета услуг. Исключение составляет 32 % опрошенных, кто пользуется лицензионными программами по роду своей деятельности (их закупает компания, где работает респондент), личные средства они в 90 % предпочитают не тратить. Также достаточно показательно то, что 70 % признает, что за авторскую продукцию надо платить и если бы лично они были авторами, то хотели бы в 99 % получать доход. Своего рода игра в одни ворота.

По нашему мнению, это происходит потому, что формальные институты, определяющие спецификацию правомочий на результаты интеллектуальной деятельности (нормы гражданского законодательства и нормы международного частного права), вступают в противоречие с неформальными институтами, регулирующими теневого оборота информационных ресурсов и товаров. А также, соблюдение авторских прав требует личной повседневной ответственности как за себя, так и за свой социально ответственный выбор. Информационные потоки на раскрытие данных аспектов не нацелены, они больше акцентируют внимание на феномене потребления, а не на качественном потреблении и тем более осознанном поведении.

Таким образом, россияне достаточно осведомлены о рисках экономической безопасности, которая наступает в следствие информационного вакуума виртуального мира, знают о различных формах оппортунистического поведения и противоправных действий, но не готовы им противостоять в повседневной жизни, так как это требует более высокого уровня осознанности и социальной ответственности. В будущем данные процессы будут лишь усиливаться и становиться более разнообразными. Противостоять им можно только через регулирование формальных сторон социального взаимодействия и формирования нового типа виртуального сознания, обеспечивающего экономическую безопасность.

Литература

1. Ардашев Р. Г. COVID-19: влияние конспирологических теорий на качество жизни россиян // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием. М. : МГУ, 2020. С. 140–142.
2. Ардашев Р. Г. Влияние пандемии коронавируса на особенности мышления россиян // Вестник развития науки и образования. 2020. № 1. С. 46–55.
3. Ардашев Р. Г. Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания // Социология. 2021. № 3. С. 53–61.
4. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания: анализ повседневных практик // В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 112–115.

5. Ардашев Р. Г. Конфликт иррациональности сознания современного человека // Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке : сб. материалов XIV Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения – 2020». М. : Макс-Пресс, 2020. С. 13–15.
6. Ардашев Р. Г. Новые жизненные миры россиян после COVID-19 // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности : материалы XV Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения – 2021». М. : Макс-Пресс, 2021. С. 23–26.
7. Ардашев Р. Г. Особенности сознания россиян: стратегии восприятия будущего // Социология. 2021. № 2. С. 60–67.
8. Ардашев Р. Г. Феноменология рационального и иррационального мышления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21. № 2. С. 120–124.
9. Иванов Р. В. Виртуальное взаимодействие: истинность и ложность // Гуманитарное знание и духовная безопасность : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. Грозный ; Махачкала : ГГУ, 2020. С. 161–165.
10. Иванов Р. В. Иррациональность общественного сознания россиян: реальность постпандемического общества // Социология. 2021. № 3. С. 148–149.
11. Иванов Р. В. Качество жизни в виртуальном мире // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием. М. : МГУ, 2020. С. 44–46.
12. Иванов Р. В. Мобилизационная солидарность во время пандемии // Социология. 2021. № 4. С. 92–105.
13. Кармадонов О. А., Ардашев Р. Г. Социальное бессознательное как условие и фактор социальной конъюнкции // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2021. Т. 46, № 3. С. 605–609.
14. Полюшкевич О. А. Просоциальное поведение в цифровую эпоху // Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Вологда : ВолНЦ РАН, 2021. С. 420–422.
15. Полюшкевич О. А. Просоциальные технологии цифрового взаимодействия // Философия и культура информационного общества : материалы 8-й Междунар. науч.-практ. конф. СПб. : СПбГУАЭП, 2020. С. 141–143.
16. Полюшкевич О. А. Формы просоциальных практик в виртуальном мире // Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полюшкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 121–123.
17. Шамурзаев Т. Т., Ардашев Р. Г. Архивное выявление ложной информации о работе спецслужб в литературе, кино и СМИ // Закон и право. 2022. № 4. С. 222–224.
18. Шамурзаев Т. Т., Ардашев Р. Г. Ложная информация о работе спецслужб, встречающаяся в литературе, кино и СМИ // Евразийский юридический журнал. 2022. № 2 (165). С. 87–89.

АВТОРСКАЯ СПРАВКА

Абдулаева Элита Султановна – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова, г. Грозный, Россия, e-mail: elita8881@mail.ru

Агеев Алексей Викторович – заместитель начальника факультета заочного обучения Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск, Россия, e-mail: ageeva-lexx@yandex.ru

Ансов Иван Вячеславович – аспирант кафедры философии, социологии и религиоведения Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, г. Красноярск, Россия, e-mail: ansovivan@mail.ru

Ануфриев Антон Сергеевич – студент 2-го курса Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: Holyhoeshawty@yandex.ru

Ардашев Роман Георгиевич – кандидат юридических наук, Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск, Россия, e-mail: ardachev.rg@bk.ru

Баев Павел Анатольевич – доцент, кандидат социологических наук, докторант кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: p.baev@mail.ru

Батьянова Людмила Николаевна – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: bati-znova@bk.ru

Белинская Елена Павловна – профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, e-mail: Elena_belinskaya@list.ru

Бобков Александр Иванович – доцент, кандидат философских наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск, Россия, e-mail: iab71@inbox.ru

Бобков Алексей Александрович – магистрант 3-го курса направления «Государственно-муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: alesha.bobkov@inbox.ru

Бовыкин Кирилл Александрович – магистрант 1-го курса направления «Политология» Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, Россия, e-mail: bowykin.kirill2011@yandex.ru

Бухарова Екатерина Анатольевна – преподаватель кафедры социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: k.buharowa@yandex.ru

Быльева Дарья Сергеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: bylieva_ds@spbstu.ru

Васильев Николай Гаврилович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и информационных дисциплин Иркутского юридического института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия, e-mail: ngv@bk.ru

Гаврусева Диана Владимировна – студент 4-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: gavruseva95@bk.ru

Галченкова Дарья Петровна – студент 3-го курса факультета психологии Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: galchenkova@mail.ru

Гладкова Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: tany_210@mail.ru

Голуб Виктория Алексеевна – студент 2-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: v1002g@yandex.ru

Гордеева Мария Николаевна – магистр государственного и муниципального управления, специалист Управления по распоряжению муниципальным имуществом Администрации Шелеховского муниципального района, г. Шелехов, Россия, e-mail: mar.gordeeva@gmail.com

Грошева Любовь Игоревна – кандидат социологических наук, доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Тюменского высшего военно-инженерного командного училища им. маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, г. Тюмень, Россия, e-mail: malivia@rambler.ru

Гуринович Людмила Анатольевна – магистр социологии, старший преподаватель кафедры социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: milgur@mail.ru

Гуринович Наталья Сергеевна – старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной органической химии и полимеризационных процессов химического факультета Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: tasha_gur@mail.ru

Деренко Николай Васильевич – доцент, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры стратегического и финансового менеджмента Байкальской международной бизнес-школы (института) Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: nv@derenko.ru

Доможилкина Жанна Витальевна – доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления персоналом Института экономики и управления, Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Россия, e-mail: zanna_dom_0712@mail.ru

Ермоченко Константин Павлович – магистрант 1-го курса направления «История» факультета истории и права Смоленского государственного университета, г. Смоленск, Россия, e-mail: ermochenko.konstantin@gmail.com

Жиндеева Елена Александровна – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методик обучения литературе Мордовского государственного педагогического университета им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Россия, e-mail: jindeeva@mail.ru

Журавлева Ирина Александровна – доцент, кандидат философских наук, и. о. директора Института социальных наук, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: zhuravleva_ia@list.ru

Заварзина Юлия Владимировна – доцент, кандидат экономических наук, и. о. декана заочного факультета Института социальных наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: julia661@mail.ru

Завьялов Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, свободный исследователь, г. Торонто, Канада, e-mail: zavialovandriko@yandex.ru

Зацепин Алексей Леонидович – магистрант 2-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: zatsepin.ai@mail.ru

Иванов Роман Викторович – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: history2002@bk.ru

Иванович Роман Викторович – доцент, доктор культурологии, Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: kultivanovich@bk.ru

Карнышев Александр Дмитриевич – профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: ale3441@yandex.ru

Карпенко Ольга Анатольевна – магистрант 2-го курса направления «Предпринимательское и коммерческое право» Института права Самарского государственного экономического университета, г. Самара, Россия, e-mail: olga180008@yandex.ru

Катрашова Юлия Валентиновна – студент 4-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института промышленного менеджмента, экономики и торговли Санкт-Петербургского политехнического университета им. Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ul.katrasnova@gmail.com

Копылова Анна Владимировна – студентка 2-го курса Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: akopylova0303@mail.ru

Косиченко Анатолий Григорьевич – профессор, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, г. Алматы, Республика Казахстан, e-mail: anatkosichenko@mail.ru

Котляров Иван Дмитриевич – доцент, кандидат экономических наук, доцент департамента финансов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ivan.kotliarov@mail.ru

Кузнецов Михаил Иванович – доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России, г. Рязань, Россия, e-mail: mikhail_kuznetsov_1962@list.ru

Кузьмина Галина Анатольевна – аспирант кафедры социологии и психологии Байкальского государственного университета, преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, старший лейтенант полиции, г. Иркутск, Россия, e-mail: gal_k_a@mail.ru.

Куличкова Юлия Сергеевна – студентка 1-го курса направления «Медиакоммуникации» Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: seku230@yandex.ru

Лавыгина Маргарита Александровна – студент 2-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: margo.lav31.05@gmail.com

Ляскович Анна Владимировна – аспирант 3-го курса кафедры клинической психологии Государственного университета «Дубна», г. Дубна, Россия, e-mail: livia-lav@mail.ru.

Максимова Влада Михайловна – заместитель декана Сибирско-американского факультета менеджмента Байкальской международной бизнес-школы (института) Иркутского государственного университета по учебно-методической работе, г. Иркутск, Россия, e-mail: maksimovavm@buk.irk.ru

Малых Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания наук Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, Россия, г. Иркутск, Россия, e-mail: lana.malyx@bk.ru

Маркова Елизавета Александровна – студент 4-го курса направления «Менеджмент» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: elizavetamarkova030101@gmail.com

Махаринская Елизавета Владимировна – магистр по направлению «Культурология», выпускница Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия, e-mail: elisabethevd24@gmail.com

Митяшин Глеб Юрьевич – магистрант 1-го курса направления «Организация и управление бизнес-процессами в сфере торговли» Высшей школы сервиса и тор-

говли Института промышленного менеджмента экономики и торговли Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: gleb.mityashhin@yandex.ru

Монок Оды Дурем Югра – профессор, доктор философских наук, профессор Монгольского государственного университета, г. Улан-Батор, Монголия, e-mail: monos@gmail.com

Москвитина Наталья Владимировна – доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, email: natalikm@mail.ru

Надточаева Надежда Владимировна – младший научный сотрудник отдела социальных исследований Белорусского института стратегических исследований, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: nvln@tut.by

Огородников Владимир Иванович – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры управления и организации деятельности УИС Академии ФСИН России, г. Рязань, Россия, e-mail: ogorodnikov_vi@mail.ru

Поджидаева Анастасия Юрьевна – студент 4-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: sei135@mail.ru

Полуянова Марина Владимировна – доцент, доктор социологических наук, Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск, Республика Беларусь, e-mail: poluynova@mail.ru

Полюшкевич Александр Владимирович – преподаватель-организатор Ангарского промышленно-экономического техникума, г. Ангарск, Россия, e-mail: polyushkevich_av@mail.ru

Полюшкевич Оксана Александровна – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: okwook@mail.ru

Полянина Алла Керимовна – кандидат социологических наук, доцент Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доцент Самарского государственного университета путей сообщения, г. Нижний Новгород, Россия, e-mail: Alker@yandex.ru.

Попов Александр Владимирович – генеральный директор ООО «ГТК», магистр социологии, г. Иркутск, Россия, e-mail: ax_poroff@mail.ru

Попов Максим Юрьевич – старший преподаватель, преподаватель кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: DEADnapoleon@mail.ru

Попова Владлена Владимировна – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: 900320@mail.ru

Попова Марина Владимировна – преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: bobrovskaya_marina93@mail.ru

Пружинин Александр Николаевич – аспирант направления «социальная философия», ассистент преподавателя кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: alex.pruzhin@gmail.com

Пряжникова Ольга Николаевна – научный сотрудник отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва, Россия, e-mail: olgapr07@rambler.ru

Пугачев Максим Алексеевич – старший преподаватель кафедры журналистики Оренбургского государственного университета, шеф-редактор службы информационных и тематических программ ТВ и РВ ГТРК «Оренбург», г. Оренбург, Россия, e-mail: pugachevma@mail.ru

Репин Евгений Александрович – студент 1-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: repin_hudojnik@mail.ru

Репникова Виктория Игоревна – студентка 2-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: Repnikova1999@bk.ru

Роїгалева Анастасия Андреевна – студент 4-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Самарского университета государственного управления «МИР», г. Самара, Россия, e-mail: padmsim@gmail.com

Рудакова Наталья Владимировна – кандидат социологических наук, заместитель директора Учебно-методического центра культуры и искусства «Байкал», г. Иркутск, Россия, e-mail: rudakova_nv1@mail.ru

Сафонов Сергей Андреевич – магистрант 2-го курса Института экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия, e-mail: ssafonov36@gmail.com

Силивеев Илья Михайлович – преподаватель кафедры общегосударственных и общеспециальных правовых дисциплин Восточносибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск, Россия, e-mail: siliveev@mail.ru

Симашенков Павел Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры ГМУ и правового обеспечения государственной службы Самарского университета государственного управления «МИР», г. Самара, Россия, e-mail: pavel.simashenkov@yandex.ru

Скуденков Владимир Алексеевич – магистр психологии, г. Иркутск, Россия, e-mail: vskudenkov@mail.ru

Соловьева Людмила Николаевна – доцент, кандидат философских наук, преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Филиала Военной

академии РВСН им. Петра Великого в г. Серпухове, г. Серпухов, Россия, e-mail: luniso@rambler.ru

Тасимова Надежда Владимировна – соискатель направления «Общая педагогика, история педагогики и образования» Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского», г. Саратов; заместитель директора по учебно-воспитательной работе, педагог дополнительного образования Центра детского технического творчества № 1, г. Ульяновск, Россия, e-mail: tasimova.nad@yandex.ru

Терехова Татьяна Александровна – профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной, экстремальной и пенитенциарной психологии факультета психологии Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: terehovata@mail.ru

Терещенко Анна Григорьевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и информационных дисциплин Иркутского юридического института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия, e-mail: 89025119540@yandex.ru

Трескин Петр Андреевич – старший преподаватель Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, директор МАУ «ИЦ «Дзержинские ведомости» (СМИ – «Дзержинские ведомости» – общественно-политическая городская газета), г. Нижний Новгород, Россия, e-mail: treskin-ne@ya.ru

Трихина Наталья Николаевна – специалист по методической работе психологического факультета Академии ФСИН России, г. Рязань, Россия, e-mail: natalya.trik@mail.ru

Трофимова Елена Леонидовна – доцент, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной, экстремальной и пенитенциарной психологии, факультета психологии Иркутского государственного университета; доцент кафедры социологии и психологии Байкальского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: trofimova-bgu@mail.ru

Удалых Станислав Кузьмич – доцент, кандидат экономических наук, заместитель руководителя Иркутского регионального отделения Российской академии естественных наук, г. Иркутск, Россия, e-mail: ysk2.irk@yandex.ru

Фальковская Татьяна Юрьевна – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук Иркутского государственного университета, руководитель НПЦ «Креативный город», г. Иркутск, Россия, e-mail: dear_dear@inbox.ru

Ходякова Мария Сергеевна – студент 2-го курса направления «Социология» Института фундаментальных наук Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар, Россия, e-mail: maryhodyakova@mail.ru

Хозиев Вадим Борисович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой клинической психологии Государственного университета «Дубна», г. Дубна, Россия, e-mail: v_hoziev@mail.ru

Хойна Марина Николаевна – студент 1-го курса магистратуры, направления «Управление персоналом» Института экономики и управления Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Россия, e-mail: hoynamarina@mail.ru

Чебунин Виктор Петрович – доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: chebvik@mail.ru

Чунихина Татьяна Николаевна – доцент, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом Института фундаментальных наук Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар, Россия, e-mail: tanithbook77@mail.ru

Шевчук Виктория Алексеевна – студент 4-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия, e-mail: shevchyc@mail.ru

Шишкина Арина Денисовна – студент 2-го курса направления «Социология» Института фундаментальных наук Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар, Россия, e-mail: koteika0300@gmail.com

Шмонин Георгий Юрьевич – курсант 4-го курса специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности» Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск, Россия, e-mail: g-shmonin@mail.ru

Штумпф Светлана Петровна – доцент, доктор философских наук, Институт социально-гуманитарных технологий Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, г. Красноярск, Россия, e-mail: stumpf@kspu.ru

Научное издание

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Материалы
IV Международной научно-практической конференции
Иркутск, 26 сентября 2022 г.

Публикуются в авторской редакции

Дизайн обложки: *П. О. Ершов*

Темплан 2022. Поз. 80
Уч.-изд. л. 26,2

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Институт социальных наук – учебное подразделение ИГУ, которое объединяет специалистов четырех кафедр: социальной философии и социологии, социальной работы, культурологии и управления социальными процессами, государственного и муниципального управления.

В Институте ведется подготовка бакалавров и магистров по пяти направлениям: «Социология»; «Социальная работа»; «Менеджмент», «Государственное и муниципальное управление»; «Социально-культурная деятельность».

В структуру Института входят социальный факультет и факультет дополнительного образования. Действует аспирантура по трем специальностям – «социальная структура, социальные институты и процессы», «социология управления», «социальная философия».

На базе Института функционируют Иркутское отделение Академии социальных наук и Иркутское отделение Российской социологической ассоциации.

Научная деятельность Института развивается в соответствии с комплексными темами: «Современный гуманизм: история, теория и социальная практика» и «Социальная консолидация и социальное воспроизводство». Среди других приоритетных направлений научной деятельности – социальные трансформации, социология образования, политическая социология, гражданское общество, и др.

Институт активно сотрудничает со структурами Правительства Иркутской области и администрациями городов Иркутск, Ангарск, Шелехов, а также с муниципальными органами местного самоуправления, различными специализированными центрами и организациями. Профессорско-преподавательский состав Института осуществляет экспертизу областных и федеральных социальных проектов и программ, участвует в разработке государственных докладов. На базе Института могут пройти переподготовку и повышение квалификации преподаватели российских вузов и ссузов, управленческий персонал социальной сферы, специалисты по социальной работе.

Институт социальных наук приглашает к сотрудничеству всех заинтересованных лиц для проведения совместных научных исследований, хоздоговорных работ по актуальным проблемам общественного развития.

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Почтовый адрес: 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, ИГУ, каб. 302

Адрес Института: 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 3, корпус 3, каб. 211

Телефон/факс: (3952) 243-748, (3952) 200-205

E-mail: vresh@socio.isu.ru